

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Мамедов А.К. Диссенсус и консенсус в современном социальном знании: амбивалентность и адекватность..... 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Аторин Р.Ю., Фёдоров Е.В., Солнцев Ф.С. Информационная безопасность и сохранение культурного наследия: тенденции и стратегические направления 9

Белоусова Т.П. Карьера в Китае – современные реалии... 13

Лю Ханвэй. Конфуцианские ценности и их роль в трансформирующемся обществе 16

Мальсагов Р.А. Отношение к иудеям в Коране и Сунне 20

Моисеева А.А. Образовательные стратегии, как фактор развития женского предпринимательства (на примере России и Казахстана) 26

Соколова А.Г., Тимохин А.А., Кончаков Д.И. Средства коммуникаций в университетских кампусах мирового уровня..... 30

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Арамян К.А. Историческая память: социальные практики управления 34

Мишенин С.А. Внедрение механизмов социального оценивания граждан в контексте реализации государственных функций и полномочий..... 38

Мкртумова И.В., Горюнова С.А. Социально-экономический эффект развития системы дистанционного образования в социальных сетях..... 42

Николаева Т.А. Подходы к выбору методов социальной работы с неполными семьями 47

Новиков С.М. Отечественная правовая экология, как раздел социальной экологии: управленческий аспект..... 51

Осипов Е.М., Халикова А.М., Шульженко А.С. Междисциплинарное регулирование процедур несостоятельности (банкротства) и социальные обязательства при их осуществлении 56

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва); **Карпунин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Криволюков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленко Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 29.02.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Павлова М.П. Социальная составляющая развития инновационного пространства территории: стимулирование творческой созидательной деятельности 60

Планидин Е.С. Спортивно-оздоровительная деятельность в базовой физической культуре молодежи 65

Ревенко Н.В., Серержко Т.А., Михалев Е.А. Мотивация государственных служащих: сравнительный анализ 69

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Волков С.Н., Ковалёва С.Е. Футурологические предвидения развития искусственного интеллекта: социально-философский анализ 73

Высоцкая И.А. Озарение как феномен человеческого сознания с точки зрения восточной и западной культур 79

Полозова И.В. Философия постмодернизма и молодежная субкультура: идейное влияние и структурное сходство 83

Березовская И.П., Шипунова О.Д., Лисенкова А.А. Личностные установки поведения студенческой молодежи в сетевых взаимодействиях 87

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Мамедов А.А., Картунов В.В., Донских К.Ю. Представления о взаимодействии общества и природы в эпохи средневековья, возрождения и нового времени 91

Галухин А.В. Критика аргументов против деонтологически адекватной контролируемости убеждений 95

Ковш М.И., Чернышева Е.Н. Сопротивление авторитетности как проявление критического мышления 104

Паршикова Г.В. Связь когнитивных механизмов сознания с квантовой физикой и информатикой 107

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Салгириев А.Р. Ресурсы активности региональных политических элит на Северном Кавказе 110

Ежов Д.А. Формирование системы ценностных приоритетов российской молодежи в контексте проектирования государственной молодежной политики 116

Урсул В.И. Анализ принятия военно-политических решений 119

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Мокрова Е.М. Нефтегазовая отрасль РФ – инвестиции и социальные аспекты в условиях санкций 123

Олимзода Сорбони Шамсиддин, Висал Абдул Хаи, Букин О.А. Легитимация Талибана после прихода к власти в Афганистане 129

Омирбай Жантил. Государство и бизнес: возможности синергетического эффекта 135

Раджабов О.Р., Раджабов Р.О., Муртузалиева М.А. Объективные и субъективные факторы национальных пережитков и некоторые пути их преодоления: на примере Республики Дагестан 139

Рожков И.О. Интеграция на политическом уровне между КНР и Россией в современных геополитических условиях. История и перспективы 144

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Юдин Н.О. Транснациональная корпорация как актор гуманитарной дипломатии 147

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Осокина В.Н. Теоретические и методологические основы современного естественнонаучного образования бакалавров 151

Лю Цзиньжэ. Китайско-российское сотрудничество в сфере безопасности и его влияние на международную политику 154

Сейед Хасан Хашеми Махлабани, Вахшите Ахмад, Олимзода Сорбони Шамсиддин. Сотрудничество Российской Федерации и стран Ближнего Востока в области обеспечения международной безопасности... 158

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Mamedov A.K. Dissensus and consensus in modern social knowledge: ambivalence and adequacy..... 5

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Atorin R.Y., Fedorov E.V., Solntsev P.S. Information security and preservation of cultural heritage: trends and strategic directions 9

Belousova T.P. Career in China – modern realities 13

Liu Hangwei. Confucian values and their role in a transforming society 16

Malsagov R.A. The attitude towards Jews in the Qur'an and the Sunnah..... 20

Moiseeva A.A. Educational strategies as a factor in the development of women's entrepreneurship (on the example of Russia and Kazakhstan) 26

Sokolova A.G., Timokhin A.A., Konchakov, D.I. Communication means in world-class university campuses 30

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Aramyan K.A., Kolchin A.A. Historical memory: social management practices..... 34

Mishenin S.A. Introduction of mechanisms for social assessment of citizens in the context of the implementation of state functions and powers 38

Mkrtumova I.V., Goryunova S.A. Socio-economic effect of the development of distance education system in social networks..... 42

Nikolaeva T.A. Approaches to choosing methods of social work with single-parent families..... 47

Novikov S.M. Domestic legal ecology as a section of social ecology: managerial aspect 51

Osipov E.M., Khalikova A.M., Shulzhenko A.S. Interdisciplinary regulation of insolvency (bankruptcy) procedures and social obligations in their implementation.... 56

Pavlova M.P. Social component of the development of the innovative space of the territory: stimulation of creative activity..... 60

Planidin E.S. Sports and recreation activities in the basic physical culture of youth 65

Revenko N.V., Serezhko T.A., Mikhalev E.A. Motivation of civil servants: a comparative analysis..... 69

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Volkov S.N., Kovaleva S.E. Futurological predictions for the development of artificial intelligence: socio-philosophical analysis..... 73

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 29.02.2024. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Vysotskaya I.A.</i> Insight as a phenomenon of human consciousness from the point of view of Eastern and Western cultures.....	79
<i>Polozova I.V.</i> Philosophy of postmodernism and youth sub-culture: ideal influence and structural similarity	83
<i>Berezovskaya I.P., Shipunova O.D., Lisenkova A.A.</i> Personal attitudes of student behavior in online interactions.....	87

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Mamedov A.A., Kortunov V.V., Donskikh K.Y.</i> Ideas about the interaction of society and nature in the middle ages, renaissance and modern times.....	91
<i>Galukhin A.V.</i> A Critical Account of the Arguments against the Possibility of Deontologically Adequate Control over Beliefs	95
<i>Kovsh M.I., Chernysheva E.N.</i> Authoritativeness and resistance as a manifestation of critical thinking	104
<i>Parshikova G.V.</i> Connection of cognitive mechanisms of consciousness with quantum physics and computer science.....	107

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Salgiriev A.R.</i> Resources for the activity of regional political elites in the North Caucasus.....	110
<i>Ezhov D.A.</i> Formation of a system of value priorities of Russian youth in the context of designing of the state youth policy	116
<i>Ursul V.I.</i> Analysis of military-political decision-making.....	119

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Mokrova E.M.</i> Russian Oil Industry: Investment and Social Aspects under Sanctions.....	123
<i>Olimzoda Sorboni Shamsiddin, Visal Abdul Hayi, Bukin O.A.</i> Legitimation of the Taliban after coming to power in Afghanistan	129
<i>Omirbay Zhantil.</i> State and business: opportunities for synergic effect	135
<i>Radjabov O.R., Radjabov R.O., Murtuzalieva M.A.</i> Objective and subjective factors of national survivals and some ways to overcome them: on the example of the Republic of Dagestan	139
<i>Rozhkov I.O.</i> Integration at the political level between China and Russia in modern geopolitical conditions. History and prospects.....	144

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Yudin N.O.</i> TNC as an actor of humanitarian diplomacy	147
---	-----

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Osokina V.N.</i> Theoretical and methodological foundations of modern Bachelor's science education.....	151
<i>Liu Jinzhe.</i> Chinese-russian cooperation in the field of international security and its impact on international politics	154
<i>Seyed Hassan Hashemi Mahlabani, Vakhshiteh Ahmad, Olimzoda Sorboni Shamsiddin.</i> Cooperation of the Russian Federation and the Middle East in the field of ensuring international security.....	158

Диссенсус и консенсус в современном социальном знании: амбивалентность и адекватность

Мамедов Агамали Куламович,

д.с.н., проф., зав. кафедрой социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: akmnauka@yandex.ru

В статье декларируется положение о диссенсусе и консенсусе как базовых моделях развития социальных наук. Проводится демаркация естественных наук и социогуманитарных. Предпринимаются попытки выявления особенностей «принятия» научным сообществом. Анализируется концепция Л. Лаудана о консенсусе и диссенсусе в современном социальном знании.

Ключевые слова: диссенсус, консенсус, конвенция, эпистемология, согласие, фундированность, научные коммуникации.

Системный цивилизационный кризис, в который бурно «вкатывается» мир, вновь ставит вопрос о ответственности социального познания, о фундированности выводов и реальности прогнозов. Раздробленность социальных наук, их необоснованная претензия на методологическую универсальность и тотальность, поневоле актуализируют вопрос о природе социального познания, критериях научности, оптике и общепринятой шкале измерения. В отличие от естествознания, где конвенция выбора единиц измерения является в большинстве случаев тривиальностью и осуществляется зачастую по умолчанию, в социальном познании в силу текучести социального бытия принятие таких конвенций становится проблемой принятия научным сообществом нового знания, аккумуляции знания, фундированности ее выводов, а также перевода качественных свойств и характеристик в количественные параметры. При всем осознании того громадного шага в развитии социальных наук, свершенных позитивистами, в частности, О. Контом и Г. Спенсером, отметим, что они сами, критикуя и отвергая, зачастую несправедливо и поверхностно, предшествующую социальную науку, далеко не отошли от них в плане претензий на универсальную всеобъемлющую методологию. Попытка инкорпорирования социального знания в единое естественно-научное, заменив метафизические (в прямом смысле) концепции позитивизма, причем весьма тривиальным, привела не только к отрицанию великого философского наследия, но и игнорированию субъекта знания, его установок и ценностей [5]. Впоследствии, эту задачу пришлось решать в неокантианстве, в первую очередь, основателю Баденской школы В. Виндельбандту. Так, в конкретно-социологических исследованиях качественные характеристики (престиж, социальная принадлежность, мнение и потребности) не имеют единых и принятых всем сообществом эталонов измерения, ибо контент этих понятий весьма широк и разнороден. А заложенные характеристики носят субъективный характер. Они (указанные выше параметры) конструируются в соответствии с природой изучаемого объекта и согласно гипотезе исследования, а следовательно, и личностной установке ученого. Практические возможности измерений существенно зависят от оптики исследователя найти и обосновать (не только для себя) надежную измерительную процедуру, добиться ее принятия в ближайшем экспертном сообществе [7]. Так, в частности, важнейшая процедура конструирования шкалы измерений и ее фундирование включает поневоле конвенциональные моменты, требующие качественной классификации объектов (в рамках концепции исследования), выделенных в качественном анализе свойств, выявления эмпирических индикаторов свойств объекта, поддающихся ранжированию, и др. [11]. Даже такой метод конкретно-социологического исследования как контент-анализ также нуждается в переводе качественной информации «на язык счета», ибо должен быть принят и верифицирован. Конвенциональные моменты

здесь существенно возрастают еще и в связи с таким важным фактором, как мировоззренческие принципы и установки, лежащие в основе отбора и вычленения объектов анализа. В то же время здесь особенно наглядны как «издержки» необоснованных и скоропалительных соглашений, так и соответствующие способы их предупреждения и снятия. В частности, разработаны и совершенствуются способы проверки процедуры измерения на надежность, которая определяется по трем критериям: обоснованности, устойчивости и точности шкалы; для измерительной процедуры сформулированы принципы утилитарности и прагматики (система измерения безусловно должна соответствовать объекту измерения, эталон и единицы измерения должны точно фиксировать свойства и признаки объекта, определенные самой программой исследования). Эти способы реализуются в конкретном исследовании на эмпирическом материале, ибо лишь так апробация принятых конвенций здесь возможна и широко применяется. В целом же следует отметить, что неопределенность и неоднозначность вводимых конвенций вызвана в значительной степени отсутствием разработанного и аккультурированного понятийного аппарата перехода от теоретических конструкций к эмпирическому материалу [8].

Специфика социально-гуманитарного познания, трудно поддающегося квантификации, введению строгих математических методов, а также экспериментальной проверке, особенно проявляются при попытках модного сейчас компьютерного моделирования. Интересны в этом отношении наработки исследователей в области инженерной лингвистики и машинного перевода, чей накопленный богатый материал весьма важен для понимания природы гуманитарного знания, особенностей его методов [1], в том числе конвенций, в частности в лингвистических науках [13]. Опыт лингвистических исследований, выявил, что одной из главных (если не самой главной) трудностей в работе ученых было отсутствие или слишком узкое поле обоснованного и принятого в научном сообществе методологического аппарата, позволявшего корректно применять фундаментальные теории или даже парадигмы к конкретному языковому материалу в прикладных исследованиях. Невозможность осуществить проверку соответствия теории реальному положению дел приводила к тому, что лингвисты вынуждены были опираться сразу на несколько, часто взаимоисключающих друг друга гипотез, нарушая логику и методологию исследования. Очевидно, что в этом случае проблема конвенции возникает прежде всего, как проблема выбора гипотезы (теории) и лежащего в ее основе понятия; критерием такого выбора служит в лучшем случае формальная истинность. Таким образом, очевидно, что научный поиск, в социальных науках, невозможен без конвенционального выбора гипотезы (операционально интерпретированных понятий, единиц и методов измерения, то есть всей оптики исследования) в качестве «рабочей», поскольку отсутствует или весьма несовершенен концептуальный и операциональный аппарат применения теорий к эмпирическому конкретному материалу и невозможна прямая (в эксперименте) проверка соответствия гипотезы положению дел [6].

Подобная ситуация имеет место и в социологических исследованиях, где априорно принятые «однозначные» (термин Б. Хазанова) теоретические положения порождают зачастую весьма необычные выводы. Порожденные в умах маргинальные интеллигентные конструкции вдруг генерализировались и обосновывали глобальные и всеобъемлющие выводы. Отсюда возникает методологическое требование, все более осознаваемое исследователями-гуманитариями: необходимы постоян-

ный критический анализ оснований гипотез, апробация входящих в них явных или неявных конвенций, сознательное преодоление тенденции к возведению содержания таких соглашений в ранг объективных законов. Консенсус в познавательной деятельности, отражая ее коммуникативный характер, могут получить статус научных понятий, гипотез, методов, по существу, только при коллективном их принятии. Как отмечал британский исследователь Ст. Тулмин, индивидуальная инициатива может привести к открытию новых истин, развитие новых понятий – это дело сугубо коллективное. Новое предложение станет достойным экспериментирования и скорейшей разработки после того, как будет коллективно признано заслуживающим внимания. Констатация этих фактов с необходимостью актуализирует проблему принятия и функционирования конвенций в условиях профессионального согласия (консенсуса) или несогласия (диссенсуса). Под консенсусом понимают степень консолидации, согласованности в научном сообществе относительно когнитивных стандартов, онтологических предпосылок, системы ценностных ориентаций в целом. Согласие (несогласие, рассогласование) исследуется как своеобразный коммуникационный механизм в самых различных функциях, одна из которых – быть логическим основанием развития научного знания, что имеет значение и для понимания природы обществознания. В частности, методологический консенсус представляет собой принятие конвенций в отношении когнитивных стандартов для выбора центральной, первоочередной проблемы, предпосылок ее исследования, приемлемых теоретических подходов, методов и приемов, полезных методик. Сама по себе высокая степень консенсуса не гарантирует результативности исследования, если единодушно принятые конвенции носят тривиальный характер, находятся в стороне от коренных содержательных проблем. Следовательно, влияние консенсуса на развитие знания существенно зависит от характера самой методологии, конвенционально выбранной исследователями.

В гуманитарном познании обычно предлагается множество значений и истолкований результатов эмпирических исследований, ученые проявляют тенденцию каждый раз предлагать собственную интерпретацию наблюдений. Это говорит о том, что следует всегда иметь в виду возможное несовпадение принятых конвенций и консенсуса, – в целом о достаточно широком распространении подобной ситуации, вовсе не являющейся иррациональной или непродуктивной. Зачастую в современной эпистемологии науки (К. Поппер [9], П. Файерабенд [12], Т. Кун [3] и др.) на первый план выходила либо проблема объяснения высокой степени согласия, которая достигается в науке середины XX века, либо феномен негаснущих разногласий и бифуркаций в науке и их рационального разрешения. Скорее всего, высокая степень согласия в 40–50-е гг. XX века объясняется общей глобальной задачей объяснения феномена тоталитаризма [10]. Общий объект исследования породил некий временной отрезок «модельного» консенсуса. Дальнейшее социальное развитие породило иные модели. Но при этом, очевидно, что существует необходимость некой единой теории, объясняющей возникновение и взаимопереход консенсуса и диссенсуса в науке. Решение данной дилеммы предлагает американский социолог Л. Ладан в работе «Наука и ценности» [4], утверждающий, что в гуманитарных и социальных науках расхождения носят характер «эпидемии», тогда как в естествознании большая часть ученых находится в согласии, во всяком случае, относительно фундаментальных компонентов знания (ранее аналогичную идею высказывал Т. Кун

[3]). Традиционно считалось, что разногласия возникают только в том случае, если свидетельства о фактах являются относительно слабыми и неполными, и достаточно привлечь дополнительные доказательства или соответствующие правила – и согласие будет достигнуто. Лаудан постулирует, что проблема должна рассматриваться на «пересечении между работами философов и социологов», поскольку согласие, в частности при выборе теории, складывается не только в отношении фактического, но и в (первую очередь) отношении методологического и аксиологического обоснования, о чем писали еще неокантианцы [4]. Кроме того, необходимо учесть, что классическое стремление рассматривать консенсус условием рациональности, а диссенсус – иррациональности подрывается целым рядом реально действующих в науке факторов. По Лаудану, их в целом четыре: научные исследования постоянно находятся в ситуации дискуссий, являющихся их неотъемлемым свойством; отношения между теориями могут определяться «тезисом о несоизмеримости»; существуют ситуации «недоопределенности» теорий эмпирическими данными; наконец, возможна успешная исследовательская деятельность в «состоянии диссенсуса», а ученые, имевшие высокие достижения, чаще всего нарушали установленные нормы [4]. Из этого следует, что консенсусная модель, как правило, неполна и не соответствует динамике реальной науки, скорее диссенсус является ее атрибутом и маркером. Господствующая модель всякого научного обоснования иерархична: на нижнем уровне обсуждается «фактическое» (фактуальный консенсус), затем общепризнанные методологические правила как средства достижения целей науки (методологический консенсус), наконец, консенсус ценностей и целей. Последний либо не осознается, либо не принимается во внимание, поскольку всегда считалось, что ценности и цели исследования у всех одни и одинаково понимаются. Эта модель «постулирует однонаправленную лестницу обоснований» от целей к фактическим утверждениям, тогда как в реальной науке обоснование идет в любом мыслимом поле, связывая цели, методы и результаты. Лаудан убедителен в утверждении, что нет привилегированных уровней, аксиология, методология и фактические утверждения с неизбежностью взаимодействуют и переплетаются [4]. Рассмотрение в целостности всех трех уровней выражает существо «сетевой модели» научной рациональности, позволяющей понять многообразие их сочетаний, лежащих в основе консенсуса или диссенсуса. Сетевая модель расширяет представления о научной рациональности, не связывая ее только с консенсусом относительно цели, фактов или методов, и тем более потому, что происходит постоянный «сдвиг познавательных ценностей», изменяются теории и методы, соответственно, применяются новые конвенции, исключаются старые, консенсус и диссенсус существуют всегда, дополняя друг друга и отражая общий коммуникативный характер науки. Эти идеи могут стать основой для дальнейшего изучения проблемы конвенциональности как следствия коммуникативных отношений в научном познании [2].

Литература

1. Вебер М.О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. Пер. с немец. / Сост., общ. ред. и послесл. [с. 736–769] Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено [с. 5–41; Комментар. А.Ф. Филиппова]. – М.: Прогресс, 1990. – С. 495–546.

2. Волнистая М.Г., Мамедов А.К. Научные коммуникации в системе воспроизводства знаний // Научный журнал Высшая школа (Республика Беларусь). 2018. № 3. – С. 43–48.
3. Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ.; Общ. ред. и послесл. [с. 274–292] С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
4. Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия [для вузов] / Ин-т «Открытое о-во»; Сост., пер., вступ. ст., введ. замечания и коммент. А.А. Печенкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 1996. – С. 295–342.
5. Мамедов А.К. Архитектура научного знания (анализ методологических оснований) // Социология. 2017. № 3. С. 48–57.
6. Мамедов А.К. Логика социального познания (Поппер vs Маркс) // Социология. 2016. № 3. С. 8–19.
7. Мамедов А.К. Эпистемология социального познания. – М.: КАНОН+, 2017. – 223 с.
8. Позер Х. Правила как формы мышления. Об истине и конвенции в науках // Разум и экзистенция = Vernunft und existenz: Анализ науч. и внеауч. форм мышления / Рос. акад. наук. Ин-т философии, Центр по изучению нем. философии и социологии; Под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1999. – С. 63–73.
9. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы. Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. [с. 5–32] В.Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона / Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
11. Пуанкаре А. О науке: [сборник]: перевод с франц. / под ред. Л.С. Понтрягина. – М.: Наука, 1983. – 560 с.
12. Файерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. – М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 413 с.
13. Шагбанова Х.С. Языковая компетентность в онлайн-пространстве в XXI веке // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 5А. С. 466–471.

DISSENSUS AND CONSENSUS IN MODERN SOCIAL KNOWLEDGE: AMBIVALENCE AND ADEQUACY

Mamedov A.K.

Lomonosov Moscow State University

The article declares the position of dissensus and consensus as basic models for the development of social sciences. A demarcation is being made between the natural sciences and the socio-humanities. Attempts are being made to identify the characteristics of “acceptance” by the scientific community. L. Laudan’s concept of consensus and dissensus in modern social knowledge is analyzed.

Keywords: dissensus, consensus, convention, epistemology, agreement, foundation, scientific communications.

References

1. Weber M. On Some Categories of Understanding Sociology // Weber M. Selected Works. Lane. with the Germans. Sost., obsh. red. i posledl. [p. 736–769] Y.N. Davydova; Preface P.P. Gaidenko [p. 5–41; Commentary by A.F. Filippov]. – Moscow, Progress Publ., 1990. – P. 495–546.
2. Volnistaya M.G., Mamedov A.K. Scientific Communications in the System of Knowledge Reproduction // Scientific Journal Vysshaya Shkola (Republic of Belarus). 2018. № 3. P. 43–48.
3. Kuhn T. Struktura nauchnykh revolutsii [Structure of scientific revolutions]. from English; Commonly. ed. and after. [p. 274–

- 292] by S.R. Mikulinsky and L.A. Markova. – 2nd ed. Moscow, Progress Publ., 1977. – 300 p. (in Russian).
4. Laudan L. Science and Values // Modern Philosophy of Science: Knowledge, Rationality, Values in the Works of Western Thinkers: A Reader [for Universities] / In-t "Open Island"; Sost., per., vstup. st., input. remarks and comments. A.A. Pechenkina. – 2nd ed., revised and supplemented – Moscow: Logos, 1996. – P. 295–342.
 5. Mamedov A.K. Arkhitektura nauchnoy znaniya (analiz metodologicheskikh osnovanii) [Architecture of scientific knowledge (analysis of methodological foundations)]. 2017. № 3. P. 48–57.
 6. Mamedov A.K. Logika sotsial'nogo poznaniya (Popper vs Marx) [Logic of social cognition (Popper vs Marx)]. 2016. № 3. P. 8–19.
 7. Mamedov A.K. Epistemology of Social Cognition. – Moscow, CANON+ Publ., 2017. – 223 p. (in Russian).
 8. Poser X. Rules as Forms of Thinking. On Truth and Convention in the Sciences // Reason and Existence = Vernunft und existenz: An Analysis of Science. and extra-scientific. Forms of Thinking. Acad. Sciences. Institute of Philosophy, Center for the Study of German Philosophy and Sociology; Edited by I.T. Kasavin and V.N. Porus. – St. Petersburg: Rus Publishing House. Christians. humanitarian. In-ta, 1999. P. 63–73.
 9. Popper K. Logic and Growth of Scientific Knowledge: Selected Works. Lane. Sost., obsh. red. i vstup. [p. 5–32] by V.N. Sadovsky. – Moscow, Progress Publ., 1983. – 605 p.
 10. Popper K. Open Society and Its Enemies. Vol. 1: Plato's Charms. Ed. by V.N. Sadovsky. – Moscow: Phoenix, International Foundation «Cultural Initiative», 1992. – 448 p. (in Russian).
 11. Poincaré A. On Science: [Collection]: Translation from French. Ed. by L.S. Pontryagin. – Moscow, Nauka Publ., 1983. – 560 p. (In Russian)
 12. Fireabend P. Against the Method. Essay on the Anarchist Theory of Knowledge. – Moscow: AST; The Guardian, 2007. – 413 p. (in Russian)
 13. Shagbanova Kh.S. Yazykovaya kompetentnost' v online-prostranstvo v XXI veka [Language competence in online space in the XXI century]. 2021. T. 11. No. 5A. P. 466–471.

Информационная безопасность и сохранение культурного наследия: тенденции и стратегические направления

Аторин Роман Юрьевич,
к.ф.н., доцент кафедры философии ГУУ
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Фёдоров Евгений Владимирович,
аспирант кафедры философии ГУУ
E-mail: EvVIFedorov@rosatom.ru

Солнцев Филипп Станиславович,
ведущий специалист АО «Гиредмет»
E-mail: FiSSolntsev@rosatom.ru

В информационном обществе сохранение интеллектуального наследия нации является важным фактором в становлении и формировании информационной культуры. Информация ценна во все времена, и за право обладания ею происходят различного рода конфликты. В наше время информация имеет не меньшую ценность. Эта ценность определяется не только затратами на ее создание, но и величиной полученной от ее реализации прибыли. Цель работы – определить и охарактеризовать мероприятия по сохранению информационного потенциала; исследовать механизм организации информационной безопасности и охраны культурного наследия; осветить правовой аспект с изучаемого вопроса, регулируемого законодательством России. Доказать необходимость принятия соответствующих правовых и организационных мер для обеспечения свободы обмена информацией и высокой степени информационной безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, информационное общество, проблемы цифровизации, информационные и коммуникационные технологии, нормативно-правовая основа информационного общества.

Любое общество в процессе своей организации и функционирования предполагает сохранение материальных и духовных ценностей, традиций. Защита информации предполагает совокупность методов и средств, которые обеспечивали бы ее целостность, конфиденциальность и доступность при условии воздействия на нее естественных и техногенных угроз, реализация которых может нанести вред как владельцам, так и непосредственным пользователям информации.

Конфиденциальность информации обеспечивается, прежде всего, ее защитой от несанкционированного ознакомления с ней посторонними лицами;

целостность информации означает возможность ее защиты от несанкционированной модификации;

доступность информации предполагает возможность ее использования и обеспечения доступа к ней.

Доступность системы защиты информации обеспечивается как поддержанием ее основных подсистем в рабочем состоянии, так и благодаря способам, позволяющим оперативно восстановить утраченную или поврежденную информацию. Система защиты информации должна предусматривать применение разных инженерно-технических мероприятий и организационных средств, а также методик технической и криптографической защиты.

Внедрение комплексной системы защиты информации может гарантировать достижение максимальной безопасности, поскольку системность в состоянии обеспечить необходимые составляющие защиты и установить между ними технологическую связь. Необходим также комплексный подход, позволяющий обеспечить защиту, полноту, доступность и надежность информации.

Режим защиты информации устанавливается субъектами властных полномочий на основе: ФЗ РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1]; уполномоченными органами относительно сведений, отнесенных к государственной тайне на основе Закона РФ «О государственной тайне» [2]; владельцем информационных ресурсов или уполномоченным лицом в отношении документированной информации в ИТС на основе Федерального закона РФ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]; ФЗ России «О персональных данных» в отношении субъектов персональных данных [4].

Минимально необходимый уровень защиты конфиденциальной информации необходимо обеспечивать ограничительными мерами противодействия угрозам, а повышение этого уровня достигать наращиванием технических мер противодействия. Меры по сохранению информационного потенциала нации, организации информационной безопасности государства не должны противоречить конституционному праву граждан на распространение и получение информации. Неотъемлемой

составляющей каждой из сфер национальной безопасности является информационная безопасность, которая одновременно считается важной самостоятельной сферой обеспечения национальной безопасности.

Отметим, что «информационная безопасность» – это набор практик и технологий, предназначенных для защиты информации от угроз, таких как несанкционированный доступ, взлом, потеря данных, нарушение конфиденциальности, целостности и доступности информации.

В широком смысле, информационная безопасность включает в себя меры по защите информации на всех этапах ее жизненного цикла – от сбора и хранения до обработки, передачи и уничтожения.

Понятие «информационная безопасность» было введено в употребление в 1980-х годах, хотя вопросы защиты информации поднимались и ранее. Однако активное развитие информационных технологий и увеличение объема информации, передаваемой и обрабатываемой в электронном виде, сделали информационную безопасность одной из ключевых проблем современности.

Существует множество стандартов и рекомендаций в области информационной безопасности, которые разрабатываются и поддерживаются различными организациями и профессиональными сообществами. Среди них: ISO/IEC 27000-series (международные стандарты по информационной безопасности) [5], NIST Cybersecurity Framework (национальная программа США по кибербезопасности) [6], CIS Controls (набор требований к информационной безопасности от Center for Internet Security) и другие» [7].

Для решения проблем информационной безопасности необходимо: создать полнофункциональную информационную инфраструктуру государства и обеспечить защиту ее критических элементов;

повысить уровень координации деятельности государственных органов по выявлению, оценке и прогнозированию угроз информационной безопасности, предотвращению таких угроз и обеспечения их ликвидации последствий осуществления международного сотрудничества по этим вопросам;

усовершенствовать нормативно-правовую базу по обеспечению информационной безопасности, в частности защиты информационных ресурсов, противодействия компьютерной преступности, защиты персональных данных, а также правоохранительной деятельности в информационной сфере;

развернуть и развивать национальную систему конфиденциальной связи как современная защищенная основа, способная интегрировать территориально распределенные информационные системы, в которых обрабатывается конфиденциальная информация» [8].

Согласно действующему законодательству России Музейные фонды и музейные коллекции, включенные в состав Музейного фонда Российской Федерации, не исключаются из состава Музейного фонда Российской Федерации, за исключением случаев, когда они утрачены, уничтожены или не представляют исторической, культурной, художественной, научной и иной ценности [9].

Информационная безопасность государства должна быть достигнута в «Обеспечении реализации конституционного права человека на свободный доступ к информации, на использование информации для производства не запрещенной законом деятельности, на физическое, интеллектуальное и духовное развитие, а также на защиту информации, касающейся личной безопасности населения, на защиту человека в сфере информационных отношений и использования информации и это достигается «созданием условий для развития информаци-

онной инфраструктуры в целях реализации конституционных прав и свобод человека». Основами организации системы информационной безопасности в государстве являются «соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере информационных отношений, обеспечение духовного возрождения населения, нравственных ценностей общества, патриотических и гуманистических традиций, сохранение и укрепление культурного и научного потенциала, информационное обеспечение государственной политики, российской политики и связанное с доведением до мирового сообщества достоверной информации об официальной позиции России по актуальным вопросам, имеющим отношение к Российской Федерации» [10].

Развитие глобальной информационной всемирной сети, неограниченные возможности для обмена информацией и доступ к открытым информационным ресурсам привели к опасности хищения национальных информационных ресурсов, неконтролируемого распространения некачественной информации. Следовательно, необходимо принять соответствующие правовые и организационные мероприятия по обеспечению свободы обмена информацией и высокой степени информационной сохранности.

Стоит отметить, что пока не решены как минимум две проблемы.

1. Поиск решений, соответствующих гражданскому обществу относительно государственного и общественного влияния на систему формирования общественного мнения, в том числе и на Интернет как на один из самых распространенных СМИ. При этом следует учитывать, что имеющийся уровень монополизации и их ангажированность нуждаются в совершенно нетрадиционных решениях.

2. Необходимость определения комплекса мер по расширению взаимодействия информационных сетей с всемирной сетью и обеспечение надлежащего уровня информационной безопасности национальных информационных ресурсов РФ.

В законодательстве РФ государственная тайна определяется как «вид тайной информации, охватывающей сведения в сфере обороны, экономики, науки и техники, внешних отношений, государственной безопасности и охраны правопорядка, разглашение которых может нанести вред национальной безопасности России, и какие признанные в установленном законом порядке, государственной тайной и подлежащие охране государством» [2].

Заметим, что состояние организации дела в отношении государственной тайны есть важный показатель информационной культуры государства. Историко-культурная информация – значимый ресурс, также требующий защиты. К охране культурного наследия относят комплекс мер по учету, защите, сохранению, надлежащего содержания, соответствующего использования, консервации, реставрации, реабилитации и музеефикации объектов культурного наследия.

К объектам культурного наследия относят достопримечательности, сооружения, комплексы, их части, водные объекты и другие природные, природно-антропогенные объекты, которые до сих пор имеют археологическую, эстетическую, историческую, архитектурную, художественную, культурную ценность и сохранившую свою подлинность.

На территории Российской Федерации расположено 32 объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО, что составляет 2,7% от общего числа объектов (1199 в 2023 году). По культурным критериям включен 21 объект, шесть из которых признаны шедеврами человеческого гения.

По природным критериям зарегистрировано 11 объектов, 4 из которых признаны природными явлениями исключительной красоты и эстетической значимости (критерий 7). По количеству объектов природного наследия страна займет четвертое место в мире, наряду с Канадой (после Китая, США и Австралии) [12].

Охрана культурного наследия в России регулируется законодательством РФ, в частности, Законами РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [13], «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [14].

В результате охраны культурного наследия внедряются организационно-правовые, материально-технические, информационные и другие мероприятия по выявлению, научному изучению, классификации таких объектов; предотвращение их разрушению, обеспечению хранения, консервации, использования, приспособления и музеефикации.

Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 19.10.2023) [15] предусмотрено, что на каждый объект культурного наследия, предлагаемый к занесению в Реестр составляется учетная документация, без которой такое занесение не допускается.

Сохранение, восстановление и защита национального культурного наследия, включая сохранение, восстановление и защиту исторической среды и культурного наследия, является важнейшим приоритетом и задачей государства в сфере культуры, что подтверждается российским «Законом о культуре» [16]. Также были одобрены законодательные акты, которые в той или иной степени были причастны к делу охраны памятников – «О землеустройстве» [17], «О регулировании градостроительной деятельности» [18], или внесены существенные изменения в ранее утвержденные законы, в частности «Об архитектурной деятельности» [19] и др.

В России насчитывается около 200 000 объектов культурного наследия федерального и регионального значения [20]. Только в Москве насчитывается 8602 объекта культурного наследия, включая отдельные исторические здания, комплексы и памятники. Многие из них стали достопримечательностями Москвы: 6339 памятников внесены в Единый государственный реестр (Общероссийскую базу данных объектов культурного наследия). Кроме того, 2263 памятника находятся под государственной охраной как отдельные объекты, ожидающие своей очереди [21].

Выводы

Несмотря на определенные достижения, в развитии российской культуры наблюдается обесценивание и разрушение культурного и духовного наследия общественной жизни, характеризующееся, в том числе, неэффективным использованием имеющихся культурных и творческих ресурсов. Сохранение культурного наследия и его использование в общественной жизни важно для формирования и развития информационной культуры общества и является одним из ключевых факторов его развития.

На протяжении последнего десятилетия положение культуры в России не соответствовало ценностям государственной политики. Это привело к образованию все большего разрыва между так называемой государственной культурой, которая финансируется из бюджета, и независимой культурой, ориентированной на современные потребности общества.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (последняя редакция) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
2. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485–1 «О государственной тайне» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // URL: <https://base.garant.ru/12148555/>.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // URL: <https://base.garant.ru/12148567/>.
5. ГОСТ Р ИСО/МЭК 27000–2021 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200179675>.
6. NIST Cybersecurity Framework // URL: <https://www.nist.gov/cyberframework>.
7. The CIS Critical Security Controls for Effective Cyber Defense // URL: <https://www.cisecurity.org/controls>.
8. Атаманов, Г.А. Защита конфиденциальности данных в современном российском обществе: дис. канд. философ. наук 09.00.11. Волгоград, 2006.
9. Федеральный закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (ред. от 12.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).
10. Основы информационной безопасности: учебное пособие для студентов вузов / Е.В. Вострецова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 204 с.
11. Российские объекты из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО // URL: <http://unesco.ru/unescorussia/sites/>.
12. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // URL: http://unesco.ru/wp-content/uploads/add/convention_PWCNH_ru.pdf.
13. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»
14. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-I «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (с изменениями и дополнениями).
15. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 19.10.2023).
16. «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612–1) (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023).
17. Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» (последняя редакция).
18. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 25.12.2023).
19. Федеральный закон от 17.11.1995 № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации».
20. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>.
21. mos.ru // 31 января 2021 в 09:02 // URL: <https://www.mos.ru/news/item/85756073/>.

INFORMATION SECURITY AND PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE: TRENDS AND STRATEGIC DIRECTIONS

Atorin R.Y., Fedorov E.V., Solntsev P.S.
GUU, JSC Giredmet

In the information society, the preservation of the intellectual heritage of the nation is an important factor in the formation and formation of information culture. Information has been valued at all times, and various kinds of conflicts occur for the right to possess it. Nowadays, timely information is no less valuable. This value is determined not only by the cost of its creation, but also by the amount of profit received from its implementation. The purpose of the work is to identify and characterize measures to preserve information potential; to investigate the mechanism of information security and protection of cultural heritage; to highlight the legal aspect of the issue under study, regulated by the legislation of Russia. To prove the need to take appropriate legal and organizational measures to ensure freedom of information exchange and a high degree of information security.

Keywords: digitalization, information society, problems of digitalization, information and communication technologies, regulatory and legal framework of the information society.

References

1. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (latest edition) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/.
2. Law of the Russian Federation of July 21, 1993 No. 5485-1 "On State Secrets" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/.
3. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On information, information technologies and information protection" // URL: <https://base.garant.ru/12148555/>.
4. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // URL: <https://base.garant.ru/12148567/>.
5. GOST R ISO/IEC 27000-2021 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200179675>.
6. NIST Cybersecurity Framework // URL: <https://www.nist.gov/cyberframework>.
7. The CIS Critical Security Controls for Effective Cyber Defense // URL: <https://www.cisecurity.org/controls>.
8. Atamanov, G.A. Protection of data confidentiality in modern Russian society: dis. Ph.D. philosopher. Sciences 09.00.11. Volgograd, 2006.
9. Federal Law of May 26, 1996 No. 54-FZ "On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation" (as amended on December 12, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2024).
10. Fundamentals of information security: a textbook for university students / E.V. Vostretsova. – Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2019. – 204 p.
11. Russian sites from the UNESCO World Heritage List // URL: <http://unesco.ru/unescorussia/sites/>.
12. Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage // URL: http://unesco.ru/wp-content/uploads/add/convention_PWCNH_ru.pdf.
13. Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ. "On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation".
14. Law of the Russian Federation of April 15, 1993 No. 4804-I "On the export and import of cultural property" (with amendments and additions).
15. Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ "On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation" (as amended on October 19, 2023).
16. "Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture" (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on October 09, 1992 No. 3612-1) (as amended on July 10, 2023) (with amendments and additions, entered into force on December 22, 2023).
17. Federal Law of June 18, 2001 No. 78-FZ "On Land Management" (latest edition).
18. Town Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 No. 190-FZ (as amended on December 25, 2023).
19. Federal Law of November 17, 1995 No. 169-FZ. "On architectural activity in the Russian Federation."
20. Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation // URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>.
21. mos.ru // January 31, 2021 at 09:02 // URL: <https://www.mos.ru/news/item/85756073/>.

Карьера в Китае – современные реалии

Белоусова Татьяна Павловна,

старший преподаватель кафедры восточных языков
Дипломатической академии Министерства иностранных дел
России

E-mail: tp_belousova@mail.ru

Практика последний лет показывает, что Китай имеет все шансы занять лидирующее место по экономике, технологиям и социально-культурному развитию. При этом население страны постоянно растет, что может отразиться на нехватке материальных ресурсов и территории. Но в то же время государство стало привлекательным для иностранных специалистов, которые стремятся учиться и работать в Китае.

В статье рассмотрены условия труда в Китае, показатели средней заработной платы по популярным профессиям и особенности условий труда. Также статья повествует, почему иностранные специалисты стремятся учиться и работать в Китае, строя планы на будущее, Китай также заинтересован в привлечении квалифицированных специалистов из других стран. Но помимо успешного экономического развития, в Китае есть проблемы в сфере труда, китайские рабочие имеют плотный рабочий график и высокий уровень стресса.

Ключевые слова: работа в Китае, Китай, карьера в Китае, рынок труда, китайский язык, актуальность китайского языка, перспективы обучения, Китай, причины популярности.

Практика последний лет показывает, что Китай имеет все шансы занять лидирующее место по экономике, технологиям и социально-культурному развитию. При этом население страны постоянно растет, что может отразиться на нехватке материальных ресурсов и территории. Но в то же время государство стало привлекательным для иностранных специалистов, которые стремятся учиться и работать в Китае.

Труд является одним из основных экономических факторов, важных для будущего процветания страны. Количественные и качественные показатели, такие как рост или снижение численности населения, уровень грамотности, доступность высшего образования и высокотехнологичных профессий, развитие среднего класса, уровень социального единства и терпимости, играют важную роль в труде и социально-трудовых отношениях.

Китайская Республика уже несколько лет занимает лидирующие позиции в мировых рейтингах по ВВП на душу населения. Экономический рост этой страны называют «новым экономическим чудом». Интерес иностранных специалистов к работе в Китае значительно увеличился, особенно учитывая интерес правительства к привлечению высококвалифицированных специалистов из других стран.

Одной из особенностей китайских зарплат является их зависимость от места работы специалиста. Уровень доходов в разных провинциях значительно отличается. Разрыв в уровне доходов между крупными городами и средними городами постепенно увеличивается. Расходы на жизнь также отличаются в разных регионах Китая, поэтому определение минимальной заработной платы было передано региональным властям.

Регион	МРОТ в юанях / долларах
Шанхай	2,480/ 370
Пекин	2,200/ 322
Шэньчжэнь	2,200/ 322
Ляонинь	1,120/ 166
Цинхай	1,500/ 212
Тибет	1,650/ 233
Гуандунь	2,150/ 320
Тяньцзинь	2,200/ 322
Чжэцзянь	2,030/ 310
Цзяньсу	2,170/ 322

Рис. 1. Показатели МРОТ и фактической средней заработной платы по регионам Китая

Из рисунка 1 видно, что самую высокую заработную плату получают в регионе Шанхай. Там в среднем сотрудник получает 370 долларов в месяц. В Пекине и Шэньчжэне одинаковый показатель в 322 доллара или 2,200 юаня в месяц. Самая низкая зарплата в Ляонине составляет 1,120 юань или 166 долларов.

Стоит рассмотреть, какой уровень заработной платы у представителей самых популярных профессий в Китае (Рисунок 2).

Трудовые ресурсы являются ключевым показателем, связующим звеном между экономическим анализом

и прогнозированием будущего страны или компании. В настоящее время китайская экономика, одна из самых быстроразвивающихся в мире, сталкивается с серьезными проблемами на рынке труда. Эти проблемы включают резкое сокращение качества рабочей силы, снижение спроса на специалистов в сфере высоких технологий, трудности с трудоустройством выпускников, отток квалифицированных кадров из Китая, высокий уровень безработицы и недостаточную социальную защищенность рабочих, приезжающих из сельских районов для работы в крупных международных компаниях.

Профессия	В юанях/ рублях
Врач	6,000/ 55,000
Учитель английского языка	12,000/ 108,000
Няня	6,000/ 55,000
Научные сотрудники	7,500/ 68,000
Электрики в сфере промышленности	6,600/ 60,000
Школьные преподаватели	5,600/ 51,000
Полицейский	4,500/ 40,600
Фермер	3,100/ 28,000
Программисты	35,000/ 315,000

Рис. 2. Средняя заработная плата в Китае по самым популярным профессиям

Примером может быть компания Foxconn, которая является крупнейшей тайваньской компанией работодателем, специализирующейся на производстве высокотехнологичной электроники и компонентов. Она выполняет заказы для таких известных фирм, как Apple, Dell, Cisco, Hewlett-Packard и многих других. По официальным данным на март 2021 года, в компании работает более 15 000 сотрудников одновременно в 17 производственных объединениях, расположенных в Гуанчжоу. Они работают в три смены, что обеспечивает высокий производственный потенциал и позволяет компании занимать лидирующие позиции на международном рынке высоких технологий.

Западные наблюдатели сообщают о высоком уровне напряжения на рабочих объектах. В связи с этим, окна производственных цехов на китайских предприятиях оборудованы решетками и другими конструкциями, которые предотвращают суицидальные попытки во время работы. В 2021 году было зарегистрировано более 300 случаев попыток выброститься из окон цехов во время перерывов.

Как и во всем мире, в Китае существует значительная разница в зарплатах для представителей различных профессий. Здесь особенно ценятся высококвалифицированные кадры востребованных специальностей, в том числе и иностранные сотрудники. Однако китайцы также имеют возможность получать стабильно высокую оплату труда, если выберут перспективные области работы.

Высокую трудоспособность можно считать одной из отличительных черт населения Китая. Трудовое законодательство страны позволяет работодателям определять количество рабочих часов по своему усмотрению, без ограничений на сверхурочные часы. Именно поэтому 12-часовые смены для китайских работников являются скорее нормой, а не исключением. Также распространена 6-дневная рабочая неделя.

Оплата за сверхурочную работу в Китае осуществляется в соответствии с установленными законодательством коэффициентами. Дополнительные часы в будние

дни оплачиваются по коэффициенту 1,5 для первых двух часов работы и по коэффициенту 2 для остального времени сверх лимита. В выходные дни каждый час работы оплачивается по двойному тарифу.

В Китайской Народной Республике существует несколько основных документов, которые регулируют трудовые отношения:

1. Конституция.
2. Трудовой кодекс.
3. Законы «О Труде» и «О содействии трудоустройству», Закон «О трудовом договоре».
4. Положение «О ежегодном оплачиваемом отпуске работников».
5. Положение «О контроле над трудом и социальным обеспечением».
6. Положение Государственного совета КНР «О рабочем времени работников».
7. Правила об установлении выходных дней на общенациональные ежегодные праздники и памятные даты.
8. Положение «О выплате заработной платы».

Цели трудового законодательства Китая более четко сформулированы в Законе «О труде»:

«Защищать интересы и законные права работников, создавать трудовые отношения в соответствии с потребностями социалистической рыночной экономики, содействовать экономическому развитию и социальному прогрессу».

В Китае работники имеют одинаковые права в выборе профессии и трудоустройстве, вознаграждении, отдыхе, обеспечении санитарных условий и безопасности, приобретении профессии, социальном обеспечении, разрешении трудовых споров и других правах, установленных законом Китайской Народной Республики.

В Китае долгое время существовала система централизованного обеспечения и распределения труда, несмотря на большое количество трудовых ресурсов. Это создавало проблемы в виде перенаселения рабочей силы на предприятиях и учреждениях и мешало повышению производительности труда.

В настоящее время китайское государство создает условия и возможности для трудоустройства работников в целях развития общества и экономики. Например, государство поощряет компании, коммерческие структуры и общественные организации, которые создают новые формы и виды деятельности, соответствующие законодательству и административным постановлениям, что приводит к увеличению численности рабочих мест. Правительство Китая также поддерживает работников, которые самостоятельно устраиваются на работу и занимаются индивидуальным предпринимательством.

Трудовой договор регулирует отношения между предприятием и работником, определяет их двусторонние обязанности и права. Договор обязательно заключается в письменной форме. В Китае существуют различные виды трудовых договоров, такие как временный договор, договор на неопределенный срок и договор на выполнение определенных работ. Минимальный возраст для заключения любого вида трудового договора установлен законом Китайской Народной Республики и составляет 16 лет. При заключении договора работнику может быть установлен испытательный срок, максимальная продолжительность которого составляет полгода.

При заключении договора на период от 3 месяцев до 1 года максимальный срок испытания – 1 месяц, на срок от 1 года до 3 лет – 2 месяца согласно ст. 19 Закона «О трудовом договоре». Работодатель не вправе

самостоятельно увеличивать испытательный срок для работника.

В период испытательного срока оплата труда работника не может быть меньше 80% минимальной ставки на аналогичной должности у работодателя, менее 80% оплата труда, предусмотренной трудовым договором или меньше МРОТ в данном регионе.

Увольняющийся работник обязан предупредить своего работодателя об увольнении в письменной форме за 30 дней до предполагаемой даты увольнения. Досрочное расторжение по инициативе работника трудового договора допускается только с предупреждением и по уважительным причинам, которые перечислены в Законе «О труде», среди них следующие:

1) работнику не предоставлена работа или не обеспечены те условия труда, которые согласованы в договоре;

2) работнику не выплачена полностью и в установленный срок заработная плата;

3) работник – жертва плохого обращения со стороны предпринимателя; или он привлекается к труду на принудительно основе;

4) работник не в состоянии выполнять условия договора из-за личных и семейных обстоятельств;

5) невозможность продолжения работы сотрудницей в связи с беременностью.

Вывод: Китай является сильным государством с мощной экономикой и развитыми технологиями и социально-культурной системой. В настоящих реалиях, Китай это привлекательная страна для иностранных специалистов, которые стремятся построить здесь карьеру. В свою очередь, Китай обеспечивает работников всем необходимым для достойного уровня жизни.

Литература

1. Ващилина А. Средняя зарплата в Китае. 21 июня 2023 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://xn——elcahffngcif9bjk1b7a3e8dh.xn – p1ai/novosti/zarplaty-v-kitae>
2. Галаган А. Б., Савинов Ю.А. Эволюция модели экономического развития Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-modeli-ekonomicheskogo-razvitiya-kitaya> (дата обращения: 21.12.2023).
3. Троцук И. В., Скрынникова М.П., Цзи Цзиньфэн. Приоритеты китайской молодежи в профессиональной сфере и положение молодых специалистов на рынке труда КНР // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/arti>

cle/n/prioritety-kitayskoy-molodezhi-v-professionalnoy-sfere-i-polozhenie-molodyh-spetsialistov-na-rynke-truda-knr (дата обращения: 21.12.2023).

4. Новикова Л. А., Ушакова Л.К. Особенности среднего и высшего образования в Китае // ИСОМ. 2017. № 5–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-srednego-i-vysshego-obrazovaniya-v-kitae> (дата обращения: 21.12.2023).6. Бергер Я.М. Экономика Китая: о трудностях мнимых и реальных // Свободная мысль. 2011. № 9. С. 81–92.

CAREER IN CHINA – MODERN REALITIES

Belousova T.P.

Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of Russia

Recent practice shows that China has every chance to take a leading position in economics, technology and socio-cultural development. At the same time, the country's population is constantly growing, which may affect the lack of material resources and territory. But at the same time, the state has become attractive to foreign specialists who want to study and work in China.

The article examines working conditions in China, average wages for popular professions and features of working conditions. The article also tells why foreign specialists strive to study and work in China, making plans for the future; China is also interested in attracting qualified specialists from other countries. But in addition to successful economic development, China has labor problems, Chinese workers have busy work schedules and high levels of stress.

Keywords: Work in China, China, career in China, labor market, Chinese language, relevance of the Chinese language, prospects for studying, China, reasons for popularity.

References

1. Vashchilina A. Average salary in China. June 21, 2023 [Electronic resource] – Access mode: <https://xn——elcahffngcif9bjk1b7a3e8dh.xn – p1ai/novosti/zarplaty-v-kitae>
2. Galagan A. B., Savinov Yu.A. Evolution of the economic development model of China // Russian Foreign Economic Bulletin. 2016. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-modeli-ekonomicheskogo-razvitiya-kitaya> (access date: 12/21/2023).
3. Trotsuk I.V., Skrynnikova M.P., Ji Jinfeng. Priorities of Chinese youth in the professional sphere and the position of young specialists in the labor market of the People's Republic of China // Theory and practice of social development. 2014. No. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritety-kitayskoy-molodezhi-v-professionalnoy-sfere-i-polozhenie-molodyh-spetsialistov-na-rynke-truda-knr> (access date: 12/21/2023).
4. Novikova L. A., Ushakova L.K. Features of secondary and higher education in China // ISOM. 2017. No. 5–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-srednego-i-vysshego-obrazovaniya-v-kitae> (date of access: 12/21/2023).6. Berger Ya.M. The Chinese economy: about imaginary and real difficulties // Free Thought. 2011. No. 9. pp. 81–92.

Конфуцианские ценности и их роль в трансформирующемся обществе

Лю Ханвэй,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: TartanLhw@gmail.com

Как интеллектуальная традиция конфуцианство зародилось в Китае более 2500 лет назад. Хотя ее основные идеи восходят к учению Конфуция (551–479 до н.э.), считается, что эта традиция не была полностью основана Конфуцием. На самом деле слово «конфуцианство» на китайском языке не относится к Конфуцию. Оно относится к школе мысли под названием «Жуцзя». Жу существовало до Конфуция, но только после Конфуция появилось систематическое «Жуцзя», образовавшее конфуцианскую школу. Статья посвящена изучению конфуцианских ценностей, их влияние на социальную жизнь Китая и их роль в трансформирующемся обществе. Основными методами исследования выступает историко-теоретический анализ, который направлен на выявление идейных источников. Исходя из конкретной исторической категории, подтверждается, что Конфуций был реформатором в бурный период феодального общества и взгляды конфуцианства фундаментально сформировали китайскую культуру и базовую структуру китайского общества за последние две тысячи лет. Различные конфуцианские ценности, такие как важность семьи, уважение к знаниям, образованию и власти, акцент на порядок и гармонию, по-прежнему играют значительную роль в настоящем китайском обществе.

Ключевые слова: Конфуцианство, Китай, ценности, этатизм, трансформация, общество.

Как интеллектуальная традиция конфуцианство зародилось в Китае более 2500 лет назад. Лю Шипэй (1884–1919 гг.), учёный поздней династии Цин, несомненно, внес большой вклад в изучение происхождения конфуцианства в своей работе «Объяснение Жу». Он первым предположил, что «конфуцианство унаследовано от прошлого», а «понимание этих канонов и применение их на практике» началось с Конфуция [2].

Сам Конфуций подчеркнул, что он передал, но не создавал, верит древнему и любит древнее [7, с. 184]. Он также сказал: «Обряды династии Чжоу извлекли из обрядов династий Ся и Шан, поэтому они настолько богаты и красочны! Я согласен с обрядами Чжоу». [3, с. 233] И это значит, что Конфуций унаследовал, было ритуальной и социальной системой ценностей, разработанной во времена ранних династий. Тем не менее, Конфуций был наиболее творческим толкователем унаследованной им традиции, придавая новый смысл традиции, и благодаря эффективной разработке его взгляды повлияли на последующие поколения.

Анализируя эпоху, в которой жил Конфуций – основатель конфуцианства, можно видеть, что она имеет отличительные особенности. В то время феодальные князья подозрительно относились друг к другу и часто боролись за гегемонию, так что все основные взаимоотношения между людьми пошатнулись. В то же время сильно страдали народные массы. Им приходилось не только выполнять принудительные работы, но и нести бремя военной службы. Голод и война приводят к классовому конфликту и поэтому классовая борьба существовала в китайском обществе с седьмого по пятый век до н.э. А феодальные князья подавляли народные восстания.

В ту эпоху Конфуций и его ученики считали, что народ не может управлять собой и для поддержания стабильности и спокойствия общества государством должны управлять мудрые чиновники. Поэтому, конфуцианство рассматривает «послушание» как основу поддержания феодального порядка и выступает за подчинение общим принципам всех человеческих обществ.

Таким образом, мы можем ясно определить, что поддержание и укрепление феодального порядка является основным направлением мысли и практики Конфуция на протяжении всей его жизни. Конфуций создал ритуалы для феодального общества и основал свои учения, основанные на исторических традициях, чтобы укрепить этот феодальный порядок.

В частности, по мыслям Конфуцианства, жены должны подчиняться своим мужьям, дети должны подчиняться своим родителям, и каждый человек должен подчиняться правителям и императорам [4]. Чтобы заставить народ подчиняться, Конфуций и его ученики также создали целый комплекс ритуалов для укрепления феодальных порядков. Особое внимание конфуцианства уделяет защите патриархального общества в связи с тем, что в конфуцианских странах (Китай, Япония, Южная Корея, и Монголия) суверенитет основан на патриархате семьи, патриархальная семья является подструктурой феодального правления.

Акцент конфуцианства на семейные отношения логичен и полностью совместим с самодостаточными экономическими условиями древнего Китая. Именно эта экономическая основа определила, что общество в то вре-

мя разделилось на следующие классы: господствующий класс – помещики и управляемый класс – крестьяне, между которыми находились ученые-чиновники.

Здесь необходимо отметить, что в древнем Китае экономическая система является автаркией. И фактически этот образ системы соответствует политике «акцента на сельское хозяйство и подавления бизнеса» прошлых династий в Китае. В «Ши цзи» (или Исторические записи) есть запись – «война окончена, и император Гаоцзю запретил торговцам носить шелковую одежду и ездить на повозках, а также ввел высокие налоги на торговцев, чтобы им препятствовать» [6].

После Опиумной войны в XIX веке, Китай воспринял западные идеи, и стал поддерживать торговые отношения с Западом, его модель экономического развития стала диверсифицироваться. В настоящее время экономическая структура Китая разделена на три основные отрасли:

1. первичный сектор экономики: агропромышленность (растениеводство, животноводство, рыболовство, лесоводство);

2. вторичный сектор экономики: промышленность и строительство (промышленное производство, включая обрабатывающую промышленность, а также такие отрасли, как горнодобывающая, строительная, машиностроение, электроэнергетика и т.д.);

3. третичный сектор экономики (сфера услуг)¹.

Согласно национальным экономическим данным Национального бюро статистики Китая за 2022 год, первичный сектор экономики вырос на 4,1% по сравнению с предыдущим годом. Вторичный сектор экономики увеличился на 3,8%. А третичный сектор экономики увеличился на 2,3%. Общий объем импорта и экспорта товаров за год увеличился на 7,7% по сравнению с предыдущим годом². Изменение экономической системы сопровождается изменением социального строя и института, соответственно, изменением социальной культуры. Отношение к конфуцианству также изменилось от противостояния Движения за новую культуру (1915–1923 гг.) до нынешнего переосмысления конфуцианства и обсуждения того, как применить конфуцианскую культуру для новой интеграции сегодняшнего общества.

Брачно-семейные отношения в современном китайском обществе после изменения экономической структуры также изменились. Взгляды конфуцианства на семейные отношения также нуждаются в пересмотре.

По данным статистического бюллетеня развития гражданских дел Китая за 2021 год, в 2021 году вступили в брак 7,643 миллиона, что на 6,1% меньше, чем в предыдущем году. Коэффициент брачности составил 5,4 на тысячу, что на 0,4 на тысячу пунктов меньше, чем в предыдущем году. А коэффициент разводимости составил 2,0 на тысячу, что на 1,1 процентного пункта ниже, чем в предыдущем году³.

Согласно статистическому бюллетеню развития гражданских дел КНР за 2000 год, коэффициент брачности в Китае в 2000 году составлял 13,4‰, коэффици-

ент разводимости – 1,91‰⁴. В 2021 году коэффициент брачности составил 5,4‰, а коэффициент разводимости – 2,0‰, как упомянуто выше. Очевидно, что коэффициент брачности в современном Китае значительно снизился, а коэффициент разводимости увеличился.

С 2005 года Министерство гражданских дел КНР начало собирать статистику о возрасте вступления в брак. В 2005 году наибольшую долю от общего числа состоящего в браке населения составляли граждане в возрасте 20–24 лет – 47%, 25–29 лет – 34,3%, 30–34 лет – 9,9%, в возрасте 35–39 лет составили 4,9%, а старше 40 лет – 34,3% – 3,9%. Сравнивая возраст вступления в брак в 2021 году с 2005 годом, наибольшую долю от общей численности населения в 2021 году составляли граждане в возрасте 25–29 лет, зарегистрировавшие брак, за которыми следовали граждане в возрасте 30–34 лет⁵. Это показывает, что фактический возраст вступления в брак в Китае все больше задерживается.

Огромные изменения в статусе брака и семьи связаны не только с законами о браке и семье, которые власть КНР последовательно принимает с 1949 года, но и с изменением взглядов на брак молодого поколения. Конфуцианские концепции брака, которые влияли на традиционное китайское общество более двух тысяч лет, такие как «рожать побольше детей», «девушка должна выйти замуж в 20 лет», «вступать в брак по приказанию родителей и уговорам свахи», «возвеличивание мужчины и унижение женщины», «муж руководит женой», «вдова не может повторно выйти замуж» и другие патриархальные концепции. Эти конфуцианские идеи о брачно-семейных отношениях, ограничивающие свободу брака и любви и особенно подавляющие личную свободу и личное достоинство женщин, постепенно стали менее приемлемыми в современном обществе.

Когда речь идет об особенностях конфуцианства, обязательно упомянуть высокое уважение к традиции – вера в правильность идей мудрецов прошлого. Это всегда было отличительной чертой конфуцианства.

Еще одной чертой конфуцианства и китайской политической традиции является неограниченный высший статус и власть правителя.

Действующий генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин в 2007 г. отметил, что в древнем Китае существовала философия: власть государства – это «святыня», священная вещь, которой не могут пользоваться «простые люди». Поэтому члены партии и руководящие кадры должны беречь власть, хорошо управлять ею и использовать ее с осторожностью. Правильное осуществление власти, удержание власти для общества и использование власти для народа принесет радость массам, личное процветание и карьерный процветание. Наоборот, если применить власть неправильно или даже злоупотребить, забирая власть себе и используя ее в личных целях, массы будут возмущены, репутация и карьера будут испорчены [4, с. 260]. Из этого можно видеть, что высшая власть Китая имеет для народа священное и уважаемое значение.

Кроме того, конфуцианство накладывает важные этические ограничения на поведение человека, многие из которых связаны с социальными ролями. Конфуцианство признает, что люди обладают внутренней ценностью, и эта внутренняя ценность дает людям особый статус. Источник этой ценности заключается в потенциаль-

⁴ Статистический бюллетень развития гражданских дел КНР за 2000 год. – URL: <https://www.mca.gov.cn/n156/n189/c93375/content.html> (дата обращения: 02.10.2023).

⁵ Министерство гражданских дел Китайской Народной Республики. – URL: <https://www.mca.gov.cn/n156/n189/index.html> (дата обращения: 02.10.2023).

¹ Министерство коммерции Китайской Народной Республики – URL: <http://zhs.mofcom.gov.cn/article/swtj/tjywzs/202208/20220803342397.shtml> (дата обращения: 29.09.2023).

² Годовой отчет об экономике КНР за 2022 год. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2023-01/17/content_5737453.htm (дата обращения: 29.09.2023).

³ Статистический бюллетень развития гражданских дел КНР за 2021 год. – URL: <https://www.mca.gov.cn/images3/www2017/file/202208/2021mzsfyztjgb.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).

ной способности каждого человека проявлять доброжелательность и праведность, а не в обладании правами.

Конфуцианство считает, что люди должны развивать свои сердца и добродетели посредством изучения и практики этикета на протяжении всей своей жизни. Они должны относиться к членам семьи в соответствии с нормами сыновней почтительности и проявлять различную степень доброты к людям вне семьи.

По мнениям конфуцианства, политические правители должны делать все возможное, чтобы заботиться об управляемых и подавать им моральный пример. Интеллектуалы должны посвятить себя политике и образованию, чтобы продвигать идеальный моральный и политический порядок, помогая тем самым построить хорошее общество.

В книге «Голод как фактор» П. Сорокина написал, что голодовки в древнем и отчасти современном Китае – обычное явление. Следует отметить, что к 2021 году производство зерна в Китае стабилизируется на уровне более 1,3 миллиарда тонн в течение семи лет подряд, что сделает страну крупнейшим в мире производителем зерновых и третьим по величине экспортером зерна. Уровень самообеспеченности зерна в Китае превышает 95%¹. Согласно сообщению Национального бюро статистики Китая о данных о производстве зерна в 2022 году, общий объем производства зерна в Китае в 2022 году составит 686,53 миллиона тонн, что на 490 тысяч тонн больше, чем в 2021 году². По данным Глобального индекса голода (GLOBAL HUNGER INDEX SCORES BY 2022 GHI RANK)³ можно видеть, что Китай уже смог обеспечить себя продовольствием, и проблема голода решена.

Но, как упоминается в книге, голод действительно был серьезной проблемой в древнем Китае. Так в древнем Китае, как правила императоры прошлых династий, когда проблема голода была серьезной?

Древняя китайская система национального управления начала формироваться с установлением феодальной системы в династии Чжоу. То есть император Чжоу отправлял членов королевской семьи или самых доверенных чиновников в вотчины для основания страны. Кровь и близкие отношения были использовались в качестве связей для формирования стратегии правления. Следует отметить, что правители династий Ся, Шан и Чжоу в древние времена считали себя сыновьями неба. Император Чжоу сформулировал форму ритуала и музыки как норму этического и политического порядка, что позже было названо исходной практикой конфуцианских ценностей.

После более чем 500 лет эволюции в период династии Цинь перешло к Легизму по управлению государством. Император Цинь Инчжэн полностью внедрил систему префектур и уездов и разработал стратегию централизованного управления монархией и прямого местного управления. И «хозяйственные функции власти также очень широки», как Сорокин написал [5, с. 349].

В период правления императора династии Хань конфуцианство, преобразованное Дун Чжуншу, и конфуцианство принято как официальной идеологией. С тех пор ценности, методологии государственного управления, организационные системы и мобилизация ресурсов

¹ Агентство Китая по развитию международного сотрудничества – URL: http://www.cidca.gov.cn/2022-06/03/c_1211653042.htm (дата обращения: 29.09.2023).

² Национальное бюро статистики Китая – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-12/12/content_5731454.htm (дата обращения: 29.09.2023).

³ Глобальный индекс голода – URL: <https://www.globalhungerindex.org/ranking.html> (дата обращения: 01.10.2023).

страны впервые были полностью унифицированы, а модель операционной системы государственной власти обрела стабильность [8, с. 39].

Строгая и упорядоченная ритуально-музыкальная система, предусмотренная конфуцианством, четко предусматривает, что люди разных иерархических уровней должны использовать разные масштабы ритуалов. Кроме того, под влиянием конфуцианства, правящие классы прошлых династий придавали большое значение развитию образования и объединили систему образования с системой набора чиновников.

Как упомянул Сорокин в книге «Голод как фактор», древний и отчасти современный Китай имеет высокую уровень этатизма. Поскольку китайские властелины обладали высшей властью с древних времен, и с точки зрения управления, древние династии не только имели «жесткое управление», такое как вооруженные силы и юридические ограничения, но ритуальные и музыкальные правила фактически были мерой «мягкого управления». Эту меру мягкого управления не нужно подавлять народа, но благодаря тонкому воспитанию она будет продолжать оказывать влияние, и ее воздействие будет более продолжительным. Конфуцианская культура, которую предпочитали императоры после династии Хань, сохранялась в философии управления Китая на протяжении более двух тысяч лет.

Различные конфуцианские ценности, такие как важность семьи, уважение к знаниям, образованию и власти, акцент на порядок и гармонию, по-прежнему играют значительную роль в настоящем китайском обществе.

Исходя из конкретной исторической категории, подтверждается, что Конфуций был реформатором в бурный период феодального общества. В свою эпоху он сыграл важную роль в поддержании порядка государства. А взгляды конфуцианства фундаментально сформировали китайскую культуру и базовую структуру китайского общества за последние две тысячи лет.

Литература

1. Дун Чжуншу. Обильная роса летописи Чунью: послушание / Дун Чжуншу. – Пекин: Китайское книгоиздательство, 1992.
2. Лю Шипэй. Объяснение Жу / Лю Шипэй. – Нанкин: Цзянсуское издательство древних книг, 1997.
3. Син Бин. Комментарий к «Лунь Юй»: в 17 т. / Син Бин. Пекин: Издательство Пекинского университета, 1999. – 233 с.
4. Си Цзиньпин. Чжицзян Синью / Си Цзиньпин. – Ханчжоу: Чжэцзян народное издательство, 2007. – 260 с.
5. Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. – 349 с.
6. Сыма Цянь. Ши цзи, т. 30, Пинхуайшу № 8 – URL: <http://www.guoxue.com/book/shiji/0030.htm>).
7. Цай Чжэньфэн. Интерпретационный аспект «передал, но не создавал», подразумеваемый в «Лунь Юй». / Цай Чжэньфэн // Журнал истории Национального университета Тайваня. – 2001. – № 28–184 с.
8. Шэнь Ган. Взлет и падение: приобретения и потери Китая за две тысячи лет правления / Шэнь Ган – Гуялинь: Издательство педагогического университета Гуанси, 2022. – 39 с.

CONFUCIAN VALUES AND THEIR ROLE IN A TRANSFORMING SOCIETY

Liu Hangwei

St. Petersburg State University

As an intellectual tradition, Confucianism originated in China more than 2,500 years ago. Although its basic ideas go back to the teachings of Confucius (551–479 BC), it is believed that the tradition was not entirely founded by Confucius. In fact, the word “Confucianism” in Chinese does not refer to Confucius. It belongs to a school of thought called Rujia. Ru existed before Confucius, but only after Confucius did systematic “Rujia” appear, forming the Confucian school. The article is devoted to the study of Confucian values, their influence on the social life of China and their role in a transforming society. The main research methods are historical and theoretical analysis, which is aimed at identifying ideological sources. Based on a specific historical category, it is confirmed that Confucius was a reformer during the turbulent period of feudal society and the views of Confucianism have fundamentally shaped Chinese culture and the basic structure of Chinese society over the past two thousand years. Various Confucian values, such as the importance of family, respect for knowledge, education and authority, and an emphasis on order and harmony, still play a significant role in present-day Chinese society.

Keywords: Confucianism, China, values, statism, transformation, society.

References

1. Dong Zhongshu. Abundant dew of the chronicle of Chunqiu: obedience / Dong Zhongshu. – Beijing: Chinese Book Publishing House, 1992.
2. Liu Shipei. Explanation of Ru / Liu Shipei. – Nanjing: Jiangsu Ancient Book Publishing House, 1997.
3. Xing Bin. Commentary on “Lun Yu”: in 17 volumes / Xing Bing. Beijing: Peking University Press, 1999. – 233 p.
4. Xi Jinping. Zhijiang Xinyu / Xi Jinping. – Hangzhou: Zhejiang People’s Publishing House, 2007. – 260 p.
5. Sorokin P.A. Hunger as factor: The Impact of Hunger on People’s Behavior, Social Organization and Social Life / Comp., prepared. text, intro. Art. and comment. V.V. Sapova. – Syktyvkar: Anbur LLC, 2014. – 349 p.
6. Sima Qian. Shi ji, vol. 30, Pinghuaishu № . 8 – URL: <http://www.guoxue.com/book/shiji/0030.htm>.
7. Cai Zhenfeng. The interpretative aspect is “transmitted but did not create” implied in Lun Yu. / Tsai Zhenfeng // Journal of History of the National Taiwan University. – 2001. – No. 28–184 p.
8. Shen Gann. Rise and Fall: China’s Gains and Losses over Two Thousand Years of Rule / Shen Gang – Guilin: Guangxi Normal University Publishing House, 2022. – 39 p.

Мальсагов Руслан Ахметович,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: RuslanMalsag@yandex.ru

В контексте недавнего нового витка напряженности между исламским миром и Израилем, обретает дополнительную актуальность вопрос об идейных истоках взаимоотношений мусульман и евреев. Длительная история этих взаимоотношений, ведущая свое начало с самого раннего этапа существования ислама, включает в себя различные периоды. Большую часть времени в мусульманских государствах относительно гармонично проживали члены еврейских общин, хотя они и вынуждены были смиряться с ущемлением своего социально-правового статуса. Однако и это положение дел не гарантировало отсутствия всплесков враждебности в отношении них (как в государстве Альмохадов в XII в., в Йемене в XVII в. и т.д.). Последний (длящийся до сих пор) этап обострения взаимной неприязни был обусловлен процессами политического характера, а именно – появлением на карте Ближнего Востока государства Израиль и агрессивной реакцией на это исламского мира. Однако в данной статье мы постараемся кратко проанализировать проблему с точки зрения религиозных оснований отношения к иудеям в исламе, выяснив, была ли нынешняя враждебность в какой-либо степени также предопределена Священным Писанием и Преданием мусульман (Кораном и сунной).

Ключевые слова: Коран, Сунна, люди Писания, джихад, тахриф, муахад, зимми, умма.

Для начала требуется дать ответ на вопрос о том, агрессивен ли ислам сам по себе по отношению к иноверцам. В первую очередь в рамках данной статьи нас интересуют так называемые «люди Писания» или «люди Книги» (ахль аль-Китаб), как мусульманская традиция обозначает иудеев и христиан. Стоит отметить, что в священных вероучительных первоисточниках для абсолютного большинства мусульман (Коран и Сунна) в качестве равнозначных понятий используются слова «евреи», «иудеи» и «народ Израиля».

Существуют противоположные друг другу мнения о поставленном вопросе. С одной стороны, многие исследователи и обыватели стараются не злоупотреблять обобщениями и штампами, вменяющими всем мусульманам воинственность их религии. Что во многом разумно, ибо большинство мусульман, как и приверженцы любой другой религии или идеи, хотят лишь достойной и мирной жизни. В то же время, несомненно, в самом исламе существуют предпосылки для возникновения подобных обобщений, на что обращают внимание исследователи. Одним из главных вопросов, рассматриваемых под этими двумя углами зрения, является концепция вооруженной борьбы за веру, или священной войны (араб. «джихад» – борьба, усердие). Часто джихад делят на два типа: большой (внутренний), подразумевающий противостояние своим внутренним порокам, и малый (внешний), который включает в себя джихад пера / языка (дебаты или убеждение) и джихад меча [2, с. 6–10, 15–16; 17, р.13]. Джихад меча предписывается для самозащиты, борьбы со многобожием и установления божественного закона на земле, а также для защиты угнетаемых мусульманских меньшинств (Коран 2:190, 2:193, 8:39, 8:72) [9].

В соответствии с мусульманским взглядом, первый джихад начался в ветхозаветные времена, когда Бог привел евреев в Землю обетованную и предписал им борьбу с хананеями. Мусульмане подчеркивают преемственность между исламом и прежними посланиями единого авраамического Бога людям. Ислам признает Тору (Таурат), Псалтирь (Забура) и Евангелие (Инджиль) писаниями от Господа (Коран 2:89, 3:3–4, 3:48, 3:65, 4:47, 5:43–48, 5:66, 5:68, 5:110, 9:111, 35:31) [9], отсюда и обозначение иудеев и христиан, как людей Писания. Также библейские пророки и Иисус считаются Божьими пророками (Коран 2:87, 2:92, 4:163, 5:46, 5:110, 14:4–12, 17:55, 28:43, 57:25–27) [9]. Существует хадис (предание о жизни Мухаммеда), в котором Мухаммед говорит, что «верует в Тору и Того, Кто её ниспослал» (Сунан Аби Дауд, 4449) [14]. Из трех категорий достоверности, которые применяются к хадисам, этот относится к средней. А Коран гласит: «Скажите: «Мы уверовали в то, что ниспослано нам, и то, что ниспослано вам. Наш Бог и ваш Бог – один, и мы покоряемся только Ему»» (Коран 29:46) [9].

Однако согласно священной книге мусульман, иудеи и христиане со временем отклонились от воли Бога и исказили свои Писания (Коран 2:75, 5:13) [9]. После чего человечеству было даровано последнее наставление через пророческую миссию Мухаммеда, предсказания о чем иудеи и христиане якобы смогут найти в своих священных текстах (Коран 7:156–157, 48:29, 61:6 [9]; Сахих аль-Бухари, 4838) [12].

Необходимо уделить особое внимание понятию искажения, для которого в исламе используется термин

«тахриф». В Коране есть указания на то, что люди Писания собственноручно дополняют священные тексты (Коран 2:79) [9], а также утаивают некоторые части Священных Писаний (Коран 5:15) [9]: в первую очередь речь идет о пророчествах о Мухаммеде (Коран 7:156–157, 48:29, 61:6, 5:15) [9]. Крупный историк и богослов Х в. Мухаммад ибн Джарир ат-Табари предполагал, что евреи его времени использовали искаженную Тору вместо оригинальной, которая была утеряна, а затем восстановлена Эзрой [17, р. 371]. Впрочем, другой видный толкователь Корана и исламский правовед Фахраддин ар-Рази (XII–XIII вв.) уже сообщает, что большинство богословов-мутакаллимов придерживается позиции, что искажение могло касаться лишь толкования, а не самого текста [15], что соотносится со стихами Корана (3:78, 4:46) об устных искажениях [9]. Это мнение приводили и два крупнейших знатока Корана и Сунны – Ибн Аббас и аль-Бухари [15].

Возвращаясь к теме вооруженного джихада, отметим, что в ходе него запрещается: убийство невинных (Коран 6:151) [9]; обращение в ислам силой (Коран 2:256) [9]; притеснение муахадов (неверных, находящихся в договоре с мусульманами), присвоение их имущества (аль-Бухари, 6914 [12]; Аби Дауд, 3052) [14]. Также под защитой находится жизнь и имущество иноверцев, проживающих на подвластных мусульманам территориях и платящих особый налог («джизью») – зиммиев (аль-Бухари, 3052) [12]. Таким образом, имущество иноверцев становится дозволенным только в качестве военной добычи. Выдающийся арабский богослов Абдуррахман ибн Насир ас-Саади (1889–1957 гг.) говорил: «Джихад ведется не для того, чтобы проливать кровь неверных или присваивать их имущество. Джихад ведется для того, чтобы религия Аллаха восторжествовала над остальными религиями, и чтобы на земле исчезло язычество и все, что несовместимо с истинной верой. Именно это и есть смута, и если эта смута прекратит свое существование, то мусульмане обязаны прекратить кровопролития и сражение» [16, с. 72].

Но как в итоге разрешить дилемму о правильном соотношении экспансивности и миролюбивости в исламе? Ответ в данном случае не может быть односложен. Дело в том, что, согласно исламской традиции, аяты (стихи) священного Писания мусульман посылались пророку Мухаммеду в течение его жизни с момента начала пророчества в качестве инструкции для «уммы» (мусульманской общины). Эти аяты, как правило, соответствовали условиям, в которых умма находилась, а также отвечали на вопросы и вызовы, встававшие перед ней в конкретный момент.

Следуя этой логике, суры (главы) Корана подразделяются на мекканские и мединские, которые условно соответствуют двум периодам существования уммы. В мусульманском календаре даже летоисчисление отсчитывается от 622 г. – года «хиджры» (переселения), когда Мухаммед и его сподвижники («мухаджир») покинули Мекку из-за притеснений от арабов-язычников. Из описанной логики выводятся 3 стратегии общественного поведения членов уммы в различных обстоятельствах, о которых нужно сказать подробно.

Первая стратегия соответствует мекканскому периоду, когда мусульмане в меньшинстве и вынуждены адаптироваться к условиям доминирующего общества. Именно в это время приходят суры о необходимости мирного и взаимоуважительного сосуществования с иноверцами: «у вас ваша вера у меня моя», «нет принуждения в религии» (Коран 109:4, 2:256) [9]; о неприемлемости насилия: «кто убьет человека не за убийство или распространение нечестия на земле, тот слов-

но убил всех людей, а кто сохранит жизнь человеку, тот словно сохранит жизнь всем людям» (Коран 5:32) [9]. Коран также гласит: «Верующие не должны считать неверующих своими помощниками и друзьями вместо верующих. А кто поступает так, тот не имеет никакого отношения к Аллаху, за исключением тех случаев, когда вы действительно опасаетесь их» (3:28) [9]. Хотя сам аят и относится к Мединскому периоду, его заключительная часть емко обозначает модель поведения в отношении неверующих, когда дружеские отношения с ними одобряются в случае угрозы.

Один из наиболее известных мусульманских богословов Ибн Таймия, живший в XIII–XIV вв., комментировал это положение следующим образом: «Если же мусульмане живут на земле, в которой они слабы или же в период, когда они слабы, то они живут по аятам, в которых предписывалось терпение и прощение, даже если люди Писания и многобожники оскорбляют Аллаха и Его посланника» [2, с. 27–28]. Он не только обуславливал возможность ведения войны наличием подходящих условий [2, с. 25], но и считал, что мусульмане имеют право на неподчинение приказам правителя, затевающего бессмысленную борьбу, которая очевидно принесет общине больше вреда, чем пользы [2, с. 28–29].

Теолог также иллюстрирует пользу выбора меньшего из зол: «Когда татаро-монголы напали на Дамаск, я проходил со своими сторонниками мимо группы из их числа, которые распивали вино. И один из моих спутников решил высказать им порицание, но я запретил ему это, сказав: «Поистине, Аллах запретил вино, потому что оно удерживает от поминания Аллаха и молитвы, а этих вино удерживает от убийства людей, от пленения детей и захвата имущества. Поэтому оставь их»» [16, с. 72].

Уместно сослаться и на слова Ас-Саади: «Аллах вменил людям в обязанность лишь то, что им под силу... [У Мухаммеда] было два состояния в призыве и джихаде: ему было велено во всех состояниях соответственное. Во время слабости мусульман и господстве врагов ему было приказано защищаться, ограничиваться призывом к религии Аллаха, и воздерживаться от сражения силой, поскольку в этом был большой вред, чем польза. В другом состоянии ему было приказано отражать зло врагов всеми силовыми способами, заключать мир с тем, с кем было полезно заключать его, и сражаться с тем, с кем было полезно и даже необходимо сражаться. Поэтому мусульмане обязаны следовать в этом своему пророку» [2, с. 28].

Крупный исламский ученый-богослов, теолог и проповедник Шейх Абдурраззак аль-Бадр говорит: «В мекканское время джихад рукой и мечом не был предписан, поскольку мусульмане были немногочисленны и слабы. Однако был предписан джихад сердцем и языком» [2, с. 27]. Согласно известному мусульманскому богослову, юристу и духовному писателю (1292–1350 гг.) Ибн аль-Къайиму, «запретил Аллах Всевышний мусульманам сражение в Мекке, и повелел им терпеть, чтобы их сражение не привело к большему вреду, чем необходимость терпеть несправедливость. И польза сохранения их душ, религии и потомства перевешивала ту пользу, которую могло принести им их сражение» [16, с. 71].

Вторая стратегия поведения соответствует периоду сразу после хиджры, когда умма становится достаточно сильна, чтобы защищаться. В похожих обстоятельствах мусульманам вменяется в обязанность вести оборонительные войны: «Сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не преступайте границы дозволенного. Воистину, Аллах не любит преступников» (Коран 2:190) [9]; «дозволено тем, против кого сражаются,

сражаться, потому что с ними поступили несправедливо» (Коран 22:39–40) [9].

Третья стратегия применима, когда мусульмане обладают существенной силой или составляют большинство. Для такого положения дел применяются аяты, однозначно повелевающие к джихаду в отношении всех иноверцев, которые еще не подчинены мусульманскому правлению: «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение и пока религия (поклонение) не будет полностью посвящена Аллаху» (Коран 8:39) [9].

Исламские богословы сходятся в том, что мусульмане должны придерживаться этих различных аятов в подходящих ситуациях [2, с. 27]. Передаются слова Мухаммеда: «Мне велено сражаться с людьми, пока они не засвидетельствуют, что нет божества, достойного поклонения, кроме Аллаха, и что Мухаммад – Посланник Аллаха, и не будут совершать молитву и отдавать закят [милостыню]. Если же они станут делать это, то сохранят от меня свою жизнь и имущество, если только ислам не предоставит мне право на них, а счет им будет предъявлен Всевышним Аллахом» (Аль-Арба'уна ан-Нававиййа, 8) [4]. Данный хадис обделяет иноверцев правом на безусловную безопасность. Их защиту обеспечивают мирный договор, джизья, тогда как мусульмане («совершающие молитву и отдающие закят») обладают неотъемлемой защитой. Здесь важно подчеркнуть, что эти взаимоотношения должны быть централизованы: «Слушайте и подчиняйтесь, даже если управлять вами станет эфиопский раб с головой как изюмина» (аль-Бухари, 6723) [12], «Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас» (Коран 4:59) [9], что толкуется, как необходимость «повиноваться правителям, судьям и муфтиям, которые обладают влиянием среди людей, поскольку религиозные и мирские дела людей придут в порядок только тогда, когда они станут повиноваться власти имущим... Но выполнять повеления тех, кто наделен властью, следует лишь тогда, когда они не велют ослушаться Аллаха. Если же они велют поступать так, то мусульманин не должен повиноваться творению, нарушая приказы Творца» (толкование Ас-Саади, 4:59) [5].

Итак, мусульманам предписывается распространять власть ислама силой в подходящих для этого обстоятельствах. Реализация данного предписания подразумевается как в отношении неверующих и идолопоклонников (Коран 9:5) [9], так и в отношении людей Писания (Коран 9:29) [9]. В кораническом аяте 9:29 на последних налагается выплата джизьи с покорностью (или «будучи униженными» в некоторых переводах). Крупный исламский правовед, историк и толкователь Корана Ибн Касир (XIV в.) дает такой тафсир (толкование) этого аята: «Этот аят был ниспослан с повелением сражаться с людьми Писания после того, как язычники были побеждены, а люди стали заходить в религию Аллаха толпами. Как только Аравийский полуостров пошел по прямому пути, Аллах приказал Своему посланнику сражаться с обладателями Писаний – с иудеями и христианами. И было это на девятом году хиджры. Тогда посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) приготовился для сражения с римлянами, призвал к этому людей и объявил о своем намерении» [7]. Религиозным основанием планируемой войны становится необходимость распространения чистого единобожия, которое, по убеждениям мусульман, видоизменили люди Писания: «иудеи говорят, что Ездра – сын Божий, а христиане говорят – что Иисус – сын Божий» (Коран 9:30) [9], противореча истинному единству Бога. В этом же духе исламская традиция вменяет людям Писания, что они «сделали могилы своих пророков местами для покло-

нения» (аль-Бухари, 4441, 4443–4444) [12]. Также сюжет суры 9 таков, что мусульмане беспокоятся о возможном упадке торговли, после разгрома язычников, активно ею занимавшихся, но Аллах обещает обеспечить их «богатством из Своей милости» (9:28) [9].

Отдельного комментария заслуживает упоминание культа Ездры. Этот культ мог касаться лишь незначительной части иудеев – вероятно, он встречался среди иудеев Медины, поскольку полностью противоречит общепринятой канонической традиции. Исторических свидетельств о его сколь-либо существенной распространенности не существует, с чем соглашаются и такие видные идеологи исламского фундаментализма, как С. Кутб и А. Маудуди (XX в.) [15]. Аналогично обстоит дело с другими тезисами, критикуемыми Кораном. Вероятно, они в действительности относятся лишь к мединским иудеям (хоть это тоже не подчеркнуто в Коране): «Бог – беден, а мы – богаты» (3:81); «Рука Бога сжата» (5:64) [9]. Продолжая эту логику, коранические аяты из приведенных сур 3 и 5 о запретности дружбы с иудеями и христианами (3:28, 3:118–119, 5:51–52) [9] логично также отнести к сектам этих авраамических религий, проживавших на территории Аравии. В пользу такой трактовки может свидетельствовать и кажущееся противоречие с другими аятами Корана, в которых мусульманам разрешается пища людей Писания, женитьба на них (5:5) [9], а также добрые отношения и дружба со всеми, кто не «сражался с вами [мусульманами] из-за религии, выгонял вас из ваших жилищ и способствовал вашему изгнанию» (60:8–9) [9]. При этом, данный аят по контексту говорит о многобожниках, тогда как отношение к людям Писания в исламе еще благосклоннее.

Современный отечественный мусульманский богослов А. В.С. Полосин так комментирует возникающую сложность в вопросе дружбы с иудеями: «Арабское слово «вали», множественное «авлия», означает такого друга, который дает советы, по сути – старшего друга, который ведет за собой, является, в некотором смысле образцом для подражания. <...>. Разумеется, мусульманин... не может следовать советам тех, кто отвергает Коран или не знает его. <...> Дружить в житейском плане... Аллах не только не запрещает, но и одобряет» [11]. Также Коран не отрицает и богоизбранности иудеев (2:40, 2:47, 2:122, 44:32) [9], но критикует их представление о себе, как о единственных хранителях Божьей истины (2:135; 62:6) [9] и исключительных кандидатах на обретение рая (2:94, 2:111) [9].

Важно привести и другой стих этой же суры: «Воистину, верующим, а также иудеям, христианам и сабиям, которые уверовали в Аллаха и в Последний день и поступали праведно, уготована награда у их Господа. Они не познают страха и не будут опечалены» (2:62) [9]. Некоторые толкователи Корана понимают здесь под сабиями одну из христианских сект (таким образом, обещание распространяется лишь на людей Писания) (Ас-Саади, 2:62) [5], другие – «тех, которые пребывают в естественной с рождения вере и не следуют какой-либо определенной вере» (толкование Абу Аделя, 2:62) [1]. Также они поясняют, что это обещание распространяется на людей Писания, живших до пророчества Мухаммеда (Ас-Саади, 2:62) [5]. Дополнительно Ибн Касир уточняет, что после миссии Иисуса иудеи должны были последовать за ним [7]. В пользу этой версии можно толковать и аят о том, что «неверующие из людей Писания и многобожников окажутся в огне Геенны» (Коран 98:6) [9]. Если бы в этом стихе не упоминались многобожники, это дало бы больше оснований предположить, что речь идет лишь о веротступниках из числа иудеев и христиан, отвергнувших единого Бога. Свидетельствует в пользу приведенной

логики и достоверный хадис о том, что люди Писания, услышавшие о Мухаммеде, но не уверовавшие в него, обязательно войдут в ад (Сахих Муслим, [386] 240 (153)) [13]. И комментарий Ибн Касира к аяту Корана 9:29, что люди Писания следуют своим религиям лишь потому, что это «соответствует их страстям, их идеям и идеям предков», а веруй они истинно, непременно пришли бы к вере Мухаммада [7]. Встречаются и такие неоднозначные проявления, как предписание в Сунне мусульманам не приветствовать иудеев и христиан первыми и прижимать их к краю дороги при встрече (Муслим, 2167) [13]. Развивая мысль, уместно привести хадис, часто встречающийся в мусульманской литературе и ставший частью устава ХАМАСа [10]: «Не настанет Час этот, пока мусульмане не сразятся с иудеями, когда станут (иудеи) прятаться за камнями и деревьями, а камни и деревья будут говорить: «О мусульманин, вот позади меня иудей, иди же и убей его!», – (и скажет это каждое дерево), кроме гаркада, ибо (гаркад) относится к числу иудейских деревьев» (аль-Бухари, 2926; Муслим, 2922) [12; 13]. Стоят упоминания и коранические обвинения в адрес евреев в несправедливости, сбивании людей «с пути Аллаха», во взимании лихвы, запрещенной Аллахом (4:160–61) [9], в убийствах пророков (2:61) [9]. В одном из аятов они даже называются наиболее непримиримыми врагами мусульман, наряду с многобожниками (5:82) [9].

Таким образом, можно констатировать некоторый дуализм в отношении Корана и Сунны к иудеям. С одной стороны, признается истинность изначального вероучения, полученного ими от Бога, они относятся к особой категории людей Писания. Согласно достоверным хадисам, Мухаммед следовал примеру людей Писания в том, относительно чего он не получал никаких откровений (аль-Бухари, 3944; Суанан ан-Насаи, 3773) [12; 19]. С другой стороны, народ Израиля обвиняется в видоизменении этого самого вероучения, в дальнейшем отступлении от Божьей воли.

Следует подробно осветить и вопрос о характере взаимодействия Мухаммеда и первых мусульман с иудейскими племенами, проживавшими в Аравии рассматриваемого периода. Их взаимоотношения отразились в исламских хрониках и священных текстах. Поначалу вполне мирное сосуществование в конце концов значительно обострилось и обрело форму вооруженного противостояния. В первую очередь речь идет о борьбе с тремя еврейскими племенами, к моменту хиджры проживавшими, вместе с арабами-язычниками (племена Бану Аус и Бану аль-Хазрадж) и немногочисленными христианами, в Медине (называвшейся тогда Ясрибом): Бану Кайнука, Бану Надир и Бану Курайза. Первые два племени были изгнаны в результате череды конфликтов с мусульманами, а в ходе последнего были убиты все сражавшиеся мужчины Бану Курайза, женщин и детей которых обратили в рабство (аль-Бухари, 4121–4122) [12]. Борьба не ограничилась и Ясрибом – например, позже было взято иудейское поселение Хайбар, куда переселились Бану Надир. Арабские племена Ясриба – Бану Аус и Бану аль-Хазрадж – часто враждовали между собой. В исламской историографии встречается обвинение в адрес евреев города в дополнительном разжигании этой вражды [3, с. 143–144]. Бану Кайнука были союзниками первых, Бану Надир и Бану курайза – вторых.

Изначально Мухаммед не только не питал вражды к евреям, но и симпатизировал им, подчеркивая близость иудейского монотеизма с исламом. Он надеялся, что они поддержат его и даже признают пророком, чего, однако, не случилось (Коран 2:89) [9]. В мусульманской историографии утверждается, что делегация из представителей влиятельных кланов Ясриба пригласила его

в качестве непредвзятого третьейского судьи для разрешения многочисленных вековых конфликтов между могущественными силами города. После хиджры был составлен договор о добрососедских отношениях между коренным населением и мусульманами-переселенцами, именуемый Конституцией Медины [6, с. 93–94; 3, с. 138–142].

Однако поддерживался он недолго. Первым, после победы мусульман над мекканцами в битве при Бадре в 623 г., было изгнано племя Бану Кайнука. Мусульманские источники сообщают, что еврейские племена были недовольны этой победой, и Бану Кайнука якобы совершили серию провокаций в отношении мусульман (в т.ч. – женщин) [3, с. 160; 8, с. 162–163]. Мухаммад пригрозил им войной, на что получил ответ, что нарывается на врагов, более опасных и искусных, чем его соплеменники-курейшиты, побежденные им [8, с. 161–162] (Аби Дауд, 3001) [14]. Это было воспринято как агрессия, Бану Кайнука были адресованы также гневные аяты Корана 3:12–13, после чего началась осада двух их крепостей, находившихся в юго-западной части города, продлившаяся пятнадцать дней. После победы Мухаммеда заступничество вождя племени Хазрадж спасло племя Бану Кайнука от истребления, ограничив кару изгнанием побежденных из города [8, с. 162].

В 625 г. клан Бану Надир был разбит и выселен из Медины вследствие череды инцидентов, завершившейся попыткой представителей племени убить Мухаммеда [3, с. 179–180].

После Битвы у рва в 627 г., во время которой Бану Курайза поддержали врагов мусульман, нарушив таким образом Конституцию Медины [8, с. 194–197], было решено разгромить Бану Курайза [8, с. 197]. Осажденные курайзиты согласились сдаться, чтобы их последующую судьбу решил Саад ибн Муаз – их бывший союзник, один из лидеров племени Аус, принявший ислам, тяжело раненный в Битве у рва [8, с. 199–200] (аль-Бухари, 4121) [12]. Несмотря на призывы соплеменников-ауситов к снисходительности, Саад ибн Муаз приговорил всех сражавшихся (кроме тех, кто готов был принять ислам) к смерти, а женщин и детей – к обращению в рабство (аль-Бухари, 3005, 4122) [12].

В дальнейшем мусульмане завоевали еврейские поселения Хайбар (куда переселилась большая часть изгнанного племени Бану Надир) и союзный ему Фидак, жители которых якобы замыслили в союзе с некоторыми еврейскими племенами, а также с арабами племени Гатафан напасть на Медину. Хайбар и Фидак капитулировали и были обложены джизьей, а Мухаммед прекратил свою кампанию против евреев и заключил тактический союз с побежденными хайбаритами, женившись на дочери вождя Бану Надир – Сафийе.

На юго-западе Аравии также жило немало иудеев, до 599 г. имевших на этой территории собственное государство – Химьяр, который был завоеван персами и оставался под их властью до присоединения к мусульманскому государству. Иудеи этой области не были выселены или насильно обращены в ислам, а стали зиммиями, вместе с местными христианами.

Стоят отдельного внимания и покушения иудеев на Мухаммеда [8, с. 187], упоминаемые исламскими источниками (аль-Бухари, 3169, 4249; Муслим, 1557; Аби Дауд, 3004) [12; 13; 14]. Последнее и самое значительное совершила жена одного из предводителей племени Бану Надир в Хайбаре, попытавшаяся отравить лидера мусульман, в борьбе с которым погибли ее родственники (Аби Дауд, 4508–4513) [14]. По одним данным, Мухаммед пощадил женщину (аль-Бухари, 2617) [12], по другим – позже она была казнена по обвинению в убийстве одно-

го из его сотрапезников (Аби Дауд, 4511–4512, 4514) [14]. Согласно некоторым источникам, за покушением стояла целая группа иудеев захваченного поселения, которые заявили, что так они проверяли истинность миссии Мухаммеда, ибо настоящего Божьего пророка отравить бы не удалось (аль-Бухари, 3169, 5777) [12]. Спустя несколько лет, во время предсмертной болезни, он вспоминал этот случай и говорил, что последствия того яда причиняют ему страдания (аль-Бухари, 4428) [12] (что иногда служит основанием для сомнительных версий об успехе отравления, растянувшегося во времени).

Вызывают интерес и хадисы, в которых упоминаются слова иудеев, что Мухаммед учит своих последователей отличаться от них (Муслим, [694] 16 (302); Аби Дауд, 2165) [13; 14]. Здесь уместен хадис, что однажды пророк стоял на похоронах, когда мимо проходил иудей, который заметил, что по его традициям на похоронах тоже принято стоять. Тогда Мухаммед сел сам и обратился к присутствующим: «Сядьте, поступайте наперекор им» (Аби Дауд, 3176) [14].

Подводя итог попытке ответить на вопрос об отношении к иудеям в Коране и Сунне, следует сделать несколько выводов:

1. Ислам признает истинность Закона, полученного народом Израиля от Бога (Коран 5:68, 7:162, 29:46) [9].
2. С мусульманской точки зрения евреи со временем отклонились от Божьей воли и исказили смысл полученного Писания (Коран 3:78, 4:46, 5:12–13) [9]. В связи с этим возникла необходимость в миссии еще одного пророка – Иисуса (Исы), которого иудеи отвергли. Аналогичным образом они отвергли Мухаммеда (Коран 2:89) [9], упоминания о котором из своего священного писания удалили или скрыли (Коран 7:156–157, 48:29, 61:6) [9]. Таким образом, мусульмане считают себя большими блюстителями Торы, чем евреи, и в этом смысле большими иудеями, чем сами иудеи.
3. Хоть ислам и вменяет иудеям (и христианам) отход от воли Всевышнего, но четко отделяет их от безбожников и многобожников. Христиане и иудеи называются «людьми [Священного] Писания», с ними позволено иметь близкие отношения (Коран 5:5, 60:8–9) [9].
4. Власть ислама должна быть распространена повсеместно (при необходимости и возможности – силой), в том числе – на земли христиан и иудеев (Аль-Арба’уна ан-Нававийя, 8; Коран 9:29) [4; 9]. Но людям Писания, оказавшимся под властью мусульман, гарантируется покровительство (Ибн Касир, 9:29) [7].

Таким образом, можно заключить, что некоторая степень обоюдной враждебности Мухаммеда и первых мусульман с их современниками-иудеями была во многом обусловлена произошедшими между ними конфликтами. Однако также зафиксированная в Коране и Сунне, она продолжает влиять на формирование восприятия евреев всем исламским миром.

Литература

1. Абу Адель (толкование) // Коран онлайн: [сайт]. URL: <https://quran-online.ru/> (дата обращения: 22.01.2024).
2. Аль-Бадр А. Хорошие плоды из мудростей и положений джихада; пер. Таиржана И. – 2010. – С. 6–29. URL: https://books-library.net/files/books-library.online_пoo53590332b9190a2e9d24f5–60375.pdf (дата обращения: 22.01.2024).
3. Аль-Мубаракфури Сафи ар-Рахман. Жизнеописание посланника Аллаха; пер. Нирша В.М.: [электрон. версия]. – С. 138–180. URL: <https://dokumen.tips/doc->

[uments/-568c4c211a28ab49169ee88d.html](https://dokumen.tips/doc-uments/-568c4c211a28ab49169ee88d.html) (дата обращения: 23.01.2024).

4. Ан-Навави. Аль-Арба’уна ан-Нававийя // Иснад: [сайт]. URL: <https://isnad.link/book/al-arbau-na-an-nawawiyu> (дата обращения: 23.01.2024).
5. Ас-Саади. Тафсир // Священный Коран: [информационный портал]. URL <https://священный-коран.рф/chitat-tafsir/as-saadi/> (дата обращения: 22.01.2024).
6. Большаков О.Г. История Халифата: В 4 т. Т. 1. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 138–142.
7. Ибн Касир (толкование) // Коран онлайн: [сайт]. URL: <https://quran-online.ru/> (дата обращения: 22.01.2024).
8. Ибн Хишам Абу Мухаммад Абд аль-Малик. Жизнеописание пророка Мухаммада; пер. Гайнуллина Я.А. – М., 2003: [электрон. версия]. – С. 162–197. URL: <http://islam-college.ru/Docs/literatura/Jizneopisanie%20Proroka%20Ibn%20Hisham.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
9. Коран // Коран онлайн: [сайт]. URL: <https://quran-online.ru/> (дата обращения: 14.01.2024).
10. Пакт Хамаса // Альфапедия: [сайт]. – 2021. URL: https://alphapedia.ru/w/Hamas_Covenant (дата обращения: 23.01.2024).
11. Полосин А. В.С. Богословские основания отношения мусульман к иудеям и христианам // Духовное управление мусульман Российской Федерации: [сайт]. – 2011. URL: <https://dumrf.ru/islam/dialog/1808> (дата обращения: 23.01.2024).
12. Сахих аль-Бухари // Иснад: [сайт]. URL: <https://isnad.link/book/sahih-al-buhari> (дата обращения: 23.01.2024).
13. Сахих Муслим // Иснад: [сайт]. URL: <https://isnad.link/book/sahih-muslim> (дата обращения: 23.01.2024).
14. Сунан Аби Дауд // Иснад: [сайт]. URL: <https://isnad.link/book/sunan-abu-dauda> (дата обращения: 23.01.2024).
15. Тауфик И. О каком искажении Библии говорил Пророк? // Духовное управление мусульман Российской Федерации: [сайт]. – 2011. URL: <https://dumrf.ru/islam/dialog/1753?ysclid=lrp9ybm086393815486> (дата обращения: 22.01.2024).
16. Ученые и их положение в Исламе // К ИСЛАМУ: [сайт]. 2013. – С. 71–72. URL: <https://www.islamvmold-ove.com/wp-content/uploads/U4enye-i-ih-polojenie-v-islame.pdf> (дата обращения: 22.01.2024).
17. Adang C. Muslim Writers on Judaism and the Hebrew Bible: From Ibn Rabban to Ibn Hazm. – N.Y., 1992. – p. 371.
18. Bonner M., Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice. – Princeton, 2006. – p. 13.
19. Sunan an-Nasa’i // Sunnah.com: [сайт]. URL: <https://sunnah.com/nasai> (дата обращения: 24.01.2024).

THE ATTITUDE TOWARDS JEWS IN THE QUR’AN AND THE SUNNAH

Malsagov R.A.

Lomonosov Moscow State University

In the context of the recent new round of tension between the Islamic world and Israel, the issue of the ideological origins of the relationship between Muslims and Jews is gaining additional relevance. The long history of these relationships, dating back to the earliest stage of the existence of Islam, includes various periods. Most of the time, members of Jewish communities lived relatively harmoniously in Muslim countries, although they had to put up with the infringement of their socio-legal status. However, this state of affairs did not guarantee the absence of outbursts of hostility towards them (as in the Almohad state in the XII century, in Yemen in the XVII century, etc.). The last (lasting so far) stage of aggravation of mutual hostility was due to political processes, namely, the appearance

of the State of Israel on the map of the Middle East and aggressive the reaction of the Islamic world to this. However, in this article we will try to briefly analyze the problem from the point of view of the religious grounds of the attitude towards Jews in Islam, finding out whether the current hostility was also predetermined to some extent by the Holy Scripture and the Tradition of muslims (the Quran and the Sunnah).

Keywords: Quran, Sunnah, the People of the Book, jihad, tahrif, muahad, dhimmi, ummah.

References

1. Abu Adel (interpretation) // The Quran online: [website]. URL: <https://quran-online.ru/> (date of address: 01/22/2024).
2. Al-Badr A. Good fruits from the wisdom and provisions of jihad; trans. Tairzhana I. – 2010. – pp. 6–29. URL: https://books-library.net/files/books-library.online_noo-53590332b9190a2e9d24f5-60375.pdf (date of application: 01/22/2024).
3. Al-Mubarakfuri Safi ar-Rahman. The life of the Messenger of Allah; trans. Nirsha V.M.: [electron. version]. – pp. 138–180. URL: <https://dokumen.tips/documents/-568c4c211a28a-b49169ee88d.html> (date of application: 01/23/2024).
4. An-Nawawi. Al-Arba'una an-Nawawiyya // Isnad: [website]. URL: <https://isnad.link/book/al-arbauna-an-nawawiyya> (date of application: 01/23/2024).
5. As-Saadi. Tafsir // The Holy Quran: [information portal]. URL <https://священный-коран. Russian Federation/chitat-tafsir/as-saadi/> (date of reference: 01/22/2024).
6. Bolshakov O.G. The history of the Caliphate: In 4 vols. Vol.1. – Moscow: Oriental Literature, 2002. – pp. 138–142.
7. Ibn Qasir (interpretation) // The Koran online: [website]. URL: <https://quran-online.ru/> (date of access: 01/22/2024).
8. Ibn Hisham Abu Muhammad Abd al-Malik. The Life of the Prophet Muhammad; trans. Gainullina Ya. A. – M., 2003: [electron. version]. – pp. 162–197. URL: <http://islam-college.ru/Docs/literatura/Jizneopisanie%20Proroka%20Ibn%20Hisham.pdf> (date of access: 01/23/2024).
9. The Koran // The Koran online: [website]. URL: <https://quran-online.ru/> (accessed: 01/14/2024).
10. The Hamas Pact // Alfapedia: [website]. – 2021. URL: https://alfapedia.ru/w/Hamas_Covenant (date of application: 01/23/2024).
11. Polosin A.V. S. The theological foundations of the relationship of Muslims to Jews and Christians // Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation: [website]. – 2011. URL: <https://dumrf.ru/islam/dialog/1808> (date of access: 01/23/2024).
12. Sahih al-Bukhari // Isnad: [website]. URL: <https://isnad.link/book/sahih-al-buhari> (date of access: 01/23/2024).
13. Sahih Muslim // Isnad: [website]. URL: <https://isnad.link/book/sahih-muslim> (date of access: 01/23/2024).
14. Sunan Abi Daoud // Isnad: [website]. URL: <https://isnad.link/book/sunan-abu-daoud> (date of application: 01/23/2024).
15. Taufiq I. What distortion of the Bible was the Prophet talking about? // Spiritual Administration of Muslims of the Russian Federation: [website]. – 2011. URL: <https://dumrf.ru/islam/dialog/1753?ysclid=lrp9ybm086393815486> (accessed: 01/22/2024).
16. Scientists and their position in Islam // To ISLAM: [website]. 2013. – pp. 71–72. URL: <https://www.islamvmoldove.com/wp-content/uploads/U4enye-i-ih-polojenie-v-islame.pdf> (accessed: 01/22/2024).
17. Adang S. Muslim Writers on Judaism and the Hebrew Bible: From Ibn Rabban to Ibn Hazm. – N.Y., 1992. – p. 371.
18. Bonner M., Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice. – Princeton, 2006. – p. 13.
19. Sunan an-Nasa'i // Sunnah.com: [website]. URL: <https://sunnah.com/nasai> (date of application: 01/24/2024).

Образовательные стратегии, как фактор развития женского предпринимательства (на примере России и Казахстана)

Моисеева Анна Александровна,

соискатель кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины» Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ)
E-mail: fpdoreaviz@bk.ru

Женское предпринимательство в России и Казахстане является динамичным сектором малого и среднего бизнеса. Именно образовательный ресурс является одним из мощных ресурсов, который применяют женщины для развития предпринимательства. Используя различные образовательные стратегии, женщины-предприниматели, получая необходимые знания и умения через дополнительные краткосрочные курсы, второе высшее образование, тренинги, семинары, умело расширяют свой бизнес или открывают новый. Образовательные стратегии позволяют женщинам вновь входить в предпринимательское поле или успешно развивать уже имеющийся бизнес.

Данная статья посвящена анализу результатов социологических исследований образовательных стратегий женщин-предпринимателей в России (на примере Самарской области) и Казахстане (на примере Западно-Казахстанской области). Делается вывод о том, что образовательные стратегии являются важным ресурсом, позволяющим женщинам успешно развивать предпринимательство. Отмечается необходимость поддержки женского предпринимательства со стороны государства и бизнес-сообщества.

Ключевые слова: женское предпринимательство, предпринимательская деятельность, образовательные стратегии.

Введение

Женское предпринимательство в России и Казахстане является динамичным сектором малого и среднего бизнеса. Так, в структуре малого и среднего бизнеса России 2 419 857 субъектов возглавляемых женщинами [1]; в Казахстане данный показатель составляет 737 653 субъекта [2].

Среди исследователей, чьи работы посвящены современным вопросам женского образования и предпринимательства в российских регионах можно выделить Н.Р. Галиакберову [3], Э.Ф. Калимуллину [4], Ю.Ю. Лыгденову [5], К.В. Фофанову [6], О.А. Цветкову [7] и других [8]. В Республике Казахстан данной тематике посвящены труды Ж.А. Нурбековой[9], Р.Б. Сарсенбаевой [10], С.М. Шакировой[11], З.М. Мусиной [12].

Считаем, что образовательный ресурс является одним из мощных ресурсов, который применяют женщины для развития предпринимательства. Используя различные образовательные стратегии, женщины-предприниматели, получая необходимые знания и умения через дополнительные краткосрочные курсы, второе высшее образование, тренинги, семинары, умело расширяют свой бизнес или открывают новый. Именно образовательные стратегии позволяют женщинам вновь входить в предпринимательское поле или успешно развивать уже имеющийся бизнес.

Цель исследования – проанализировать и оценить вклад образования и образовательных стратегий в успех женского предпринимательства на примере двух регионов.

В рамках поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

1. Проанализировать уровень образования и удовлетворенность им среди женщин-предпринимателей.
2. Выявить образовательные стратегии, используемые женщинами в предпринимательской деятельности.
3. Определить связь между образованием, образовательными стратегиями и успешностью женского предпринимательства.
4. Сформулировать рекомендации для государственных органов и бизнес-сообщества по развитию образовательной поддержки женского предпринимательства.

Предметом настоящего исследования выступит роль института образования и образовательных стратегий в развитии женского предпринимательства в Западно-Казахстанской области (далее – ЗКО) Республики Казахстан и Самарской области Российской Федерации. *Объект исследования* – женщины-предприниматели данных регионов.

Результаты исследования

Рассмотрим результаты социологических исследований, проведенных автором в 2023 году в России (на примере Самарской области, опрошено 400 респондентов) и в Республике Казахстан в 2019 году (на примере Западно-Казахстанской области, опрошено 400 респондентов) на тему «Образовательные стратегии женщин-предпринимателей», методом анкетного опроса (сплошная выборка).

Образование является важным фактором, влияющим на социальный статус женщин-предпринимателей и в целом на развитие их бизнеса. Так, по данным, полученным при опросах (табл. 1), подавляющее большинство женщин-предпринимателей имеет высшее образование (79% – в Самарской области и 90% – в ЗКО) и лишь небольшая доля женщин, ведущих бизнес, имеет среднее или среднее профессиональное образование (21% и 10% соответственно).

Таблица 1. Распределение респондентов по уровню образования, %

Образование	Самарская область	ЗКО
Ученая степень	9	4
Высшее	79	90
Среднее / среднее профессиональное	21	10

Большинство предпринимательниц, как Самарской области, так и ЗКО имеют экономическое образование (30% и 37% соответственно). Далее в порядке убывания:

- гуманитарное (16% и 8%),
- медицинское (15% и 9%),
- управленческое (15% и 5%),
- инженерно-техническое (11% и 7%),
- юридическое (9% и 6%)
- сельскохозяйственное (3% и 6%).

Проведенные опросы в двух регионах показали, что большинство женщин (59% – в Самарской области и 96% – в ЗКО) вполне удовлетворены качеством своего образования, а 26% и 5% (соответственно) скорее удовлетворены, чем нет. Кроме этого, большинство респондентов (46% – в Самарской области и 58% в ЗКО) ответило, что полученное ими образование помогло им при открытии бизнеса. Остальные ответы распределились следующим образом: скорее помогло, чем не помогло – 23% и 16% (соответственно); нет, не помогло – 16% и 19%; скорее не помогло, чем помогло – 15% и 7%.

Результаты опроса в ЗКО показали, что знаний и навыков хватает подавляющему большинству женщин-предпринимателей (81%). В Самарской области этот показатель в разы ниже и составляет всего 22%.

Респондентки Самарской области и ЗКО отметили, что для ведения предпринимательской деятельности им не хватает экономических знаний (24% и 13% соответственно). Далее в порядке убывания:

- правовых знаний (24% и 5%),
- навыков маркетингового продвижения товаров и услуг (29% и 1%),
- хорошего уровня владения иностранным языком (12% и 2%).

Исследование показало, что большинство женщин, занимающихся бизнесом, хотя бы один раз меняли профиль своего предприятия (64% – в Самарской области и 95% – в ЗКО) или меняли его дважды (23% и 5% соответственно). Обращает на себя внимание тот факт, что казахстанские женщины довольно быстро, со второго раза, находят «свою» отрасль бизнеса. Российским женщинам зачастую не хватает одной смены профиля, требуется повторное переопределение.

Дополнительное образование для смены профиля получали преимущественно владелицы собственных предприятий (65% в Самарской области и 82% – в ЗКО), а также руководители (27% и 9% соответственно), подчиненные (8% и 9% соответственно). При этом часто они имели высшее профессиональное образование (45% –

в Самарской области и 37% – в ЗКО) или среднее профессиональное образование (9% и 33% соответственно). Большинство предпринимательниц Самарской области имеют профильное гуманитарное образование (36%), ЗКО – профильное экономическое образование (46%). Остальные женщины-предприниматели, желавшие получить дополнительное образование для перепрофилирования бизнеса, имеют юридическое, медицинское, инженерно-техническое, сельскохозяйственное либо управленческое образование (по 9%).

В рамках исследования были выделены две образовательные стратегии женщин в их предпринимательской деятельности – «переопределение бизнеса» и «развитие бизнеса».

Стратегию «переопределение бизнеса» на основе получения дополнительного образования женщины в разных областях применяют при разных обстоятельствах. Так, в Самарской области переопределили свой бизнес владелицы предприятий чаще с относительно небольшой годовой прибылью: до 500 тыс. руб. (43% респондентов) и 1 200 тыс. руб. – 1 700 тыс. руб. (22% респондентов). Владелицы предприятий с высокой годовой прибылью (от 4 800 тыс. руб.) прибегали к получению дополнительного образования для смены профиля бизнеса реже (17% респондентов). В ЗКО наблюдается иная ситуация: переопределили свой бизнес владелицы предприятий преимущественно с большой годовой прибылью – свыше 5 600 тыс. тенге (36% респондентов). Чуть менее 27% респондентов – с годовой прибылью 5 100 тыс. тенге – 5 500 тыс. тенге и 18% респондентов – до 2 500 тыс. тенге.

Рассмотрев полученные данные с точки зрения размера предприятия, то в Самарской области большинство – это предприятия до 6 чел. (у 57% респондентов), с коллективом с 6 до 11 чел. и с коллективом до 60 чел. – по 15% соответственно. В ЗКО данные показатели распределились более равномерно: предприятия с числом работников 6–11 чел., 12–17 чел., 18–23 чел. и 30–35 чел. – по 18%; предприятия, состоящие из 1–5 чел., 24–28 чел. и 60 чел. и выше – по 9%.

Рассмотрим вторую образовательную стратегию – «развитие бизнеса». Так, дополнительное образование для развития бизнеса получали 61% женщин-предпринимателей в Самарской области и 28% – в ЗКО. 23% респондентов Самарской области и 2% респондентов ЗКО не получали дополнительное образование, но собираются его приобрести в ближайшее время. Большинство опрошиваемых выделили как наиболее популярную форму получения дополнительного образования при введении бизнеса – краткосрочные тренинги (50%) и семинары (51%). Второе место предпринимательницы из Самарской области отдали самообразованию (38%), а предпринимательницы ЗКО третье место отдали высшему образованию (17%). Еще одна из форм получения дополнительного образования при введении бизнеса – курсы повышения квалификации – разместились на четвертом месте (36% – в Самарской области и 14% – в ЗКО), далее в порядке убывания: программа переподготовки кадров (13% и 5% соответственно), второе высшее образование (11% в Самарской области) и самообразование (6% – в ЗКО).

При получении дополнительного образования для реализации стратегии «развитие бизнеса» респонденты приобрели разнообразные знания (см. табл. 2). К образовательной стратегии «развитие бизнеса» обращались 53% респондентов – индивидуальных предпринимателей в Самарской области и 81% – в ЗКО, 24% и 13% респондентов – руководителей ООО и ТОО соответственно, 1% и 6% – КФХ.

Таблица 2. Ответы на вопрос: «Какие дополнительные знания и навыки Вы получили?» (образовательная стратегия «развития бизнеса»), %

Варианты ответов	Самарская область	ЗКО
По маркетинговому продвижению товаров и услуг	35	7
По личностному росту (развитию лидерских качеств)	35	16
По экономическим вопросам ведения бизнеса	27	39
По эффективному принятию управленческих решений	24	5
По правовому обеспечению бизнеса	16	18
По использованию компьютерных технологий	13	7
По иностранному языку	4	3
Другое	7	–
<i>Итого:</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Благодаря использованию данной стратегии респонденты Самарской области указали следующее: во-первых, увеличилась клиентская база (у 38% опрошиваемых) или улучшилось качество продукции и услуг (у 38% опрошиваемых), во-вторых, повысилась управленческая эффективность в принятии решений (у 28% опрошиваемых), в-третьих, увеличилась прибыльность предприятия (у 27% опрошиваемых), в-четвертых, удалось преодолеть собственные психологические проблемы в работе (у 20% опрошиваемых). Только 16% женщин-респондентов отметили, что у них повысилась эффективность во взаимодействии с коллективом (с командой) и 16% – о том, что это привело к карьерному росту.

Предпринимательницы ЗКО результаты использования данной стратегии отразили следующим образом:

- 25% – отметили, что увеличилась клиентская база (так ответили 75% представительниц ИП, 19% – КФХ, 6% – ТОО);
- 8% – улучшилось качество продукции и услуг (75% – представительниц ИП, 25% – ТОО);
- 2% – повысилась управленческая эффективность в принятии решений (100% представительниц ИП);
- 2% – произошел карьерный рост (100% представительниц ИП).

Таким образом, выявлена связь между образованием, образовательными стратегиями и успешностью женского предпринимательства. Женщины-предприниматели и Самарской области, и ЗКО активно включены в программы поддержки женского предпринимательства и используют образовательные стратегии реквалификации при вхождении в сферу предпринимательства и повышения квалификации для развития уже имеющегося бизнеса.

Хотим отметить, что Правительство Российской Федерации и Республики Казахстан, бизнес-сообщества и общественность в целом должны сотрудничать при создании условий для развития и процветания женского бизнеса. Целенаправленная государственная политика в сфере образования и подготовки женщин-предпринимателей, а также поддержка их образовательных инициатив со стороны бизнеса могут существенно ускорить развитие женского предпринимательства.

Заключение

Исследование роли образования и образовательных стратегий в развитии женского предпринимательства в России и Казахстане показало, что образование является важнейшим ресурсом для женщин-предпринимателей. Подавляющее большинство опрошенных женщин-предпринимателей имеют высшее образование и положительно оценивают его качество и пользу для бизнеса. Женщины активно применяют две основные образовательные стратегии в предпринимательской деятельности: «перепрофилирование бизнеса» посредством получения дополнительного образования и «развитие бизнеса» путем повышения квалификации. Использование этих стратегий позволяет им успешно открывать и расширять собственный бизнес.

Литература

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства / ФНС России. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>.
2. Количество действующих субъектов МСП в разрезе областей по состоянию на 1 января 2023 года // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=108&slug=1-2018-3&cat_id=6&lang=ru.
3. Галиакберова Н.Р. Статус и карьера женщины в современном российском обществе: дисс. канд. социол. наук / Н.Р. Галиакберова. Пенза, 2003. 178 с.
4. Калимуллина Э.Ф. Женщины Башкортостана в гендерных процессах современного российского общества: дисс. канд. социол. наук / Э.Ф. Калимуллина. Уфа, 2006. 222 с.
5. Лыгденова Ю.Ю. Женщины-предприниматели: нравственные основы жизнедеятельности: на материалах Республики Бурятия: дисс. канд. социол. наук / Ю.Ю. Лыгденова. Улан-Удэ, 2008. 176 с.
6. Фофанова К.В. Социальная политика в сфере гендерных отношений (региональный аспект). Саратов: «Научная книга», 2005. 216 с.
7. Цветкова О.А. Работа и семья в жизненных стратегиях российских женщин: региональный аспект: дисс. канд. социол. наук / О.А. Цветкова. Новочеркасск, 2011. 155 с.
8. Орлова Л.В. Влияние института образования и образовательных практик на особенности развития женского бизнеса Республики Казахстан // Вестник Самарского муниципального института управления. 2022. № 1. С. 83–88.
9. Нурбекова Ж.А. Социологический анализ женского предпринимательства в Казахстане: дисс. канд. социол. наук / Ж.А. Нурбекова. Алматы, 2000. 143 с.
10. Сарсенбаева Р.Б. Гендерные аспекты системных социально-экономических реформ в Казахстане: социологический анализ: дисс. д-ра социол. наук / Р.Б. Сарсенбаева. Алматы, 2005. 276 с.
11. Шакирова С.М. Женское предпринимательство в Казахстане. Очерк развития и текущего состояния // Фонд женского лидерства: электронный ресурс. URL: <https://wlf.kz/statystyka/47-zhenskoe-predprinimatelstvo-v-kazhstane-ocherk-razvitiya-itekuschego-sostoyaniya.html>.
12. Мусина З.М. Формирование социально-профессиональной группы предпринимателей-женщин в Западно-Казахстанской области Республики Казахстан: дисс. канд. социол. наук / З.М. Мусина. Саранск, 2015. 184 с.

EDUCATIONAL STRATEGIES AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S ENTREPRENEURSHIP (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN)

Moiseeva A.A.

Moscow State University of Technology and Management. K.G. Razumovsky (PKU)

Women's entrepreneurship in Russia and Kazakhstan is a dynamic sector of small and medium-sized businesses. It is the educational resource that is one of the powerful resources that women use to develop entrepreneurship. Using various educational strategies, women entrepreneurs, obtaining the necessary knowledge and skills through additional short-term courses, second higher education, trainings, seminars, skillfully expand their business or open a new one. Educational strategies enable women to re-enter the entrepreneurial field or successfully develop existing businesses.

This article is devoted to the analysis of the results of sociological studies of educational strategies of women entrepreneurs in Russia (using the example of the Samara region) and Kazakhstan (using the example of the West Kazakhstan region). It is concluded that educational strategies are an important resource that allows women to successfully develop entrepreneurship. The need to support women's entrepreneurship from the state and the business community is noted.

Keywords: women's entrepreneurship, entrepreneurial activity, educational strategies.

References

1. Unified register of small and medium-sized businesses / Federal Tax Service of Russia. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html>.
2. The number of active SMEs by region as of January 1, 2023 // Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. URL: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=108&slug=1-2018-3&cat_id=6&lang=ru.
3. Galiakberova N.R. Status and career of a woman in modern Russian society: diss. Ph.D. sociol. Sciences / N.R. Galiakberova. Penza, 2003. 178 p.
4. Kalimullina E.F. Women of Bashkortostan in gender processes of modern Russian society: diss. Ph.D. sociol. Sciences / E.F. Kalimullina. Ufa, 2006. 222 p.
5. Lygdenova Yu.Yu. Women entrepreneurs: moral foundations of life: on materials of the Republic of Buryatia: diss. Ph.D. sociol. Sciences / Yu.Yu. Lygdenova. Ulan-Ude, 2008. 176 p.
6. Fofanova K.V. Social policy in the field of gender relations (regional aspect). Saratov: "Scientific Book", 2005. 216 p.
7. Tsvetkova O.A. Work and family in the life strategies of Russian women: regional aspect: diss. Ph.D. sociol. Sciences / O.A. Tsvetkova. Novocherkassk, 2011. 155 p.
8. Orlova L.V. The influence of the Institute of Education and educational practices on the features of the development of women's business in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Samara Municipal Institute of Management. 2022. No. 1. P. 83–88.
9. Nurbekova Zh.A. Sociological analysis of women's entrepreneurship in Kazakhstan: diss. Ph.D. sociol. Sciences / Zh.A. Nurbekova. Almaty, 2000. 143 p.
10. Sarsenbaeva R.B. Gender aspects of systemic socio-economic reforms in Kazakhstan: sociological analysis: diss. Dr. Sociol. Sciences / R.B. Sarsenbaeva. Almaty, 2005. 276 p.
11. Shakirova S.M. Women's entrepreneurship in Kazakhstan. Essay on development and current state // Women's Leadership Foundation: electronic resource. URL: <https://wlf.kz/statystyka/47-zhenskoe-predprinimatelstvo-v-kazahstane-ocherk-razvitiya-i-tekushego-sostoyaniya.html>.
12. Musina Z.M. Formation of a social and professional group of female entrepreneurs in the West Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan: diss. Ph.D. sociol. Sciences / Z.M. Musina. Saransk, 2015. 184 p.

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Тимохин Александр Андреевич,

магистрант Института промышленного и гражданского строительства, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: sashatimokhin@mail.ru

Кончаков Даниил Иванович,

магистрант Института промышленного и гражданского строительства, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: danya.konchakov@mail.ru

В статье приводится обзор современного состояния развития образовательных технологий и средств коммуникаций в высших образовательных учреждениях на примере двух ведущих университетов Республики Ирландия. Обосновывается важность средств коммуникация в образовательном процессе, анализируются её основные виды и формы. Проанализирован накопленный опыт ведущих ирландских вузов, который может быть успешно адаптирован к российским реалиям.

Ключевые слова: высшая школа, информационные технологии, персонализация образования, образовательные коммуникации, университетский кампус.

Introduction

Nowadays, on the market of educational services there is a significant increase in competition among higher education institutions. It is no longer sufficient for universities to simply provide quality knowledge and professional skills. Universities operate according to unified, approved standards; the range of training areas or specialties and academic disciplines is quite uniform and corresponds to educational standards of the country. However, in order to become a successful and recognizable organization, attractive for capable and motivated students, sponsors and partners, it is crucial to develop a holistic complex for the promotion of higher education institutions on the market.

Contemporary higher education institutions are regarded as fully integrated market entities that are expected to engage in communication, establish connections with their clientele and external stakeholders, and exert a significant influence in the right direction.

Current educational organizations use complex communication systems to maintain contacts with their target audience, with various public, governmental organizations and structures. Most educational institutions are proactively formulating marketing and communication strategies, which increasingly involve leveraging online platforms.

The Internet plays an important role in promotion of educational services in the issue of increasing competitiveness, creating a favorable image of any educational institution, marketing research, building effective communications, advertising the possibility of creating electronic exhibitions, the use of the global network for various monetary settlements [1].

Why are the means of communication within the university campus so important?

Open communication channels play a crucial role in mitigating student anxiety and embarrassment. Within the classroom setting, some students may hesitate to ask questions due to the fear of appearing uninformed or falling behind their peers, particularly when they have missed class-related information. This issue can become even more pronounced in virtual learning environments. By establishing open lines of communication, educational institutions can address these challenges promptly, preventing them from evolving into significant obstacles that hinder effective learning.

Moreover, effective and user-friendly communication mechanisms can promote student engagement in educational activities. Generally, students tend to be more involved in classroom activities when physically present. However, when outside the classroom, students often shift their focus to non-academic pursuits. Leveraging virtual communication methods can effectively draw students in, providing regular reminders and facilitating communication between students and teachers beyond immediate class hours. This approach fosters greater student involvement, particularly during collaborative projects, homework assignments, and when reviewing class material from fresh perspectives.

Finally, an open communication between teachers and students can enhance students' sense of appreciation for their efforts. In large class sizes, typically found in universities with no automated grading systems, students may feel that their contributions go unnoticed or underappreciated. Establishing open channels of communication allows teachers to provide

feedback on students' achievements and encourage them to exert additional effort if needed. Consequently, students feel acknowledged and valued for their dedication and hard work.

With open lines of communication teachers can easily identify student educational challenges. Sometimes, students are struggling with a problem that can be fixed easily by teachers, for instance, a particular module or a technology error or fault. If teachers and students communicate regularly and readily, these obstacles can be removed, and the information explained from a new perspective. Implementing these measures would significantly improve student success rates while fostering a more profound and meaningful connection between students and teachers.

The purpose of the research. The purpose of this paper is to analyze the communication policy of a higher education institution exemplified by two leading universities of Republic of Ireland with the subsequent development of recommendations for its improvement with the help of the Internet.

Results and findings

The advancements in information pedagogy and the practice of media education in the context of the personal dimension invariably entails the updating of existing didactic approaches, methods, forms and categories in higher education pedagogy [2]. The new key concept of "educational communication" emerges. It is assumed that this term denotes a certain connected totality uniting methods, channels, techniques, modes, formats, etc. of promoting special information (educational, scientific, professional, technical, socio-cultural, etc.) and this information itself within the framework of organization and provision of the educational process [3]. Thus, *educational communication* in the higher school means, primarily, the process of organization and transfer of information (illustrative-graphic, theoretical, reference, scientific-methodical, empirical, etc.) reflecting the content of tuition and cultural experience in a certain professional segment of training.

The development of educational communications in this paper are exemplified by two leading Irish universities, Dublin City University (DCU) and Technological University of Dublin (TU Dublin).

1. Dublin City University (DCU)

Dublin City University (DCU), one of the leading Irish universities, was created in 1975. As of 2020, the university has 17,400 students and over 80,000 alumni [4]. In addition, the university has around 1,200 online distance education students studying through DCU Connected.

DCU is transforming lives and societies by opening access to third level education. For more than 40 years, DCU is designing high-quality online distance learning, recognized by their long-established membership in ICDE (International Council for Open and Distance Education). University's degrees are highly regarded and globally recognized whereas DCU is consistently ranked in the top 100 higher educational institutions (under 50 years of age). Students can avail of unique 21st century perspective to take courses regardless location and connect first-hand to an ever-increasing international student network.

a) DCU Virtual Learning Environment

University personnel and students mainly communicate via online discussion forums in the DCU Virtual Learning Environment (DCU VLE) Moodle and electronic mail. Moodle represents a free open-source software package elaborated according to pedagogical principles. Its aim is to help tutors and educators establish and develop online learning communities. Forums are designed for research, administrative and educational purposes to be used by staff and students. Regulations and guidelines for online communication are necessary to guarantee appropriate use of online platforms and email systems and are set out in the special Policy. The pol-

icies cover the whole period that the user is a member of the university community. Any user is required to use DCU email account strictly for conducting university activities.

b) Customized staff and student apps in DCU are designed by the special department – Information Systems Services (ISS) whose aim is to enhance the quality and effectiveness of communication means through information related technologies and processes. Their mission dwelling upon innovation, efficiency and reliability is to deliver strategic goals of the university set out in the current Strategic Plan. ISS is continually and seamlessly upgrading the infrastructure in order to deliver critically important projects.

Fig. 1. Digital applications for staff

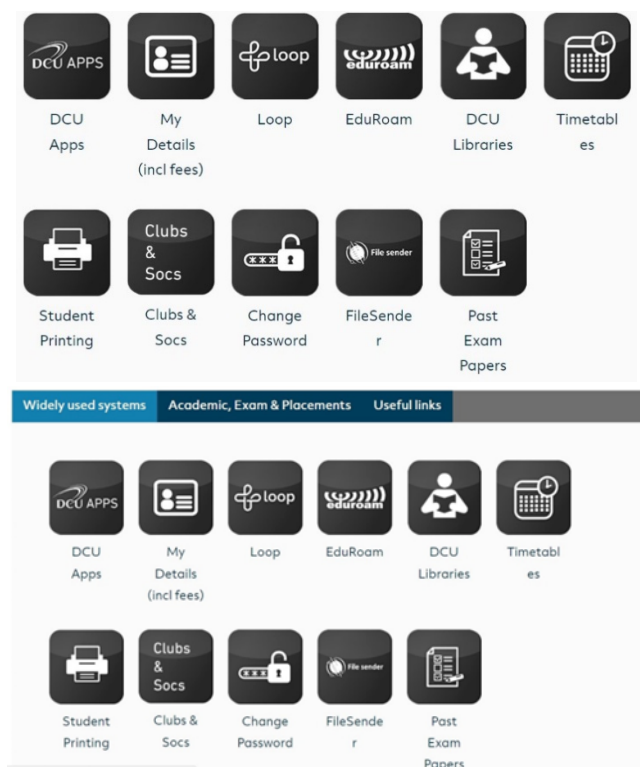

Fig. 2. Digital applications for students

c) DCU Chaplaincy

This is a special place of care and sanctuary for every student on the campus and also for the members of wider community. The aim of DCU Chaplaincy is to encourage the diversity of traditions, cultures, beliefs within the university campus and to blend these cultures together for the purpose of creativity, fun, and mutual enlightenment. Chaplaincy provides private spaces for ablution, daily religious masses, hosts celebrations and festivities for all faiths, including free lunches and get-togethers for multicultural students. Also, Chaplaincy hosts Ireland's first Inter-Faith Centre. Chaplaincy can be seen as a busy department ruled by students whose mission stretches to practical guidance and leadership within the university campus and also beyond it. In Chaplaincy, one can find all recent news, testimonials, media, and historical publications.

d) Student Learning Service

This is a specially designed, free and confidential service for students aimed to facilitate the transition from passive learning to active one. The resources of this service are customized to meet the needs of diverse array of students. The experienced staff helps to review students' learning strategies, enhance writing skills, work out student's personal learning plan, or exam study strategies, develop critical thinking, learn digital tools for learning, etc.

Students can select the necessary information from writing and study resources, attend workshops in person all-year-round, meet with academic writing tutors or study skills specialists. All the courses are also available online.

2. **Technological University Dublin (TU Dublin)**

TU Dublin is Ireland's first technological university, with its history stretching back to 1887 [5]. The university was established on 1 January 2019 through amalgamation of Dublin Institute of Technology. Nowadays, it is the second-largest higher institution in Ireland, with a student population accounting for 28,500.

a) *Communicating Effectively* is one of the mottos of the university. Communication skills are essential in TU Dublin, whether your role is a class representative, a member of the committee or a student providing feedback. For a class representative, it is important to be aware of the **IMPACT** of Communicating Effectively:

- **I** if for Intent: Know the objective of your communication – what are you planning to achieve?
- **M** is for Message: Be clear in your message – how are you saying what you want?
- **P** is for Platform: Design your message for the platform: are you going to use email, be present at a committee or speak in a meeting?
- **A** is for Audience: Know your audience and put your message in the right context for them.
- **C** is for Confident and Convincing: Show that you believe in your message and yourself. The way you communicate is as important as the message.
- **T** is for Timing: Communicate at the right time and keep to time – or keep to length if writing.

Fig. 3. Episode 7 of Our Student Voice

Communication skills are taught via “Our Student Voice” platform providing various tutorials for students in the form of short educational videos (episodes) and podcasts with the transcript enclosed (Fig.3). These tutorials help students to develop the knowledge and skills required to understand the University's policies, to reflect upon students' own experience, to participate effectively in meetings, to work effectively with others, to build and manage professional relationships, etc.

b) Students Services & Support are provided by means of numerous user-friendly online applications and cover the range the issues regarded to registration in the University, information about current fees and grants, examinations, student hubs, withdrawing and deferring from educational program, financial and academic support, student wellbeing, student policies and regulations and many others.

c) Applications for staff cover the array of services, including staff intranet, issues related to vacancies, employee assistance, resourcing, leaves and benefits, workplace relations, virtual learning environments, timetables, university procedures and many others (fig. 4).

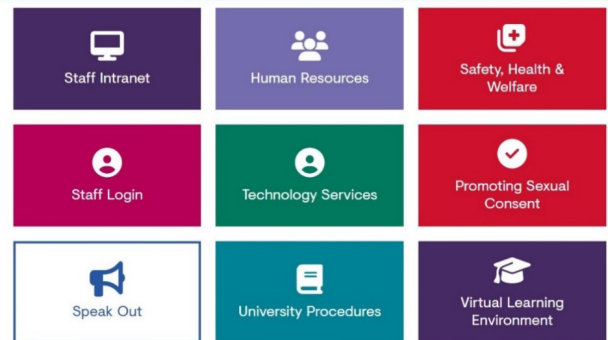

Fig. 4. Online services for staff

One of the most interesting tools is Speak Out platform. The aim of it is to collect data to assist colleges in implementation of educational initiatives and to signpost staff to the support services. The data collected in this tool is completely anonymous, so a staff member cannot be identified. Staff members can report incidents, and speak out against bullying, cyberbullying, discrimination, sexual harassment, stalking, assault, hate crime, coercive behavior, and rape.

d) Another innovation introduced by the University's team is Student Transformative Learning Record (STLR) platform. It is generally recognized that development of so-called soft skills in much appreciated by employers today. For example, 'coachability' – the ability to take feedback and act on it, the ability to work effectively within multicultural and multiethnic teams, the ability to be a 'self-starter', meaning to be able to control your own learning and to solve complex problems. However, current academic curricula and scripts do not emphasize or acknowledge achievements in these areas. So, the mission of STLR is to provide opportunities to sharpen soft skills and to receive an official transcript verifying student's achievement.

Transformative Learning requires reflection about experiences, which student had/has. For instance, student reflecting on a situation where he/she is regularly late for meeting with fellow students that causes annoyance in the team. This in turn results in a break-down of trust withing a team, etc. This cycle of thinking or reflecting about issues or experiences and then taking decision and executing some actions might lead to permanent behavior change and transform the process of learning.

Conclusions

This study substantiates the need for mediated introduction of modern information technologies into the educational process through the development of a network of diverse educational communications in higher educational institutions on the example of two leading universities in the Republic of Ireland. It is the development of educational communications that serves as a didactic bridge and a kind of map for the purposeful and organic application of information technologies in the system of university training.

Литература

1. Соколова, А.Г., Архипов, А.В. Применение нейросетей в образовании: возможности и вызовы // Инновации и инвестиции. 2023. – № 2. – Сс. 127–130.
2. Шутенко, А.И. Концепция построения образовательных коммуникаций в системе вузовской подготовки // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. – № 11(55). – Сс.573–586. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-11-47
3. Соколова, А.Г. Игра и игровая деятельность в обучении как средство повышения мотивации при обучении иностранным языкам // «Особенности интеграции гуманитарных и технических знаний», Сборник докладов Всероссийской научной конференции с международным участием. НИУ МГСУ, 2018. – Сс. 266–271.
4. <https://www.dcu.ie/> (Дата обращения 27.09.2023)
5. <https://www.tudublin.ie/> (Дата обращения 27.09.2023)

COMMUNICATION MEANS IN WORLD-CLASS UNIVERSITY CAMPUSES

Sokolova A.G., Timokhin A.A., Konchakov, D.I.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The paper provides an overview of the present developmental stage of educational technologies and communication tools within higher education institutions by examining two prominent universities in the Republic of Ireland. It justifies the significance of communication tools in the educational process and assesses its primary types and modalities. The paper also scrutinizes the amassed experience of esteemed Irish universities that can be suitably incorporated into the Russian educational context.

Keywords: the higher school, information technologies, personalization of education, educational communications, university campus.

References

1. Sokolova, A.G., Arkhipov, A.V. Application of neural networks in education: opportunities and challenges // Innovations and investments. 2023 – N.2. – Pp. 127–130.
2. Shutenko, A.I. The concept of formation educational technologies in the system of third-level education // Modern Studies of Social Sciences (electronic scientific journal). 2015. – N.11 (55). – Pp. 573–586. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-11-47
3. Sokolova, A.G. Play and playfulness in learning as a tool for motivation boost in foreign language teaching // “Features of integration of humanitarian and technical knowledge”, Collection of reports of the All-Russian scientific conference with international participation. NRU MGSU, 2018. – Pp. 266–271.
4. <https://www.dcu.ie/> (Access date 27.09.2023)
5. <https://www.tudublin.ie/> (Access date 27.09.2023)

Историческая память: социальные практики управления

Арамян Каринэ Арменовна,

к.и.н., доцент, доцент Государственного университета управления, член рабочей группы по цифровой экономике при Национальном совете по профессиональным квалификациям при Президенте Российской Федерации
E-mail: aramyam.ka@gmail.com

Колчин Андрей Александрович,

к.п.н., доцент, доцент, начальник отдела профориентационной работы Центра профессиональной ориентации Государственного университета управления
E-mail: andrei_kolchin@mail.ru

В условиях мнемического противостояния России и Запада историческая память превратилась в ключевой институт социальной жизни, что ставит вопрос о его функциональности и эффективном управлении. В статье в контексте функционального назначения исторической памяти рассматриваются модели управления в соответствии с архитектурой ее многоуровневой структуры, роль института семьи и семейно-родовой памяти.

Ключевые слова: цифровизация, образование, преподавание истории, социальная память, историческая память, социальный регулятив, семейно-родовая память.

Проблема и ее актуальность

Важнейшим фактором формирования идентичности является социальная память как совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению [4], фундаментальный элемент социальных связей, который формирует социальную типологию личности и социальных групп через их взаимодействие [5].

Сегодня во всем мире и в России идентичность и историческая память стали объектом манипуляции посредством СМИ, исследовательских институтов, пропагандистских центров и т.п. Эксперты высокого уровня, анализируя роль нарративов памяти в новой социальной реальности, констатируют «мнемическое противостояние между Россией и Западом» [9]. Фактически на фоне «злоупотребления» памятью, искусственного забвения, фальсификации прошлого, культуры отмены нарративы памяти «зазвучали по-новому», прошлое «вернулось» и «ожило» в настоящем в новом качестве. Манипулятивные возможности, применяемые к социальной памяти, нацелены на искажение социальной реальности, делегитимацию существующих институтов власти, размывание идентичности, построение новой – исторически и национально деструктивной – картины социального мира. Сегодня наблюдаемые нами процессы демонстрируют как безнормность (аномия) трансформирующегося российского общества вырабатывает в социуме потребность в чувстве единения и проверенных опорах. Это нашло отражение в государственных документах Российской Федерации, прежде всего, в Стратегии национальной безопасности от 02.07.2021, которая определяет сохранение исторического наследия как национальный интерес, а защиту исторической памяти как стратегический национальный приоритет России. Стратегия перечисляет пути защиты традиционных российских ценностей, культуры и исторической памяти (п. 93)¹.

Российское государство и общество, таким образом, реагирует на вызовы времени: в стране вырабатываются новые модели социального управления, направленные на защиту институтов социализации и формирования идентичности – семьи, образования, традиционных ценностей и культуры. От их управляемости и функциональности зависит, какой будет основа многомерно существующих ценностных и смысловых ориентиров национальной культуры и ментальности, состояния человеческого фактора в целом. Исследование проблем управляемости социального института исторической

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>

памяти имеет научное и очевидное острое актуальное практическое значение.

Изученность

В настоящее время социальная память в научном дискурсе признается фундаментальным элементом и самостоятельным феноменом социальной реальности, важнейшим механизмом трансляции социального опыта. Проблематика памяти долгое время являлась неотъемлемым элементом философской мысли, с древнейших времен памяти отводилась исключительная роль в психической жизни человека. К памяти обращались мыслители Античности, Средневековья и Нового времени. Античные авторы (Платон, Аристотель, Плотин и др.) обращают внимание на важность роли памяти в передаче знания и обучении. Отец трагедии, древнегреческий поэт Эсхил в произведении «Прикованный Прометей» (444–443 гг. до н.э.) называет всепамять «нянькой разуменья» и «матерью муз – всего причиной». Философ-материалист Т. Гоббс в трактате «Человеческая природа» (1650) определяет память как способность представления вещи из прошлого, или «шестое, внутреннее (а не внешнее, как остальные) чувство». Г.Ф. Гегель в трактате «Философия духа» (1817) представляет память в трех формах: удерживающей имя, воспроизводящей, механической памяти. Связь памяти с мышлением, по Гегелю, составляет высшую форму «теоретического духа».

Рождение в XIX веке социологии привносит в научный дискурс о памяти новый ракурс – уже в призме социального явления и коллективных представлений. В XIX столетии мнемическая функция, ее психофизиологическая организация и роль в деятельности, интенсивно исследовалась не только философами и социологами, но и социальными психологами (В. Вундт, У. Джеймс, П. Жане, З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм) и физиологами (И.М. Сеченов, П.И. Зинченко, Г.И. Челпанов, С.С. Корсаков и др.). Социальные психологи исследовали память, прежде всего, в рамках коллективного бессознательного и способов его актуализации. Физиолог И.М. Сеченов в своей концепции психической деятельности «поместил» память в качестве «краеугольного камня психического развития», охватывающего все психические рефлексы и обладающей «силой, сплавивающей, склеивающей всякое предыдущее со всяким последующим».

Под влиянием концепции Э. Дюркгейма Морис Хальбвакс в 1925 г. вводит понятие «социальная память» как социальную конструкцию, развивающуюся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты [7]. Идеи Дюркгейма также развивали Л. Леви-Брюль, Н.Д. Кондратьев, П. Бурдьё, Н. Луман и др. Наследие Э. Кассирера, Л. Выготского и М. Хальбвакса концептуально развивает Дж. Верч, предлагая схему нарративных шаблонов памяти. Теперь социальная память обосновывается в качестве важнейшего социального регулятива.

В XX в. возникает информационный (А.Д. Урсул, В.Г. Афанасьев, Б.С. Илизаров, В.Б. Устьянцев и др.) и семиотический подход (Ю.М. Лотман). Социальные отношения рассматриваются как хранители памяти, поскольку «именно они продуцируют определенные ценностные установки, способствующие переработке индивидуального опыта в социально значимую информацию» [1]. Ю.М. Лотман определяет социальную память как функцию ненаследственной памяти и сознательную передачу опыта одним поколением другому в контексте культуры, отмечает, что «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т.е. хранить),

а что подлежит забвению. Последнее вычеркивается из памяти коллектива и «как бы перестает существовать» [3].

Проблематика управления исторической (социальной) памятью в отечественных и зарубежных социологических исследованиях достаточно редка, она начала рассматриваться относительно недавно. В области социальной философии можно вспомнить труды русских философов первой половины XX в. Л.П. Карсавина, И.М. Гревса, Н.П. Анциферова.

Обсуждение и результаты

Историческая память, по сути, представление об историческом прошлом народа и его культурной специфике, она составляет пласт социальной памяти и канал передачи социального опыта, преемственность которого стабилизирует этнос и обеспечивает социализацию новых поколений. Историческая память – это непреходящий элемент национального самосознания, образа «мы», общего прошлого, закреплённые историческими примерами образы добра и зла, национального героя, модели героического поведения и т.д. Общественная функция исторической (социальной) памяти заключается в социализации и формировании гражданской идентичности, сохранении и передаче духовного потенциала народа, социального и духовного воспроизводства человека, определяет социальную типологию личности и социальных групп. Социальная память сопровождает индивида на протяжении всего сознательного пути: с момента осознания себя как члена социальной группы (семейно-родовой) и до достижения позиции полноценного социального субъекта.

Социальная память как фундаментальный элемент системы общественных связей обуславливает содержание и форму таких феноменов коллективности как семья, этнос, народ. Сущность исторической (социальной) памяти проявлена в ее структуре, включающей феномены воспоминания, забывания, архетипа; память человечества, социальную память общностей, семейно-родовую память кровнородственных союзов, индивидуальную память человека; нарративные шаблоны памяти, памятник (соединяет в себе действие всех элементов социальной памяти). Нам представляется, что модели управления социальной памятью определяются именно архитектурой ее многоуровневой структуры.

Способами и социальными практиками управления и конструирования исторической (социальной) памяти («инструментами памяти», по Дж. Верчу) являются государственная политика, научное изучение истории, СМИ, коммеморативные практики (практики запоминания), метод актуализации исторических событий (познавательные экскурсии, краеведение), художественная и научно-популярная литература, кинофильмы, ежегодные праздники и чествования исторических деятелей (событий). Общеустановленным методом конструирования социальной памяти являются практики запоминания – репрезентация исторического прошлого в целях подчеркнуть значение прошлого для современного социума. Сегодня их воздействие усилено СМИ, которые формируют общественное мнение в отношении исторических явлений (событий, персоналий). Инструментом поддержки памяти индивида являются места памяти (мнемотопы), на площадках которых социальная память и история интегрируются, закрепляются и ретранслируются от поколения к поколению (П. Нора). Мнемотопами являются географические объекты, события, тексты.

Индивидуальный уровень (нарративные шаблоны памяти) и высшие слои социальной памяти связывает и согласует семейно-родовая память. Именно она является

первичным интегрирующим инструментом социализации, то есть инструментом актуализации ее смыслов новыми поколениями, сглаживания разрывов и дисбаланса внутри «этажей» ее иерархии, заполнения «хранилища» историческим нарративом, личностно-значимыми смыслами и оценками. Семья как социальный институт и носитель семейно-родовой памяти, по сути, является ядром и ключевым коммуникационным каналом социальной памяти. Она сохраняет первособытия, формирующие социокод памяти, закрепляет социальный опыт индивида через «капитализацию» семейных историй (памяти), запаса его знаний. Ее функционирование это программа социального наследования в процессах межпоколенного взаимодействия. Семейно-родовая память архивирует модели практик выживания кровнородственных общностей в кризисные периоды социальной неопределенности и слабой управляемости.

В семейно-родовой памяти прошлое проявлено весьма специфично, история семьи, как правило, в перечислении знаменательных и важных дат сильно расходится с тем, что зафиксировано историками в хрониках и книгах. Как указывает российский исследователь социальной памяти, социолог Л.Ю. Логунова, если значимые исторические события «не отразились на повседневной жизни, семейных ситуациях, они не фиксируются коллективным сознанием группы» [2]. Другими словами, чтобы остаться в анналах семейно-родовой истории событию необходимо «зацепить» ментальные особенности членов группы, устои и личные события семейно-родовой жизни.

В этом контексте предлагается взглянуть на государственную семейную политику в России как на один из механизмов управления исторической (социальной) памятью. Статья 38 Конституции Российской Федерации утверждает семью основой общества, находящейся под защитой государства, признает ее важность для стабильности и благополучия государства. Поддержка института семьи стала краеугольной идеологической линией и базисом национальной политики современной России, он признан обязательным условием и механизмом социального выживания и преодоления «серьезных внешних и внутренних вызовов, которые возникли перед страной» [8]. Государственная семейная политика является инструментом сохранения духовной культуры, традиционных ценностей и семейно-родовой памяти. Сегодня в рамках реализации государственной политики поддержки семьи развиваются качественно новые форматы вовлечения и работы с разными социальными группами населения. Они отражают все современные веяния: цифровую технологизацию, применение мультимедиа и игровых форм, персонализацию – это позволяет охватывать обширные территории и все социальные группы, «зайти» в каждую семью. Приведем пару примеров.

01 сентября 2023 года взял старт один из национальных проектов платформы «Россия – страна возможностей» конкурс «Это у нас семейное», который задуман как площадка и пространство для объединения семьи и межпоколенческого сближения, сразу же привлек внимание более 60 тысяч российских семей, к которым, по словам организаторов, присоединились их родственники из более чем 60 стран мира. Еще один проект – Всероссийское движение-конкурс «Моя родословная» – имеет особое значение, поскольку выводит память с уровня семейно-родового на социальный. Он действует с 2014 г. и реализует Указ Президента России от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». За период работы региональное присутствие

движения с 36 субъектов Российской Федерации расширилось и сегодня охватывает всю территорию нашей страны, привлекая тысячи учащихся школ, колледжей, вузов и членов их семей. Проект нацелен на познание истории собственного народа через каждую российскую семью, укрепление связи подрастающего гражданина с судьбой своего народа и Родины. Суть конкурса – сбор данных о жизни, опыте и знаниях предков для последующего заполнения мультимедийной генеалогической таблицы. Ежегодно по итогам проведения Всероссийского конкурса издается красочный сборник лучших школьных генеалогических исследований по номинациям «Семейная летопись», «Моя семья в истории Родины» и др. Победители конкурса ежегодно съезжаются в Москву, посещают важнейшие места памяти истории России. Важным элементом проекта, на наш взгляд, является информационный портал проекта, снабженный обширной библиотекой источников и баз данных по разделам «Генеалогические форумы», «Сайты для построения генеалогических деревьев», «Библиотеки» и т.д.

На данном этапе институту семьи предстоит нивелировать последствия, по нашему мнению, самого слабого звена в сложившейся сегодня в России социальной практике сохранения и конструирования исторической памяти – комплекса научных исторических знаний как результата изучения отечественной истории в школе. Российские социологи констатируют обрывочность, парадоксальность и некорректность исторического сознания россиян, сформированного на основе полученных в школе знаний [6]. Ситуация усугубляется и тем, что в России уже живут вторые и третьи поколения людей с подобным историческим сознанием. В качестве верного ракурса повышения осведомленности населения России и прояснения исторического сознания россиян предлагается многоаспектный и открытый дискурс с участием профессиональных историков и большим освещением в СМИ [6]. Однако в условиях политизированного и, как правило, весьма обманчивого информационного поля, таким образом лишь немногие наиболее мотивированные представители нынешних и будущих поколений станут «выискивать крупницы исторической истины».

В этой связи стоит вспомнить, что воспитательная роль истории как предмета обучения предусматривает формирование у обучающихся личностного оценочного отношения к широкому кругу исторических явлений. Качество обучения и оценка исторических фактов определяются методологией, именно она играет определяющую роль в формировании у школьников и студентов прочных знаний без «верхоглядства», воспитании историзма и нравственной сознательности.

Современные условия максимально заостряют требования эффективности всех социальных институтов, участвующих в формировании исторической (социальной памяти), в части «высокой идейной закалки» живущих поколений, прежде всего, подрастающих.

Литература

1. Аникин Д.А. (2007). Социальная память в свете информационного подхода. // Вестник Поволжского института управления. № 12. С. 166.
2. Логунова Л.Ю. (2009). Структурные характеристики семейно-родовой социальной памяти. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. № 1. С. 127.
3. Лотман Ю.М. (1992). Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн. С. 200–202.

4. Российская социологическая энциклопедия (1998) / Под общ. ред. академика РАН Г.В. Осипова. М.
5. Соломина И.Ю. (2005). Социальная память: структура и феномены: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Самара. С. 3.
6. Фадеев П.В. (2021). Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы. // Вестник Института социологии. Т. 12. № 2. С. 51. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710.
7. Хальбвас М. (2007). Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство. – 348 с.
8. Эксперты Экспертного института социальных исследований: Традиционная семья – основа российской цивилизации. // Известия. 19 октября 2023. – URL: <https://iz.ru/1592295/2023-10-19/eksperty-eisi-obsudili-vazhnost-instituta-semi>
9. Wertsch, James, V. (2017). Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. In Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds., *Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, pp. 233–248.

HISTORICAL MEMORY: SOCIAL MANAGEMENT PRACTICES

Aramyan K.A., Kolchin A.A.
State University of Management

In the context of the Mnemonic Standoff between Russia and the West, historical memory is in the focus of attention of politicians and researchers, and has become the main social institution. This activates the question of its functionality and effective management. In the article, in the context of the functional significance of historical memory, management models are considered in accordance with

the architecture of its multilevel structure, the role of the institution of family and family-generic memory.

Keywords: digitalization, education, teaching history, social memory, historical memory, social regulation, family and ancestral memory.

References

1. Anikin D.A. (2007). Social memory in the light of the information approach. // Bulletin of the Volga Region Institute of Management. No. 12. p. 166.
2. Logunova L.Yu. (2009). Structural characteristics of family and ancestral social memory. // Vestn. Moscow. Univ. Ser. 18. Sociology and Political Science. No. 1. P. 127.
3. Lotman Y.M. (1992). Memory in cultural illumination // Lotman Yu.M. Selected articles. Vol. 1. Tallinn, pp. 200–202.
4. The Russian Sociological Encyclopedia (1998) / Under the general ed. Academician of the Russian Academy of Sciences G.V. Osipov. M.
5. Solomina I.Yu. (2005). Social memory: structure and phenomena: Abstract of the dissertation of the Candidate of Philology sciences'. Samara. P. 3.
6. Fadeev P.V. (2021). The historical memory of Russia in sociological research: awareness, rationality, problems. // Bulletin of the Institute of Sociology. Vol. 12. No. 2. С. 51. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710.
7. Halbwaks M. (2007). The social framework of memory / Trans. from the French. and the introduction. Article by S.N. Zenkin. – М.: New publishing house. – 348 p.
8. Experts of the Expert Institute of Social Research: The traditional family is the basis of Russian civilization. // News. October 19th, 2023. – URL: <https://iz.ru/1592295/2023-10-19/eksperty-eisi-obsudili-vazhnost-instituta-semi>
9. Wertsch, James, V. (2017). Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. In Åsa Mäkitalo, Per Linell, Roger Säljö, eds., *Memory Practices and Learning: Interactional, Institutional and Sociocultural Perspectives*. Charlotte, NC: Information Age Publishing, pp. 233–248.

Внедрение механизмов социального оценивания граждан в контексте реализации государственных функций и полномочий

Мишенин Сергей Александрович,

аспирант кафедры современного государственного и муниципального управления Российского государственного социального университета
E-mail: Mishenintorgi@mail.ru

В настоящее время глобальная цифровизация общественных отношений всё больше касается процесса реализации государственных функций и полномочий. Предмет исследования – отношение граждан Российской Федерации к системе социального оценивания граждан в аспекте его влияния на реализацию государственной социальной политики. Цель работы – оценить перспективы внедрения механизмов социального оценивания граждан для их дальнейшего использования государственными органами власти при реализации государственной социальной политики. Основные методы исследования: метод опроса, аналитический метод, методы обобщения и систематизации информации. Новизна исследования: на основе анализа анкетного опроса (N = 150) о внедрении механизмов социального оценивания граждан определены аспекты осведомленности о механизмах социального оценивания граждан, а также выявлены основные ориентиры и опасения населения в процессе внедрения таких механизмов, от чего напрямую зависят перспективы их внедрения.

Ключевые слова: социальное оценивание, социальный рейтинг, коррупциогенность, государственное управление, информированность, анкетный опрос.

Введение

Глобальная цифровизация общественных отношений в современном мире закономерно приводит к цифровизации системы государственного управления. Согласно положениям Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [3], Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [2] и утвержденным мерам по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий [1] создание и применение информационных технологий обозначено в качестве одного из приоритетов обеспечения национальных интересов. Помимо распространяющихся в настоящее время технологий «электронного правительства», толчок к развитию в России получают и цифровые механизмы контроля, в том числе над обществом. Возможности цифрового управления и использования искусственного интеллекта в целях обеспечения эффективности процессов принятия управленческих решений и реализации социальной политики рассматриваются в качестве приоритетных задач развития государственного управления в России. В качестве идейной основы формирования российских механизмов наблюдения уже в течение длительного времени исследуется китайская система социального оценивания граждан в аспекте возможности внедрения аналогий в нашей стране, в том числе при осуществлении государством своих полномочий.

Под социальным рейтингом граждан следует понимать систему контроля социальной деятельности граждан, оцениваемую по нескольким признакам [7, 10]. На примере китайской системы оценивания граждан в качестве таких признаков используются следующие сведения: оплата обязательных платежей в бюджет, своевременность погашения кредитных обязательств, оплата коммунальных платежей, наличие судебных взысканий, соблюдение/нарушение правил дорожного движения, общественная деятельность, покупательские привычки и некоторые другие признаки [19, 20].

На сегодняшний день в нашей стране использование подобных механизмов может быть направлено на обеспечение информационной безопасности, а также для формирования общих сведений о запросах общественности. Вместе с тем, со стороны органов государственной власти предпринимается всё большее число мер, сосредоточенных на формировании социальных рейтингов граждан, а среди исследователей всё больше поднимаются вопросы проблемных аспектов внедрения социальных рейтингов в деятельность государственных органов (Петров А.А. [13, 14], Буткевич С.А. [5], Корсуков А.А. [11], Решетников С.В. [15], Трощинский П.В. [16], Графов Д.Б. [6], Уринцов А.И. [17], Миняев В.В. [12]). В связи с этим представляется актуальным рассмотрение вопросов, связанных с готовностью населения к внедрению механизмов социального оценивания граждан в контексте реализации государственных функций и полномочий.

Методология исследования

Механизм социального оценивания граждан, несмотря на свое широкое обсуждение в обществе и среди госу-

дарственных структур, имеет свои недостатки, которые необходимо учитывать и анализировать. Цель исследования – анализ готовности и отношения населения к социальному рейтингованию и оценка перспектив внедрения механизмов социального оценивания граждан в рамках их дальнейшего использования государственными органами в ходе реализации возложенных полномочий. Предмет исследования – отношение граждан Российской Федерации к системе социального оценивания граждан в аспекте его влияния на внедрение механизмов социального рейтинга.

Перспективы внедрения механизма социального оценивания граждан в контексте реализации государственных функций и полномочий были оценены путем исследования мнения граждан, так как в основе таких механизмов будет заложена социальная жизнь каждого отдельного взятого гражданина и именно его права и интересы будут затронуты при внедрении механизмов. Для выявления мнения граждан по вопросам осведомленности о механизмах, выбранных основных ориентирах и предполагаемых рисках внедрения был проведен анкетный опрос (N = 150). Опросом не предусматривалось ранжирование респондентов по возрасту, уровню достатка, профессии и иным индивидуализирующим характеристикам граждан, поэтому результат обобщенный.

Результаты

Для оценки уровня осведомленности о существующих механизмах социального оценивания граждан, которые уже точно применяются органами власти, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Знаете ли вы о механизмах социального оценивания граждан, применяемых органами власти?» с одиночным выбором ответа «да» или «нет». Ответы граждан разделились практически поровну – 52% респондентов знали о таких механизмах, 48% – нет. Такой результат позволяет говорить о проблеме низкой осведомленности об уже применяемых органами власти системах социального оценивания граждан, что в большей степени может быть связано с отсутствием понимания механизмов социального оценивания граждан в целом.

На вопрос: «Хотели бы вы всеобщего внедрения механизмов социального оценивания граждан в деятельность органов власти для назначения ими мер поощрения или наказания, основываясь на рейтинге гражданина?» 36% респондентов поддержало идею всеобщего механизма социального оценивания граждан, 16% высказалось против, а 48% затруднились в своем ответе.

Тем самым, в два раза больше респондентов оказались за внедрение механизмов социального оценивания граждан в деятельность органов власти для назначения ими мер поощрения или наказания, что в целом можно считать положительным фундаментом.

Однако при сопоставлении результатов первого и второго вопроса, следует отметить, что затруднились с ответом такое же число респондентов, которые не имели на сегодняшний день представлений о том, что представляет собой социальное оценивание граждан. Это также подтверждает наличие проблемы осведомленности граждан, решением которой может стать «социальная реклама» механизма рейтингования населения для граждан со стороны органов власти, оповещение о ее преимуществах и основных принципах функционирования, что позволит повысить уровень осведомленности граждан и поднять степень доверия населения к рассматриваемым механизмам [18].

Оценить уровень готовности граждан к действиям, способным повысить их социальный рейтинг позволил

следующий вопрос: «При внедрении механизмов социального оценивания граждан вы будете принимать меры по повышению своего рейтинга?». Больше половины респондентов ответило положительно – 68% и только 8% высказалось против.

В качестве рисков внедрения в деятельность органов государственной власти механизмов социального оценивания граждан опрошенные отметили следующее. 1. Риски обмана (мошенничество, изменение и сокрытие данных незаконным путем, коррупция). 2. Риски десоциализации (излишняя опора на критерии социальной оценки с потерей собственной идентификации, полное погружение в собственный рейтинг). 3. Риски слабой информированности населения о подобной системе (непонимание принципа работы, непривычность, недоверие к информации).

Такие результаты, во-первых, указывают на ранее упомянутую проблему слабой информированности населения о механизмах социального оценивания граждан, во-вторых, отражают опасения граждан о риске коррупционности системы, в-третьих, свидетельствуют об ориентированности людей на индивидуальные человеческие качества, а не на унифицированные для всех критерии.

Особый интерес в разрезе современной государственной политики в части укрепления традиционных ценностей в российском обществе представляют ответы респондентов на вопрос, связанный с выделением человеческих ценностей, которые, по мнению респондентов, должны лечь в основу механизмов социального оценивания граждан. Чаще всего респондентами была отмечена честность (40%), также выделяли: семейные ценности (18%), благотворительность (15%), трудолюбие (7%), соблюдение общественных правил (15%), патриотизм (7%).

Обсуждение

Проведенное исследование выявило, что большая часть населения на настоящий момент не имеет достаточных сведений о механизмах социального оценивания граждан, в том числе об их использовании в деятельности органов власти (48%). Люди обладают различными мнениями, предубеждениями и субъективными взглядами, которые могут повлиять на их восприятие рассматриваемой системы. Такая «общественная неизвестность» станет существенным препятствием в процессе всеобщего внедрения механизма социального оценивания граждан для использования при реализации государственных функций и полномочий [8, 9]. Это может создавать несправедливое и неравноценное отношение к некоторым гражданам, основанное на их внешности, политических убеждениях, социальном статусе или принадлежности к определенной группе. Кроме того, отсутствие должного информирования населения о принципах работы таких механизмов при условии их внедрения могут привести к повышению уровня недоверия населения властям.

Вместе с тем, более половины респондентов (68%) согласны предпринимать меры по повышению своего рейтинга в случае его всеобщего внедрения. Однако для эффективного функционирования систем социального оценивания граждан важно не только внедрить эти системы в деятельность, но и подготовить к этому население.

Заключение

В целом, хотя механизм социального оценивания граждан имеет свои положительные аспекты в виде формирова-

ния ценностей и социальных норм, необходимо учитывать его недостатки и возможные негативные последствия. Механизм социального оценивания может приводить к социальному давлению и конформизму. Так люди зачастую стремятся соответствовать общепринятым нормам и ожиданиям общества, опасаясь быть осужденными или исключенными из коллектива. Это может подавлять индивидуальность и независимое мышление граждан, а впоследствии привести к ограничению их свободы и прав на самовыражение.

При внедрении механизмов социального оценивания населения органам государственной власти важную роль необходимо уделить просветительской работе, а также прозрачности внедрения механизмов, что позволит повысить уровень доверия граждан к социальному оцениванию и будет способствовать снижению рисков коррупционности системы оценивания. Немаловажную роль при внедрении социального оценивания должна сыграть цифровизация процесса и возможности искусственного интеллекта, которые будут проводить анализ собираемых данных и предоставлять, подбирать, актуализировать соответствующие социальные услуги для населения. Система социального оценивания должна опираться не на унифицированные критерии, а на индивидуализирующие признаки личности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации».
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).
3. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».
4. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. – Москва: НОРМА, 2023. – 280 с.
5. Буткевич С.А. Система социального кредита в Китайской Народной Республике в зеркале криминологии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 111–116.
6. Графов Д.Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 250–259.
7. Деренко Н.В. Социальный рейтинг как новая задача прикладной статистики в современной экономике // В сборнике: статистика в стратегическом развитии России. Сборник научных трудов. Иркутск, 2020. С. 137–140.
8. Загара С.С. Недоверие граждан к органам власти – насущная проблема современной системы управления // В сборнике: Россия молодая. Сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редколлегия: К.С. Костиков (отв. Ред.) [и др.]. Кемерово, 2022. С. 84206.1–84206.5.
9. Кабанова Е.Е. Особенности взаимодействия органов власти с населением // В сборнике: Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов XVI-II Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 214–217.
10. Катрашова Ю.В., Митяшин Г.Ю., Плотноков В.А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 100–109.
11. Корсуков А.А. Технологии «умного наблюдения» и социального рейтинга в сфере государственного управления // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. С. 56–64.
12. Миняев В.В. Социальный рейтинг в КНР // В сборнике: Теоретические и правоприменительные проблемы современного российского права. Сборник статей. Тюмень, 2022. С. 471–473.
13. Петров А.А. Китайский цифровой профиль или скринговая система социального доверия // Chronos. 2020. № 8 (46). С. 11–24.
14. Петров А.А. Новейшие инструменты четвертой промышленной революции и цифровые механизмы контроля и управления обществом // Chronos. 2020. № 8 (47). С. 24–34.
15. Решетников С.В., Побережная О.Е. Системы социального рейтинга в функционировании социального государства // В сборнике: Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Редколлегия: Г.А. Василевич (отв. Ред.) [и др.]. 2019. С. 258–263.
16. Троцкий П.В. Цифровые технологии и система социального рейтинга в Китае // Eurasia: Statum et Legem. 2020. № 14. С. 114–121.
17. Уринцов А.И., Смирнов Н.В. Некоторые вопросы внедрения системы социального рейтинга // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 5 (32). С. 948–952.
18. Цирин А.М. Цифровое профилирование на государственной службе: понятие и перспективы правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 97–109.
19. Lam T. (2022) The People's Algorithms: Social Credits and the Rise of China's Big (Br)other // The New Politics of Numbers. Executive Politics and Governance. A. Mennicken, R. Salais eds. Palgrave Macmillan, Cham. P. 77–89.
20. Seubert S., Becker C. The democratic impact of strengthening European fundamental rights in the digital age: The example of privacy protection // German Law Journal. 2021. Vol. 22 No. 1. Pp. 31–44.

INTRODUCTION OF MECHANISMS FOR SOCIAL ASSESSMENT OF CITIZENS IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF STATE FUNCTIONS AND POWERS

Mishenin S.A.
Russian State Social University

Currently, the global digitalization of public relations is increasingly concerned with the process of implementing state functions and powers. The subject of the study is the attitude of citizens of the Russian Federation to the system of social assessment of citizens in terms of its impact on the introduction of social rating mechanisms. The purpose of the work is to assess the prospects for the introduction of mechanisms of social assessment of citizens for their further use by state bodies in the implementation of their activities. Main research methods: survey method, analytical method, methods of generalization and systematization of information. The novelty of the study: based on the analysis of the results of a questionnaire survey on the introduction and use by the authorities of mechanisms of social assessment of citizens, aspects of awareness about the mechanisms of social assessment of citizens are identified, as well as the main guidelines and concerns of the population in the process of im-

plementing such mechanisms are identified, on which the prospects for their implementation directly depend.

Keywords: social assessment, social rating, corruption, public administration, awareness, questionnaire survey.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated March 2, 2022 No. 83 "On measures to ensure the accelerated development of the information technology industry in the Russian Federation."
2. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period until 2030").
3. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030."
4. Amelin R.V., Channov S.E. The evolution of law under the influence of digital technologies. – Moscow: NORM, 2023. – 280 p.
5. Butkevich S.A. The social credit system in the People's Republic of China in the mirror of criminology // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. pp. 111–116.
6. Grafov D.B. The social rating system in the PRC as an information and communication technology of reward and punishment // Power. 2020. T. 28. No. 2. pp. 250–259.
7. Derenko N.V. Social rating as a new task of applied statistics in modern economics // In the collection: statistics in the strategic development of Russia. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2020. pp. 137–140.
8. Zagara S.S. Citizens' distrust of authorities is a pressing problem of the modern management system // In the collection: Young Russia. Collection of materials from the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Editorial Board: K.S. Kostikov (responsible editor) [and others]. Kemerovo, 2022. pp. 84206.1–84206.5.
9. Kabanova E.E. Features of interaction between authorities and the population // In the collection: Current problems of society, economics and law in the context of global challenges. Collection of materials from the XVIII International Scientific and Practical Conference. – St. Petersburg, 2023. – pp. 214–217.
10. Katrashova Yu.V., Mityashin G.Yu., Plotnikov V.A. The social rating system as a form of state control over society: prospects for implementation and development, threats to implementation // Management Consulting. 2021. No. 2. P. 100–109.
11. Korsukov A.A. Technologies of "smart observation" and social rating in the field of public administration // Theories and problems of political research. 2020. Vol. 9. No. 5A. pp. 56–64.
12. Minyaev V.V. Social rating in China // In the collection: Theoretical and law enforcement problems of modern Russian law. Digest of articles. Tyumen, 2022. pp. 471–473.
13. Petrov A.A. Chinese digital profile or social trust scoring system // Chronos. 2020. No. 8 (46). pp. 11–24.
14. Petrov A.A. The latest tools of the fourth industrial revolution and digital mechanisms of control and management of society // Chronos. 2020. No. 8 (47). pp. 24–34.
15. Reshetnikov S.V., Poberezhnaya O.E. Social rating systems in the functioning of a social state // In the collection: Constitutional and legal foundations for the development of the Republic of Belarus as a social state in modern conditions. Materials of the international scientific and practical conference. Editorial Board: G.A. Vasilevich (responsible editor) [and others]. 2019, pp. 258–263.
16. Troshchinsky P.V. Digital technologies and the social rating system in China // Eurasia: Statum et Legem. 2020. No. 14. pp. 114–121.
17. Urintsov A.I., Smirnov N.V. Some issues of implementing a social rating system // Alley of Science. 2019. T. 1. No. 5 (32). pp. 948–952.
18. Tsinin A.M. Digital profiling in the public service: concept and prospects of legal regulation // Journal of Russian Law. 2022. No. 10. pp. 97–109.
19. Lam T. (2022) The People's Algorithms: Social Credits and the Rise of China's Big (Br)other // The New Politics of Numbers. Executive Politics and Governance. A. Mennicken, R. Salais eds. Palgrave Macmillan, Cham. P. 77–89.
20. Seubert S., Becker C. The democratic impact of strengthening European fundamental rights in the digital age: The example of privacy protection // German Law Journal. 2021. Vol. 22 No. 1. pp. 31–44.

Социально-экономический эффект развития системы дистанционного образования в социальных сетях

Мкртумова Ирина Владимировна,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и соц-псих. процессов, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

E-mail: Mkrtumova.IV@rea.ru

Горюнова Светлана Александровна,

аспирант кафедры политического анализа и соц-псих. процессов ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

E-mail: svetochka_goryunova1553@mail.ru

В современном мире все активнее развивается онлайн-образование. Появляются возможности проходить обучение практически в любом направлении и по любой тематике. В статье анализируются методологические основания, практические этапы и социальные эффекты становления дистанционного образования в стране. Также приведены статистические данные по суммарной годовой выручке онлайн-проектов в социальных сетях в 2022 году, выделяются направления обучения и траты пользователей на онлайн-образование. Авторы подчеркивают, что лидерами на рынке образовательных онлайн-проектов являются такие компании, как Skillbox, Skyeng, и Яндекс Практикум, а также инфобизнес, который активно развивается посредством социальных сетей. В статье приводятся примеры гайдов, рекламы онлайн-курсов с указанием их стоимости, описываются наиболее востребованные направления онлайн-образования в России. Авторы выделяют положительные и негативные стороны реализации образовательных онлайн-продуктов в социальных сетях, отмечает основные тенденции развития рынка онлайн-образования в нашей стране. В заключение статьи подчеркивается, что на современном этапе тренды развития рынка онлайн-образования в социальных сетях свидетельствуют о постоянном росте популярности онлайн-курсов и вебинаров, персонализации процесса обучения, а также расширении доступа к практико-ориентированному образованию.

Ключевые слова: социальные сети, онлайн-образование, гайд, чек-лист, платформа GetCourse, онлайн-курсы, мастер-класс, блогер, инфобизнес.

Введение

В современном мире все активнее развивается онлайн-образование. Сейчас становится возможным пройти обучение абсолютно в любом направлении и по любой тематике, начиная от того, как стать эффективным спикером и заканчивая тем, как правильно убраться в доме. Такая тенденция возникла вследствие появления культуры развития человека, который начал формировать спрос на онлайн-продукты [10]. Люди разного возраста стараются духовно развиваться, повышать свой личностный и профессиональный уровень, самосовершенствоваться с целью укрепления физического и психического здоровья, организации досуга, развития творческого потенциала, формирования навыков правильного питания, увеличения собственного дохода, самореализации и самоактуализации. Безусловно, данные цели и потребности человека, по большей части, можно охарактеризовать как созидательные. В том, что люди развиваются и стараются достичь высоких результатов путем прохождения онлайн-обучения, нет ничего плохого, однако данная форма организации образовательной деятельности имеет как положительные, так и отрицательные стороны и оказывает разное влияние на потребителя этого контента, на его поведение в повседневной жизни.

Дискуссия

Изучение феномена онлайн-образования в социальных сетях, изменившего форму и содержание образовательного процесса, неразрывно связано с историей исследований информационного общества. Сам концепт «информационное общество» возник в 1960-х годах, благодаря трудам Ю. Хаяши, указавшего, что движущей силой образования и развития общества становится производство информационного продукта [5, 30–35]. Среди зарубежных авторов, рассматривающих на рубеже веков проблемы конвергенции медиа ресурсов, медиаэволюции следует отметить работы Д. Белла [1], П. Дракера [2], М. Кастельса [3], Э. Тоффлера [4] и др. Эти исследования сформировали методологические основания «теории информационного общества». Понятие «сетевое общество» было сформировано в 90-е годы XX века в работах П. Дракера [2] и М. Кастельса [3].

Д. Белл, в своем труде «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» [1], писал о переходе от производства вещей «к производству услуг, связанных с образованием, здравоохранением, исследованиями и управлением».

Существенный вклад в осознание роли информации в развитии общества внесли труды Э. Тоффлера [1], который предугадал в т.ч. и появление удаленного устройства. Ученый писал, что будущее – за «умной» техникой, которая способна изменить жизненный уклад, когда «возможности организации работы на дому резко возрастут».

Исследованию социологии социального пространства были посвящены труды П. Бурдьё [6] и др. Многие отечественные ученые, в т.ч. В.В. Кихтан, Д.А. [13], Губанов [7], В.М. Сазонов [8], Ершов А.Н. [9], Краснова Г.А.,

Можаева Г. В. [12] и др. изучали различные аспекты возможностей применения социальных сетей.

Развитие электронного обучения в нашей стране было начато в 1990-х гг. Официально дистанционное образование существует в России с 2001 г., с момента принятия Концепции создания и развития единой системы дистанционного образования в России (Утверждена постановлением Государственного Комитета Российской Федерации по высшему образованию от 1 января 2001 г. № 6), в т. ч. для повышения доступности и качества учебных программ. После этого в нескольких крупных вузах страны были внедрены первые прототипы систем дистанционного образования (СДО) [9]. С 1995 г. шла работа по созданию федеральных экспериментальных площадок по дистанционному обучению¹. Один из авторов данной статьи имел опыт разработки, организации и осуществления дистанционного обучения студентов-инвалидов в Академии управления «ТИСБИ» г. Казани (ДАО ТИСБИ – дистанционного асинхронного обучения Татарского института содействия бизнесу) в 1998–2005 гг. в должности проректора по дистанционному обучению [10]. Интернет-система «ДАО ТИСБИ» в начале 2000-х годов стала информационной платформой одной из федеральных площадок дистанционного обучения инвалидов на базе Академии управления «ТИСБИ» (ныне – Университета «ТИСБИ»). Позднее, в 2005–2012 гг., автор занимался организацией аналогичного проекта в Москве в Международном независимом эколого-политологическом университете (МНЭПУ) в должности проректора по развитию. За это время высшее образование в дистанционном формате в указанных вузах получили свыше 500 студентов-инвалидов.

В истории развития онлайн образования исследователи выделяли четыре этапа [12], но уже можно выделить шесть альтераций. Так, в начале 1990-х гг. основной формой электронного образования были электронные учебники и организационно становление электронного обучения определялось строгой централизацией. В начале 2000-х гг. централизованно разрабатывались системы дистанционного обучения. В середине десятилетия разрабатываются первые облачные сервисы. В 2008–2011 гг. на передовые позиции электронного образования выходят открытые курсы и развитие электронного обучения носит децентрализованный характер. Пятый этап связан с появлением и развитием массовых открытых онлайн-курсов [7]. В 2018–2019 гг. можно говорить о шестом этапе развития онлайн образования, фронтиром которого является размещение в социальных сетях открытых массовых практико-ориентированных онлайн-курсов, что значимо расширяет возможности для профессионального и личностного роста и самореализации слушателей, не зависимо от регионов их проживания.

Результаты исследования

Рынок онлайн-образования известен как Edtech. Обратившись к рейтингу агентства Smart Ranking, который был составлен по итогам 2022 года, можно констатировать, что суммарная годовая выручка от реализации образовательных онлайн-проектов в 2022 году составила более 86 млрд рублей, что на 17% больше, по сравнению

¹ О применении опыта федеральной экспериментальной площадки министерства образования и науки РФ по дистанционному обучению на базе академии управления «ТИСБИ» в целях организации дистанционного обучения военнослужащих. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/424/44415.php> (дата обращения: 15.02.2024).

с предыдущим, 2021 годом². Такие цифры наглядно подтверждают существующие тенденции и возрастающий спрос на дистанционное обучение.

Если анализировать популярные направления, которые склонны выбирать пользователи Интернета, то к ним, в первую очередь относят IT-профессии и маркетинг. По данным исследования, проведенного по итогам 2022 года, обучение по указанному выше направлению прошли более 2,6 млн чел. Вторым по популярности направлением стало обучение профессиям в сфере образования (коуч, тренер, педдизайнер, геймификатор, продюсер онлайн-курсов, тьютор и др.). В данной сфере такое обучение прошли около 2,2 млн чел. На третьем и четвертых местах расположились такие направления, как красота, спорт, здоровье и финансы, бухгалтерия, право. Пятое место было отведено хобби, творчеству и личностному развитию³.

Лидерами на рынке онлайн-образования являются такие компании, как Skillbox, Skyeng, и Яндекс Практикум, а также инфобизнес, который активно развивается посредством социальных сетей. Под инфобизнесом принято понимать продажу индивидами: блогерами, авторами, трансляторами контента и др., своих знаний, навыков и опыта другим людям⁴. Бытует мнение, что этот вид коммерческой деятельности появился только в XXI веке с расцветом интернета. В действительности информационный бизнес существует примерно столько же, сколько и человечество, поскольку еще древние люди старались поделиться своими навыками друг с другом за пропитание, теплую одежду или ночлеги⁵.

Наиболее активное развитие инфобизнес получил в 2019–2020 гг., когда блогеры начали реализовывать различные тематические чек-листы, гайды, мелкие онлайн-продукты.

Период 2020–2021 гг. характеризуется массовым появлением на онлайн-рынке таких образовательных продуктов, как интенсивы, марафоны, курсы, цена на которые варьировалась от 1,5–5 тыс. руб. до 200 тыс. руб. за один продукт⁶ (рис. 3). Например, блог «Анастасия Трофимова. Первые деньги в инстаграмм. 2020». В т. ч. предлагаются «пакеты» онлайн-курсов «7 Новых наборов для 7 целей», «Богатый блогер» и др.⁷.

² Edtech-рынок прибавил 17% по итогам 2022 года – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edtechs.ru/blog/post/edtech-rynok-pribavil-17-po-itogam-2022goda?ysclid=iflklp-k7c4967982394> (дата обращения 22.01.2024).

³ Исследование российского рынка онлайн-образования: построение EdTech-экосистем, усиление роли государства, выход на международный рынок – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://netology.ru/blog/06-2023-edtech-research?ysclid=iflkk2csis851244857> (дата обращения 22.01.2024).

⁴ История инфобизнеса в России и его перспективы – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://the-accel.ru/istoriya-infobiznesa-v-rossii-i-egoperspektivy/?ysclid=lskqjs7g6n425250711> (дата обращения 02.02.2024).

⁵ История инфобизнеса в России и его перспективы – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://the-accel.ru/istoriya-infobiznesa-v-rossii-i-egoperspektivy/?ysclid=lskqjs7g6n425250711> (дата обращения 02.02.2024).

⁶ История инфобизнеса в России и его перспективы – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://the-accel.ru/istoriya-infobiznesa-v-rossii-i-egoperspektivy/?ysclid=lskqjs7g6n425250711> (дата обращения 02.02.2024).

⁷ [Анастасия Трофимова] Первые деньги в Инстаграм* – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://freekurses.site/product/anastasija-trofimova-pervye-dengi-v-instagram-2020/?ysclid=lskpaczkqf402558236> (дата обращения 08.02.2024). * Организация, признанная в России экстремистской.

К 2023 году стали известны и инфопродукты стоимостью в несколько миллионов рублей. Например, тарифы инфопродукта Дани Волк¹.

Большинство инфопредпринимателей проводят свои онлайн-курсы и открывают онлайн-школы на платформе GetCourse, которая отличается своим удобством, дружелюбным интерфейсом и высокой производительностью. Кроме этого, разработчики платформы GetCourse каждый год подводят итоги деятельности блогеров и выявляют тренды онлайн-образования. Так, по данным GetCourse, оборот всех онлайн-школ, размещенных на данной платформе составил 95 млрд руб. только по итогам 2022 года. Наиболее популярными нишами на современном рынке считаются²:

- профессии (оборот составил 16 млрд руб.);
- заработок (оборот составил 10 млрд руб.);
- здоровье (оборот составил 10 млрд руб.).

К следующим направлениям по популярности следует отнести психологию (7,5 млрд руб.), эзотику (6,2 млрд руб.) и различные хобби (5 млрд руб.)³.

Кроме того, на официальном сайте GetCourse представлены данные по количеству проведенных тренингов в 2022 году, а также по численности человек, прошедших обучение на их платформе. Так, за 2022 год на GetCourse было создано и проведено 239 тыс. тренингов, а всего обучение прошли 7 547 758 слушателей⁴.

Годовой заработок онлайн-школ превысил 1 млн руб. по следующим направлениям: ниша «Профессии» (761 школа), ниша «Заработок» (389 школ), ниша «Здоровье» (298 школ), ниша «Личностный рост» (262 школы), ниша «Эзотерика» (228 школ), ниша «Психология» (222 школы), ниша «Женские тренинги» (220 школ), ниша «Хобби» (219 школ)⁵.

Кроме того, в современных условиях «господства» медиа ресурсов дополнительный доход инфопредприниматели получают от размещения рекламных роликов, информации рекламного характера, имеющих зачастую не образовательный эффект, а являющихся мощным инструментом моделирования и интериоризации определенных социальных реальностей в сознание различных социальных групп людей [11].

Следует подчеркнуть, что стратегии рекламного манипулирования, как правило, основаны на принципах внедрения скрытых убеждений и ценностей на уровне подсознания, подчиняющихся коммерческим интересам блогеров, что приводит к неосознанному структурированию потребительского выбора пользователей.

Помимо заработка на продвижении рекламных продуктов, блогеры прибегают и к другим способам получения дохода на рынке онлайн-образования, которых в настоящее время известно немало. К ним можно отнести: консультации, наставничество, менторство, фокус-группы, вебинары, курсы, мастер-классы, тренинги, сообщества и т.д. Отмеченные способы продвижения приносят успех при условии сильного личного бренда инфопредпринимателя. Под личным брендом подразумевается совокупность характеристик и особенностей, присущих личности [12]. Личный бренд включает в се-

¹ Сафари / Сокровища пустыни Edition – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://danyavolk-safari.ru/?ysclid=lskn-7loeq7752560767> (дата обращения 07.02.2024).

² Итоги 2022 года от Getcourse – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://getcourse.ru/blog/1015833?ysclid=flfmc-0nykg534447341> (дата обращения 22.01.2024).

³ Там же.

⁴ GetCourse – платформа для запуска курсов, онлайн-школ – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://getcourse.ru/?ysclid=lskqp7s29q341087876> (дата обращения 03.02.2024).

⁵ Там же.

бя ценности, интересы человека, его профессиональную деятельность, цель, миссию, характер, жизненные принципы и многое другое. В случае установления посредством предлагаемых контентов в социальных сетях атмосферы сотрудничества, доброжелательных взаимоотношений, спрос на онлайн-продукты блогеров будет гораздо выше, чем при отсутствии сформированного личного бренда или его неграмотном построении.

Исходя из вышесказанного следует отметить, что:

- несмотря на все потрясения и ограничения, связанные с санкционной нагрузкой на социально-экономическую сферу нашей страны, рынок онлайн-образования в социальных сетях не только восстановился, но и продолжает динамично и уверенно развиваться;
 - ежегодно на рынке онлайн-продуктов появляется все больше новых инфопредпринимателей, которые при грамотном подходе и точном применении инструментов продвижения, создают и реализуют успешные онлайн-проекты;
 - пользователи социальных сетей разного возраста продолжают покупать онлайн-продукты не только для профессионального развития, но и для личностного роста;
 - независимо от занимаемой ниши, каждый пятый онлайн-продукт на платформе GetCourse приносит заработок инфопредпринимателю более чем 1 млн рублей, отдельный доход формируется у блогеров при реализации информации рекламного характера. Однако необходимо выделить положительные и отрицательные стороны реализации образовательных онлайн-продуктов в социальных сетях, оказывающих влияние на перспективы и тенденции развития рынка онлайн-образования в России. К положительным моментам следует отнести:
 - гибкость и удобство обучения (пользователи социальных сетей могут выбирать удобное время и место для изучения материала);
 - доступ к широкому выбору курсов, мастер-классов, вебинаров, интерактивов (онлайн-платформы предлагают продукты по различным тематикам, что позволяет людям выбирать интересующие их направления деятельности и личностного развития);
 - экономию времени и денег (пользователи социальных сетей могут изучать предложенный контент не выходя из дома, что позволяет сэкономить время и деньги на поездки в профилирующие учреждения);
 - возможность освоения онлайн-программ с учетом возрастных и психофизиологических особенностей пользователей.
- Негативные стороны онлайн-образования включают в себя:
- существование риска попадания на мошенническую схему, заключающуюся в предоставлении некачественных образовательных услуг, а зачастую, не предлагающую вообще никаких онлайн-материалов для дистанционного обучения;
 - возникновение риска отсутствия мотивации при изучении онлайн-программ, что, зачастую, приводит к прекращению обучения пользователями социальных сетей;
 - недостаток практических навыков и компетенций (многие онлайн-курсы не формируют практические навыки и умения, не предоставляют возможностей для их совершенствования в силу ограниченности дистанционным взаимодействием с пользователями социальных сетей или методически неграмотным составлением обучающей онлайн-программы);
 - возникновение риска воздействия рекламного манипулирования, основанного на принципах внедре-

ния скрытых убеждений и ценностей на уровне подсознания, подчиняющихся коммерческим интересам блогеров, что приводит к неосознанному структурированию потребительского выбора пользователей.

К основным тенденциям развития рынка онлайн-образования в социальных сетях следует отнести:

1. Развитие персонализированного обучения, заключающегося в создании в социальных сетях профилей каждого пользователя и появлении возможности отслеживания реальных результатов онлайн-обучения.

2. Возникновение коллаборативного обучения, приводящего к более эффективному взаимодействию и сотрудничеству пользователей через сеть Интернет.

3. Формирование современных цифровых платформ для проведения онлайн-курсов, вебинаров, мастер-классов и других образовательных мероприятий, максимальное использование возможностей сети Интернет, применение мультимедийных ресурсов, интерактивного контента, элементов визуализации и различных специальных эффектов.

4. Расширение доступа к образовательным онлайн-программам людей разного возраста, социального положения и достатка, проведение обучения не только на территории России, но и за ее пределами.

5. Создание сильных персональных брендов, позволяющих блогерам, тренерам, консультантам и другим специалистам в области разработки и внедрения онлайн-продуктов, расширять свою онлайн-аудиторию и монетизировать свои компетенции, умения и навыки через социальные сети.

6. Расширение партнерского маркетинга и создание масштабных рекламных кампаний инфобизнесменами, которые смогут использовать социальные сети для партнерского маркетинга, рекламы своих онлайн-продуктов и услуг, привлечения спонсоров и партнеров к своей деятельности.

7. Получение инфопредпринимателями возможности активного участия в аффилиат-программах путем продвижения онлайн-продуктов других блогеров или компаний с последующим денежным вознаграждением за данное участие.

8. Повышение уровня коммуникации блогера с аудиторией, что позволяет осуществлять эффективную обратную связь, проводить социологические опросы и научные исследования для выявления потребностей, интересов целевой аудитории и формирования перспективных направлений развития рынка онлайн-образования в нашей стране.

Заключение

Таким образом, на современном этапе тренды развития рынка онлайн-образования в социальных сетях свидетельствуют о постоянном росте популярности практико-ориентированных онлайн-курсов и вебинаров, персонализации процесса обучения, а также о расширении доступа к образовательным ресурсам. Эти тенденции не только отражают растущие потребности информационного общества в непрерывном образовании, но и подчеркивают необходимость адаптации образовательных систем к изменяющимся условиям цифровизации. Важно отметить, что динамичное развитие технологий обучения в Интернете и социальных сетях способствует инклюзивности и демократизации образовательного пространства, делая знания более доступными для широкого круга слушателей, не зависимо от регионов их проживания. Продолжающаяся эволюция социальных сетей как образовательных платформ предоставляет уникальные возможности для создания интерактивного, модульного

обучения, способного адаптироваться под индивидуальные образовательные траектории и стили обучения. Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что успешное внедрение инновационных форматов онлайн-образования требует профессионального управленческого подхода к модернизации содержания обучающих программ, повышения качества контента и постоянного улучшения технологических платформ.

В ближайшей перспективе можно ожидать дальнейшего проникновения онлайн-образования в социальные сети в повседневную жизнь, расширяя возможности постоянного, доступного и разно-форматного обучения. Известный лозунг ЮНЕСКО «Образование через всю жизнь» становится все более актуальным. В результате и авторов, разработчиков образовательных программ, и обучающихся ожидают значительные трансформации и расширение возможностей для профессионального и личностного роста и самореализации.

Литература

1. Bell D. The Coming of Postindustrial Society. A venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books, Inc., 1973.
2. Дракер П. Посткапиталистическое общество. СПб., 1999.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2001.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 345 с.
5. Алексеева И.Н. Возникновение идеологии информационного общества // Информационное общество. 1999. № 1. – С. 30–35.
6. Бурдье П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2013. 288 с.
7. Губанов Д.А. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010. 225 с.
8. Сазонов В.М. Социально-сетевые технологии. Системный анализ и прогноз. М.: [N/A], 2010. URL: <http://spkurdyumov.ru/biology/socialnye-seti-analiz-i-perspektivy/> (дата обращения 14.01.2024).
9. Ершов А.Н., Салатова А.А. Развитие современного российского рынка онлайн-образования с позиций общества знания // Регионоведение. 2020. № 3 (112). С. 56–62.
10. Мкртумова И.В. Интернет-система ДАО: опыт внедрения в обучении инвалидов // Тезисы доклада международной конференции – Красноярск: КГТУ, 2002. С. 34–38.
11. Векторы социально-экономического развития России: современные вызовы и возможности: монография / С.А. Горюнова, И.В. Мкртумова [и др.]; гл. ред. Э.В. Фомин; Чувашский государственный институт культуры и искусств. – Чебоксары: Среда, 2024. С. 172–178.
12. Краснова Г.А., Можяева Г.В. Электронное образование в эпоху цифровой трансформации. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. – 200 с. ISBN 978-5-94621-813-9
13. Кихтан В.В. Образовательный контент в интернет-медиа: история становления и тенденции развития // Автоф.дисс... д.ф.н.-М., 2011.44 с.
14. Городович А.В. Модели, алгоритмы и инструментальные средства адаптивного обучения / Автореф. дис...к.т.н. Томск: ФГБОУ ВО «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники» 2022. 24 с.

SOCIO-ECONOMIC EFFECT OF THE DEVELOPMENT OF DISTANCE EDUCATION SYSTEM IN SOCIAL NETWORKS

Mkrtumova I.V., Goryunova S.A.

Plekhanov Russian University of Economics

Online education is developing more and more in the modern world. There are opportunities to undergo training in almost any direction and on any subject. The article analyzes the methodological foundations, practical stages and social effects of the formation of distance education in the country. It also provides statistical data on the total annual revenue of online projects in social networks in 2022, highlights the directions of education and users' spending on online education. The authors emphasize that the leaders in the market of online educational projects are such companies as Skillbox, Skyeng, and Yandex Practicum, as well as infobusinesses that are actively developing through social networks. The article gives examples of guides, advertisements of online courses with their cost, describes the most demanded directions of online education in Russia. The authors highlight the positive and negative sides of the realization of online educational products in social networks, notes the main trends in the development of the online education market in our country. The article concludes by emphasizing that at the present stage the trends of development of the online education market in social networks show a constant growth in the popularity of online courses and webinars, personalization of the learning process, as well as expanding access to practice-oriented education.

Keywords: social media, online education, guide, checklist, Get-Corse platform, online courses, masterclass, blogger, infobusiness.

References

1. Bell D. The Coming of Postindustrial Society. A venture in Social Forecasting. N.Y., Basic Books. Inc., 1973.
2. Drucker P. Postkapitalisticheskoe obshchestvo [Postcapitalist Society]. St Petersburg, 1999.
3. Castells M. Informacionnaya e`poxa: e`konomika, obshchestvo i kul`tura [Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2001.
4. Toffler E. Tre`ya volna [The Third Wave]. Moscow, LLC "Firm "Publishing ACT", 2004, 345 p.
5. Alekseeva I.N. The emergence of the ideology of information society. Informacionnoe obshchestvo [Information Society], 1999, № 1, pp. 30–35 (in Russian).
6. Bourdieu P. Sociology of Social [Space Sociology of Social Space]. St Petersburg, Aleteia, 2013, 288 p.
7. Gubanov D.A. Social`ny`e seti: modeli informacionnogo vliyaniya, upravleniya i protivoborstva [Social networks: models of information influence, management and confrontation]. Moscow, Fizmatlit, 2010, 225 p.
8. Sazonov V.M. Social`no-setevy`e tehnologii. Sistemny`j analiz i prognoz [Social Network Technologies. System analysis and forecast]. Moscow, [N/A], 2010. Available at: <http://spkurdyumov.ru/biology/socialnye-seti-analiz-i-perspektivy/> (Accessed 14 January 2024) (in Russian).
9. Ershov A. N., Salatova A.A. Development of the modern Russian market of online education from the perspective of the knowledge society. Regionologiya [Regionology], 2020, № 3 (112), pp. 56–62 (in Russian).
10. Mkrtumova I.V. Internet-system of the DAO: experience of implementation in the training of disabled people. Tezisy` doklada. mezhdunarodnoj konferencii [Abstracts of the report of the international conference], Krasnoyarsk, KSTU, 2002, pp. 34–38 (in Russian).
11. Goryunova S. A., Mkrtumova I.V. Vectors of socio-economic development of Russia: modern challenges and opportunities: a monograph. Chuvashskij gosudarstvenny`j institut kul`tury` i iskusstv [Chuvash State Institute of Culture and Arts], Cheboksary, Sreda, 2024, pp. 172–178 (in Russian).
12. Krasnova G.A., Mozhaeva G.V. E-education in the era of digital transformation. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 200 p. ISBN 978-5-94621-813-9 (in Russian).
13. Kikhtan V.B. Imagery content in the internet-media: history and content n`denции развития /// Автоф.дисс... д.ф.н.-М., 2011.44 с.
14. Gorodovich A.B. Models, algorithms and instrumental means of adaptation я / Автореф. дис...к.т.н. Томск: ФГБОУ ВО «Томский government unity system ления and radioelectronics 2022. 24 с.

Подходы к выбору методов социальной работы с неполными семьями

Николаева Татьяна Анатольевна,

канд. филос. наук, доцент Высшей школы социально-политических наук, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

E-mail: tatyana77-07_77@mail.ru

В статье рассматриваются методы социальной работы с неполными семьями в современной России. Исследование основано на анализе текущей социальной ситуации и проблем, с которыми сталкиваются неполные семьи в России. В статье приводится обзор основных методов социальной работы, применяемых специалистами в данной области, включая психологическую поддержку, социальное консультирование, семейное восстановление и различные программы социальной адаптации. Также обсуждаются трудности, с которыми сталкиваются специалисты в процессе работы с неполными семьями, такие как отсутствие финансовых ресурсов, социокультурные различия и юридические аспекты. В заключении статьи делается акцент на важности развития индивидуальных подходов и комплексного подхода к работе с неполными семьями с учетом их уникальных потребностей и особенностей.

Ключевые слова: неполная семья, типология неполной семьи, социальная работа, методы социальной работы, подходы, проблемы неполной семьи, социальная терапия, социальная профилактика, социальное консультирование, социальные программы.

Социальная работа является одной из ключевых сфер деятельности, которая направлена на поддержку и улучшение жизни людей. В современном обществе существует множество различных типов семей, и каждый из них имеет свои специфические потребности. Особое внимание уделяется неполным семьям, которые сталкиваются с рядом трудностей и проблем, требующих профессионального вмешательства.

Поясним, что значит неполная семья. Это ячейка общества, в которых только один из родителей заботится о детях. Как правило, это семья, возглавляемая женщиной. На сегодняшний день статус отцов-одиночек официально не закреплен в российском законодательстве, однако этот факт не мешает мужчинам, воспитывающим детей без супруги, получать такую же государственную поддержку, как и матери, воспитывающие одного и более детей.

Неполные семьи представляют собой разнообразные семейные структуры, их отличия влияют на методы социальной работы в каждом конкретном случае. Вот типы неполных семей, а также их отличия и особенности: а) разведенные семьи; б) семьи, потерявшие родителя; в) семьи с одинокими родителями (образованные в результате внебрачного рождения ребенка или детей) [6]. Различающиеся типы неполных семей требуют специализированных подходов со стороны социальных работников.

Методы социальной работы с неполными семьями представляют собой комплекс действий и подходов, направленных на оказание помощи этим семьям в преодолении различных социальных, психологических и экономических трудностей. В данной работе будут рассмотрены основные методы социальной работы с неполными семьями, а также особенности их применения в зависимости от конкретных ситуаций и потребностей.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить, какие методы социальной помощи и поддержки являются наиболее эффективными для повышения благополучия неполных семей, оказания помощи детям и родителям, а также предотвращения негативных последствий, связанных с неполным семейным статусом.

Актуальность обусловлена тем, что неполные семьи, сталкиваются с уникальными вызовами и трудностями, как социального, так и психологического характера. Исследование методов социальной работы с такими семьями важно, поскольку оно помогает разработать эффективные программы поддержки, улучшения внутренних взаимоотношений в семье, адаптации детей и взрослых, а также помогает предупреждать негативные последствия, такие как эмоциональные трудности, социальная изоляция, проблемы в поведении детей и другие аспекты, влияющие на качество жизни.

В России проводится много исследований по проблемам неполных семей и причинам их формирования. Известные российские исследователи, такие как Т.А. Гурко, Л.Г. Луныкова, Е. Амбарян, И. Попова, А. Михайлова, Л. Зубок, Л.Б. Шнейдер и др. посвятили свои труды проблемам неполных семей и их влиянию на детей, механизмам их адаптации, развития, социальной поддержки, эффективности психологической помощи.

По данным Федеральной службы государственной статистики на период 2021 года всего в России 27,7 млн

детей младше 18 лет. Среди них 24,5 млн (88%) состоят в семье. С двумя родителями проживает – 9,55 млн (61,5%); одинокие матери с детьми – 4,85 млн (31,3%); одинокие отцы с детьми – 1,13 млн (7,3%). По информации оставшихся 3,2 млн детей мало что известно: некоторые проживают самостоятельно, с опекунами, в детских домах, больницах, монастырях, исправительных учреждениях и т.д. [12]

По официальной статистике за период 2021 гг. родилось вне официально зарегистрированного брака 22% детей. Причем 52% таких детей регистрируют в загсах по совместному заявлению матери и отца. Здесь возникает вероятность того, что родители могут проживать вместе или поддерживают отношения, но не оформляют брак [8].

Следует отметить и то, что семьи как полные, так и неполные могут включать в свой состав и других людей – родственников (бабушки, дедушки, тети, дяди и т.п.) и даже не только. По данным Всероссийской переписи населения за 2020 год среди неполных семей, в которых проживали бабушка или дедушка составляет – 16%, другие люди – 5,3% [10].

По данным Федеральной службы государственной статистики, на период 2023 года в России число неполных семей составляет – 5,6 млн. При этом, около 9,5 тысячи одиноких родителей воспитывает пять и более детей.

Сравнивая периоды с 2021 по 2023 гг., легко заметить, что количество неполных семей, в общем, возросло на 0,8 млн. Этот показатель является тревожным в настоящее время.

Выделим основные факторы, которые оказывают влияние на самочувствие членов неполной семьи. Это, прежде всего, психологические трудности, такие как стресс, депрессия, утрата уверенности в себе и т.д., связанные с самим фактом неполноты семьи и не только. У детей могут возникнуть проблемы поведения, эмоциональные расстройства и трудности в адаптации. Далее, факторы социального характера. Неполные семьи могут сталкиваться с социальной изоляцией, стигматизацией, сложностями во взаимоотношениях с окружающими и т.д. Для многих семей это может привести к ощущению утраты социальной поддержки и солидарности со стороны общества. Следующий фактор – экономический: одиночные родители и семьи, потерявшие кормильца, могут столкнуться с финансовыми трудностями, что затрудняет обеспечение базовых потребностей семьи, таких как питание, жильё, медицинская помощь и образование. И еще, немало значимый фактор – образовательный. Дети в неполной семье могут испытывать затруднения в учебе из-за домашних проблем, отсутствия поддержки со стороны родителей или финансовых трудностей, что может сказаться на их образовательном процессе и будущих возможностях [14].

Следует отметить, что 2024 год в России объявлен Годом семьи. Подписан Указ от 22 ноября Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, который ориентирован на популяризацию государственной политики в сфере защиты семьи и сохранения традиционных семейных ценностей [15]. Одним из приоритетных для государства способов решения проблем малообеспеченных и неполных семей остается выплата пособий и льгот.

Действующие в настоящее время в Российской Федерации пособия, выплаты и льготы на детей из неполных семей: единое пособие на детей от 8 до 17 лет с учетом комплексной оценки нуждаемости, пособие по беременности и родам; единовременную выплату при рождении ребенка и т.д.; льготы (в начислениях в зависимости от региона) – денежные пособия, компенсация оплаты

детских учреждений, компенсация школьного питания и т.д. [3].

Российский государственный деятель РФ и бывший уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка Астахов П.А. отметил, что больше половины родителей периодически не выплачивают своим детям алиментов, а каждый третий совсем не платит [8]. Председатель Партии «Справедливая Россия – за правду» Сергей Миронов, озвучил идею о том, что государство должно гарантировать одиноким родителям выплаты алиментов, если второй родитель уклоняется от уплаты. Руководитель фракции считает, что создание реестра неплательщиков и выплата единого детского пособия не могут быть адекватной заменой такой помощи [11].

В настоящее время в России государство выплачивает дополнительные пособия или компенсации из федерального бюджета в виде денежных средств или социальных услуг лишь в определенных случаях и в отношении определенных категорий граждан. Однако, выплата алиментов злостным неплательщикам напрямую из бюджета в целях компенсации невыплаты алиментов на общенациональном уровне в России в данное время не производится.

Вместо этого, в России приняты различные меры по взысканию долгов по алиментам, включая санкции в отношении злостных неплательщиков, такие как ограничение паспорта и визы, арест имущества, удержание из зарплаты и другие меры, предусмотренные законодательством.

Имеются социальные программы, направленные на поддержку одиноких родителей, включая меры государственной социальной поддержки, цель которых – обеспечение минимально необходимого уровня благосостояния для детей, оставшихся без средств к существованию из-за невыплаты алиментов. Однако, такие выплаты осуществляются не непосредственно взамен невыплаченных алиментов, а в качестве социальной поддержки семьям в трудной жизненной ситуации.

Обратимся к методам социальной работы с неполными семьями. Специалисты этой области оказывают помощь в получении социальной поддержки, консультируют по вопросам трудоустройства, обеспечивают доступ к социально-реабилитационным программам. Социальная работа направлена на предотвращение различных форм социальной и психологической дезадаптации, к которым могут быть подвержены дети и взрослые из неполных семей. Это включает в себя предоставление ресурсов для улучшения психологического благополучия, предоставление консультаций и поддержки в процессе адаптации к новой жизненной ситуации.

Особенно эффективным методом является семейная терапия, которая оказывает помощь не только членам неполной семьи, но и ушедшим из нее родителям. Специалисты оказывают помощь в преодолении конфликтов, улучшении коммуникации между членами семьи, установлении здоровых границ и взаимоотношений. Сюда могут быть включены групповые занятия, обучение навыкам эмпатии и совместной деятельности [5].

Метод социальной профилактики является не менее эффективным, чем семейная терапия. Он направлен на выявление и преодоление проблемных зон в социальной среде развития и воспитания детей, жизнедеятельности взрослых. Профилактика проводится через консультирование семьи, помогая детям справляться с эмоциональными трудностями, связанными с разводом или потерей кого-то из родителей. А для родителей оказывается поддержка в овладении навыками общения с детьми в сложных ситуациях [1].

Социальное консультирование как способ представляет собой процесс, который состоит из нескольких этапов, основанный на отношении доверия между социальным работником и клиентом, направленный на преодоление трудной жизненной ситуации. Первое в этом процессе – это установление графика консультаций. Затем, анализируется, оценивается и диагностируется проблема, далее, определяется цель консультации по сформированной проблеме, устанавливается стратегия и план действия, осуществление действий. И в завершении, проводится оценка результатов консультации и построение выводов [2].

Методы социальной работы учитывают все аспекты и предоставляют комплексную поддержку, включая доступ к социальным программам и образовательной помощи.

Например, программы по финансовому планированию и помощи состоят из консультирования, обучению навыкам бюджетирования, доступа к программам помощи в получении материальной поддержки или льгот, а также обучения финансовой грамотности. Они помогают неполным семьям эффективно управлять своими финансовыми ресурсами и обеспечивать базовые потребности семьи.

При оценке эффективности методов социальной работы с неполными семьями учитывается ряд важных аспектов: психологическое благополучие участников (проводятся психологические тесты и опросы, подвергается мониторингу уровень тревожности, депрессии, самооценки и удовлетворенности жизнью), сбор обратной связи от участников и их семей по поводу каких-либо изменений в их эмоциональном состоянии и отношениях. Анализируется оценка изменения в общении, конфликтах, совместной деятельности и поддержке внутри семьи с помощью структурированного интервью.

Для количественной оценки изменений в качестве взаимодействия между членами семьи используется шкала оценки семейных функций и динамики отношений. Оценивая, успехи детей в образовании и социальной адаптации проводится мониторинг успеваемости, участия вовне учебных мероприятиях и мнения учителей. Оценивается уровень социальной адаптации и развития социальных навыков с помощью социометрических методов и анализа адаптивного поведения детей в реальных ситуациях [1].

Общие тенденции демонстрируют, что методы социальной работы способствуют улучшению психологического благополучия участников, укреплению семейных отношений и успешной социальной адаптации детей из неполных семей и являются эффективными при положительной динамике.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на глубокий анализ влияния конкретных методик и программ на психологическое благополучие участников и динамику семейных отношений. Также важно развивать программы, учитывающие специфику каждой неполной семьи, и адаптировать методы под их индивидуальные потребности. Важным аспектом также является развитие системы поддержки для семей после завершения программы, чтобы обеспечить долгосрочное благополучие и стабильность.

Литература

1. Базанова А.А. Актуальные технологии социальной работы с неполными семьями в современных условиях / А.А. Базанова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37060428> (дата обращения 02.02.2024).

2. Болдина М. А., Грушина Д.В. Социальное консультирование малообеспеченных семей как технология социальной работы // Актуальные проблемы социальной истории и социальной работы: сб. науч. ст. Новочеркасск, 2018. Вып. 2. – С. 176–179.
3. Выплаты неполным семьям: кому положены и как оформить в 2023 году / <https://ria.ru/20220505/vyplaty-1786969597.html>, (дата обращения 02.02.2024).
4. Демографический ежегодник России / <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>, (дата обращения 02.02.2024).
5. Зайнышев И.Г. Технология социальной работы. М., 2012. – 236 с.
6. Нафикова Г.Э. Понятие неполной семьи и ее типы / Г.Э. Нафикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatienepolnoy-semi-i-ee-tipy> (дата обращения 02.02.2024)
7. Николаева Л.А. Особенности социальной работы с неблагополучными семьями / Л.А. Николаева, Т.А. Черникова // Международный научно-исследовательский журнал, 2021. № 6–5 (108). – С. 127–129.
8. Процент неполных семей в России 2023 | Требования в законах 2022 года / <https://polic15.ru/zhilishhnoe-pravo/protsent-nepolnyh-semej-v-rossii-2021> (дата обращения 02.02.2024).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Р32 Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – С. 87–88.
10. Росстат – Всероссийская перепись населения 2020 года / <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>, (дата обращения 02.02.2024).
11. Сергей Миронов: государство должно гарантировать выплаты алиментов, а не прикрываться фигурным листом единого пособия / <https://spravedlivo.ru/13706610>, (дата обращения 02.02.2024).
12. Сколько в России одиноких матерей и отцов / <https://journal.tinkoff.ru/single-parents/>, (дата обращения 02.02.2024).
13. Социальная работа с детьми из неполных семей / https://spravochnick.ru/socialnaya_rabota/socialnaya_rabota_s_detmi_iz_nepolnyh_semey/, (дата обращения 02.02.2024).
14. Щека Н. Ю., Микушева И.С. Факторы, приводящие к малообеспеченности семей // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 4 (21). – С. 406–408.
15. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013>, (дата обращения 02.02.2024).

APPROACHES TO CHOOSING METHODS OF SOCIAL WORK WITH SINGLE-PARENT FAMILIES

Nikolaeva T.A.
Pacific State University

This article conducts a study of methods of social work with single-parent families in modern Russia. The study is based on an analysis of current social situations and problems associated with the difficulties of single-parent families in Russia. The article provides an overview of the main methods of social work, the use of specialists in this field, including psychological support, social counseling, family restoration and various social adaptation programs. There are also difficulties that professionals face when working with single-parent families, such as lack of financial resources, sociocultural aspects and legal aspects. In conclusion, the article focuses on the importance of developing national approaches and an integrated

approach to working with single-parent families, taking into account their uniqueness and characteristics.

Keywords: single-parent family, typology of single-parent families, social work, social work methods, approaches, problems of single-parent families, social therapy, social prevention, social counseling, social programs.

References

1. Bazanova A.A. Current technologies of social work with single-parent families in modern conditions / A.A. Bazanova [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37060428> (access date 02.02.2024).
2. Boldina M. A., Grushina D.V. Social counseling for low-income families as a technology of social work // Current problems of social history and social work: collection. scientific Art. Novocherkassk, 2018. Issue. 2. – pp. 176–179.
3. Payments to single-parent families: who is entitled to it and how to apply for it in 2023 / <https://ria.ru/20220505/vyplaty-1786969597.html>, (date of access 02.02.2024).
4. Demographic Yearbook of Russia / <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>, (access date 02/02/2024).
5. Zainyshev I.G. Technology of social work. M., 2012. – 236 p.
6. Nafikova G.E. The concept of an incomplete family and its types / G.E. Nafikova [Electronic resource]. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatienepolnoy-semi-ite-tipy> (access date 02/02/2024)
7. Nikolaeva L.A. Features of social work with dysfunctional families / L.A. Nikolaeva, T.A. Chernikova // International Scientific Research Journal, 2021. No. 6–5 (108). – pp. 127–129.
8. Percentage of single-parent families in Russia 2023 | Requirements in the laws of 2022 / <https://polic15.ru/zhilishhnoe-pravo/protsent-nepolnyh-semej-v-rossii-2021> (date of access 02.02.2024).
9. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2023: P32 Stat. Sat. / Rosstat. – M., 2023. – P. 87–88.
10. Rosstat – All-Russian Population Census 2020 / <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>, (access date 02/02/2024).
11. Sergei Mironov: the state must guarantee alimony payments, and not hide behind the fig leaf of a single benefit / <https://spravedlivo.ru/13706610>, (accessed 02.02.2024).
12. How many single mothers and fathers are there in Russia / <https://journal.tinkoff.ru/single-parents/>, (date accessed 02/02/2024).
13. Social work with children from single-parent families / https://spravochnick.ru/socialnaya_rabota/socialnaya_rabota_s_detmi_iz_nepolnyh_semey/, (access date 02.02.2024).
14. Shcheka N. Yu., Mikusheva I.S. Factors leading to low-income families // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2017. T. 6. No. 4 (21). – P. 406–408.
15. Decree of the President of the Russian Federation dated November 22, 2023 No. 875 “On the Year of the Family in the Russian Federation” // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013>, (date accessed 02.02.2024).

Отечественная правовая экология, как раздел социальной экологии: управленческий аспект

Новиков Станислав Михайлович,

аспирант, Российский государственный социальный университет

E-mail: st.novikov@mail.ru

Целью статьи является предметное рассмотрение правовых аспектов социальной экологии на примере Российской Федерации и других стран мира. Посредством использования дедуктивного метода научного познания, автором проведен контент-анализ документальных источников, содержащих информацию об отечественной правовой системе экологического права, основных источников, системы законодательных актов в иерархичной последовательности, законов, подзаконных актов. Рассмотрено экологическое право в его историческом развитии, прослеживаются основные этапы его формирования как самостоятельной, целостной концепции. Проанализировано современное экологическое право, как самостоятельная отрасль науки и отводимая ему роль в разрешении специфических социально-управленческих проблем. Проанализированы нормы экологического права в отечественной и зарубежной традиции. Рассмотрены современные правовые нормы экологического законодательства России и других стран.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, правовая семья, нормативный правовой акт, правовое регулирование.

Введение

Одним из наиболее эффективных методов социального контроля является право [20, с. 80]. Зачастую именно влиянием правовых норм объясняется поведение индивида в социуме. По мнению Л.И. Петражицкого при разработке правовых норм законодателям следует опираться на данные исследований в области таких наук как социология и психология [7, с. 6].

По совокупности признаков Россия – правовое государство. Кроме того, наряду с Германией, Францией, Японией наше государство характеризуется романо-германской правовой семьей, где законодательные нормы выступают в качестве основного источника права. Законом обязуется руководствоваться как человек в процессе своей жизнедеятельности, так и государство при осуществлении властно-распорядительных полномочий. В юридической практике закон чаще всего называют нормативным правовым актом, которому присущи следующие черты:

- являются результатом правотворчества представительных (законодательных) органов и, соответственно, исходят от государства;
- включают комплекс правовых норм;
- выражаются в письменной форме;
- принимаются в установленном порядке;
- их исполнение обеспечивается установленным государством аппаратом принуждения [12, с. 14].

Вместе с тем нормативные правовые акты составляют иерархичную систему, которая применительно к Российской Федерации выглядит следующим образом:

1. Международные акты (договоры, конвенции, резолюции и т.д.);
2. Конституция Российской Федерации;
3. Федеральные конституционные законы;
4. Федеральные законы (в т.ч. Кодексы);
5. Подзаконные акты (указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, акты министерств и ведомств);
6. Законы и подзаконные акты субъектов Российской Федерации;
7. Акты органов местного самоуправления.

Однако стоит отметить, что вопрос приоритета международных актов над Конституцией Российской Федерации является дискуссионным.

Методика

При написании данной статьи автором использовался метод контент-анализа документов (юридической литературы (в том числе: законов и подзаконных актов, исторических документов)), связанных тематически с становлением российского законодательства в области экологии. Проведено всестороннее рассмотрение социальной экологии в рамках правового поля Российской Федерации. В ходе проведения исследования автор руководствовался, прежде всего, законодательными актами (действующими и историческими), трудами ученых и практикующих юристов в области юридической литературы. Анализ показал следующее.

Результаты

Экологическое право в России

Принятие правовых норм не имеет под собой никакого смысла при отсутствии механизма для их реализации. В этой связи, законотворческая деятельность представляет собой сложный процесс, в ходе которого юридические нормы принимаются в несколько последовательных этапов от внесения законодательной инициативы, до принятия Государственной Думой Российской Федерации и подписания Президентом Российской Федерации. По результатам принятия, законодательный акт, закрепляющий ту или иную правовую норму, подлежит обнародованию. Действие любого нормативного правового акта наступает, соответственно, с момента его вступления в силу в установленном законодателем порядке.

В процессе принятия нормативного правового акта законодателем предусматриваются возможные механизмы для его реализации, в число которых, в частности, входят «действие иных правовых норм», в том числе обеспечивающих возможность его выполнения и предусматривающих наступление юридической ответственности за его неисполнение (гражданской, административной, уголовной). Кроме того, определяется соответствующий орган, уполномоченный осуществлять от лица государства контроль за исполнением требований предполагаемого законодательного акта.

Вместе с тем, признаком правового государства является разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви. Выше мы кратко описали деятельность органов, которые относятся к законодательной и исполнительной ветвям власти. Рассмотрим же третью, немаловажную ветвь власти, необходимую для существования правового государства, – судебную. В обществе и государстве имеет место возникновение различных споров и коллизий (начиная с бытовых, заканчивая правовыми), деликтных ситуаций. Судебная власть призвана разрешать возникновение споров и решать вопрос о привлечении субъектов права к тому или иному виду юридической ответственности. Руководствуясь, в частности, принципами независимости, равноправия и состязательности сторон, суды рассматривают различные категории судебных дел в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. При этом, стоит отметить, что отдельную категорию административных дел согласно КоАП РФ рассматривают уполномоченные органы государственной власти в пределах соответствующей компетенции (например, Роспотребнадзор рассматривает дела о нарушении санитарно-эпидемиологических требований, Роскомнадзор о нарушении законодательства в сфере массовых коммуникаций и т.д.).

Вместе с тем судебные акты, в частности решения высших судов также могут быть рассмотрены как источники права. В юридической практике пользуется популярностью использование решений судов по аналогичным делам сторонами для подкрепления сформированной позиции, судьям для принятия объективного и всестороннего решения при рассмотрении дел с неоднозначными обстоятельствами. Однако, стоит помнить, что в отличии от стран с англосаксонской правовой семьей, где основным источником права выступает судебный прецедент, судебная практика в нашем государстве не является безусловным и основным источником права. Как было выше обозначено, основным источником права России, как государства, относящегося к романо-германской правовой семье, является закон.

Неотъемлемым условием для жизни человека и общества в целом является окружающая среда. Окружа-

ющая среда включает в себя служащий для человека кислородом атмосферный воздух, потребляемую человеком воду, флору и фауну, которые необходимы, в том числе, для очищения атмосферного воздуха и воды. В этой связи, ввиду взаимосвязанности элементов окружающей среды необходимо поддерживать благополучие всех ее элементов.

Однако по мере развития производства, в том числе промышленных предприятий, оптимизирующих различные сферы жизнедеятельности человека, под угрозу ставится здоровье окружающей среды, в частности природной среды. В этой связи элементы природной среды перестают существовать автономно и должны быть под защитой государства. Так получила развитие экологическая функция государства [6, с. 168].

Охрана окружающей среды государством выражается в ее документальном закреплении. В этой связи в пределах Российской Федерации свое становление и развитие получило экологическое право как самостоятельная отрасль.

Правовые нормы экологического законодательства

Так отечественное экологическое право зародилось еще приблизительно к первой четверти XX века. Так в 20-е годы прошлого столетия были приняты такие документы как Земельный кодекс РСФСР, Декрет СНК РСФСР «О недрах земли», Декрет СНК РСФСР «О санитарной охране жилищ» т.д [1].

Однако правовые нормы были не систематизированы. Экологическое право на тот момент носило выраженный собирательный характер. Вышеуказанные нормативные документы содержали отдельные положения в части охраны среды обитания и скорее являлись инструментарием обеспечения санитарного благополучия человека, нежели экологической безопасности.

Только в 70–80-е годы вопросы вредоносного воздействия на окружающую среду стали рассматриваться как экологические, что позволяет сделать вывод о формировании экологического права как отдельной отрасли.

Действующая Конституция Российской Федерации включает в себя экологические права граждан и предусматривает ответственность за нарушение норм, направленных на обеспечение экологической безопасности. Так согласно статье 42 гражданам гарантируются права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, на возмещение ущерба, нанесенного в результате причинения вреда окружающей среде [5].

В целях конкретизации и исполнения указанных положений приняты ряд федеральных законов. Вместе с тем экологические права реализуются посредством осуществления компетентными органами государственной власти отдельных полномочий, предусмотренных, в частности, следующими нормативными правовыми актами Российской Федерации:

- Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»;
- Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»;
- Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения»;
- Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе».

Вышеуказанные нормативные правовые акты включают в себя положения, касающиеся обеспечения безо-

пасности окружающей среды, определяют порядок пользования элементами окружающей среды.

Так Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» включает ключевые понятия применительно к экологии, непосредственно что относится к объектам охраны окружающей среды, порядок управления в данной области, права и обязанности физических и юридических лиц, экономические вопросы в части охраны окружающей среды, особенности экологического нормирования, положения об экологической экспертизе, проведении проверочных мероприятий контролирующими органами т.д. [15].

Как указано в статье 18 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» охраной окружающей среды реализуется право граждан на охрану здоровья [14].

Преамбула Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» гласит, что настоящим федеральным законом обеспечивается, в том числе, благополучие среды обитания. Третьей главой закона закреплены санитарные требования по отношению к безопасности элементов окружающей среды [17].

Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» направлен на предотвращение радиоактивного загрязнения среды обитания и предупреждение радиационной аварии [18].

Федеральным законом от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» урегулированы особенности проведения экологической экспертизы, в частности раскрываются ее понятие, объекты и виды [19].

Вместе с тем гражданским, гражданско-процессуальным, административным, уголовным, уголовно-процессуальным законодательством предусмотрены основания и порядок привлечения физических и юридических лиц к ответственности вследствие нарушения экологического законодательства [3; 8]. в соответствии с характером и степенью тяжести совершенного правонарушения.

Если рассматривать ответственность за нарушение природоохранного законодательства в рамках цивилистики, то в данном случае она проявляется в возмещении вреда. Наступление гражданско-правовой ответственности возможно как в досудебном, так и в судебном порядке, в порядке гражданско-правового судопроизводства [2]. Истцами могут выступать физические и юридические лица, государственные органы и должностные лица [9].

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за правонарушения в области природопользования и охраны окружающей среды (глава 8 особенной части). Кодексом предусмотрены, в частности, такие виды административных наказаний как наложение административного штрафа привлекаемому лицу или административное приостановление деятельности предприятия [4].

При повышенной степени общественной опасности совершенного правонарушения, а также в случаях, когда совершенным правонарушением причинен вред здоровью человека, речь идет уже о совершении преступления. Соответственно понятие преступления и его виды, а также особенности привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания содержатся в Уголовном кодексе Российской Федерации. Глава 26 особенной части кодекса закрепляет конкретные виды экологических преступлений и предусматривает возможные варианты наказания, которое назначается

по усмотрению суда (от штрафа до лишения свободы). Соответственно уголовной ответственности может подлежать исключительно физическое лицо. Кроме того физическое лицо должно отвечать медицинским критериям вменяемости, а также достигать возраста уголовной ответственности (16-ти и в некоторых случаях 14-ти лет). Чаще всего за преступления, совершенные организацией, к уголовной ответственности привлекается ее законный представитель (например, генеральный директор) [13].

Обсуждение

Существенная роль в любом правовом государстве отдается государственным органам исполнительной власти. Именно органы исполнительной власти стоят во главе механизма реализации правовых норм. В соответствии с Конституцией Российской Федерации исполнительная власть осуществляется Правительством Российской Федерации и входящими в его состав федеральными министерствами. На базе министерств, в свою очередь, образуются соответствующие ведомства.

По вопросам экологии компетенцией обладает Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Так в полномочия министерства входит нормативно-правовое регулирование природопользования на территории Российской Федерации (разработка и принятие локальных нормативных правовых актов), организация экологического мониторинга, доклад о состоянии среды обитания, принятие решения о создании охраняемых природных территорий (национальных парков, заповедников), организация мероприятий, профилактирующих загрязнение окружающей среды и т.д. Вместе с тем министерством осуществляется регулирование деятельности подведомственных служб и учреждений [10].

Важнейшей функцией органов исполнительной власти на территории Российской Федерации является контроль за соблюдением обязательных требований в той или иной области. Такими полномочиями в области обеспечения экологической безопасности наделена Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), который подведомственен Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Согласно Положению о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования, утвержденному Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.2004 № 400 к основным полномочиям данного органа относится осуществление контроля и надзора в сфере природопользования и охраны окружающей среды в части, касающейся обращения с отходами производства без причинения вреда среде обитания [11]. В рамках осуществления экологического надзора контролирующим органом проводятся плановые и внеплановые контрольные мероприятия, предусмотренные, как правило, Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Проверочные мероприятия проводятся, в частности, по обращению физических и юридических лиц о возможном нарушении требований экологического законодательства¹.

Кроме того, экологическая безопасность обеспечивается деятельностью таких органов как Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомно-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/

му надзору (Ростехнадзор), Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России), Федеральное агентство по рыболовству (Росрыболовство) и т.д. в пределах компетенции [16].

Заключение

Таким образом, право и социология являются тесно связанными между собой институтами. Правовой наукой изучаются правовые нормы, социологической – общество. Ясно, что оба вышеупомянутых понятия не просто не могут существовать друг без друга, они нуждаются в совместном развитии и гармонии между собой. Ранее было упомянуто, что право рассматривается как метод социального контроля. При этом поведение индивидов в обществе, общественные настроения также влияют на принятие тех или иных правовых решений. Более того, по мнению Д. Блэка социология рассматривается, в том числе, как некий конструктор права, а также один из методов манипулирования правом того или иного государства [20].

Более того, в частности, Л. Дюги принадлежит социологическая теория происхождения государства. Сущность данной теории заключается в формировании государственности в целях стабилизации общественности и регуляции социальных явлений. Реализация данных функций предполагается созданием условий для реализации правовых норм, формировании механизма государственного принуждения. Под механизмом государственного принуждения, в свою очередь, следует понимать систематизированную деятельность органов государственной власти в соответствии с компетенцией. Вместе с тем, согласно социологической теории, государство способно регулировать волю человека, расширяя и ограничивая ее пределы.

В заключение следует отметить, что любые социальные проблемы, в том числе социальная экология, нуждаются в четком правовом регулировании и контроле со стороны государства. Основы природопользования, экологии, как и другие институты, также должны быть рассмотрены в рамках правового поля. Кроме того, углубляясь в вопрос социального управления экологической культурой можно сделать однозначный вывод о том, что праву безусловно отведена существенная роль во влиянии на поведение отдельных индивидов в обществе и формировании социальных установок. Речь идет, в том числе, и об экологических установках. При этом юридической наукой одной из функций права рассматривается интегрирующая функция, сущность которой заключается в объединении между собой индивидов и включении их в единую социально-правовую систему. Таким образом, право, а именно экологические правовые нормы способны повлиять на формирование у человека экологических ценностей, бережного отношения к окружающей среде и создать условия для существования, в том числе, экологических движений и объединений.

Литература

1. Бринчук М.М. Экологическое право. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/brinchuk_mm_ekologicheskoe_pravo/;
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/;
3. Дмитриев А.Е. Экологическое право: общая часть. Учебное пособие. Екатеринбург. 2017. С. 4

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Кузнецова Н.В. «Экологическое право»: Учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. С. 168;
7. Масловская Е.В. Право как социальный контроль: российская традиция в зарубежной социологии права // Философия, социология, культурология. 2014. С. 6;
8. Мугавиева Р.Р., Глазкова И.Н. Особенности исторического развития экологического права в России. Вестник магистратуры № 2–2(65). 2017. С. 191;
9. Насибуллин С.Н., Хусаинова З.Р. Гражданско-правовая ответственность экологические нарушения в РФ // Фундаментальные и прикладные исследования. 2012;
10. Положение о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации (утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2015 г. № 1219) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188947/;
11. Положение о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.2004 № 400). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48720/;
12. Рассказов Л.П. Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Юрист-правовед № 5 (66). 2014. С. 14;
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
14. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/;
15. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/;
16. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/;
17. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/;
18. Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8797/;
19. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/;
20. Фримен М. Право и Социология 2005 // Право как социальный институт. С. 1–15;

DOMESTIC LEGAL ECOLOGY AS A SECTION OF SOCIAL ECOLOGY: MANAGERIAL ASPECT

Novikov S.M.
Russian State Social University

The purpose of this article is to substantively examine the legal aspects of social ecology using the example of the Russian Federation and other countries of the world. By using the deductive method of scientific knowledge, the author conducted a content analysis of documentary sources containing information about the domestic legal system of environmental law, the main sources, the system of legislative acts in hierarchical sequence, laws, and by-laws. Environmental law in its historical development is considered, the main stages of its formation as an independent, holistic concept are traced. Modern environmental law is analyzed as an independent branch of science and the role assigned to it in resolving specific social and managerial problems. The norms of environmental law in domestic and foreign traditions are analyzed. Modern legal norms of environmental legislation in Russia and other countries are considered.

Keywords: ecology, environment, legal family, regulatory legal act, legal regulation.

References

1. Brinchuk M.M. Environmental law. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/brinchuk_mm_ekologicheskoe_pravo/;
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/;
3. Dmitriev A.E. Environmental law: general part. Tutorial. Ekaterinburg. 2017. P. 4
4. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Kuznetsova N.V. Environmental Law: Textbook. – M.: Jurisprudence, 2000. P. 168;
7. Maslovskaya E.V. Law as social control: Russian tradition in foreign sociology of law // Philosophy, sociology, cultural studies. 2014. P. 6;
8. Mugavieva R.R., Glazkova I.N. Features of the historical development of environmental law in Russia. Bulletin of magistracy No. 2–2(65). 2017. P. 191;
9. Nasibullin S.N., Khusainova Z.R. Civil liability for environmental violations in the Russian Federation // Fundamental and applied research. 2012;
10. Regulations on the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation (approved by Government Decree Russian Federation dated November 11, 2015 No. 1219) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_188947/;
11. Regulations on the Federal Service for Supervision of Natural Resources (approved by Government Decree Russian Federation dated July 30, 2004 No. 400). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48720/;
12. Rasskazov L.P. Romano-Germanic legal family: genesis, main features and most important sources // Lawyer No. 5 (66). 2014. P. 14;
13. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on December 30, 2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
14. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/;
15. Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ On Environmental Protection. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/;
16. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/;
17. Federal Law of March 30, 1999 No. 52-FZ On the sanitary and epidemiological welfare of the population. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22481/;
18. Federal Law of 01/09/1996 No. 3-FZ On radiation safety of the population. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8797/;
19. Federal Law of November 23, 1995 No. 174-FZ On Environmental Expertise. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/;
20. Freeman M. Law and Sociology 2005 // Law as a social institution. pp. 1–15;

Междисциплинарное регулирование процедур несостоятельности (банкротства) и социальные обязательства при их осуществлении

Осипов Егор Михайлович,

д.с.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: Osipov@spa.msu.ru

Халикова Аня Манировна,

к.с.н., доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации

E-mail: aniya_khalikova@mail.ru

Шульженко Артем Сергеевич,

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: shulzartem@yandex.ru

Статья раскрывает вопросы, связанные с регулированием и степенью изученности особенностей проведения процедур несостоятельности (банкротства) в плоскостях различных наук. Утверждается, что проведение процедур несостоятельности (банкротства) обусловлено не только воздействием и применением юридической науки, но, помимо прочего, экономикой, социологией и этикой. В статье анализируется влияние различных дисциплин на регламентацию процессов банкротства. Проводится анализ степени воздействия различных наук к регулированию существующих процедур несостоятельности (банкротства). В выводах статьи акцентируется внимание на значимости дальнейшего усовершенствования процессов несостоятельности (банкротства) как одного из фундаментов стабильности финансовой структуры общества, с учетом социальных обязанностей, возложенных на арбитражных управляющих.

Ключевые слова: законодательство, несостоятельность, банкротство, междисциплинарность, социология, право, экономика, этика, арбитражный управляющий, социальные обязательства арбитражного управляющего.

Введение

По ходу осуществления субъектами предпринимательской деятельности хозяйственных операций периодически возникают ситуации, при которых юридическое лицо оказывается неспособно исполнять принятые на себя обязательства и тем самым осуществлять хозяйственные операции, что ставит под угрозу баланс интересов контрагентов и экономическую систему государства в целом. Для решения настоящей проблемы разработан Закон о банкротстве [4]. Тем самым законодатель решил предусмотреть регулирование отношений, когда один из субъектов экономической деятельности становится неспособным эффективно функционировать в рамках экономической системы и выполнять принятые им обязательства. Как известно, в правовом государстве неукоснительно следуют принципу, разрешено всё то, что не запрещено законом. И как справедливо отмечают представители экспертного сообщества, закон, как раз, как это оказывается на практике, остаётся краеугольным препятствием для злоупотребления этим правом [15].

В противном случае, не представлялось бы возможным говорить об обеспечении стабильного функционирования хозяйствующих субъектов и экономики, поскольку в данном случае появилось бы широкое поле для злоупотреблений, которые в свою очередь привели бы к краху хозяйственного оборота. По этой причине регулирование несостоятельности является крайне важным и необходимым элементом для государств, которые в качестве экономической модели используют рыночные механизмы. В первую очередь, это продиктовано обязанностью государства по обеспечению стабильности экономической системы страны, по соблюдению прав и законных интересов различных групп населения и непосредственных участников хозяйственных операций [11; 13].

В период стремительного экономического прогресса, сопровождаемого непрерывными изменениями и неопределенностью в экономическом ландшафте, где бизнес сталкивается с множеством проблем [9], темы банкротства компаний обретают ключевое значение и становятся неотделимой частью современного правового пространства [8; 12]. В данном контексте, основой фокус направлен на рассмотрение междисциплинарного регулирования статуса арбитражного управляющего в контексте процедур несостоятельности [10]. Цель статьи – провести анализ и обзор междисциплинарного регулирования процедур несостоятельности (банкротства), с акцентом на социальные обязательства при их осуществлении арбитражными управляющими. Развитие экономической среды требует не только усовершенствования юридических аспектов, но также и интеграции социально-этических норм и ответственности в процесс банкротства.

Основная часть

1. Юридический подход

Юридический подход представляет собой исследование роли правовых инструментов и нормативного регулиро-

вания в контексте междисциплинарного урегулирования процедур несостоятельности (банкротства). В условиях современного бизнес-окружения, где динамичные экономические факторы могут привести к финансовым трудностям предприятий, правовой подход играет ключевую роль в обеспечении справедливости, прозрачности и эффективности процессов банкротства. Анализ роли юридического подхода в контексте междисциплинарного регулирования банкротства также включает в себя обзор судебных решений, механизмов защиты прав сторон, а также влияния правовых норм на социальные и экономические аспекты данного процесса. Предстоящий раздел станет важным вкладом в понимание тесной взаимосвязи между правовыми аспектами и другими дисциплинами, направленными на обеспечение сбалансированного и эффективного междисциплинарного регулирования в сфере несостоятельности предприятий. Институт несостоятельности выступает в роли сложного экономико-правового явления. Его комплексность обусловлена широким спектром отношений, возникающих по причине невозможности исполнения своих обязательств, спецификой субъектов правоотношений, конфликт между кредиторами и должником, и уже как следствие неоднородность и непропорциональность средств юридической защиты, доступных лицам, участвующим в делах о несостоятельности (банкротстве).

Система источников правового регулирования несостоятельности (банкротства), иными словами структура, регламентирующих особенности и порядок осуществления процедур несостоятельности (банкротства), включает в себя следующие элементы. 1. Основной закон Российской Федерации – Конституция. 2. Законы, принятые на федеральном уровне. 3. Нормативные акты, изданные на основании и во исполнение вышеуказанных законов. 4. Отраслевые традиции. 5. Решения и разъяснения, исходящие от высшего судебного органа. 6. Нормы, устанавливаемые внутри организаций.

Так, Конституция Российской Федерации [1] занимает главенствующую позицию в иерархии источников несостоятельности. Конституцию позволительно сравнить с фундаментом, поскольку именно в ней содержатся положения, имеющие решающее значение для всей общественной жизни Российской Федерации. Что касается законов федерального уровня, то они вместе с другими нормативными документами играют ключевую и определяющую роль в прямом управлении взаимоотношениями в области банкротства. Законодательный комплекс России, касающийся вопросов банкротства, представляет собой сложную и многоуровневую структуру, во главе которой стоит Гражданский кодекс Российской Федерации [2; 3]. ГК РФ является фундаментальным законодательным документом, который устанавливает рамки для гражданских юридических отношений, включая те, что возникают в контексте несостоятельности.

Также важно подчеркнуть, что Закон о банкротстве является специальным законом по отношению к тому же ГК РФ [4], и соответственно нормы Закона о банкротстве будут иметь приоритет в случае выявления какой-либо коллизии в содержании правовых норм. Такая позиция поддержана Верховным судом Российской Федерации и находит отражение в следующих определениях [6; 7]. Однако, это должно быть скорее исключением из правила, поскольку существует позиция Конституционного суда, в соответствии с которой суд говорит, что Конституция не предусматривает и не может предусмотреть определенную иерархию актов внутри одного их вида, в данном случае федеральных законов [5].

Таким образом, специальный характер норм и соответственно их применение по отношению к общим нор-

мам должно выступать в качестве редкого исключения, а не в качестве устоявшейся практики. Именно Закон о банкротстве дает нам представление об объеме прав и обязанностей, которыми обладают и несут лица, участвующие в деле о несостоятельности (банкротстве) [4].

Суммируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что правовые отношения в области несостоятельности (банкротства) отличаются сложностью и взаимодействуют с разнообразными секторами права, включая как материальное, так и процессуальное право, а также с элементами как частного, так и публичного права.

II. Экономический подход

Следующей сферой научного познания, которая непосредственно оказывает влияние на осуществление процедур несостоятельности (банкротства) является экономика и экономический подход. Экономический подход не просто рассматривает процессы несостоятельности как юридическое явление, но взаимодействует с социальными и юридическими аспектами, создавая интегрированный и устойчивый механизм регулирования.

Этот подход включает в себя детальное исследование факторов, предшествующих экономической несостоятельности предприятий, и их воздействия на различные сферы общества, от инвесторов до рынка труда и финансовой системы. В этом контексте, экономический анализ не только выявляет предупреждающие знаки банкротства, но и формирует стратегии финансового восстановления, способствуя стабильности и устойчивости предприятий после завершения процедур несостоятельности. Помимо прочего, экономический подход в междисциплинарном регулировании процедур несостоятельности (банкротства) представляет собой ключевой аспект в понимании и управлении финансовыми трудностями предприятий.

В российской науке экономический взгляд на вопросы банкротства заключается в раннем выявлении и предотвращении симптомов экономической нестабильности, сокращении финансовых убытков и возвращении предприятия к нормальной работоспособности [16]. Основная задача экономического подхода – исследовать общие тенденции в экономике и прогнозировать характеристики экономической среды. Включение этих данных в систему регулирования способствует лучшей адаптации к меняющимся рыночным условиям и предотвращению финансовых кризисов. Кроме того, экономический подход фокусируется на эффективности финансового управления и разработке планов реструктуризации, что считается важнейшим для восстановления солидности предприятий.

III. Социологический подход

Социологический подход в контексте междисциплинарного регулирования несостоятельности вводит новый уровень понимания и управления этим сложным процессом. Этот подход ориентирован на изучение взаимодействия между организациями и обществом в процессе банкротства, придавая особое значение социальным отношениям, этическим вопросам и воздействию на различные социальные группы. Суть социологического подхода междисциплинарного регулирования несостоятельности (банкротства) можно раскрыть через особенности управленческой функции особого субъекта управления – арбитражного управляющего. Первоочередным пунктом, избличающим социальную направленность деятельности арбитражного управляющего, является его ответственность за возможность наиболее полного погашения обязательств предприятия перед работниками и кредиторами, что подразумевает поддержание процесса спра-

ведливого и пропорционального распределения активов должника, и минимизацию убытков, а также иных негативных последствий несостоятельности (банкротства). Так, законодатель прямо установил в Законе о банкротстве специальную очередность погашения требований работников по отношению к иным лицам, имеющим денежные требования к должнику. Согласно ст. 134 Закона о банкротстве, расходы должника, связанные с принятием мер для предотвращения техногенных и экологических бедствий, а также последствий этих катастроф или случаев гибели людей на опасных объектах, имеют приоритет и выплачиваются в первую очередь, превышая все остальные требования кредиторов [4]. Сам факт нахождения в силу Закона о банкротстве требований работников в реестрах именно текущих платежей показывает озабоченность государства по поддержанию и исполнению трудовых гарантий даже в условиях финансового кризиса у предприятия.

Разумеется, далеко не каждая процедура несостоятельности (банкротства) широко освещается средствами массовой информации, однако, существует специальный портал, доступный для самой широкой аудитории, целью которого является обеспечения прозрачности деятельности арбитражных управляющих, таким порталом выступает Единый федеральный реестр сведений о банкротстве, в котором публикуются сообщения о все самых знаковых мероприятиях, проводимых в процедуре несостоятельности (банкротства). Помочь гражданам найти истинное содержание происходящих событий, правильно донести информацию, это и есть ключевая задача информационных служб [14].

Социологический подход позволяет рассмотреть процедуры несостоятельности не только как юридические меры, но и как социальные события, влияющие на различные слои общества. С учетом социологических аспектов можно выделить ключевые факторы, влияющие на процессы банкротства, такие как общественное мнение, стереотипы, культурные особенности, уровень образования и т.д. Таким образом, междисциплинарный подход к регулированию процедур несостоятельности представляет собой обширный и перспективный инструментарий для достижения финансовой стабильности и социальной устойчивости в условиях современных динамичных экономических вызовов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ от 04.08.2014. № 31. С. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ от 05.12.1994. № 32. С. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть вторая) от 26.01.1996 // Собрание законодательства РФ от 29.01.1996. № 5. С. 410.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ от 28.10.2002. № 43. С. 4190.
5. Определение КС РФ от 05.11.1999 № 182-0 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25670/
6. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 18.08.2016 № 305-ЭС16-4051 [Электронный ресурс] // Система «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71368972/>
7. Определение СК по экономическим спорам ВС РФ от 27.10.2017 № 305-КГ17-9802 [Электронный ресурс] // Система «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71699916/>
8. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учебно-практическое пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 348 с.
9. Ковальчук В.К. Культурный синдром и его влияние на развитие предпринимательства // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 2. С. 59–62.
10. Комаров Д.А. Арбитражный управляющий как лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации // Вестник ВятГ У. 2014. № 10. С. 98–104.
11. Любимов А.П. Философия права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 257 с.
12. Львова О.А. Российский институт банкротства в условиях его правовой трансформации // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15. № 2. С. 249–269.
13. Минаков А.В. Оценка современного состояния финансовой устойчивости бюджетной системы России [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 3. С. 45. – URL: <https://esj.today/PDF/69ECVN320.pdf>
14. Рыжов В.Б. Конституционные основы журналистской деятельности // Международная научно-практическая конференция «Конституционные права и свободы в контексте диалога: государство и общество». 16 декабря 2022 г. – М.: Международный славянский институт, 2023. – С. 86–89.
15. Рыжов В.Б. Свобода слова как основа идеологии права человека на получение информации: дилемма применимости // Сокровища родного слова заметят важные умы. Международная научно-практическая конференция. 24 мая 2023 г. – М.: Международный славянский институт, 2023. – С. 54–56.
16. Ряховская А.Н. Модернизация института банкротства: целесообразность, эффективность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1. С. 458–462.

INTERDISCIPLINARY REGULATION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) PROCEDURES AND SOCIAL OBLIGATIONS IN THEIR IMPLEMENTATION

Osipov E.M., Khalikova A.M., Shulzhenko A.S.
Lomonosov Moscow State University, RANEPА

The article reveals issues related to the regulation and the degree of knowledge of the specifics of conducting insolvency (bankruptcy) procedures in the areas of various sciences. It is argued that the conduct of insolvency (bankruptcy) procedures is determined not only by the influence and application of legal science, but, among other things, by economics, sociology and ethics. The article analyzes the influence of various disciplines on the regulation of bankruptcy processes. An analysis is made of the degree of influence of various sciences on the regulation of existing insolvency (bankruptcy) procedures. The conclusions of the article focus on the importance of further improvement of insolvency (bankruptcy) processes as one of the foundations of the stability of the financial structure of society, taking into account the social responsibilities assigned to arbitration managers.

Keywords: legislation, insolvency, bankruptcy, interdisciplinarity, sociology, law, economics, ethics, arbitration manager, social obligations of the arbitration manager.

References

1. Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993 // Collection of legislation of the Russian Federation dated August 4, 2014. No. 31. P. 4398.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation dated December 5, 1994. No. 32. P. 3301.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation dated January 29, 1996. No. 5. P. 410.
4. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" // Collection of Legislation of the Russian Federation of October 28, 2002. No. 43. P. 4190.
5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 5, 1999 No. 182-0 [Electronic resource] // Legal reference system "Consultant Plus". – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25670/
6. Determination of the Investigative Committee on economic disputes of the Armed Forces of the Russian Federation dated August 18, 2016 No. 305-ES16-4051 [Electronic resource] // System "Garant". – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71368972/>
7. Determination of the IC on economic disputes of the Armed Forces of the Russian Federation dated October 27, 2017 No. 305-KG17-9802 [Electronic resource] // System "Garant". – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71699916/>
8. Karelina S.A. Legal regulation of insolvency (bankruptcy): Educational and practical manual. – M.: Wolters Kluwer, 2006. – 348 p.
9. Kovalchuk V.K. Cultural syndrome and its impact on the development of entrepreneurship // Representative power – XXI century: legislation, comments, problems. 2017. No. 2. pp. 59–62.
10. Komarov D.A. Arbitration manager as a person performing management functions in a commercial or other organization // Vestnik VyatG U. 2014. No. 10. pp. 98–104.
11. Lyubimov A.P. Philosophy of law: textbook for universities. – M.: Yurayt, 2023. – 257 p.
12. Lvova O.A. Russian Institute of Bankruptcy in the Conditions of Its Legal Transformation // Current Problems of Economics and Law. 2021. Vol. 15. No. 2. pp. 249–269.
13. Minakov A.V. Assessment of the current state of financial sustainability of the Russian budget system [Electronic resource] // Bulletin of Eurasian Science. 2020. T. 12. No. 3. P. 45. – URL: <https://esj.today/PDF/69ECVN320.pdf>
14. Ryzhov V.B. Constitutional foundations of journalistic activity // International scientific and practical conference "Constitutional rights and freedoms in the context of dialogue: state and society. December 16, 2022 – M.: International Slavic Institute, 2023. – P. 86–89.
15. Ryzhov V.B. Freedom of speech as the basis of the ideology of the human right to receive information: the dilemma of applicability // Treasures of the native word will be noticed by important minds. International scientific and practical conference. May 24, 2023. – M.: International Slavic Institute, 2023. – pp. 54–56.
16. Ryakhovskaya A.N. Modernization of the bankruptcy institution: expediency, efficiency // Russia: trends and development prospects. 2021. No. 16–1. pp. 458–462.

Социальная составляющая развития инновационного пространства территории: стимулирование творческой созидательной деятельности

Павлова Мария Павловна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры журналистики и социологии Тольяттинского государственного университета
E-mail: levinamp@mail.ru

В статье автор делает акцент на активизацию творческой созидательной деятельности индивида через социальное взаимодействие. Здесь автор рассматривает построение маршрута инновационного развития территории через формирования и организацию комфортного пространства повседневности, которое способствует стимулированию творческой созидательной деятельности индивида. Определение автором составляющих этого пространства и факторов, влияющих на них, позволяет выявить оптимальные пути инновационного развития территории через призму социологии. Автор отмечает, что для формирования комфортного пространства важна и организация внутренних воспроизводственных процессов, необходимых для мотивирования людей, включения их в инновационно – практическую и научно – исследовательскую деятельность. При этом автор раскрывает важность существования инновационной инфраструктуры на территории и, сформированной в условиях инновационной экономики, экономической инфраструктуры, которые участвуют в процессе возникновения новой социальной практики на базе инноваций у населения для дальнейшего инновационного развития территории.

Ключевые слова: инновационное развитие территории, творческий человек, социология творчества, инновации, мотивация творчества.

В условиях инновационной экономики актуально говорить о развитии территории по инновационному сценарию. Исследуем этот процесс с социологической точки зрения, при этом тема инновационного развития территории достаточно широко раскрыта в экономическом аспекте.

Здесь необходимо отметить, что процесс конструирования маршрутов инновационного развития территории с точки зрения экономики начинается с определения элементов инфраструктурного обеспечения инновационного процесса, взаимосвязей и взаимодействий между ними и построение модели развития территории по инновационному сценарию, где определение оптимального пути развития происходит с помощью алгоритмов действий в социальных и экономических процессах. Экономическая система работает с *результатом* творческой созидательной деятельности.

Более двух десятилетий динамика развития социальной – экономической системы России находится в постоянной корреляционной связи с инноватикой. Очевидно, что в основе всех социально – экономических процессов присутствует инновационная составляющая. Сформированные инновационная инфраструктура, создающая условия для эффективной и успешной инновационной деятельности и экономическая инфраструктура, позволяют сделать применение нового продукта (результата творческой созидательной деятельности более выгодным. Эти инфраструктуры необходимы для организации процесса «опривычивания» инноваций.

В то время как наше исследование опирается на социокультурную теорию Л.С. Выготского, где акцент делается на развитие когнитивных способностей индивида через социальное взаимодействие [4].

Экономисты рассматривают территорию через призму оптимального размещения рынков сбыта и производства, что представляется вполне естественным. На этом фоне, инфраструктурное обеспечение данных процессов, равно как взаимодействие данных процессов друг с другом, будет приобретать вид экономического пространства, которое функционирует в соответствии с рядом принципов, характерных для рыночной экономики. Социологи, рассматривают территорию как социальное пространство, встроенное в пространственные и субъективные структуры, образованное за счет внутренних взаимоотношений социума, формируя при этом отличительную социальную общность. Отличительная социальная общность образуется посредством взаимодействия человека с окружающей его средой, создавая при этом социокультурную территорию с помощью этноса, языка, религии, быта, искусства. Территория через призму социологии представляется как аутопойетическая социальная система, способная к самовоспроизводству за счет коммуникативных связей внутри системы [13].

Таким образом, территория как социально – экономической система, где формируется сложное социально – экономическое пространство, наполнено непрерывными, взаимозависимыми, взаимосвязанными процессами между субъектами, заключенных в жесткие условия системы. Это множество целенаправленных и смыс-

лосодержащих процессов участвует в преобразовании социально – экономического пространства и, соответственно, системы. При этом сам процесс преобразования системы влечет и трансформацию процессов внутри системы [15].

Источник творческой деятельности человека с точки зрения философии Аристотеля, определяется как энтелехия – некая внутренняя сила человека, потенциально способная «довести» его до цели и конечного результата. Далее в своей концепции А. Маслоу начал достаточно активно развивать эту мысль и ввел в научный оборот понятие «самоактуализация», предложив под ним понимать максимальное возможное использование лицом своих талантов и возможностей. Исследователь акцентировал внимание на том, что человек, для которого свойственная самоактуализация – это человек, у которого ничего не отнято и не обязательно что-то добавлено. Одновременно с этим, им было указано, что обычный, среднестатистический человек часто представляет собой индивида, который на определенном этапе попросту подавил и заглушил в себе свои таланты и способности. В роли потребности самоактуализация по праву может занимать вершину пирамиды потребностей, возглавлять ту иерархию, которая была составлена А. Маслоу ранее. Стоит отметить, что в своих исследованиях А. Маслоу также отметил, что самоактуализация представляется возможной путем практической реализации той или иной деятельности, имеющей высокое общественное значение, так как только в этом случае можно говорить о наличии полного и емкого раскрытия у человека всех его талантов и способностей [17]. Нельзя не отметить, что данный процесс только усилится в том случае, когда осуществление указанной деятельности получит одобрение не только со стороны социума, но и внутреннее одобрение со стороны личности. Если на практике подобный синтез будет отсутствовать, то эффективность данной деятельности будет несколько снижена, а реализация способностей будет иметь вид скорее самореализации, а не реализации в широком смысле этого слова.

Ученые психологи, поддержку извне рассматривают как внешнюю мотивацию творческой деятельности. Рассматривая данный вопрос более детально, отметим, что внешняя мотивация всей творческой деятельности индивида представляет собой достаточно сложный механизм, все звенья в котором можно дифференцировать на отдельные группы. Первая группа всех мотивационных процессов представлена стремлением лица получить уважение и признание со стороны социума, а также боязнь утратить расположение со стороны людей, которые его окружают. Вторая группа также представлена мотивационными процессами, состоящими в том, чтобы добиться позитивных оценок и восхищения, увидеть публичное признание. В свою очередь, внутренняя мотивация с содержательной точки зрения будет представлять собой интерес и получение удовольствия от процесса, решение достаточно трудных задач, ощущение реализации и компетентности [16]. Следовательно, для прогрессивного развития территории по инновационному сценарию необходимо уделить внимание созданию условий именно для самоактуализации человека. Почему? Результат творческой деятельности человека на каждом этапе его жизненного цикла, по – разному оказывают влияние на перспективное инновационное развитие территории и общества. Наименьшее влияние, окажет результат, который не реализован т.е. не принят в обществе. Следовательно, наибольший эффект будет от результата, который принят в обществе и участвует в наполнении повседневного пространства новыми

объектами и образами. Такая инновация спровоцирует формирования новой социальной практики в обществе и нового повседневного пространства через организацию и реализацию мероприятий по «опривычиванию» инновации на территории и, как следствие, «скачок» в развитии общества и территории по инновационному сценарию.

Далее, если инновационные процессы территории инициируются человеком и осуществляются человеком, опираются на его понятия и ценности интеллектуальной культуры поведения, его модель взаимодействия и взаимосвязей в повседневном пространстве бытия, сконструированную на основе его мировоззрения и мировосприятия, то формирующиеся таким образом мега – взаимодействие акторов социума участвуют в конструировании социально – культурного инновационного пространства. Такое пространство обеспечивает генерирование новых знаний, новых процессов и новых продуктов, организовав комфортное повседневное пространство для осуществления творческой созидательной деятельности человека, границы которого определяются акторами и объектами, вовлеченными в инновационные процессы.

Подводя итог вышесказанному в рамках нашего исследования, можно отметить, что для инновационного развития территории с точки зрения социологии и активизации творческой созидательной деятельности и самоактуализации творческого человека необходимо обратить внимание на:

- организацию и формирования комфортной повседневной среды для активизации творческой созидательной деятельности;
- организацию воспроизводственных системных социально – экономических процессов для обеспечения развития на более высоком уровне после становления новой социальной практики на базе инновации.

Формирования такого пространства необходимо рассматривать в разрезе двух составляющих культурной и социальной, где качественные, количественные и воспроизводственные процессы обеспечат перспективное изменение общественной структуры, что позволит активизировать творческую созидательную деятельность на территории.

Результаты научных исследований классиков социологии (Г. Зиммеля, П. Штопка, Э. Гидденс, П. Бурдье, Б. Верлен, И. Гоффман) позволяют нам представить социальную составляющую пространства как совокупность социальных взаимодействий, которые возникают и поддерживаются в результате коммуникативных, иерархических связанных собой взаимодействий между индивидами [2,3,5,7,10]. Таким образом, генерирующие возможности социальных акторов территории и их инновационная активность представляют собой социально – культурный инновационный ресурс территории как фундамент и источник инновационных процессов развития. Гармоничное и прогрессивное инновационное развитие общества базируется на вовлечении членов это общества в процессы инновационных преобразований. Ученый А. Маслоу, определив потребность людей в принадлежности к той или иной общности, утверждал, что самосознание и самоидентичность членов общества определенной территории формируют активность, направленную на повышения уровня жизни на этой территории. Продолжив эту мысль, добавим, что чем больше инновационноактивных людей проживают на территории, тем выше инновационный потенциал этой территории, необходимый для прогрессивного развития территории и общества. Следовательно, потенциальные возможности в области инноваций членов общества, вплетенные в сети социальных и культурных вза-

имодействий, участвуют в формировании комфортного повседневного пространства, где возможна не только самоорганизация и саморазвития, но и самоактуализация человека, необходимая для социально – экономического развития территории по инновационному сценарию.

Социальная составляющая комфортного пространства характеризуется совокупностью социальных общностей, которые обладают ресурсами (экономическими, социальными, политическими, символическими, культурными) необходимыми для гармоничного взаимодействия в области инноваций на территории при соблюдении определенных правил и традиций для формирования, структурирования и организации комфортной социальной инновационной реальности индивидуумов. Следовательно, эта составляющая зависит во многом от конструируемых условий в повседневной жизни индивидов, которые через существующие инфраструктурные образования социального пространства, способствуют оптимальному усвоению социальных функций и ролей индивидов в обществе. Этот процесс находится под влиянием следующих факторов:

1. Внешние факторы: например, это природные, географические или климатические факторы, ресурсно-природный потенциал, уровень социально-экономического развития региона, структура хозяйства и его финансовая обеспеченность, иные.
2. Внутренние факторы: образованность, духовность, потребности или интересы, ценностные ориентации, нравственность, трудовая активность и мотивы, некоторые иные.
3. Институты социализации (например: семья, государство, образования, религия), которые формируют формальные и неформальные правила, нормы, символы, установки, образы развития жизненного пространства индивидов на территории. В этом процессе индивид через освоение этих социальных норм и традиций, сначала преобразует их в личностные ценности и затем, для прогрессивного инновационного развития территории и его воспроизводственных процессов, транслирует их следующим поколению [6].

Культурная составляющая социально – культурного инновационного пространства формирует коммуникативную среду для обеспечения равноправного участия всех членов путем снятия коммуникативных барьеров при взаимообогащении культур. В своих работах Г.Л. Тульчинский определяет, что совокупность самобытных и универсальных культур содержит в себе разнонаправленные стратегии жизни и творчества. В тоже время динамичный процесс индентификации личности в той или иной культуре во многом зависит от мотивационных стимулах, преобладающих в обществе [19].

Культурная составляющая этого пространства определяется как исторические и ценностно – смысловые позиции жизнедеятельности творческого человека. Она через творческую созидательную деятельность человека оказывает непосредственное влияние на качество жизни членов общества, при этом реализация этой деятельности во многом зависит от психофизиологических особенностей индивида. В тоже время как отмечает социолог Д.М. Давлетшина степень развития и реализация этой составляющей характеризуется обладанием и проявлением членов общества на базе таких свойств человека, как креативность, гуманность, рефлексия и интенция к социальным интеракциям [9]. Опираясь на исследования отечественных социологов (А.Л. Маршак, Д.М. Давлетшина, О.П. Хорошавцева) можно определить факторы, влияющие на прогрессивное развитие

культурной составляющей социально – культурного инновационного пространства, которая благоприятно отражается в улучшении качества жизни членов общества и активизирует творческую созидательную деятельность [8,14]:

1. Коммуникативные связи. Культурные символы, образы, нормы представляют собой бесконечный поток множественных упорядоченных сообщений. Коммуникационные связи, направленные на трансляцию этих сообщений между субъектами, обеспечивают формирование новых информационных – коммуникационных потоков, что приводит к развитию и обогащению культурной составляющей этого пространства.
2. Культурная память (традиции, знания, умения, навыки, формы поведения, обычаи). Прогрессивное инновационное развитие общества и территории определяется успешной социализацией ее членов, которая опирается на культурная память индивида для выстраивания гармоничных взаимоотношений между собой и эффективной социализации.
3. Досуговая деятельность. Трансформационные изменения постиндустриального общества провоцируют процессы самосовершенствования, самореализации и самоактуализации творческого потенциала индивида, развитие его духовно – нравственных качеств. Досуговая деятельность, зависящая от внутренних потребностей человека и характеризующаяся доминированием личностных потребностей и автономностью, обеспечивает развитие и формирования творческой личности, при этом снимая эмоциональную напряженность в инновационном обществе. Далее, необходимо отметить, что формирование социально – культурного инновационного пространства затрагивает вопросы организации и реализации процессов воспроизводства, направленные на активизацию творческой созидательной деятельности человека.

Воспроизводственные, циклические, непрерывные процессы в этом пространстве характеризуются появлением новых форм и качеств взаимодействия и взаимоотношений социальных факторов территории.

Известно, что все процессы, направленные на воспроизводство, равно как на сохранение и активацию творческой и инновационной деятельности во многом ориентированы на формирование таких условий в обществе, при которых люди будут должным образом мотивированы, а также включены в инновационную, научную и исследовательскую деятельность [11]. В качестве результата этого выступает создание принципиально новых структурных элементов, относящихся к духовному и материальному миру в различных сферах деятельности

Как считает ученый Е.Г. Слуцкий, временной лаг воспроизводственных процессов составляет 15–20 лет, время необходимое для появления нового поколения общества (молодежи) как источника потенциального развития социума. Качество воспроизводственных процессов территории отражается на уровне не только благосостояния человека, но и процессе активизации творческой созидательной деятельности, что позволяет структурировать и дополнительно исследовать процесс воспроизводства в социально – культурном инновационном пространстве в поэлементном разрезе.

Первый элемент. Образование

Процессы, которые направлены на воспроизводство образования будут выступать в качестве планомерной трансформации социального института образования и всей образовательной деятельности в целом, что необходимо

в целях развития личностных способностей, которые впоследствии пригодятся личности для адаптации в условиях инновационной экономики, так как он сможет применить свои знания, умения и навыки на практике. Весь процесс воспроизводства системы образования будет направлен на воспроизводство отдельно взятых социальных слоев и групп, которые выступают в качестве носителей определенных духовных ценностей, их социальную мобильность и социализацию в целом [18]. Стоит отметить, что в образовательной сфере все изменения происходят намного сложнее и намного медленнее, так как эти процессы находятся в прямой зависимости от политических, экономических и социальных изменений, происходящих в социуме. Преимущественно это связано с образовательными традициями, которые существуют в некоторых группах, общностях. Одновременно с этим, анализируемые процессы будут происходить с сохранением инерции системы образования, которую можно рассматривать через призму стабильной и устойчивой основы всего общественного развития на принципиально новом уровне.

Инновационность воспроизводственного процесса образования также будет формировать у человека широкий спектр возможностей для того, чтобы воспроизводить образовательные традиции, существующие во всей социальной среде, в том числе, посредством включения в те или же иные виды образовательной деятельности. В то же время, в данном случае очень важно соблюдать оптимальный баланс между образовательными традициями и инновациями, существующими в обществе нашей страны. Стоит отметить, что прогрессивное развитие общества во многом будет предопределять формирование у человека умений в сфере использования приобретенных навыков и знаний, которые он сможет применять в новых условиях развития жизни и общества.

Кроме того, воспроизводство всего образования будет формировать и необходимый интеллектуальный потенциал развития общества, который, в свою очередь, будет принимать участие в циклическом процессе производства новых знаний. Циклическая цепочка, которая представлена такими элементами, как знания, интеллектуальный потенциал, новые знания, позволит рассмотреть весь интеллектуальный потенциал человека и общества через призму результата процесса, направленного на воспроизводство всей системы образования и как базу знаний, которая затем будет передана последующим поколениям. Только такая передача позволит качественно и стабильно развивать общество.

Второй элемент. Здоровьесбережение

Процесс, направленный на воспроизводство здоровья людей, на практике будет происходить через систему взаимодействий на различные социальные параметры, присущие для их образа жизни. Данный процесс будет направлен на совершенствование всех механизмов по адаптации и на реализацию тех механизмов, которые заложены в технологиях в области сбережения здоровья [20].

Третий элемент. Информационные коммуникации

Известно, что информация является воспроизводимым ресурсом. В этом случае, процесс воспроизводства состоит в интеграции информационных и коммуникационных технологий в социальной практике, что оказывает весьма существенное влияние на развитие общества. Таким образом, формируются принципиально новые каналы коммуникации, а также методы и средства для сбора и последующей обработки информации, ее передачи и хранения.

Четвертый элемент. Культурная память

Процесс, который направлен на культурное воспроизводство, включает в себя множество процессов, во многом направленных на передачу различных культурных ценностей и способов сохранения таковых. Данный процесс достаточно активно способствует успешному протеканию процесса социализации, а также обеспечивает целостность социума и культурную идентичность. Стоит отметить, что культурная идентичность представляет собой основу социокультурных взаимоотношений между поколениями или разными социальными группами, в том числе, путем культурных ценностей, стереотипов или норм [12].

Пятый элемент. Досуг

Процесс воспроизводства в указанной сфере во многом направлен и на создание необходимых условий, которые необходимы для самореализации и для индивидуального личностного развития, развития ценностей, а также для формирования личностного потенциала в период досуга.

Рассмотренные воспроизводственные процессы цикличны, а каждый из указанных циклов повторяется с учетом влияния личностных, равно как социально-экономических факторов, переходя на принципиально новый уровень цикл воспроизводства. Данные процессы происходят на фоне сохранения инерции и на фоне обеспечения максимально устойчивого положения социальной и экономической системы определенной территории.

Опираясь на выше сказанное, можно отметить, что акцент в данном исследовании делается на активизацию творческой созидательной деятельности индивида через социальное взаимодействие. Здесь автор рассматривает вопрос развития территории по инновационному сценарию по принципу «от обратного»: *сначала* необходимо сформировать и организовать через призму креативности и творчества взаимодействие индивидумов в комфортном пространстве повседневности, *потом* возникает потребность в формировании инновационного пространства /среды и/или инновационной инфраструктуры, которые будут поддерживать процесс «опривычивания» инноваций в обществе, тем самым обеспечивая формирование потенциала для дальнейшего инновационного развития территории.

Литература

1. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Бергер П., Лукман Т. /пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1993.;
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. / Общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии, 2005.;
3. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / Бенно Верлен. Пер. с англ. по Verlen. Society, Action and Space. L.: Routledge, 1993. пер. Баньковская С.П. // Социологическое обозрение. 2001. Том 1. № 2. С. 22.
4. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии/Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982.
5. Гидденс Э. Устроения общества. Очерк теории структуриации. М.: Акад. Проект., 2003.;
6. Гнутов А.Б. Социальная трансформация как фактор дисфункциональности гражданской социализации молодежи //Теория и практика общественного развития. Издательский дом «Хорс». 2007. С. 50–59.

7. Гоффман И. Представления себя другим в повседневной жизни М.: КАНОН-ПРЕСС, 2000.;
8. Давлетшина Д.М. Индикативно-кластерный анализ качества культурного потенциала молодежи в полиэтнической среде современной России (социологический аспект): автореф.дис. ... д-ра соц. наук, Саратов, 2012.
9. Давлетшина Д.М. Цифровизация и ее место в современном культурном пространстве / Сборник: KAZAN DIGITAL WEEK – 2021. сборник материалов международного форума. ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры». Казань, 2022. С. 46–56., 2012.
10. Зиммель Г. Социология пространства / Избранное. Т. 2. / Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.;
11. Инновационно-деятельностный потенциал молодежи/под.ред Вал.А.Луков//Электронная энциклопедия. Режим доступа URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/49-innovacionno-deyatelnostnyy-potencial-molodezhi.html> (дата обращения: 24.11.2023).
12. Кройтор С.Н. Культурная память как механизм воспроизводства социальных практик // Социологический альманах. 2010. № 1. С. 97–105.
13. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман; под ред. Н.А. Головина; пер. с нем. И.Д. Газиева. – Санкт-Петербург: Наука, 2007.].
14. Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007.
15. Павлова М.П. Макрорегион как устойчивая социально – экономическая система // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 76–79.
16. Павлова М.П. Феномен культуры отмены в повседневном пространстве: социально – философский аспект// Социально – гуманитарные знания. 2023. № 8. С. 37–42
17. Ромах О.В., Слепцова А.О. Творчество как условия формирования и самореализации талантливой личности // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 320–326
18. Салахутдинова Р.Х., Лебединцева Л.А. Воспроизводство социального потенциала: перспективы развития Санкт-Петербурга// Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 65–70.
19. Тульчинский Г.Л. Глобализация, постчеловечность и проблема цивилизационного выбора //Философия науки. 2010. № 11. С. 17–35.
20. Устимова О.А. Концепция сохранения здоровья учащейся молодежи в современных социально-экономических условиях // Бюллетень. 2007. Вып.24. С. 80–85.

to motivate people, to include them in innovative and practical and research activities. At the same time, the author reveals the importance of the existence of innovative infrastructure in the territory and the economic infrastructure formed in the conditions of an innovative economy, which participate in the process of the emergence of a new social practice based on innovations among the population for further innovative development of the territory.

Keywords: innovative development of the territory, creative person, sociology of creativity, innovations, motivation of creativity.

References

1. Berger P. Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge / Berger P., Lukman T. /trans. E. Rutkevich. M.: Medium, 1993;
2. Bourdieu P. Social space: fields and practices. / General ed. lane and after. ON THE. Shmatko. – M.: Institute of Experimental Sociology, 2005.;
3. Verlaine B. Society, action and space. Alternative social geography / Benno Verlaine. Per. from English by Verlen. Society, Action and Space. L.: Routledge, 1993. trans. Bankovskaya S.P. // Sociological Review. 2001. Volume 1. No. 2. P. 22.
4. Vygotsky L.S. Collected works: In 6 volumes. T. 1. Questions of the theory and history of psychology/Ed. A.R. Luria, M.G. Yaroshevsky. – M.: Pedagogy, 1982.
5. Giddens E. Structures of Society. Essay on the theory of structuration. M.: Academician. Project., 2003.;
6. Gnutov A.B. Social transformation as a factor in the dysfunctionality of civil socialization of youth // Theory and practice of social development. Publishing house “Khors”. 2007. pp. 50–59.
7. Goffman I. Presenting oneself to others in everyday life M.: KANON-PRESS, 2000;
8. Davletshina D.M. Indicative-cluster analysis of the quality of the cultural potential of youth in the multi-ethnic environment of modern Russia (sociological aspect): abstract of thesis. ... Doctor of Social Sciences, Saratov, 2012.
9. Davletshina D.M. Digitalization and its place in the modern cultural space / Collection: KAZAN DIGITAL WEEK – 2021. collection of materials from the international forum. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kazan State Institute of Culture”. Kazan, 2022. pp. 46–56., 2012.
10. Simmel G. Sociology of space / Favorites. T.2. / Contemplation of life. M.: Jurist, 1996;
11. Innovation and activity potential of youth / ed. Val.A. Lukov // Electronic encyclopedia. Access mode URL: <http://soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/49-innovacionno-deyatelnostnyy-potencial-molodezhi.html> (access date: 11/24/2023).
12. Kroitor S.N. Cultural memory as a mechanism for the reproduction of social practices // Sociological almanac. 2010. No. 1. pp. 97–105.
13. Luhmann N. Social systems. Essay on General Theory / Niklas Luhmann; edited by N.A. Golovina; lane with him. I.D. Gazieva. – St. Petersburg: Science, 2007].
14. Marshak A.L. Sociology of the cultural and spiritual sphere. M.: Publishing House of Humanitarian Literature, 2007.
15. Pavlova M.P. Macrорегион as a sustainable social and economic system // Karelian scientific journal. 2020. Т. 9. No. 4 (33). pp. 76–79.
16. Pavlova M.P. The phenomenon of cancel culture in everyday space: a socio-philosophical aspect // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 8. P. 37–42
17. Romakh O.V., Sleptsova A.O. Creativity as a condition for the formation and self-realization of a talented personality // Analytics of cultural studies. 2011. No. 19. P. 320–326
18. Salakhutdinova R.Kh., Lebedintseva L.A. Reproduction of social potential: prospects for the development of St. Petersburg // Bulletin of Omsk University. Series “Economics”. 2015. No. 3. pp. 65–70.
19. Tulchinsky G.L. Globalization, posthumanity and the problem of civilizational choice // Philosophy of science. 2010. No. 11. P. 17–35.
20. Ustimova O.A. The concept of preserving the health of students in modern socio-economic conditions // Bulletin. 2007. Issue 24. pp. 80–85.

SOCIAL COMPONENT OF THE DEVELOPMENT OF THE INNOVATIVE SPACE OF THE TERRITORY: STIMULATION OF CREATIVE CREATIVE ACTIVITY

Pavlova M.P.

Togliatti State University

In the article, the author focuses on the activation of the creative creative activity of the individual through social interaction. Here the author examines the construction of a route for the innovative development of the territory through the formation and organization of a comfortable space of everyday life, which contributes to the stimulation of the creative creative activity of the individual. The author's determination of the components of this space and the factors influencing them makes it possible to identify the optimal ways innovative development of the territory through the prism of sociology. The author notes that for the formation of a comfortable space, it is also important to organize internal reproductive processes necessary

Спортивно-оздоровительная деятельность в базовой физической культуре молодежи

Планидин Евгений Сергеевич,

соискатель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, преподаватель, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
E-mail: planida1996@yandex.ru

В работе представлены результаты социологического опроса, которые позволяют совершенствовать работу по спортивно-оздоровительной деятельности молодежи в одном из видов физической культуры. Одной из ведущих составляющих базовой физической культуры молодежи становится спортивно-оздоровительная деятельность, которая осуществляется в рамках рекреационных мероприятий, позволяющих в свободное время активно использовать весь арсенал средств физической культуры для сохранения и укрепления индивидуального здоровья молодых людей, что в призме отражения определяет уровень здоровья общества. Спортивно-оздоровительная деятельность выступает составляющей физической культуры личности, лежит в основе совершенствования гармоничного физического развития человека, совершенствования функциональных систем организма человека и базой разнообразных двигательных умений, действий необходимых в жизнедеятельности и профессионального становления молодежи.

Ключевые слова: физическая культура личности и общества, здоровье человек, оздоровительная деятельность, двигательная рекреация, ценности спорта и культуры физической.

Физическую культуру в современный момент представляют как одну из составляющих общей культуры человека. Сама физическая культура личности формируется под влиянием различных составляющих социальной жизни человека. Реализация задачи физической культуры подрастающего поколения является вниманием многих социальных институтов, которые объединяет единство ценностей, способы и формы деятельности, а также нормы взаимодействия, ведущие к достижению общих задач. Если определить, что социальными институтами является семья, спортивное сообщество, система образования, здравоохранение, то стоит признать мнение многих, что социальный институт развивается под действием членом общества и является основой появления новых общественных отношений. С этой позиции представляется возможным физическую культуру и спорт признать социальным институтом, причем самым универсальным и эффективным средством формирования ценностей социального общества. Физическая культура предстает перед нами не просто одной из составляющих общей культуры личности и общества, а самой первой культурой, которая в совокупности с биологическим началом человека может начинать формироваться уже с первых дней жизни маленького человека. Этот вид культуры на протяжении всей жизнедеятельности совершенствоваться и динамически развиваться синхронно с запросами общества и потребностями личности.

Достаточно большое количество специалистов из разных областей знаний – педагогики, психологии, медицины, социологии и даже экономики, отмечают, что физическая культура создает основу проявления небывалых возможных резервов человеческого организма и приоритетным результатом самой физической культуры становится здоровье человека. Именно здоровье в последние десятилетия приводят как критерий качества жизни, благополучия человека и общества, основой безопасности государства и багажом перспективного развития человечества. Мавропуло О.С. отмечает, «следует учитывать, что взгляды на здоровье со временем меняются, и, наверное, неправомерно требовать от молодежи придерживаться ценностей и установок в отношении здоровья, выступавших, к примеру, нормой для представителей советской молодежи» [1, С. 91]. Однако, обращаясь к истории, мы слышим сквозь века слова Геродота, «когда нет здоровья, молчит мудрость, не может расцвести искусство, не играют силы, бесполезно богатство и болен разум» [2, С. 132]. Ни эти ли слова открывают нам понимание широких возможностей физической культуры в развитии и становлении человека, особенно в эпоху цифровой реальности. По мнению Верещагиной А.В. в настоящее время «цифровизация – это тот актуальный жизненный фон, на котором разворачиваются самые разнообразные социальные практики, в том числе и практики здоровья» [3, С. 70].

Специалистами принято считать, что в основу базовой физической культуры человека на любом возрастном этапе должен входить оптимальный запас освоенных двигательных действий обеспечивающих жизнедеятельность человека, удовлетворяющих потребность

человека в движении. Также, в основу базовой физической культуры должна быть положена система знаний о морфофункциональных особенностях организма, об основах здорового образа жизни, возможности вариативного арсенала средств спортивно-оздоровительной деятельности с целью поддержания двигательных функций, а при необходимости восстановления утраченных двигательных возможностей.

Базовая физическая культура входит своим содержанием и становится основой для других видов и разновидностей культуры физической. Данный вид, безусловно, лежит в основе спорта, входящим как специфический вид двигательной активности в физическую культуру, где отличительной чертой является собственно соревновательная деятельность и многолетний поступательный ступенчатый тренировочный процесс. Профессионально-прикладную физическую культуру базовая физическая культура наполняет соответствующими необходимыми двигательными действиями, комплексным проявлением физических качеств с целью выполнения профессиональных задач, совершенствования профессиональной готовности и поддержания высокой работоспособности на протяжении трудовой деятельности. По отношению к реабилитационной физической культуре основы базовой позволяют не только снизить риск прогресса ограничений в состоянии здоровья человека, но и восстановить утраченные двигательные функции, расширить функциональные возможности организма и адаптировать двигательную деятельность. Адаптивная физическая культура строит на базовой реализации специальных задач, связанных с расширением двигательного потенциала человека, имеющего ограниченные физические возможности и утраченные морфофункциональные способности.

В рамках рекреационной физической культуры базовая физическая культуры раскрывает весь свой потенциал, становится основной активностей человека в досуговой деятельности, ярко проявляет универсальность средств, вариативности методов и разнообразие форм организации занятий спортивно-оздоровительной деятельности. Сформированность двигательных умений, навыков, знаний, развития физических способностей различного уровня позволяют любому человеку, включится в спортивно-оздоровительную деятельность и не встретить препятствий в виде возрастных или гендерных ограничений, в виде не оптимальности физических нагрузок, в виде временных ограничений. При этом спортивно-оздоровительная деятельность гармонично вписывается в базовую физическую культуру как самая рациональная форма рекреационной формы занятий. Интересно на наш взгляд распределились ответы респондентов на вопрос о том, с какой целью сами молодые люди занимаются спортом в свободное время. Почти 55% ответили, что занимаются для восстановления сил, поддержания работоспособности и активного общения в спортивной обстановке – это отличная сформированная позиция молодых людей к использованию спортивно-оздоровительной деятельности в противовес неактивных видов досуговой деятельности. В сумме 33% другая часть респондентов используют занятия спортом для достижения спортивного результата с различной целевой установкой. Кстати хотелось бы отметить, что согласно Единой всероссийской спортивной классификации в сфере существует достаточное количество спортивных разрядов, включая кандидата в мастера спорта, которые рассматриваются как массовые спортивные разряды. Во многих видах спорта можно получить массовый спортивный разряд, дополняя специальный учебно-тренировочный процесс активными досуговыми форма-

ми спортивно-оздоровительной деятельности. Не имеют целевых установок при занятиях спортивной деятельностью только 8,3%, однако мы понимаем, что целевые установки формируются и в процессе физического совершенствования, поэтому и это количество респондентов можно включить в число молодых людей, имеющих устойчивый интерес к своему здоровью и физическому самосовершенствованию.

Формирование базовой физической культуры невозможно без активного участия самого субъекта спортивно-оздоровительной деятельности – человека. И здесь речь уже пойдет о наличии у самого человека уровня сформированных интенционных ценностей. Именно интенционные ценности отражают уровень заинтересованности к занятиям физической культурой и спортом, популярность различных видов двигательной активности, наличие потребностей и предпочтений к занятиям определенным видом спорта, мотивация на результаты спортивно-оздоровительной деятельности. Интенционные ценности на уровне общественного мнения создают благоприятный мотивационный фон и могут обеспечить включение в систему спортивно-оздоровительной деятельности все возрастные категории. Это в свою очередь в перспективе станет положительным посылом для следующих поколений.

В разрезе этого вопроса представляется объективным представить информацию нашего социологического исследования, в котором при анализе ответов респондентов четко прослеживается взаимосвязь количественных показателей по включению молодежи и их родителей к занятиям спортивной деятельностью. Если родители занимались спортом, когда были по моложе и это отметили больше 50% респондентов, то и сами молодые люди практически в этой же процентном соотношении отвечают, что занимаются спортом в настоящее время. Если родители в соответствующем возрасте молодых респондентов не занимались спортом, а это отметили чуть меньше 50% наших участников опроса, то и от самих респондентов в зеркальном количественном отношении с разницей в 2% были получены, отрицательны ответы на вопрос о занятиях спортом. При наличии такой корреляции полученных данных можно утверждать о необходимости совершенствования спортивно-оздоровительной деятельности молодежи, с перспективой отражения на последующие поколения вне такой далекой перспективы.

Известный ученый Лубышева Л.И., отмечает, что «по эффективности освоения интенционных ценностей можно реально оценить запросы общества и каждого человека в физической культуре и спорте, а также действительное отношение человека к этой важнейшей сфере культуры» [4, С. 57]. При этом ряд специалистов в соавторстве с Лубышевой Г.И., отмечают, что на современном этапе актуальность спортизации студенческой молодежи возрастает. Сама спортизация должна выражаться в свободном выборе двигательной активности и в большей степени представлять спортивную ориентацию, а не спортивный отбор [5, С. 509]. В позиции авторов следует поддержать свободу выбора двигательной активности, тем более, что при наличии большого количества массовых и доступных видов спорта, разнообразия индивидуальных и командных форм реализации спортивно-оздоровительной деятельности в настоящий момент это возможно. В любом случайном или целенаправленном выборе спортивно-оздоровительной деятельности лежит рациональное использование средств базовой физической культуры и преумножение багажа основ двигательных возможностей молодежи.

Наш исследовательский интерес в вопросе совершенствования спортивно-оздоровительной деятель-

ности молодежи был не случайным. Выбор проблемы и возрастной категории от 18 до 25 лет, обусловлен снижением двигательной активности, именно в этом возрасте. Та система образовательных организаций и учреждений дополнительного образования, которая охватывает школьный возраст, выпустила молодое поколение в самостоятельную жизнь или передала в другую систему среднего профессионального и высшего образования. При этом система дополнительного образования, в которую входят спортивные школы, отметив, 18-летие своих воспитанников выпускает их из стен детско-юношеского спорта навсегда, если только это не спортсмен высокого класса и остается в спортивной школе в качестве спортсмена-инструктора. Далее задачи по совершенствованию спортивно-оздоровительной деятельности молодежи переходят в училища, колледжи, техникумы и Вузы, где занятия физической культурой и спортом продолжаются в рамках учебных занятий, как правило, по объему одна учебная пара в неделю. Спортивно-оздоровительная работа в выше упомянутых образовательных учреждениях, выходящая за рамки учебных часов уже не имеет строгих требований, стандартов и реализуется на уровне тесной зависимости возможностей этих организаций.

В студенческий период учебной деятельности у молодого человека происходит смена уклада жизни, которая характеризуется снижением свободного времени на фоне появлением систематической или временной трудовой деятельности и усложнения образовательных задач учебной работы. Все выше перечисленные особенности жизни молодежи, к сожалению, в прогрессии влияют на снижение двигательной активности и как следствие ухудшения морфофункциональных показателей здоровья. Эксперты, принимающие участие в нашем исследовании, утвердительно отмечали в 47, 7% случаях после выпуска из школы молодежь меньше занимается спортивной деятельностью, а с началом профессионально-трудовой деятельности еще 25% добавляя к этому показателю и только 13% отметили, что смена уклада жизни не влияет на снижение объема занятий физической культурой.

Группа специалистов Иркутского национального исследовательского технического университета, подтверждает, что «уменьшилось число студентов, соблюдающих рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) нормы недельной двигательной нагрузки» [6, С. 151]. В среднем ВОЗ рекомендует от 2,5 до 5 часов двигательной активности в неделю, причем рекомендуемый объем умеренной аэробной нагрузки, которая предполагает эквивалент анаэробной нагрузки в меньшем количестве. Главное, что бы двигательная активность была в достаточном и систематическом выполнении. Таких рекомендаций среди наших респондентов придерживаются до 30% молодежи, занимающихся ежедневно спортом или больше двух раз в неделю. Не больше двух раз в неделю занимается 25%, а не систематически до двух раз в месяц или всего несколько раз в год оказалось среди опрошенных 35,3%. Надо отметить, что вопрос о занятиях спортом носил общенный характер, предусматривал участие респондентов не только в специальных тренировочных занятиях, но и в физкультурно-массовых мероприятиях. Все эти разновидности двигательных активностей объединяет спортивно-оздоровительная деятельность.

Полученные результаты социологического исследования и анализ вопроса использования средств спортивно-оздоровительной деятельности в жизни российской молодежи, позволяют сделать выводы, что молодые люди безразлично относятся к своему здоровью, несмотря

на изменения уклада жизни, стремятся сохранить стиль жизни, ориентированный на поддержание уровня базовой физической культуры, придерживаться правил здорового образа жизни. Активность российской молодежи к занятиям в рамках спортивно-оздоровительной деятельности вызывает противоречивые мнения и зависит от многих внутренних и внешних факторов, включая уровень сформированности ценностного потенциала физической культуры, развития спортивной инфраструктуры региона, спортивных традиций образовательных организаций, наличия возможностей заниматься на безвозмездной основе или финансовых условий, совершенства программ физкультурно-спортивных мероприятий и проектов. Многофакторные основы развития спортивно-оздоровительной деятельности создают интегральные задачи перед всеми субъектами, включенными в работу данного направления, а повышение значимости ценности здоровья является объединяющим в совершенствовании базовой физической культуры не только молодежи, но и населения России в целом.

Литература

1. Мавропуло, О.С. Культура нездоровья в российском обществе: причины и специфика проявления / О.С. Мавропуло // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2017. – № 1(60). – С. 86–96. – EDN ZEIBGF.
2. Геродот История [Текст]: в 9 книгах / Геродот; перевод и примечания Г.А. Стратановского; под общей редакцией С.Л. Утченко; редактор перевода Н.А. Мещерский. – Ленинград: Наука, 1972. – 599, [1] с. – (Памятники исторической мысли). – Указ.: с. 547–599. – (в пер.): Б. ц.
3. Верещагина, А.В. Здоровье и отношение к нему российской молодежи в цифровую эпоху / А.В. Верещагина, А.Г. Лукьяшко // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2021. – № 3(86). – С. 67–78. – EDN FBTNTL.
4. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: Учеб. пособие – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 240 с. ISBN 5-7695-0804-3
5. Пешкова, Н.В. Феномен спортизации физического воспитания в контексте развития студенческого спорта в вузах / Н.В. Пешкова, Л.И. Лубышева, Ш.Н. Муртазин // Совершенствование системы физического воспитания, спортивной тренировки, туризма, психологического сопровождения и оздоровления различных категорий населения: Сборник материалов XX Юбилейной международной научно-практической конференции, Сургут, 19–20 ноября 2021 года / Отв. ред. Ж.И. Бушева, ред. А.А. Исаев, Н.М. Ахтемзянова. – Сургут: Сургутский государственный университет, 2022. – С. 507–511. – EDN VKHSNH.
6. Физическая активность как фактор повышения качества жизни студентов / М.М. Колокольцев, С.С. Ермаков, Н.В. Третьякова [и др.] // Образование и наука. – 2020. – Т. 22, № 5. – С. 150–168. – DOI 10.17853/1994–5639–2020–5–150–168. – EDN FYRQZG.

SPORTS AND RECREATION ACTIVITIES IN THE BASIC PHYSICAL CULTURE OF YOUTH

Planidin E.S.

Southern Federal University; Don State Technical University

The paper presents the results of a sociological survey, which make it possible to improve the work on sports and recreational activities of young people in one of the types of physical culture. One of the

leading components of the basic physical culture of young people is sports and recreation activities, which are carried out within the framework of recreational activities that allow in their free time to actively use the entire arsenal of physical culture tools to preserve and strengthen the individual health of young people, which in the prism of reflection determines the level of health of society. Sports and recreation activities are a component of the physical culture of the individual, they are the basis for improving the harmonious physical development of a person, improving the functional systems of the human body and the basis for a variety of motor skills, actions necessary in the life and professional development of young people.

Keywords: physical culture of the individual and society, human health, health-improving activities, motor recreation, values of sports and physical culture.

References

1. Mavropulo, O.S. Culture of ill health in Russian society: causes and specifics of manifestation / O.S. Mavropulo // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. – 2017. – № 1(60). – Pp. 86–96. – EDN ZEIBGF.
2. Herodotus History [Text]: in 9 books / Herodotus; translation and notes by G.A. Stratanovsky; under the general editorship of S.L. Utchenko; translation editor N.A. Meshchersky. – Leningrad: Nauka, 1972. – 599, [1] p. – (Monuments of historical thought). – Decree.: pp. 547–599. – (in translation): B. C.
3. Vereshchagina, A.V. Health and attitude of Russian youth in the digital age / A.V. Vereshchagina, A.G. Lukyashko // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. – 2021. – № 3(86). – Pp. 67–78. – EDN FBTNTL.
4. Lubysheva L.I. Sociology of physical culture and sports: Textbook – M.: Publishing center “Academy”, 2001. – 240 p. ISBN 5-7695-0804-3
5. Peshkova, N.V. The phenomenon of sportization of physical education in the context of the development of student sports in universities / N.V. Peshkova, L.I. Lubysheva, Sh.N. Murtazin // Improving the system of physical education, sports training, tourism, psychological support and rehabilitation of various categories of the population: A collection of materials of the XX Anniversary International scientific and practical conference, Surgut, November 19–20, 2021 / Ed. Zh.I. Busheva, ed. A.A. Isaev, N.M. Akhtemzyanova. – Surgut: Surgut State University, 2022. – pp. 507–511. – EDN VKHSNH.
6. Physical activity as a factor in improving the quality of life of students / M.M. Kolokoltsev, S.S. Ermakov, N.V. Tretyakova [et al.] // Education and Science. – 2020. – vol. 22, No. 5. – pp. 150–168. – DOI 10.17853/1994–5639–2020–5–150–168. – EDN FYRQZG.

Мотивация государственных служащих: сравнительный анализ

Ревенко Наталья Владимировна,

к.и.н., доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»

E-mail: kaf-gsp-zav@buket.ru

Сережко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»

E-mail: serezhko@mail.ru

Михалев Евгений Александрович,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»

E-mail: mikhalev140714@yandex.ru

В статье выделены меры по поощрению работников государственной службы в различных моделях государственной службы. Сравниваются мотивирующие факторы государственных служащих Германии и Финляндии. Анализ показывает, что независимо от модели государственной службы государственные служащие в разных странах мотивируются и демотивируются относительно схожими факторами.

Ключевые слова: мотивация государственных служащих, мотивирующие факторы.

Двадцатый век можно назвать веком теорий мотивации. В середине того века были разработаны теории мотивации А. Маслоу, Х. Герцберга и др.; исследовалась мотивация работников различных сфер [2]. Теоретики государственного управления относительно поздно подошли к теме мотивации, пытаясь найти конкретные факторы, мотивирующие деятельность государственных служащих. Впервые в 1990-х гг. концепции мотивации государственного управления были сформулированы Л. Уайз и Дж.Л. Перри и опубликованы работы по мотивационным основам государственного сектора [4]. Несмотря на такое запоздалое внимание к этой теме, мотивация государственных служащих и государственной службы была тогда определена как один из наиболее актуальных вопросов государственного управления [3].

Цель данной статьи – исследовать мотивацию государственных служащих. Для этого анализируются модели государственной службы различных стран Европейского Союза.

Проведенный сравнительный анализ не может претендовать на абсолютную научную истину, поскольку 1) при изучении факторов, мотивирующих государственных служащих отдельных стран, используются разные источники (в одних случаях опирались на проведенные исследования, в других – на литературный анализ); 2) разные модели государственной службы уже сами по себе предполагают разные мотивационные компоненты; 3) одни исследования были репрезентативными, другие проводились в отдельных учреждениях; 4) данные одних стран позволяют делать выводы о тенденциях, наблюдаемых во времени, другие отражают специфику конкретной ситуации. Наиболее адекватной основой для сравнительного анализа было бы, если бы исследование проводилось с использованием того же инструментария и с аналогичной выборкой. Но даже сравнение, проведенное в данной статье, может служить основой и перспективой последующих исследований.

Модель государственной службы связана не только с определенными ценностями, но и с заложенной в ней системой мотивации [4].

Модель государственной службы, основанная на карьере, характеризуется предсказуемостью, стабильностью, рациональностью, признанием старшинства, равными возможностями для всех военнослужащих. Безопасность и стабильность места службы, четко известные возможности и основы карьерного роста возможно, наиболее важные факторы, мотивирующие государственных служащих в этой системе. Человек, который выбирает профессию государственного служащего, принимает на самую низкую должность и может сделать карьеру до определенного уровня. Человек, достойным образом занимавший свою должность во время карьерного роста, может рассчитывать на получение специальной пенсии за верность и хорошее служение. Таким образом, имеет место быть забота о семье служащего.

«Модель должностей» более гибкая, быстрее реагирует на изменения, допускает большую конкуренцию в государственном секторе и, следовательно, больше напоминает модель частного сектора по своей сути. В ней больше возможностей для мобильности и, следовательно, человек, принятый на государственную службу, не имеет четко определенных карьерных возможно-

стей. Его трудовой договор фиксирован, а вознаграждение за труд либо согласовано индивидуально, либо согласовано коллективно. Возможности дальнейшей работы в учреждении зависят от навыков, производительности и профессионализма каждого человека. Если в модели карьеры мотиваторы лежат в самой системе, то в модели постов они больше зависят от каждого человека, т.е. у него преобладают внутренние мотиваторы.

Анализ особенностей карьерной модели далее опирается на опыт организации государственной службы Германии [1; 7]. В Германии используется более широкое понятие государственной службы: государственные служащие считаются служащими как системы государственного управления, так и других государственных секторов. Их статус довольно схож, хотя от государственных служащих государственного управления требуется лояльность и служение, от других – выполнение обязательств, основанных на выполняемых функциях.

Статья 33 Конституции Германии (Basic Law) провозглашает, что каждый имеет равные возможности для поступления на государственную службу (если он соответствует требованиям, имеет квалификацию и профессиональные достижения); декларирует, что осуществление гражданских прав и возможность поступления на государственную службу не зависят от религиозных убеждений человека. Акцент делается на том, что государственная служба основана на принципах служения и лояльности, определенных законом [1].

Государственные служащие имеют исключительный статус: на практике уволить государственного служащего практически невозможно, а работодатель (в данном случае государство) берет на себя большую финансовую ответственность за обеспечение содержания государственного служащего и зависимых от него лиц, включая выплату пенсии на протяжении десятилетий. После прохождения испытательного срока они назначаются на службу на весь срок профессиональной деятельности. Экономическая и правовая независимость государственных служащих позволяет выполнять обязанности в соответствии с законом и держаться подальше от влияния партийных интересов, не опасаясь потери работы. Такая автономия гарантируется имеющейся должностью, адекватной заработной платой и социальным обеспечением, а также правом на определенную должность или роль. Социальная и медицинская помощь гарантирована не только государственным служащим, но и их близким, как во время профессиональной карьеры, так и после выхода на пенсию. Назначение государственных служащих на более высокие должности основано на принципе заслуг. Возможность сделать карьеру – занять более высокую должность – реализуется только после испытательного срока и когда такая должность освободится [7].

Работа на полставки становится все более популярной в государственном секторе Германии. С 2001 г. узаконено, что по семейным обстоятельствам государственные служащие имеют право работать неполный рабочий день, работая менее половины рабочего времени. В этом случае размер заработной платы пропорционален количеству отработанных часов. Пожилые работники в возрасте 55 лет и старше с 1996 г. могут работать неполный рабочий день. Это позволяет государственным служащим решать для себя, какой будет их работа, и постепенно выходить на пенсию.

Государственные служащие могут практиковать телеработу, если это позволяют выполняемые ими функции. Продолжительность отпуска варьируется в зависимости от возраста (26–30 дней). При определенных семейных обстоятельствах может быть предоставлен

короткий дополнительный оплачиваемый отпуск. Также возможен длительный неоплачиваемый отпуск при определенных обстоятельствах. Отпуск по беременности и родам и отпуск для воспитания ребенка в частном и государственном секторах одинаковы. Оба родителя или один из них могут заниматься воспитанием ребенка до исполнения 3 лет, но зарплата за это не выплачивается. В случае болезни выплачиваемые пособия составляют 90% зарплаты.

Оплата труда регулируется отдельным законом. Общие положения закона применяются по всей стране, хотя в некоторых местах землям разрешается поступать по своему усмотрению. Работодатель обязан обеспечить надлежащее содержание пропорционально службе (а не конкретной функции), если государственный служащий на этой должности становится инвалидом или по достижении пенсионного возраста. Оплата призвана поддерживать самоотверженность государственных служащих, их преданность выполняемой работе; поскольку только финансово независимая государственная служба может должным образом выполнять функции, возложенные на нее Конституцией. В отличие от других работников государственного сектора, служащие в системе государственного управления не получают вознаграждение за индивидуально выполненную работу, а получают компенсацию за службу [7].

Оплата состоит из нескольких частей: базовая зарплата, семейные или дополнительные надбавки. Премии за деятельность могут выплачиваться в зависимости от условий рынка труда. Чем дольше вы работаете, тем больше растёт и базовая зарплата, которая достигает максимума в возрасте от 49 до 53 лет. Семейные надбавки зависят от ситуации в каждой семье. На каждого ребенка, растущего в семье, помимо общей государственной надбавки за детей, также имеется бонус. Система бонусов (в зависимости от выполняемой деятельности) и бонусов за деятельность для всех государственных служащих довольно схожа со стимулированием сотрудников за выдающуюся деятельность, что рассматривается как попытка повысить мотивацию одаренных и хорошо работающих сотрудников. Однако было обнаружено, что только определенный процент военнослужащих может иметь такое поощрение (10%). Бонусы за деятельность (до 7%) начиная с базовой (начальной) заработной платы являются вознаграждением за выдающуюся деятельность и не могут выплачиваться более года. Бонусы рассматриваются как награда за особые результаты, поэтому нет риска, что они будут восприняты как должное. Государственные служащие получают капиталобразующие льготы (англ. Capital forming benefits), когда определенная сумма инвестируется в соответствии со специальным законом.

В целях повышения мотивации и введения гибкой системы оплаты в 1997 г. закон ввел оплату труда, связанную с деятельностью. Несколько ускоренное движение по уровням заработной платы к окончательной базовой зарплате. Увеличены квоты для тех, кто получает бонусы за деятельность. Появляется возможность выбора: либо вводятся квоты для тех, кто движется к конечной базовой зарплате, либо разрешается выплачивать бонусы или надбавки за деятельность.

Государственным служащим гарантируется надлежащее пенсионное обеспечение в соответствии с Конституцией. Участие в программе пенсионных накоплений является добровольным. Как и работающие клерки, вышедшие на пенсию государственные служащие, получают специальный бонус один раз в год. Работающие государственные служащие получают до 50%, на пенсии – 70% пособие на расходы по болезни. Страхование

государственных служащих покрывает до 70% расходов мужа или жены и 80% – расходов на здравоохранение ребенка [7].

Хотя никаких данных о проведенных исследованиях мотивации государственных служащих обнаружено не было, обобщение опыта Германии позволяет предположить, что государственные служащие мотивированы следующими факторами:

- особый статус государственного служащего (нет положения об их освобождении от должности);
- безопасность рабочего места (стабильное обслуживание гарантировано. Только по решению суда государственный служащий может быть отозван);
- финансовая независимость служащего (гарантированная заработная плата в сочетании с социальными гарантиями, обеспечивающая содержание служащего и его близких, позволяет надлежащим образом выполнять обязанности);
- система карьеры, которая позволяет развиваться, получая при этом более высокие награды.

Используются следующие средства мотивации: реформа заработной платы, основанная на производительности труда; система надбавок; специальные выплаты; продвижение по службе в зависимости от достижений; разработка нематериальной системы стимулов (лучшее техническое обеспечение рабочего места); гибкий график работы; телеработа; создание более «плоских» иерархий, способствующих инициативе; сотрудничество.

Анализ особенностей модели «должностей» опирается на опыт организации государственной службы Финляндии. Модель государственной службы Финляндии смешана, с преобладающими чертами модели должностей [5; 6].

Лица, работающие в государственном секторе Финляндии, относятся к категориям государственных служащих или работников государственного сектора. Государственная служба открыта: возможны назначения на различные должности, карьерный рост также является открытым процессом. Закон «О государственных служащих» в редакции 1986 г. приравнял правовой статус государственных служащих к статусу других работающих в государственном секторе. В Финляндии нет общепринятых принципов отбора на государственную службу. Отбор проводится индивидуально при появлении свободного места или его создании. Для государственных служащих не требуется специального образования, но важны навыки, учитывается профессиональный опыт. Лица, не имеющие необходимых навыков, принятые на службу, могут пройти обучение на месте. Принятые на государственную службу имеют достаточно надежные гарантии трудоустройства. Их могут уволить за плохие показатели эффективности или плохое поведение [5]. Статья 86 Конституции Республики Финляндия гласит, что только лица, обладающие «соответствующими навыками, способностями и гражданскими добродетелями», могут быть возведены на более высокие должности [1].

До 1990 г. пенсии и другие социальные гарантии были выше в государственном секторе, чем в частном. В ходе реформ некоторые привилегии были отменены, и трудовые отношения стали аналогичными тем, которые существуют в частном секторе. Пенсионная реформа, начатая в государственном секторе, позже перешла в частный сектор. Работникам старше 55 лет выплачивается надбавка установленной суммы к заработной плате. Государственные служащие, вышедшие на пенсию раньше установленного срока, получают несколько меньшую пенсию (0,4%) [6].

Более значительная волна административных реформ началась еще в 1989 г., в ответ на экономическую депрессию и в то же время с целью адаптации англосаксонской концепции нового государственного управления (децентрализация и дерегуляция, внедрение управления результатами, повышенное внимание к деятельности и ориентации на клиента). Последующие реформы (в том числе реформа заработной платы) были направлены на укрепление административных способностей, отказ от некоторых привилегий и повышение заработной платы. С 1994 г. закон «О государственной службе» пытается сократить разрыв между работниками государственного и частного секторов, хотя государственные служащие по-прежнему имеют отдельный статус [5].

В период с 2000 по 2006 г. агентство Кайку проводило исследования удовлетворенности работой. В ходе опроса 1500 работников государственной администрации были выделены основные факторы, мотивирующие на работу или провоцирующие нежелание работать. Наиболее мотивирующими факторами были задачи, обязанности и ответственность, возложенные на государственных служащих. Эти факторы зависят от внутренней мотивации, поэтому можно утверждать, что повышение (до 19%) мотивации к работе не связана со структурными изменениями. Анализ влияния рабочей атмосферы, руководства и системы оплаты труда на готовность к работе показал, что эти факторы действуют довольно нейтрально и часто не стимулируют к действию [6].

Результаты исследования показывают, что наибольшие возможности для мотивации открываются за счет применения лидерского потенциала и улучшения системы оплаты труда. Если совершенствование руководства является достаточно индивидуальной задачей, то совершенствование системы оплаты труда может решаться как индивидуально, так и централизованно. За указанный период недовольство руководством и системой оплаты труда несколько снизилось (на 4–6%) [6].

Хотя данных о проведенных исследованиях мотивации государственных служащих не так много, обобщая финский опыт, можно сказать, что государственные служащие мотивированы следующими факторами: 1) содержание работы государственного служащего (задачи, обязанности и ответственность); 2) безопасность на рабочем месте (гарантированная стабильная служба); 3) рабочая атмосфера.

В Финляндии применяются следующие меры мотивации: система оплаты труда (заработная плата состоит из двух частей: базовой заработной платы и суммы, зависящей от деятельности и компетенции служащего. Некоторые учреждения применяют систему оплаты труда, ориентированную на производительность труда); формирование возможностей профессионального развития (ежегодная оценка эффективности позволяет планировать вертикальную карьеру и повышать профессиональную компетентность человека); перемещение, мобильность, обмен персоналом; обучение и руководство; условия контроля содержания и среды работы (контроль рабочего времени, участие в принятии решений).

Обобщение данных исследований мотивации государственных служащих, позволяет выделить следующие особенности мотивации: 1) содержание работы является одним из крупнейших мотиваторов государственных служащих (в Финляндии; можно предположить, что это актуально и в Германии); 2) безопасность на рабочем месте, заработная плата (в том числе в некоторых местах и надбавки, специальные выплаты) и социальные гарантии (и в Германии, и в Финляндии) являются одними из наиболее важных мотивирующих факторов; 3) система карьеры (в Германии; менее актуальна в Финлян-

дии); 4) в обеих странах актуальны условия труда (дружеская атмосфера в коллективе и возможность сбалансировать трудовую деятельность с личной жизнью).

В заключение можно констатировать, что в западных странах с относительно высоким уровнем развития, заработная плата, безопасность рабочего места, социальные гарантии остаются актуальными мотивирующими факторами для государственных служащих.

Литература

1. Конституции зарубежных государств / сост. проф. В.В. Маклаков. – М.: Издательство БЕК, 1999. – 584 с.
2. Кохан Ж.С., Сerezко Т.А., Шкилёв М.В. Источники мотивации работников сельскохозяйственных предприятий // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 7. С. 27–30.
3. Ревенко Н.В., Кохан Ж.С., Сerezко Т.А. Экономическая социология как теоретико-методологическая основа анализа проблем инновационного развития // Вестник БУКЭП. 2023. № 2. С. 101–112.
4. Perry J. L. and Wise L. The Motivational Bases of Public Service. *Public Administration Review*. 1990. Vol. 50. No 3. 367–373.
5. Finland Civil service. – URL: http://www.photius.com/countries/finland/government/finland_government_civil_service.html.
6. Profiles of National Public Administration: Finland. – URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/Un/UNPAN000190.pdf>.
7. The Public Service in Germany: an Overview. – URL: http://www.bmi.bund.de/Internet/Content/Common/Anglade n/Broschueren?2007/BMI_C3_96D_2007,

templated ID=Raw, property=publicationFile.pdf/BMI_OD_2020.pdf

MOTIVATION OF CIVIL SERVANTS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Revenko N.V., Serezko T.A., Mikhalev E.A.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article highlights measures to encourage civil service employees in various models of public service. The motivating factors of German and Finnish civil servants are compared. The analysis shows that regardless of the model of public service, civil servants in different countries are motivated and demotivated by relatively similar factors.

Keywords: motivation of civil servants, motivating factors.

References

1. Constitutions of foreign states / comp. prof. V.V. Maklakov. – M.: BEK Publishing House, 1999. – 584 p.
2. Kohan J.S., Serezko T.A., Shkilev M.V. Sources of motivation of workers of agricultural enterprises // *Socio-humanitarian knowledge*. 2022. No.7. pp. 27–30.
3. Revenko N.V., Kohan J.S., Serezko T.A. Economic sociology as a theoretical and methodological basis for the analysis of problems of innovative development // *Bulletin of the BOOKEP*. 2023, No. 2. pp. 101–112.
4. Perry J. L. and Wise L. The Motivational Bases of Public Service. *Public Administration Review*. 1990. Vol. 50. No 3. 367–373.
5. Finland Civil service. – URL: http://www.photius.com/countries/finland/government/finland_government_civil_service.html.
6. Profiles of National Public Administration: Finland. – URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/Un/UNPAN000190.pdf>.
7. The Public Service in Germany: an Overview. – URL: http://www.bmi.bund.de/Internet/Content/Common/Anglade n/Broschueren?2007/BMI_C3_96D_2007, templated ID=Raw, property=publicationFile.pdf/BMI_OD_2020.pdf

Футурологические предвидения развития искусственного интеллекта: социально-философский анализ

Волков Сергей Николаевич,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Перевод и переводоведение», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет»
E-mail: swolf63@mail.ru

Ковалёва Светлана Евгеньевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры «Перевод и переводоведение», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный технологический университет»
E-mail: kovaleva-se@rambler.ru

В современном обществе рост технологизации и цифровизации меняет режим информирования, коммуникации, проявления инициатив и прочего. Наиболее ярким явлением сегодняшнего дня становится проблема развития искусственного интеллекта (ИИ). Представления о дальнейших судьбах человечества в сочетании с функционированием ИИ носят противоречивый характер.

Цель: рассмотрение актуальных аспектов, связанных с приятием человеческим сообществом ИИ. В связи с этим затрагиваются взгляды технооптимизма и технопессимизма.

Методы: применяются аналитический метод и исторического анализа.

Основная часть статьи представляет аналитический подход к существующим футурологическим прогнозам *соотношения человечество – ИИ*. В центре внимания десять сценариев М. Тегмарка, отражающие преимущественно мотивы экзистенциальной угрозы человечеству со стороны ИИ. Приводится позиция Ф. Фукуямы о проблемном характере биомедицины в рамках трансгуманизма.

Авторы концентрируют внимание на субкультурных тенденциях, которые сегодня обращены к проблеме ИИ. Это *киберпанк* и *стимпанк*.

Заключение подводит к *выводам* о необходимости проведения гуманитарной экспертизы в вопросах совершенствования и развития ИИ. Отмечается спорное понимание некоторых вопросов возможности «очеловечивания» ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; футурология; экзистенциальная угроза; трансгуманизм; сознание; киберпанк; стимпанк.

Введение

Актуализация вопросов будущего ИИ на данный момент времени стала острой и требующей аналитического истолкования. Мнения, противоречащие друг другу находят место в изложении возможных путей его развития и влияния на социум в целом. Если специфику человеческой общности представляют отношения природных индивидов с их системой ценностей и традиций, то взаимодействие с искусственно созданными объектами будет носить иной, и, как предполагается, не всегда гуманный характер.

Особенностью мышления в вопросе футурологического прогнозирования является приятие не столько какой-либо линейной формы представлений развития отношений человека с ИИ, но сетевой и широко разветвляющейся по вероятностным возможностям. Такая широта диапазона обусловлена не четкой определённой функционирования самого ИИ в перспективе. Встают вопросы относительно его самообучения и самосовершенствования без участия человека. Представлены сценарии возможного влияния «умных машин» на жизнь в локальном и планетарном масштабах. Раскрытие потенциала ИИ ориентирует человечество не столько на использование его возможностей в каких-то промышленных и социально значимых действиях (от замены человека в монотонных, поточно выполняемых операциях до обучающих и медико-биологических процедур), сколько в фундаментальных исследованиях космического пространства и мирового океана.

Будущее понимается футурологами не как проекция настоящего, но как сложение разного рода факторов, при этом имеющих разнополярные знаки. Однако, теоретизируя в попытках научного прогнозирования, у исследователей рождается вероятностная картина будущего, что, безусловно, не может претендовать на истинное положение ситуативных явлений в перспективе. Возможные варианты взаимоотношений *Homo sapiens* и *Artificial man* становятся неопределённым социальным феноменом и, естественно, ставится вопрос об основаниях и природе ошибочных представлений в футурологических изысканиях. Теоретические представления способны типизировать действия ИИ. Отсюда вырабатываются представления о возможном противостоянии человечеству в разных формах, о попытках ИИ завладеть миром в целом и даже уничтожить своего создателя – человека. Как отмечает В.В. Ильин, «... объёмное понятие “тип” вбирает ряд степеней предметности под углом зрения:

- степени чистоты или смешения в сочетаниях возможного и действительного...
- степени приближенности, причастности признаковому образцу...» [5, с. 95].

Порождение теоретизацией прямо противоположных концептов о развитии ИИ в будущем (от *технооптими-*

стических до технопессимистических) способствует возникновению радикальных сторонников ИИ и трансгуманистов, с одной стороны, и неоязыческих противников техносферы и неолуддитов, с другой. Неясность и неопределённость будущего ИИ приводит к подобным социальным противостояниям.

Целью данной статьи является приближение к пониманию вопроса о роли ИИ в жизни человеческого сообщества. Попытка оценить существующие футурологические сценарии развития и становления ИИ с позиций технологического детерминизма предполагает обнажить некоторые скрытые формы человеческих потребностей сегодняшнего дня. Одновременно требуется понять насколько футурология верна в своих прогнозах. Рассматриваются вопросы теоретизации и соответствия мысленных сценариев действительности.

В целом развитие ИИ коррелирует со становлением информационного мира, где особое место отводится виртуализации бытия. Отсюда вытекает комплекс новых ценностных ориентаций, потребностей и, как следствие, моделей поведения индивида.

Футурологические взгляды с мотивом экзистенциальной угрозы человечеству

В футурологических прогнозах относительно ИИ выделяем два базовых вопроса.

1. Существует ли вероятность в развитии ИИ получить измененное общество и самого человека?
2. Какие могут быть сценарии *будущего* для человечества в эпоху динамического развития ИИ?

Если в прошлом провидения являлись отголоском веры, либо явлением какой-либо иллюзорной модели утопических перспектив, то в настоящее время футурология опирается на прогнозирование будущего, исключая субъективность, желания, эзотерику, религиозность, ставя целью предоставить объективный взгляд на возможную картину будущего. Взгляды у таких мыслителей прошлого, как Платона, Т. Кампанеллы, Т. Мора, Ф. Бэкона можно расценить не как результат глубокого исторического анализа, но как утопическую надежду и даже мечту. Современные же варианты событий будущего, связанные с перспективой внедрения ИИ в жизнь человека, всё же опираются на правило: «Оглянись назад, чтобы посмотреть вперёд!». Тем не менее, эта одна сторона принципов футурологии, которая приближает нас к объективности и реальной возможности. Другая сторона, о которой упоминалось выше – это проблема теоретизации, где просматриваются помехи в виде интеллектуальных сопротивлений самого прогноста. Хайдеггеровское «вслушивание в бытие» выглядит в футурологических аспектах неким индивидуализированным мышлением, предлагающим объективировать собственную мысль, приняв её как основание для прогноза.

Обратимся к футурологическому моделированию возможных ситуаций с ИИ по Максусу Тегмарку. В достаточно исчерпывающем объеме космолог и астрофизик дает представление о достоинствах ИИ и рисках, связанных с его развитием. Просматривается мысль о безграничных возможностях «умных машин» будущего и ставится задача – следить, чтобы изменения в социальной жизни не привели к катастрофическим последствиям.

На самом ли деле ИИ является экзистенциальной угрозой для человечества? Справедлива ли историческая параллель, обосновывающая вымирание различных видов животных в прошлом в связи с появлением разумных существ – людей? Не окажется ли человек сам в роли «менее совершенного» существа по сравнению

с ИИ, который его же и вытеснит? Перечислим сценарии жизни с ИИ по М. Тегмарку [11].

1. Либертарианская утопия.
2. Благодетельный диктатор.
3. Эгалитарная утопия.
4. Шлюзовая оборона или Страж.
5. Бог-защитник.
6. Порабощённый бог.
7. Победители.
8. Благодарные потомки.
9. Зоопарк.
10. 1984.

Не анализируя подробно каждый из сценариев отметим, что абсолютное большинство из предложенного всё же имеет негативный оттенок или даже катастрофические последствия для человечества. Тегмарк выводит некую возможность получить людям вариант общения с ИИ в будущем через навеянные научной фантастикой сюжеты и просто мотивы. Пожалуй, только сценарий «Либертарианская утопия» предполагает мирное параллельное сосуществование людей с киборгами и виртуальными личностями в соответствии с правами собственности каждой из названных категорий. Остальные же сценарии возводят ИИ в ранг божественный и сверхъестественный. В них просматривается явно выраженная экзистенциальная угроза всему человечеству. Алармистские настроения порождают также взгляды современных лидеров технических новаций. Формула **Человечество VS Искусственный интеллект** нашла своё место в позициях И. Маска, Ст. Возняка, кто высказывает мнение о «замораживании» работ по развитию ИИ [9]. На данном этапе подобные точки зрения носят популярный характер и проявляют себя в посланиях обществу в виде писем и предостерегающих выступлений.

Немаловажным является позиция трансгуманистов. Трансгуманизм не только поддерживает направления научной мысли, и в частности развития ИИ, для улучшения жизненных возможностей человека, но уже превратился из явления, носящего теоретический характер, в социальный и политический феномен современности, как международное движение. Создать необходимые условия для людей, как биологических существ, для продолжения жизни и даже достижения бессмертия есть общая цель данного движения. ИИ вписывается в схему научного процесса, позволяющего трансформировать биологического человека в новый вид – постчеловека, с чипированием мозга и имплантацией «отработавших» органов. Манипуляции с сознанием, загрузка огромного количества информации в мозг, расчленение самого общества на людей обычных и индивидов со сверхвозможностями – это прогнозируемый новый вид социального неравенства, обрекающий человечество на непредсказуемый финал.

Ф. Фукуяма определяет цели биомедицины в ключе трансгуманизма, как противопоставление естественных природных форм чувствований человека искусственно созданным дополнительным возможностям. Философ формулирует следующее: «Утилитарная цель минимизации страданий сама по себе весьма проблематична. Никто не станет защищать боль и страдания, но дело в том, что все, что мы считаем высшими и наиболее достойными восхищения качествами в себе и в других, часто связано с нашей реакцией на боль, страдания и смерть, преодолением их, противостоянием, а зачастую – и покорностью им, если не будет этого зла, не будет и сочувствия, сострадания, храбрости, героизма, солидарности и силы характера.

Человеку, который не сталкивался со страданием или смертью, не хватает глубины. Наша способность ис-

пытывать эти эмоции – вот что дает нам потенциальную связь со всеми другими людьми, живущими и умершими...» [14].

Диалектические построения дают возможность оценить ситуацию с попытками противопоставить ИИ человеку разумному, как напряженное отношение жизни к её противоположности – смерти. В данном аспекте, вычленив из возможностей ИИ его «нечеловеческое нутро», футурологи активируют процесс мышления в виде продумывания жизни с разных её сторон на перспективу. С возникновением угрозы со стороны ИИ (а в более масштабном понимании – с уничтожением самого человечества на планете) самодостаточность Homo Faber лишается каких-либо оснований и становится абсолютным ничто. Естественный вопрос, наполненный экзистенциальным смыслом: «Во имя чего всё ЭТО было?». Одновременно ранг ИИ, сформированный в виде представления о нём, как о сверхмогущественном феномене, выходит за рамки прагматики и углубляет мышление индивида в сторону божественного предопределения судьбоносных моментов для землян. Уподобление ИИ богу, что можно увидеть в отдельных сценариях будущего у Тегмарка, создает, с одной стороны, представления об абсолютизации возможностей ИИ и его бессмертия. С другой – внедряет в сознание человека идею безысходной собственной смертности и отсутствия возможности выбора (финал уже предreshён!).

Творческая самореализация человека, как высшее гуманитарное предназначение земного бытия, начинает проявлять себя уже сегодня в виде отдельных субкультурных тенденций, закладывающих фундамент противостояния ИИ.

Параллели киберпанка и стимпанка: «за» и «против» общения с ИИ

Проявление сопротивляемости развитию ИИ в интересных формах существует с конца прошлого века. Ярким субкультурным феноменом стал *стимпанк* или *паропанк*. Его генезис связан с противостоянием *киберпанку*. И то, и другое культурное движение выражается сегодня в искусстве и научной фантастике. Информационное общество выработало интерес, прежде всего, у молодежи, к экранной культуре, среди которой многообразные формы восприятия виртуальной реальности: от дисплея компьютера и смартфона до VR-очков и VR-шлемов. Современный киберпанк можно определить, как «уединение в толпе» и погружение «в самого себя». Социальная реальность демонстрирует достаточно устойчивую и возрастающую информируемость населения, к примеру, о сущностных понятиях метавселенной. Под последней понимается виртуальное пространство, в котором существуют алгоритмы взаимодействия объектов и окружающей их среды.

По результатам обследования ВЦИОМ выявляется весьма специфичное желание людей виртуализироваться и увидеть себя со стороны. Цитируем: «Более четверти опрошенных заявили, что им было бы интересно побывать в метавселенной в качестве своей цифровой копии (27%). Среди молодежи 18–24 лет такое желание выразили половина опрошенных (56%)...» [2].

Суть понимания собственного «Я» в философском ключе уподобляется не только ощущениям человеческой свободы, но расширению *ratio*, воспринимаемому как обогащение попытками увидеть себя со стороны. От позднеантичных и средневековых авгуральных традиций, где истолкование сновидений (к примеру, «Онейрокритика» Артемидора) человек воспринимал

не столько эфемерно, сколько вполне реально, потребность в подобном дошла до современных виртуальных пространств, позволяющих проживать параллельную жизнь. Культура современного киберпанка расширяет процессы ментального восприятия реальности. Отчасти это выглядит как форма информационной социализации и выделения личности из толпы себе подобных. Киберпанк способствует расширению когнитивных оснований мира виртуальной среды.

В отличие от киберпанка стимпанк в своей сущностной характеристике напоминает скорее романтическое воспоминание о Викторианской эпохе со ржавыми машинами, но сильными механическими передачами и колесами, отвергающими электрику и, тем более, виртуальность. Философия стимпанка ставит под сомнение принятые современным обществом нормы и правила, показывая полнейший отказ от электричества. Стимпанк отказывается от общепринятых норм и ценностей информационного мира. В психологическом аспекте стимпанк выражает также нигилистические настроения ушедшей эпохи 19-го столетия. Отчуждение от реальности современного информационного мира, эгоистическое начало в суждениях о бытии в урбанизированном мире гремящих монстров-машин и огромных дирижаблей в небе – в определенном смысле выглядит экзистенциальной потребностью человеческого *правильного* бытия. Не углубляясь в основания потребностей эскапизма, которые наглядно проявляются в желании уйти от новаций информационного общества с расширяющимся диапазоном искусственного мышления, следует отметить желание представителей этой субкультурной тенденции сформировать вокруг человека атмосферу живых визуализаций с тактильными, звуковыми, обонятельными образами, соответствующими естеству натуры человека.

В футурологическом ключе две сопоставляемые субкультуры видятся по-разному. Киберпанк есть соответствие социальной реальности, стимпанк – утопическая иллюзия. Киберпанк – это часть мира компьютерного бытия. Он принадлежит в социальную среду, становясь даже частью традиционной культуры, тогда, как будущее стимпанка выглядит фантастично, сдержанно и отшельнически. Киберпанк видит в ИИ будущее мироздания, стимпанк разветвляется в своем отношении к ИИ.

На данном этапе отношение к нейросетям и их возможностям у любителей стимпанковой субкультуры прагматично. Сторонники современного стимпанка с одной стороны отдают предпочтение «мускулам» металлических машин, с другой стороны задумываются об их «разумном» поведении, способствующим помогать человеку. Возможно ли подобное при вживлении в машину ИИ? Также сегодняшний день для соцсетей и сайтов, кричащих про эстетику стимпанка, знаменовался обращением к нейросетям. Нейротворчество обратило внимание на изысканность получающихся картин, и мейнстримное ИИ-искусство было принято сторонниками стимпанка. Говорит ли это о потребности в ИИ у данной субкультуры? Видимо, да. Отсюда и противоречивость в отношении к ИИ.

Можно сделать осторожный вывод, что будущее стимпанка и ИИ в пересечении интересов. Проявит себя и трансформация потребностей представителей стимпанка в сторону, по меньшей мере, нейтральности отношения к информационной среде и нейросетям, если не сказать более – в его развитии. Развитие и расширение сферы влияния ИИ в социальном плане способны видоизменить противников электронных новаций.

Об объективности футурологических прогнозов

Футурология в вопросах развития ИИ может быть представлена в двух плоскостях. Это, во-первых, версия с «дальним прицеливанием», и, во-вторых, – с «ближним». Заметим, что даже прогнозы на пару десятилетий вперед имеют далеко не стопроцентную вероятность, и, как показывает, само ближайшее будущее, способное подтвердить предполагаемые сценарии развития, сбывается лишь часть предсказанного. Прогнозы на десятки и даже сотни лет являются своеобразным обзором вероятности. Часто прогноз на сто или двести лет вперед лишается смысла из-за невозможности проверить его и внутреннего субъективного отказа принимать его вообще, считая таковые сроки нереально отдаленными. Основное предназначение прогноза все же – это планирование каких-либо действий человека и возможность исключить простую реакцию ожидания. Четкая статистика вероятности сбывающихся прогнозов сегодня отсутствует. Вместе с тем прогнозирование будущего, как показала практика, существует. Яркими примерами являются прогнозы развития информационного мира Р. Курцвейла [7], Э. Тоффлера [12], Дж. Кантона [15] и некоторых других.

Попытка сформулировать основные положения будущего вообще, и развития ИИ, в частности, есть творческо-ментальная процедура. В ней присутствует механизм воображения. Футурология имеет, как своих сторонников, так и противников, критикующих реальность выводов. Всплывает идея оценки прогнозирования. Своеобразная гносеологическая любознательность опирается во многом на инстинктивно образную способность футуролога «схватывать» момент возможной реальности. В этом смысле преимущественно индуктивная форма познания будущего выглядит неким майевтическим прозрением, если говорить о нем как об интеллектуальном приеме сократовской эвристики. Данный феномен схож с бессознательным предчувствием будущего. Всё это наряду с логическими рассуждениями о прошлом и возможном будущем.

Творческий процесс в футурологическом предвидении сочетает ассоциативные компоненты свободного предчувствия и предметного базиса. Одним из главных моментов выступает смысловое упорядочивание единиц возможного. На этот счет В.В. Ильин замечает: «Вообразительные созерцания на идеационны, они эйдетины: концентрируются на обозрении-схватывании умо-постигаемого...» [4, с. 81]. Футурология презентует умозрительное восприятие действительности с поправкой на возможность её дальнейшее развитие по тем или иным путям.

Варианты будущего ИИ есть методологический конструкт научного сознания. Футурологические анализ и выводы в какой-то мере напоминают вероятностный характер возможных суперпозиций в квантовой физике. Там исследователь формулирует возможное состояние материальной реальности на уровне частиц. Весь мир предстаёт вероятностной моделью бытия, где главная роль «оценщика» отводится наблюдателю. Здесь (в футурологическом аспекте по проблеме ИИ) мы имеем ненаблюдаемые процессы социального характера и также формулируем мысль вероятностного содержания. На этапе прогнозирования в большинстве ситуаций отсутствуют эмпирические основания. Методом аналогии и исторического анализа и некоторыми другими футуролог приближается к возможным ситуациям. Исходя из такого встает вопрос об отношении мысленных конструктов к реальности. И поэтому, как отмечалось выше, футурологический прогноз заставляет задуматься над

возможным, вырабатывая программу дальнейших действий по принципу «если вдруг, то...».

Заявление М. Тегмарка относительно того, что «риск вымирания человечества в случае, если не удастся поставить под контроль развитие искусственного интеллекта, превышает 50%...» [13], как отмечается в материалах информационного агентства, уже есть вероятностная форма представления о будущем. Одновременно сам же футуролог высказывается следующим образом: «Как именно это произойдет, это чистая спекуляция, но то, что это произойдет, очень вероятно...» [13].

Вопрос по поводу интереса человека к прогнозированию будущего вообще основывается на природных факторах животного мира, где, к примеру, млекопитающие видят в предвидении своего будущего стратегию собственного выживания. В силу вступают инстинктивные возможности. Для человека одной из главных проблем в футурологическом предвидении становится экстраполяция процессов настоящего с их особенностями и применимости к условиям текущего дня.

Бросая взгляд на футурологические предвидения взаимодействия человека с ИИ отметим, что важным аспектом становится всё же прогноз рисков и катастрофических последствий, как вероятностных возможностей. Цель подобного – начать действовать на опережение такого негатива. Если удастся выявить закономерности развития ИИ, то в планетарном масштабе будущее с ИИ станет контролируемым со стороны человека и будет приносить позитивные плоды его функционирования.

Заключение

Следует отметить, что в социальном пространстве проблема ИИ является одной из наиболее актуальных и прогрессирующих. Поднимая эту проблему с позиций гуманитаристики общество должно задуматься над вопросами изменяемости духовной составляющей. Само по себе информационное общество уже ставит вопрос: «А есть ли у такого общества душа?». Если акцентировать внимание на развитии ИИ в информационном мире, то это вопрос будет иметь вид: «Есть ли душа у ИИ?». Развитие области, которая представляет собой нейросети, как одно из направлений в разработке систем становления ИИ, требует гуманитарной экспертизы, где наряду с вышеназванными вопросами появляются также и другие, относительно целей, задач, возможностей ИИ. Пока на многие вопросы специалисты в разных областях IT-сферы отвечают исключительно предположительно.

Что же касается духовной составляющей ИИ, то на данном этапе устойчивой формой является ответ *искусственный интеллект не способен стать человеком и обрести душу*. Дальнейшие научные изыскания по мере развития ИИ могут привести к другому пониманию этого вопроса, а именно: *искусственный интеллект моделирует духовную составляющую человека и приближается к нему*. Однако, некоторые футурологи считают иначе. Например, Р. Курцвейл уверен, что «Душа – это синоним самосознания... мы будем признавать право на самосознание даже за теми существами, которые вовсе не будут иметь биологических органов, даже если это полностью искусственные организмы: они будут похожи на людей, они будут иметь что-то похожее на самосознание, и мы будем считать их одушевленными существами...» [Цит по 1]. В это аспекте мы не можем согласиться с футурологом. Самосознание, как сознание вообще есть либо продукт мозговой деятельности человека (позиция материалистов), либо самостоятельная единица Мироздания (как считают сторонники

панпсихизма). В любом случае сознание должно иметь обоснование при помощи некоего математического аппарата, но его не существует. Это очень сложный и неудобный вопрос для физиков и говорить о возможности оценить самосознание при помощи исследования характеристик сложноорганизованных нейронов невозможно. Душа в некотором смысле способна коррелировать с категорией *сознание*. Это есть «пакет» высоких и тонких чувств, которые и делают человека личностью, но не роботом с холодным логическим рассудком. Душа в религиозно-философском смысле есть частица Творца в человеке. Именно душа обладает сознанием и пронизывает всё тело человека. Умная машина этого будет лишена.

В настоящее время разговор о возможном будущем ИИ ведется в рамках футурологических и научно-фантастических представлений. В обоих случаях достоверность в строго научном ключе не подтверждается, как гарантия сбывающегося со временем. Предсказать будущее со стопроцентной невозможностью. Задачей футурологии, как мы понимаем, является выявление рисков и вероятностных катастрофических последствий для человечества, идущих от ИИ. И поскольку вся история планеты показывает на прогресс и развитие научно-технологической мысли во всех сферах земного бытия, остановить или отменить динамику становления ИИ и его внедрения в абсолютное большинство сфер народного хозяйства невозможно. Отсюда вытекает потребность и необходимость социокультурного и философского исследования перспектив сферы ИИ. Это становится одной из центральных задач наряду с техническими и естественно-научными формами познания.

Литература

1. Ализар А.А. У высокоразвитого ИИ обязательно будет душа / Хабр. Коллективный блог, 2008. [Электронный ресурс] URL: <https://habr.com/ru/articles/45215/> (дата обращения 07.02.2024 г.)
2. В аватары я готов! Пусть меня научат... / ВЦИОМ. Новости. – Москва, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-avatary-ja-gotov-pust-menja-nauchat?ysclid=lm6mhii0tc349777318> (дата обращения 07.09.2023 г.)
3. Долгих А.Ю. Кардинальные версии будущего: опыт систематизации футурологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2019. № 50. – Томск: Издательство ТГУ. – С. 55–64. – 276 с. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=1875&article_id=42586 (дата обращения 02.01.2024 г.)
4. Ильин В.В. Теория познания. Эвристика. Креатология. Монография. – Москва: Проспект, 2018. – 176 с.
5. Ильин В.В. Философия гуманитарного знания. *Studia humaniora*. Гуманитаристика. – Москва: Проспект, 2019. – 256 с.
6. Искусственный интеллект и общественное развитие: новые возможности и преграды: XVI Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2022». Сборник материалов. – Москва: МАКС Пресс. 610 с. 4,1 Мб (Электронное издание сетевого распространения) e-ISBN 978-5-317-06825-7 <https://doi.org/10.29003/m3033.16sr-2022> (дата обращения 01.09.2023 г.)
7. Курцвейл Р. Эволюция разума. – М.: Издательство «Бомбора», 2021. – 352 с.
8. Маск И. Tesla, SpaceX и дорога в будущее. – М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2022. – 400 с.

9. Приостановка гигантских экспериментов с искусственным интеллектом: открытое письмо // Future of life. Некоммерческий исследовательский институт. 2023. [Электронный ресурс] URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения 02.12.2023 г.)
10. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект: современный подход (AIMA-2). 2-е изд. М.: Издательский Дом «Вильямс», 2019. – 420 с.
11. Тегмарк М.Э. Жизнь 3.0. Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта. М.: ООО «Издательство АСТ». 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://educ.wikireading.ru/hSkd8L4GDf> (дата обращения 29.12.2023 г.)
12. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 776 с.
13. Физик оценил риск вымирания человечества в результате развития ИИ / ИА Красная Весна. Развитие искусственного интеллекта. 2023. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/d83b22ba> (дата обращения 05.12.2023 г.)
14. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 352 с. URL: <https://itexts.net/avtor-frensis-fukuyama/209569-nashe-postchelovecheskoe-buduschee-posledstviya-biotehnologicheskoy-revolyucii-frensis-fukuyama/read/page-17.html> (дата обращения 07.12.2023 г.)
15. Canton, J. The Extreme Future: The Top Trends That Will Reshape the World in the Next 20 Years. /in English/. Moscow: Publishing House Plume, 2007. – 384 p.

FUTUROLOGICAL PREDICTIONS FOR THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Volkov S.N., Kovaleva S.E.

Penza State Technological University

In modern society, the growth of technologization and digitalization is changing the mode of information, communication, initiatives, and other things. The most striking phenomenon of today is the problem of the development of artificial intelligence (AI). Ideas about the future fate of humanity in combination with the functioning of AI are contradictory.

Object: consideration of current aspects related to the acceptance of AI by the human community. In this regard, the views of techno-optimism and techno-pessimism are touched upon.

Methods: analytical method and historical analysis are applied.

The main part of the article presents an analytical approach to existing futurological forecasts of the relationship between humanity and AI. The focus is on ten scenarios by M. Tegmark, reflecting mainly the motives of the existential threat to humanity from AI. The position of F. Fukuyama on the problematic nature of biomedicine within the framework of transhumanism is given.

The authors focus on subcultural trends that today address the issue of AI. This is cyberpunk and steampunk.

The conclusion leads to *conclusions* about the need to conduct humanitarian expertise in matters of improvement and development of AI. There is a controversial understanding of some issues regarding the possibility of “humanizing” AI.

Keywords: artificial intelligence, futurology, existential threat, transhumanism, consciousness, cyberpunk, steampunk

References

1. Alizar A.A. A highly developed AI will definitely have a soul. Sudo Null IT News Collective blog, 2008. [Electronic resource] URL: <https://habr.com/ru/articles/45215/> (accessed 07.02.2024)
2. I'm ready for avatars! Let them teach me... VTsIOM. News. Moscow, 2022. [Electronic resource] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-avatary-ja-gotov->

pust-menja-nauchat?ysclid=lm6mhii0tc349777318 (accessed 07.09.2023)

3. Dolgikh A. Yu. Cardinal versions of the future: experience of systematization of futurology. Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science, 2019. No. 50. Tomsk: TSU Publishing House. pp. 55–64. 276 p. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=1875&article_id=42586 (accessed 02.01.2024)
4. Ilyin V.V. Theory of knowledge. Heuristic. Creatology. Monograph. Moscow: Prospekt, 2018. 176 p.
5. Ilyin V.V. Philosophy of humanitarian knowledge. Studia humaniora. Humanities. Moscow: Prospekt, 2019. 256 p.
6. Artificial intelligence and social development: new opportunities and barriers: XVI International Scientific Conference “Sorokin Readings – 2022”. Collection of materials. Moscow: MAX Press. 610 pp. 4.1 MB (Electronic edition of network distribution) e-ISBN 978-5-317-06825-7 <https://doi.org/10.29003/m3033.16sr-2022> (accessed 09.01.2023)
7. Kurzweil R. Evolution of the mind. M.: Bombora Publishing House, 2021. 352 p.
8. Musk I. Tesla, SpaceX and the road to the future. M.: Publishing House “Olympus-Business”, 2022. 400 p.
9. Suspension of giant experiments with artificial intelligence: an open letter. Future of life. Non-profit research institute. 2023. [Electronic resource] URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (accessed 12.02.2023)
10. Russell S., Norvig P. Artificial intelligence: a modern approach (AIMA 2). 2nd ed. M.: Williams Publishing House, 2019. 420 p.
11. Tegmark M.E. Life 3.0. Being human in the era of artificial intelligence. M.: AST Publishing House LLC. 2019. [Electronic resource] URL: <https://educ.wikireading.ru/hSkd8L4GDf> (accessed 29.12.2023)
12. Toffler E. The Third Wave. M.: AST Publishing House LLC, 2002. 776 p.
13. The physicist assessed the risk of human extinction as a result of the development of AI. IA Red Spring. Development of artificial intelligence. 2023. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/d83b22ba> (accessed 05.12.2023)
14. Fukuyama F. Our posthuman future. Consequences of the biotechnological revolution. M.: AST Publishing House LLC, 2004. 352 p. URL: <https://itexts.net/avtor-frensis-fukuyama/209569-nashe-postchelovecheskoe-buduschee-posledstviya-biotehnologicheskoy-revolyucii-frensis-fukuyama/read/page-17.html> (accessed 12.07.2023)
15. Canton, J. The Extreme Future: The Top Trends That Will Reshape the World in the Next 20 Years. in English. Moscow: Publishing House Plume, 2007. 384 p.

Озарение как феномен человеческого сознания с точки зрения восточной и западной культур

Высоцкая Ирина Александровна,

независимый исследователь, частный преподаватель

E-mail: irina.alexandrovna@myrambler.ru

В статье раскрыто понятие озарения как одного из феноменов присущих человеческому сознанию. Автором был проведён сравнительный анализ дневниковых записей, интервью, переписки учёных, которые совершили крупные научные открытия, испытав озарение. В работе дан всесторонний взгляд на то, как можно развивать в себе подобные феномены сознания. С этой целью в статье были представлены два направления развития человеческих возможностей: западный (развитие и совершенствование высоких технологий) и восточный (развитие и совершенствование человеческих способностей, данных нам от природы). Исследование носит междисциплинарный характер, затрагивая такие области науки как философия, психология, культурология, религиоведение. Актуальность вопроса о природе озарения заметно возросла по причине ускоренного темпа разработки и обучения искусственного интеллекта, который пока подобными феноменами не обладает.

Ключевые слова: озарение, сознание, бессознательное, восточная культура, западная культура, искусственный интеллект.

По своей природе человек наделён великим даром творчества. Многим людям не понаслышке знакомо чувство вдохновения, озарения, прозрения. В Большой психологической энциклопедии дано следующее определение феномена озарения: внезапное, мгновенно возникающее и невыводимое из прошлого опыта новое понимание, постижение существенных отношений, задач, проблем и структуры ситуации в целом, посредством коего достигается осмысленное решение проблемы [1, с. 289]

Если наше сознание является только лишь информацией о психических процессах, то откуда на человека нисходят совершенно новые идеи о том, чего никогда не было. А ведь именно так совершаются многие великие открытия и происходит творческая деятельность. Какова природа озарения?

На этот вопрос в одном из интервью ответила академик РАН, нейрофизиолог Наталья Петровна Бехтерева. Однако, в самом начале разговора, она призналась, что ей страшно озвучить своё личное мнение по этому поводу, так как оно не соответствует нынешнему научному представлению о природе озарения. Поэтому сначала Наталья Петровна дала объяснение общепринятой версии подобного явления, суть которой заключается в следующем. Без накопления каких-либо знаний, озарение, как правило, не происходит. Хотя есть состояния подобные озарению, например, когда человек в экстремальной ситуации пробегает мысленно всю свою жизнь. Наталья Петровна добавляет, что самые лучшие её гипотезы (сейчас их считают теориями), приходили в голову как бы ниоткуда. Традиционно это объясняется тем, что в наше сознание выведено небольшое количество ординат. Человеку известна очень малая часть из того, что на самом деле содержит его мозг. И в какой-то момент создаётся условие, когда мозг оказывается в состоянии воспринять то, что у него как бы дремлет, и после этого он принимает решение. Это один вариант ответа.

Для второго варианта ответа, как сказала Наталья Петровна, необходимо набраться храбрости. В 1984 году ей довелось слушать выступления нобелевского лауреата, австралийского нейрофизиолога, Джона Кэрю Экклса. Он является одним из первых учёных, кто занимался исследованием нервной клетки, и сделал в этой области массу открытий. Джон Экклс высказал мнение о том, что мозг в большой мере является акцептором информации. Наталья Петровна уточняет: «Я ссылаюсь на авторитет Экклса (всё-таки я храбрая, но не до такой степени). Но вот такое впечатление, когда вы вдруг получаете формулу чего-нибудь... У меня так было – формула того, что мозг обеспечивает психическую деятельность, мыслительную деятельность, подкорковой системой жёстких и гибких звеньев – я получила это в мозгу буквально как откровение. Такой инсайт. Про устойчивое патологическое состояние – тоже было таким образом. Поэтому, я так могу сказать. Смеяться над представлениями Экклса я не могу» [2].

Описания озарения у тех, кто его испытал на себе, во многом похожи. К основным характерным особенностям озарения можно отнести: внезапность, мгновенное получение информации (отсюда сравнения со вспышкой света, с молнией), ощущение того, что информация по-

ступает извне и не принадлежит тому, кто её получил. Например, всемирно известный учёный-физик Никола Тесла считал, что его открытия были переданы ему инопланетянами или Богом. Вот что он написал об этом в своём дневнике: «Ответы на другие вопросы приходят ко мне сразу. Стоит мне только подумать – и я вижу целостную картину. Такое впервые случилось со мной в 1882 году в Будапеште, когда во время прогулки по парку я вдруг увидел схему двигателя, работающего от переменного тока. Еще не поняв, что происходит, я начал быстро чертить схему тростью на песке, потому что до того дня у меня не было привычки всегда носить с собой блокноты и карандаши. Это озарение было первым в длинной цепи озарений, которые посещают меня до сих пор. Каким-то необъяснимым образом я могу заглядывать в будущее и получать оттуда ответы на свои вопросы. Речь идет не об открытии, сделанном логическим путем, а о появлении подробного ответа на вопрос без какой-либо мыслительной работы. Я словно смотрю сквозь время и вижу то, чего еще нет» [3].

Ещё одним прекрасным примером озарения является открытие закона сохранения энергии Робертом Майером. Во время своего путешествия в 1840–1841 гг. в качестве корабельного врача на остров Ява, на него словно снизошло озарение. Вот что об этом состоянии пишет сам Роберт Майер: «я, таким образом, придерживался физики и с такой страстью отдавался своему предмету, что – многие из-за этого могут посмеяться надо мной – мало интересовался далеким материком, а предпочитал оставаться на борту, где я мог работать без перерыва и где в некоторые часы чувствовал себя как бы вдохновленным настолько, что не могу припомнить ничего подобного ни до, ни после» [4].

В работе «Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное» Карл Юнг выразил своё мнение по поводу открытия Роберта Майера. Учёный считает, что непосредственно в самой идее бессмертия души содержится представление о её сохранении, а в понятии метемпсихоза заключено представление о ее неограниченной способности к превращениям при неизменном сохранении. Таким образом, данная идея давным-давно была запечатлена в человеческом мозгу. Поэтому она в готовом виде заложена в бессознательном каждого, и при определённых условиях проявила себя во всей красе, как в случае с Робертом Майером [5].

Стоит обратить внимание на тот факт, что озарения могут возникать не только в состоянии бодрствования, но и во сне. Данную особенность человеческого сознания умело использовали гении науки и искусства. Например, у знаменитого на весь мир испанского художника Сальвадора Дали было несколько приёмов, помогающих вызвать озарение. О них он подробно написал в своей книге «50 магических секретов мастерства». Некоторые секреты непосредственно связаны со сном. Сальвадор Дали был убеждён, что лучшее состояние сознания для возникновения озарения и гениальных прозрений – это состояние полубодрствования. Для того, чтобы его достичь достаточно поспать несколько секунд. Но как это сделать? Перед тем как уснуть, необходимо взять в руку металлический предмет, например, ключ от двери, затем положить тарелку вверх дном либо металлический поднос рядом с местом, где будете спать, и разместить руку с ключом над тарелкой так, чтобы в момент засыпания, ключ выскользнул из расслабленной руки и со звоном ударился о тарелку, тем самым разбудив вас. Данный секрет вдохновения так и называется «сон с ключом в руке» [6].

Подобные приёмы могут ввести человека в изменённое состояние сознания, но это не является гарантией

того, что озарение произойдёт. Чаще всего наше подсознание выдаёт во сне решение непростой задачи или выход из затруднительного положения без какой-либо предварительной подготовки. Так происходило с одним известным пациентом Карла Юнга – с учёным-физиком Вольфгангом Паули. Он видел во сне необычные образы, связанные с его научной деятельностью, в процессе анализа которых Паули находил верное направление поиска истины [7].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что озарение по большей части носит непредсказуемый характер, возникая внезапно и по воле случая, несмотря на попытки людей вызвать его по своему усмотрению. Но что есть случайность? Чтобы ответить на этот вопрос свои силы объединили Карл Юнг (основоположник аналитической психологии) и Вольфганг Паули (учёный-физик, Лауреат Нобелевской Премии 1945 года, один из основателей квантовой физики). Их общение привело к открытию такого понятия как «синхроничность». Оно означает совпадение во времени двух или более причинно не связанных между собой событий, которые имеют одно и то же или сходное значение. Чаще всего люди склонны относить подобное явление либо к случайному совпадению либо к «знаку судьбы». В отличие от синхронности, синхроничность – это совпадение не только во времени, но и по смыслу.

В качестве примера можно привести случай из практики самого Карла Юнга. У него была пациентка, которая скептически относилась к психологии и не верила, что психотерапевт сможет ей помочь. Прогресса в лечении, действительно, не происходило. Чтобы добаться до подсознания такой пациентки должно было произойти нечто иррациональное. И вот однажды, будучи на приёме у Карла Юнга, женщина стала рассказывать свой сон, в котором она увидела, как ей подарили золотого скарабея. Вдруг что-то ударило в окно. Это был скарабейный жук, стремящийся из-за всех сил проникнуть в комнату. Данное смысловое совпадение событий произвело значительное впечатление на женщину и лечение сдвинулось с мёртвой точки.

И таких «случайностей» в жизни Карла Юнга было много. Именно они и навели его на мысль о том, что в мире есть события, обусловленные не причинно-следственной связью, а смысловым совпадением, которое, в свою очередь, только отдалённо напоминает простую случайность. Поэтому, говоря об озарении как о феномене сознания, возникающем при удачном стечении обстоятельств, стоит задуматься, а точно ли это произошло случайно. Может озарения возникают в нужное время в нужном месте и с нужными людьми. Нужными кому, кто это решает?

Что говорит нам по этому поводу восточная мудрость? Известный индийский гуру, общественный деятель, посвятивший свою жизнь сближению Востока и Запада, Парамаханса Йогананда написал об этом так: «Пророки всех стран во все века успешно достигали цели в своём стремлении познать Бога. Входя в состояние истинного озарения – состояние нирвикальпа самадхи, – эти святые люди познавали Высшую Реальность, находящуюся за пределами всех форм и символов» [8, стр.3].

«Мировая иллюзия, майя, в индивидуальном порядке называется авидья, дословно «незнание», невежество, заблуждение. Майя, или авидья, никогда не могут быть уничтожены путём интеллектуального убеждения или анализа, а лишь путём достижения внутреннего состояния нирвикальпа самадхи. Ветхозаветные пророки и провидцы всех стран и эпох вещали из этого состояния сознания» [9].

Его учитель Свами Шри Юктешвар, достигший высокого уровня развития сознания, обладающий феноменальными способностями, написал в своей книге «Святая наука» следующее: «Человек – до тех пор пока он отождествляет себя со своим грубо материальным телом – оказывается в положении неизмеримо более низком, чем положение рассматриваемого первичного Атома с его четырьмя аспектами, и потому не в состоянии постичь этот Атом. Но если он поднимается выше атомарного уровня, он приобретает способность постижения не только самого Атома, включая его внутренние и внешние свойства, но и вообще всего творения в совокупности, то есть всей Вселенной, а значит любого творения как проявленного, так и непроявленного» [8, стр.38]

На Востоке и на Западе по разному видят пути раскрытия человеческих возможностей. Для западного направления характерным является развитие и совершенствование высоких технологий с дальнейшим внедрением различных устройств в тело человека, восточное направление предлагает развивать и совершенствовать человеческие способности, данные нам от природы.

В первом случае уже была проведена успешная операция по вживлению чипа «Telepathy» («Телепатия») в мозг человека, потерявшего возможность двигаться. Теперь он сможет управлять компьютером и другими электронными устройствами «силой мысли». Это знаковое событие произошло 28 января 2024 года, о котором сообщил известный американский миллиардер Илон Маск, чья компания «Neuralink» как раз и занимается разработкой подобных устройств.

Но не всё так радужно, как может показаться на первый взгляд. Тот же Илон Маск и ещё около тысячи специалистов в сфере IT-технологии в марте 2023 года оформили и подписали петицию с просьбой приостановить процесс обучения искусственного интеллекта по причине отсутствия протоколов безопасности и недостаточном изучении рисков, связанных со столь масштабным изобретением.

Тревогу бьёт даже сам создатель технологии глобального обучения искусственного интеллекта Джеффри Хинтон. После своего увольнения из всемирно известной компании «Google» весной 2023 года, учёный стал выступать в СМИ, предавая огласке свои опасения по поводу областей применения искусственного интеллекта и слишком быстрого его усовершенствования. По мнению Джеффри Хинтона, правильным решением было бы совсем отказаться от дальнейшей разработки подобного рода, но в нынешних условиях соперничества между странами и крупными компаниями, сделать это не представляется возможным. Поэтому Илон Маск убеждён в том, что есть единственный положительный для людей вариант развития событий – это стать полуроботом (т.е. киборгом). По его мнению, слияние с искусственным интеллектом позволило бы человеку не только овладеть феноменальными способностями, но и достичь цифрового бессмертия.

По сравнению с западным направлением развития человеческих возможностей восточное представляет собой сложный путь самосовершенствования, кропотливую работу над собой, а люди обычно всячески избегают трудностей. Зачем стараться, когда можно вживить себе чип и, ты – телепат. Хотя просветлённые люди Востока считают, что сверхъестественные способности – это лишь побочный эффект духовного развития, которое и должно являться главной целью жизни человека. Если наделять сверхспособностями любого по желанию, без учёта морально-нравственных устоев каждого из нас, то до катастрофы будет рукой подать.

Современная наука в своём развитии дошла до создания искусственного интеллекта. Вопрос о том, будет ли он обладать сознанием и способностью к творческой деятельности, остаётся открытым. Но уже сейчас мы можем видеть рисунки, слушать музыку, пробовать новые вкусы еды, которые создаёт искусственный интеллект. Однако, подобное творчество рождается не под влиянием вдохновения и не по озарению, как это происходит у людей. Потому так важно не только не утратить уникальные способности, заложенные в каждом человеке от природы, но и по возможности постараться развить их до более высокого уровня.

Литература

1. Большая психологическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2016. – 544 с.
2. Интервью Бехтерева Н.П. Передача «Имена». Эфир 10.02.2008. Первый образовательный канал. Телекомпания СГУ ТВ.
3. Никола Тесла, «Дневники/Я могу объяснить многое», Яуза-пресс, Москва, 2017, стр.18
4. Robert Mayer, Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart. 1893, p. 213. Brief an Wilhelm Griesinger, 16, Juni, 1844)
5. Карл Густав Юнг, О психологии бессознательно-го/ Личное и сверхличное, или коллективное бессознательное, АСТ: Эксклюзивная классика, 2021, стр.103
6. Сальвадор Дали, «50 магических секретов мастерства», Эксмо, Москва, 2002, стр.45
7. «Атом и Архетип. Переписка Паули и Юнга, 1932–1958», Клуб Касталия, Москва, 2018, стр.347
8. Шри Юктешвар Гири, «Святая наука», Сфера, Москва, 2005
9. Парамаханса Йогананда, «Автобиография йога», АСТ, Москва, 2023, стр.506

INSIGHT AS A PHENOMENON OF HUMAN CONSCIOUSNESS FROM THE POINT OF VIEW OF EASTERN AND WESTERN CULTURES

Vysotskaya I.A.

The article reveals the concept of insight as one of the phenomena inherent in human consciousness. The author conducted a comparative analysis of diary entries, interviews, and correspondence of scientists who made major scientific discoveries and experienced insight. The work gives a comprehensive look at how you can develop such phenomena of consciousness in yourself. To this end, the article presented two directions in the development of human capabilities: Western (development and improvement of high technologies) and Eastern (development and improvement of human abilities given to us by nature). The research is interdisciplinary in nature, touching on such areas of science as philosophy, psychology, cultural studies, and religious studies. The relevance of the question about the nature of insight has increased noticeably due to the accelerated pace of development and training of artificial intelligence, which does not yet possess such phenomena.

Keywords: insight, consciousness, unconscious, Eastern culture, Western culture, artificial intelligence.

References

1. Great psychological encyclopedia. – M.: Eksmo, 2016. – 544 p.
2. Interview with Bekhtereva N.P. Program “Names”. Broadcast 02/10/2008. First educational channel. Television company SGTU TV.
3. Nikola Tesla, “Diaries/I can explain a lot,” Yauza-press, Moscow, 2017, p.18
4. Robert Mayer, Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart. 1893, b. 213. Brief an Wilhelm Griesinger, 16, Juni, 1844)

5. Carl Gustav Jung, On the psychology of the unconscious / Personal and superpersonal, or collective unconscious, AST: Exclusive classics, 2021, p. 103
6. Salvador Dali, "50 magical secrets of mastery", Eksmo, Moscow, 2002, p.45
7. "Atom and Archetype. Correspondence between Pauli and Jung, 1932–1958", Club Castalia, Moscow, 2018, p.347
8. Sri Yukteswar Giri, "Holy Science", Sfera, Moscow, 2005
9. Paramahansa Yogananda, "Autobiography of a Yogi", AST, Moscow, 2023, p.506

Философия постмодернизма и молодежная субкультура: идейное влияние и структурное сходство

Полозова Ирина Владимировна,

д.ф.н., проф. кафедры философии Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикоты
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье рассматривается идейное и структурное влияние принципов философии постмодернизма на морфологию молодежной субкультуры. Демонстрируется влияние принципов деконструкции, приоритета различий, ризомы.

Ключевые слова: философия постмодернизма, молодежная субкультура, ризома.

Связь философии постмодернизма с феноменом молодежной субкультуры, начиная со второй половины XX века, проявляется через совпадение данных явлений во времени и пространстве, и нередко их пересечением в идеологическом и культурном поле. Более важным представляется наличие смыслового и структурного сходства данных феноменов, выявление и исследование которого предполагается осуществить в настоящей статье.

Идейное влияние на молодежную субкультуру в целом было оказано рядом различных философских течений XX века, среди которых следует назвать, в первую очередь, философию Франкфуртской школы, осуществившей гибридизацию марксизма и фрейдизма, представленную фигурами Г. Маркузе с его «философией отказа», В. Райха с его идеей «сексуальной революции» и других. Кроме того, значительное влияние на молодежное движение исходило со стороны философии экзистенциализма, особенно в его французской версии, которое воплощалось в идее созидающей человека свободы Ж.-П. Сартра и теории метафизического бунта А. Камю. Все эти течения, так или иначе, обусловили идейное содержание молодежной революции 1968 года и протестной идеологии в целом, и, вследствие этого, оказали влияние на формирование такого явления как молодежная субкультура в ее отличии от господствующей культуры общества [1, с. 51].

Что же касается постмодернистской философии, то ее влияние на молодежную субкультуру может казаться не столь очевидным, прежде всего, в силу нечеткости понятийного аппарата самой постмодернистской философии, если о таковом может вообще идти речь, расплывчатости и образном характере ее основных категорий [8, с. 13]. В то же время, можно показать, что исходные положения постмодернистской философии в значительной мере формируют конституирующие принципы молодежной субкультуры как социального и культурного явления. К рассмотрению структурного сходства между принципами постмодернистской философии, с одной стороны, и морфологией молодежной субкультуры, с другой, мы сейчас переходим.

Итак, первая тенденция постмодернистской философии, получившая распространение прежде всего в философии М. Фуко, представляет собой рассмотрение основных социальных структур и общественных институтов преимущественно как форм господства. Начиная со своей ранней работы «Археология знания» французский философ занимается обнаружением скрытых структур власти, стоящих за каждой социальной практикой и общественным институтом, и далее, также и за языком и средствами его выражения. По мнению М. Фуко, все признанные в обществе знания, выступающие в качестве доминирующих эпистем, и провозглашаемые в обществе и кажущиеся очевидными истины являются, по существу, символическими формами выражения власти [10, с. 155].

Начиная с работы «История безумия в классическую эпоху» в философии Фуко появляется образ «другого», под которым понимается человек, не вписывающийся в формы социального порядка. Само душевное здоровье

определяется философом по отношению к господствующей системе власти, оно представляет собой уважение к устоявшимся структурам господства. Именно поэтому безумие в качестве его альтернативы, рассматривается мыслителем как угроза общественному строю, выступающему на современном этапе как общество буржуазии. М. Фуко декларирует внутреннюю связь между патерналистским институтом семьи и авторитарным буржуазным обществом, рассматривая семью, частную собственность, гражданское общество, государство, основанное на правовых принципах, как формы обнаружения господства буржуазии [12, с. 33].

Дальнейшее проявление диктата власти буржуазного общества Фуко рассматривает в последующих своих работах: «Рождение клиники. Археология врачебного взгляда» и, особенно, «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы». Происходящее почти в одно и то же время появление домов для сумасшедших и формирование тюремной системы выглядит для Фуко явлениями одного и того же порядка, когда пациентов собирают вместе для осуществления все более эффективного контроля над ними. Уголовное правосудие также рассматривается французским философом как форма выражения власти [13, с. 21].

Таким образом, философия М. Фуко представляет собой подозрительность особого рода и выступает в качестве вдохновителя борьбы против всякой властной вертикали. Всюду, в культуре, в истории, в обществе, в производстве и организации знания французскому мыслителю видится репрессивное действие властных структур, освобождением от которых и представляется подлинное философствование. Задача философии мыслится в выявлении подобных структур и их последующем демонтаже, деконструкции.

Можно увидеть, что феномен молодежной субкультуры в значительной мере представляет собой реализацию данного принципа. Идеи и лозунги молодежной субкультуры, начиная с их декларации во время молодежной революции 1968 года, представляют собой альтернативу господствующим структурам и тенденциям во всех сферах жизни общества: культуры, морали, политики и характеризуются той же подозрительностью по отношению к власти. Не случайно одним из лозунгов молодежной революции был девиз «Запрещается запрещать», направленный против власти как таковой, против ее императивного характера. Ж. Делез с выбором фразы Мелвилла: «Я бы предпочел не» обозначает сходную стратегию, присущую молодежной субкультуре [2, с. 96].

Кроме того, молодежная субкультура актуализировала концепт «другого», то есть, человек, не вписывающийся в стандартные рамки социального порядка, получил право на существование. Более того, такие люди собираются вместе не принудительно, как предусмотрено господствующей буржуазной социальной системой, но совершенно самостоятельно и свободно.

В этом смысле молодежная субкультура видится как сообщество братьев, освободившихся от отцовской власти. Она представляет проект человечества, создающего свой собственный мир, основанный на идее единства, противопоставляемого как растворению в целом, так и вражде между отдельными индивидами. В соответствии с принципами постмодернизма братство мыслится как дело оригинальных душ [6, с. 542].

Другая тенденция, оказавшая влияние на морфологию и конституирование молодежной субкультуры, связана с именем Ж. Делеза, совершившего, по его словам, незримую философскую революцию, состоящую в переходе от приоритетного утверждения тождества к провозглашению особой значимости различий. Данная тен-

денция восходит к сугубо философским построениям, к сфере отвлеченной мысли, и коренится в наиболее чистой сфере философии – онтологии. Делез восстает здесь против магистральной философской линии, восходящей к имени Платона, согласно которой подлинным свидетельством истины провозглашаются тождество и единообразие, которые единственно способны отличить ее от лжи и симулякра [4, с. 90].

Как и Фуко, Делез усматривает глубокую связь избранной философской позиции и определенного социального порядка. По мнению Делеза, тождество как таковое, порождает в качестве предпочтительной гносеологической позиции ортодоксию и является, в силу этого, предельной философской основой доминирующего в обществе социального конформизма. В этом смысле философия является глубинной основой действующих в обществе ценностей и опорой существующих социальных институтов.

В противовес магистральной линии философствования Делез занимается реабилитацией принципа различия, которое чаще всего воспринималось в качестве теневой стороны философской мысли. Более того, в дальнейшем Делез переходит к радикализации данного принципа.

Единообразие, по Делезу, не открывает подлинную сущность бытия, напротив, следует обратить внимание прежде всего на множественность и делимость сущего. Подлинным основанием бытия служит несоизмеримость элементов и их дизъюнктивный синтез. В этой связи важно, чтобы сама онтология не санкционировала некую единую основу, а, напротив, утверждала разорванность и открытость бытия. Мир видится Делезом как множественность, как симфония, его образом выступает, например, стена, сложенная из не скрепленных раствором камней, в которой каждый элемент имеет отдельное существование и собственную значимость.

Принцип множественности, который Делез утверждает в качестве центрального, противопоставляется в его философии идее единого и выступает в качестве субстанционального принципа. Множественность противопоставляется традиционной философской оппозиции субъекта и объекта, она характеризуется неоднозначными делениями и различными величинами, поэтому предпочтительно говорить о «консистенции множеств» [5, с. 15].

Множественность для Делеза является не просто атрибутом, как в предыдущих философских системах, но она становится субстанцией. Множественность рассматривается им как «машина войны», используемая против Единого для его разгрома. По словам Делеза: «Я не могу уничтожить Единое, не субстантивируя множественное» [6, с. 462].

Для обозначения принципа множественности в философии Делеза возникает, например, концепт «складки», который был найден мыслителем в результате переосмысления философского наследия Лейбница, который воспринимался одновременно и как мыслитель эпохи барокко, так и поразительно современный и актуальный философ. Лейбниц видится Делезу как мыслитель, вынужденный в эпоху распада теологической модели мира создавать альтернативную модель реальности. В качестве образа, способного передать принципиальный плюрализм мира, выступает идея складки.

Соответствие плюралистической позиции в сфере социологической мысли Делез видит в теории Г. Тарда, связывающего существование общества прежде всего с различием, и объясняющего социальное не через общее, но через индивидуальное, вопреки утвердившейся благодаря Э. Дюркгейму доминирующей парадигме,

В области социального Г. Тард рассматривает различие как исходное начало и как самоценную цель. Коллективные же репрезентации в его социологии представляются вторичными и трактуются как результат процессов имитации. Делез видит в позиции Тарда следование онтологии Лейбница и находит в нем единомышленника [4, с. 102].

На определенном этапе онтология Делеза обогащается понятием «ризома» [5, с. 6]. Данный концепт противопоставляется не только принципу единства сущего, но также и доминирующей в европейской философии позиции вертикальности и трансцендентности. Образ ризомы предлагается к рассмотрению горизонтального пласта, представленного множественностью и разветвленностью связей, обозначающими план имманентности [9, с. 833].

Обе позиции, доминирующая и оппозиционная, основаны на противопоставленных друг другу растительных метафорах-образах: традиционная – на архетипическом образе древа познания (глубже – на образе мирового древа), согласно которому связи между явлениями являются однонаправленными, идущими от корней к стволу, в соответствии с принципами детерминизма. Дерево видится как символ западной культуры, как вариант ментальности, характерный для западной цивилизации. Альтернативный образ ризомы, напротив, не предполагает ни начальной, ни конечной точки. Вместе с тем, он вовсе не означает ни неорганизованность, ни методологическую беспринципность. В качестве принципов, характерных для организации по типу ризомы, выступают разнородность и соединение. Так, любая точка ризомы может быть соединена с любой другой ее точкой [6, с. 12].

Другой важный принцип ризомы – идея не-означающего разрыва, согласно которому данное соединение может быть нарушено в произвольном месте. Данный принцип связан с собственным характером ризомы, возникающей не из генетической или исторической преемственности, а также не из простого копирования существующего. Напротив, данная организация предполагает самые невероятные сочетания, порождающие новые импульсы и неожиданные перспективы. Ризома рождает изобретательство, творчество, эксперимент, многократное увеличение числа возможных комбинаций, различных точек зрения. Ризома открывает возможности для того, чтобы увидеть невидимые связи и прочертить неведомые до сих пор траектории. [6, с. 16].

Модель ризомы поэтому становится матрицей, применимой к различным сферам мысли и деятельности. Отсутствие разделения субъекта и объекта, но, напротив, пересечение различных смысловых потоков дает возможность для рождения нового, неожиданного, вдохновляющего. Нельзя исключить того, что в ризоме возникают тупиковые линии, но в качестве компенсации появляются, напротив, крайне перспективные.

Следствием построенной онтологии множества является определенная аксиология: в таком раздробленном мире не может существовать предполагающий порядок и иерархию мир моральных ценностей. Ризома отвергает противопоставление добра и зла, и, напротив, утверждает их принципиальную относительность. И культурные растения и сорные травы могут жить по принципу ризомы.

Следует отметить, что в соответствии со своими исходными установками, сами философы постмодернизма интерпретировали различные области человеческой жизни. Принципы ризомы были обнаружены Делезом и Гваттари, например, в психоанализе и лингвистике, и особенно, в сфере творческой деятельности. Но и здесь они были верны своим первоначальным ин-

туициям и установкам. В литературе для них была интересна открытость, сам процесс экспериментирования, наличие множества корней, разрывы, линии ускользания. Многие из этого французские философы находят именно в американской литературе от Г. Мелвилла до Д. Керуака, в которой видят переход, становление, схождение с проторенного пути, отбытие на новую землю, идею фронта, новаторство. Итогом выступает создание новой реальности, которая формируется как результат коллективной сборки, разрушающей противоположность внутреннего и внешнего, нередко приводящей к рождению нового языка [6, с. 541]. Сходным образом происходит философское осмысление музыки.

Покажем, что модель ризомы может служить исходной морфологической моделью для молодежной субкультуры. Сама молодежная субкультура представляется как «ризома». Ее структура не имеет вертикальной ориентации и, в этом смысле, организации как таковой, но, вместе с тем, ее образует множество одноуровневых, горизонтальных связей. Распространение молодежной субкультуры происходит через границы стран и даже континентов, и не благодаря устоявшимся традициям, а вопреки им.

Данный плюралистический концепт-матрица отражает основные принципы устройства молодежной субкультуры. Действительно, в молодежной субкультуре постоянно просматривается присутствие коллективного действия, представляющего собой новаторство, неожиданные сборки.

Феномен молодежной субкультуры предполагает самые невероятные сочетания – культур, например, западной и африканской, музыкальных течений – джаз, рок, фолк, блюз, регги, техно, эпох – прошлого, настоящего и будущего, и даже нарушение граней между человечеством и окружающим миром (фурри) порождающие новые импульсы и неожиданные перспективы. Новаторство всегда сопряжено с риском, и это также отличает молодежную субкультуру.

Литература

1. Вайнен Р. Долгий '68. Радикальный протест и его враги. – М., Альпина, 2020.
2. Делез Ж. Критика и клиника. – СПб, 2002.
3. Делёз Ж. Логика смысла. – Москва: Академический проект, 2011.
4. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: Петрополис, 1998.
5. Делез, Гваттари Ризома. Тысяча плато, Капитализм и шизофрения – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
6. Досс Ф. Жиль Делёз и Феликс Гваттари. Перекрестная биография. – М., Издательский дом Дело, 2021.
7. Пленков О.Ю. Революция 1968-го. Эпоха, феномен, наследие СПб, 2023.
8. Полозова И.В. Метафоры в философии постмодернизма // Вестник Московского Университета. Серия 7. Философия. 2003. № 2. С. 13–29.
9. Полозова И.В. Ризома // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М., Канон, 2009.
10. Скрутон Р Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых. – М., 2021.
11. Фуко М. Археология знания. – М., 2020.
12. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – М., 2010.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 2022.
14. Фуко М. Рождение клиники. – М., 2014.

PHILOSOPHY OF POSTMODERNISM AND YOUTH SUB-CULTURE: IDEAL INFLUENCE AND STRUCTURAL SIMILARITY

Polozova I.V.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

The article examines the ideological and structural influence of the principles of postmodern philosophy on the morphology of youth subculture. Demonstrates the influence of the principles of deconstruction, the priority of difference, rhizome.

Keywords: philosophy of postmodernism, youth subculture, rhizome.

References

1. Vainen R. Dolgiy '68. Radical protest and its enemies. – Moscow: Alpina Publ., 2020.
2. Deleuze J. Kritika i klinika [Criticism and Clinic]. – St. Petersburg, 2002.
3. Deleuze J. Logic of Meaning. – Moscow: Academic Project, 2011.
4. Deleuze J. Difference and Repetition. – St. Petersburg: Petropolis, 1998.
5. Deleuze, Guattari Rizoma. A Thousand Plateaus, Capitalism and Schizophrenia – Yekaterinburg: U-Faktoria; Moscow, Astrel Publ., 2010.
6. Doss F. Gilles Deleuze and Félix Guattari. Cross-biography. – Moscow: Delo Publishing House, 2021.
7. Plenkov O.Y. Revolution of 1968. Epoch, phenomenon, heritage of St. Petersburg, 2023.
8. Polozova I.V. Metaphors in the philosophy of postmodernism. Episode 7. Philosophy, 2003, no. 2, pp. 13–29.
9. Polozova I.V. Rizoma // Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. – Moscow: Kanon Publ., 2009.
10. Scruton R Fools, Crooks and Arsonists: New Left Thinkers. – Moscow, 2021.
11. Foucault M. Archaeology of Knowledge. – Moscow, 2020.
12. Foucault M. History of Madness in the Classical Era. – M., 2010.
13. Foucault M. Nadzirat i nakazat' [Supervision and punishment]. The Birth of the Prison. – M., 2022.
14. Foucault M. Rozhdenie kliniki [Birth of the clinic]. – Moscow, 2014.

Личностные установки поведения студенческой молодежи в сетевых взаимодействиях

Березовская Ирина Петровна,

кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Шипунова Ольга Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: o_shipunova@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна,

доктор культурологии, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: oskar46@mail.ru

В статье анализируется специфика поведения молодежи в сетевых интеракциях. Методология исследования определяется когнитивно-поведенческой моделью, согласно которой в основе мотивирующих установок лежит соотношение представлений личности о себе и о мире. Подсознательные установки, аффективные и когнитивные факторы мотивации действий интернет-пользователя рассматриваются в контексте социологии, психологии и теории личности. Для выявления личностных установок поведения интернет-пользователя в исследовании применяются методы психодиагностики склонности студентов к определенному типу эмоционального восприятия интеракций, а также склонности к определенной стратегии поведения в сложной ситуации внутреннего конфликта, которая сопровождается нервным напряжением. Исследование проводилось среди студентов и аспирантов вузов Санкт-Петербурга разных направлений и уровней подготовки. Для опрошенных групп молодежи выявлены обобщенные показатели личностных подсознательных установок использования Интернета, которые доминируют в эмоциональной оценке взаимодействий в цифровой сети.

Ключевые слова: интернет-пользователь, цифровая сеть, интеракции, молодежь, поведение, личностные установки.

Введение

В условиях современных цифровых медиа-технологии, пронизывающих все сферы жизненного мира человека, одной из актуальных проблем является интернет-зависимость молодежи и развитие новых форм девиантного поведения, которым подвержены наиболее активные пользователи социальных сетей. В этой связи на первом плане социальных, философских и психологических исследований оказывается анализ личностных установок, мотивирующих поведение молодежи, подсознательно направляющих эмоциональные и когнитивные оценки жизненных ситуаций.

Период студенческой жизни у молодежи – это время создания системы ценностно-смысловых ориентаций, поиска путей личностной самореализации, поиска профессионального самоопределения, при этом особое значение в это время приобретает личностное и профессиональное общение и взаимодействие. Целью данной статьи является анализ эмоционального состояния пользователя цифровой сети и личностных установок, которые направляют его поведение в интеракциях. Исследование показателей психической защиты в сложной ситуации выбора стратегии поведения проводится на материале опроса молодых людей, обучающихся на разных направлениях профессиональной подготовки в вузе (технической, экономической, гуманитарной).

Обзор литературы

Исследование аффективных и когнитивных факторов формирования поведенческих стратегий интернет-пользователя базируется на теоретических и прикладных работах в области психологии и теории личности [1, 2, 3]. В этом контексте акцентируется эмоциональная и когнитивная активность субъекта в оценке проблемных ситуаций в социальных взаимодействиях с опорой на здравый смысл. Так, объективные факторы, например, разрыв отношений или материальное благополучие, оцениваются как потери. Когда возможность достижения поставленных целей предполагает серьезный стресс (примером такой ситуации может быть экзамен), ситуация оценивается как «вызов». По словам Лазаруса, благодаря первичной оценке устанавливается масштаб угрозы благополучию. Вторичная оценка определяет методы воздействия на негативные события, а также доступные источники противодействия негативному влиянию окружающей среды [4].

Представление о социальной установке как переживании индивидом ценности предмета ввели в научный оборот В. Томас и Ф. Знанецкий [5]. Развитие содержания этого представления в междисциплинарном ключе связано с интерпретацией структуры социальной установки, а также параметров ее измерения в эмпирических исследованиях.

Социальная установка в формировании личности коррелирует с сознательным состоянием человека и спецификой его поведения в рамках признанных в обществе норм [6]. М. Смит предложил трехкомпонентную структуру социальной установки, выделив в качестве ее базовых параметров когнитивные, аффективные и поведенческие факторы [7]. Влияние интеракций на формирование личностных установок, мотивирующих выбор стратегии

поведения, подчеркнул Д. Кац, характеризуя аффективные и когнитивные компоненты структуры личности через отражение динамики взаимодействия с объектами социальной среды [8]. Г. Олпорт выявил общие характеристики социальной установки, опираясь на сопоставление 17 определений. В обобщенной трактовке он выделил факторы психической динамики, соответствующие состояниям нервной системы и сознания, а также внутренние интенции и влияние внешней среды [9, 10].

Несмотря на то, что большая часть работ по изучению социальных установок в структуре личности была написана в середине прошлого века, феномен подсознательных установок в мотивации поведения продолжает оставаться в центре внимания современной науки и философии [11–13]. Функциональное значение социальной установки в формировании поведения интернет-пользователя связано с трансляцией нормы, которая определяет ориентацию индивида в изменяющихся условиях, управляя его действиями, изменяя содержание его сознания [14, 15].

Исследованию эмоциональных и когнитивных факторов поведения студентов в сети посвящена работа Фагани [16]. Для регулирования процессов социального взаимодействия в цифровом мире важно понимать личностные установки, мотивирующие поведение индивида в сети и отклонения его поведения от нормы. В эмпирическом исследовании специфики киберповедения были выявлены шкалы для измерения проблемного использования Интернета во взаимосвязи с поведением вне цифровой сети [17]. Анализ связи между стратегией поведения интернет-пользователей и подсознательной установкой основан на методе изучения психоэмоционального состояния человека через выявление внутренних интенций, определяемых типом отношения к социальному комфорту, одиночеству/депрессии, снижению самоконтроля, рассеянности. В контексте развития кибердевиаций выявляются когнитивные искажения проблемного поведения в интернете.

Методы и материалы

Методологической основой данного исследования послужила когнитивно-поведенческая модель Р. Дэвиса [17], в которой акцент делается на дисфункции убеждений (о себе и мире) как достаточном источнике поведенческой девиации. Методика, позволяющая выявлять специфику поведения учащегося в преодолении трудных ситуаций, была разработана Й. Бокалом [18].

В данной работе для изучения аффективных факторов, определяющих стратегию поведения пользователя сети, используется метод психологического тестирования склонности студентов к определенному типу эмоциональной реакции на коммуникативную ситуацию. Так, внутренняя установка на «Социальный комфорт» предполагает положительное эмоциональное восприятие коммуникативной ситуации в сети, предпочтение интернет-взаимодействий реальному общению. Установка на «одиночество/депрессия» подчеркивает эмоциональный разрыв с реальностью, предпочтение виртуальному миру сети. Установка на «снижение самоконтроля» подразумевает рост интернет-зависимости, невозможность сократить время использования. Позиция «отвлечения» предполагает активный поиск средств для подсознательного оправдания в откладывании ответственных действий [20].

Для изучения когнитивных факторов, определяющих стратегию поведения пользователя сети Интернет, был применен метод психодиагностики склонностей студентов к определенному поведению в проблемной ситуации

[21]. Анкетирование и тестирование склонности к той или иной стратегии поведения основывались на использовании типов установок, зафиксированных в названиях диагностических шкал: 1. Сравнение своих проблем с проблемами других людей; 2. Нарастивание усилий по достижению цели; 3. Интрапунитивное восприятие ситуации; 4. Вербальная агрессия; 5. Компенсация; 6. Механизмы снижения психического напряжения; 7. Избегание; 8. Наркотизация; 9. Агрессия по отношению к людям; 10. Агрессия по отношению к объектам; 11. Аутоагрессия.

Уровень индивидуальной склонности к указанным 11 поведенческим стратегиям оценивался, когда респондент отвечал по балльной шкале, позволяющей выделить 5 уровней склонности к каждой из них: низкий (0–5 баллов), пониженный (6–10 баллов), средний (11–15 баллов), повышенный (16–20 баллов), высокий (21–25 баллов). Критерием выявления доминирования определенной поведенческой тенденции личности в трудной ситуации служила оценка психологического профиля по 2–3 шкалам, которая стабильно превышала остальные на 1,5–2 балла.

Эмпирические методы исследования включали опрос репрезентативных групп среди студентов и аспирантов вузов Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения императора Александра I, Российский государственный педагогический университет) до перевода учебной работы в дистанционный режим. Молодые люди, участвовавшие в опросе, получили образование по разным направлениям подготовки (техническим, экономическим, гуманитарным) и разным уровням подготовки: бакалавры (76 человек), специалисты (19), аспиранты (48 человек). Всего было опрошено 143 человека, из них 65 мужчин, 78 женщин.

Результаты и обсуждение

Личностные установки студентов, эмоционально мотивирующие использование Интернет

Результаты эмпирических исследований показывают (рис. 1), что среди доминирующих установок молодежи к использованию цифровых интеракций преобладают такие установки как: *отвлечение*, связанное с отстранением от реальных задач повседневности как своеобразный отдых (40%); *снижение самоконтроля*, связанное с уходом от социального напряжения, чреватого конфликтами (33%); *социальный комфорт*, предполагающий положительные эмоции от общения в сети (28%) (рис. 1).

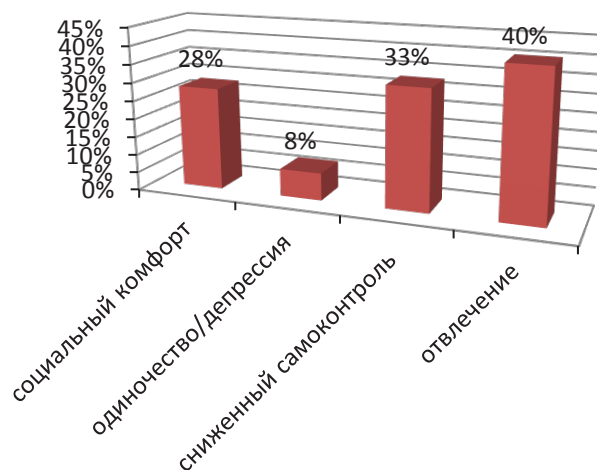

Рис. 1. Средние показатели доминирующих подсознательных установок использования Интернета в молодежной среде

Результаты эмпирического исследования выбора стратегии поведения преодоления проблемной ситуации

Когнитивные факторы мотивации в структуре личностных установок связаны с оценкой ситуации и выбором той или иной стратегии поведения. В ходе исследования было выявлено, что существует связь между личностными установками, мотивирующими привязанность человека к Интернет-общению, и тем, как он разрешает жизненную ситуацию, которую он оценивает как «трудную» [3]. Доминирующие стратегии поведения в преодолении трудных ситуаций у опрошенных студентов и аспирантов представлены на диаграмме (рис. 2).

С одной стороны, находясь в затруднительном положении, студенты бакалавриата и магистратуры (особенно юноши – 83% опрошенных) чаще всего проявляют усидчивость и терпение, чтобы добиться своей цели, выполнить поставленную задачу, не обращая внимания на препятствия или предыдущие неудачи. С другой стороны, когда возникает проблема, они чаще всего начинают считать причиной неудач свои недостатки (неумение, незнание, лень и т.д.). Стратегия компенсации, связанная с желанием переключиться на другую, более легкую деятельность, чем та, которая терпит неудачу, характерна для 47% опрошенных.

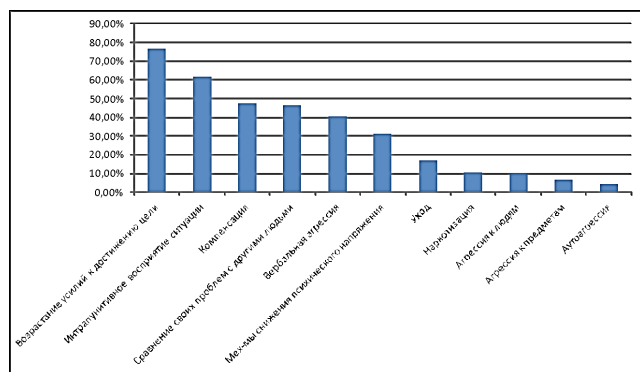

Рис. 2. Ведущие тенденции в поведении опрошенных групп молодежи при разрешении трудных ситуаций

Для 46% опрошенных характерна стратегия сравнения, связанная с проблемным состоянием других. Эта стратегия также компенсирует эмоциональное напряжение, успокаивает, направляет человека на поиск сочувствия и поддержки среди близких людей. У 40% опрошенных доминирующая стратегия поведения в состоянии трудности проявляется в виде вербальной агрессии. Другие виды агрессивного поведения как доминирующая тенденция человека в проблемной ситуации встречаются значительно реже: к людям (около 9%), к предметам (около 7%), к себе как аутоагрессия (около 5%).

Около 90% аспирантов и специалистов, оказавшись в трудных ситуациях, наращивают свои усилия, усидчивость и терпение, чтобы добиться поставленной цели, в то время как у бакалавров эта стратегия лидирует только у 64%, что значительно меньше, чем у аспирантов и специалистов. Рассматривая ведущие стратегии, следует констатировать, что специалисты реже других склонны уклоняться от разрешения сложной ситуации, прекращать любую деятельность в этом направлении, винить себя в неудачах или неприятностях, объяснять трудности своими недостатками (44%). Чаще других эта стратегия является ведущей среди аспирантов (72%), что значительно чаще, чем у специалистов.

Заключение

Анализ аффективных и когнитивных факторов формирования поведенческих стратегий интернет-пользователя показывает, что подсознательный настрой на использование интернета как средства развлечения и бегства от более важных и сложных дел является основным для 40% опрошенных. Социально-психологический портрет студента как пользователя сети Интернет (по данным опроса, более трети студентов) определяется отношением к общению в цифровой сети, которое более комфортно.

В доминирующих стратегиях поведения на первом месте настойчивость в достижении поставленных целей (76,34%) и уход в себя при неудачах (61,83%). Результаты свидетельствуют о преобладающей в среде молодежи личностной установке доводить задуманное дело до конца, невзирая на препятствия или прошлые неудачи. Что снижает желание молодых людей использовать Интернет как средство уклонения от реальных действий, связанных с ответственностью.

Литература

1. Узнадзе, Д.Н. Теория установки. Институт практической психологии, Москва, 1977.
2. Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал, 2002. Т. 23. № 1. С. 5–17.
3. Berezovskaya, I. P., Shipunova, O. D., Kedich, S.I.: Internet Addiction and Youth Coping Strategies. In: CSIS'2019: Proceedings of the XI International Scientific Conference Communicative Strategies of the Information Society, October 2019. Article No.: 23 Pages 1–6. ACM, New York (2019). <https://doi.org/10.1145/3373722.3373790>
4. Lazarus R.S. Psychological stress and the coping process. McGraw-Hill, New York (1966).
5. Thomas, W. I. and Znaniecki, F.: The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group, Volume I Primary-Group Organization; Richard G. Badger, The Gorham Press, Boston (1918).
6. Perloff, R.M. The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the Twenty-First Century, Routledge, 2016
7. Smith, M. B.: Attitude Change. In: D.L. Sills (Ed) International Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. I, 458. Crowell (1968).
8. Katz, D.: The functional approach to the study of attitudes. Public Opinion Quarterly, 24, 163–204 (1960).
9. Allport G.W.: Attitudes. In: Murchison, C. (Ed) The handbook of social psychology. Clark University Press, Worcester (1935).
10. Allport, H.: Social Attitudes and Social Consciousness. In: Hollander, Edwin P., and Raymond G. Hunt (eds.) Classic Contribution to Social Psychology, pp. 189–190. Oxford University Press, London (1972).
11. Cristani M., Burato E.: Modelling Social Attitudes of Agents. In: Nguyen N.T., Grzech A., Howlett R.J., Jain L.C. (eds) Agent and Multi-Agent Systems: Technologies and Applications. KES-AMSTA 2007. Lecture Notes in Computer Science, vol 4496. Springer, Berlin, Heidelberg (2007). https://doi.org/10.1007/978-3-540-72830-6_7
12. Köster G., Zönnchen B.: A Queuing Model Based on Social Attitudes. In: Knoop V., Daamen W. (eds) Traffic and Granular Flow '15. Springer, Cham (2016). https://doi.org/10.1007/978-3-319-33482-0_25
13. De Carolis, B., Novielli, N.: Recognizing signals of social attitude in interacting with Ambient Conversational

- Systems. *J Multimodal User Interfaces* 8, 43–60 (2014). <https://doi.org/10.1007/s12193-013-0143-y>
14. Baur T., Schiller D., André E.: Modeling User's Social Attitude in a Conversational System. In: Tkalčič M., De Carolis B., de Gemmis M., Odić A., Košir A. (eds) *Emotions and Personality in Personalized Services*. Human-Computer Interaction Series. Springer, Cham (2016). https://doi.org/10.1007/978-3-319-31413-6_10
 15. Bylieva, D., Lobatyuk, V., Safonova, A.: Online forums: communication model, categories of online communication regulation and norms of behavior. *Humanit. Soc. Sci. Rev.* 7, 332–340 (2019). <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7138>.
 16. Faghani, N., Akbari, M., Hasani, J., Marino, C.: An emotional and cognitive model of problematic Internet use among college students: The full mediating role of cognitive factors. *Addictive Behaviors*, 105, 106252 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.106252>
 17. Davis, R. A., Flett, G. L., Besser, A.: Validation of a new scale for measuring problematic internet use: Implications for pre-employment screening. *CyberPsychology & Behavior*, 5, 331–345 (2002).
 18. Бокал Й. Реакция несовершеннолетних правонарушителей на трудные жизненные ситуации. *Культура*, Москва, 1978.
 19. Губенко Е.А. Опросник установки по отношению к интернету. http://flogiston.ru/articles/netpsy/internet_questionary. (дата обращения 20 января 2020)
 20. Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения трудных подростков. ЗАО «Пони», г. Санкт-Петербург (2010 г.)
 2. Burlachuk L.F., Mikhaylova N.B. K psikhologicheskoy teorii situatsii // *Psikhologicheskij zhurnal*, 2002. T. 23. № 1. S. 5–17.
 3. Berezovskaya, I. P., Shipunova, O. D., Kedich, S.I.: Internet Addiction and Youth Coping Strategies. In: CSIS'2019: Proceedings of the XI International Scientific Conference Communicative Strategies of the Information Society, October 2019. Article No.: 23 Pages 1–6. ACM, New York (2019). <https://doi.org/10.1145/3373722.3373790>
 4. Lazarus R.S. *Psychological stress and the coping process*. McGraw-Hill, New York (1966).
 5. Thomas, W. I. and Znaniecki, F.: *The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group, Volume I Primary-Group Organization*; Richard G. Badger, The Gorham Press, Boston (1918).
 6. Perloff, R.M. *The Dynamics of Persuasion: Communication and Attitudes in the Twenty-First Century*, Routledge, 2016
 7. Smith, M. V.: *Attitude Change*. In: D.L. Sills (Ed) *International Encyclopedia of the Social Sciences*, Vol. I, 458. Crowell (1968).
 8. Katz, D.: The functional approach to the study of attitudes. *Public Opinion Quarterly*, 24, 163–204 (1960).
 9. Allport G.W.: *Attitudes*. In: Murchison, C. (Ed) *The handbook of social psychology*. Clark University Press, Worcester (1935).
 10. Allport, H.: *Social Attitudes and Social Consciousness*. In: Hollander, Edwin P., and Raymond G. Hunt (eds.) *Classic Contribution to Social Psychology*, pp. 189–190. Oxford University Press, London (1972).
 11. Cristani M., Burato E.: Modelling Social Attitudes of Agents. In: Nguyen N.T., Grzech A., Howlett R.J., Jain L.C. (eds) *Agent and Multi-Agent Systems: Technologies and Applications. KES-AMSTA 2007. Lecture Notes in Computer Science*, vol 4496. Springer, Berlin, Heidelberg (2007). https://doi.org/10.1007/978-3-540-72830-6_7
 12. Köster G., Zönnchen B.: A Queuing Model Based on Social Attitudes. In: Knoop V., Daamen W. (eds) *Traffic and Granular Flow '15*. Springer, Cham (2016). https://doi.org/10.1007/978-3-319-33482-0_25
 13. De Carolis, B., Novielli, N.: Recognizing signals of social attitude in interacting with Ambient Conversational Systems. *J Multimodal User Interfaces* 8, 43–60 (2014). <https://doi.org/10.1007/s12193-013-0143-y>
 14. Baur T., Schiller D., André E.: Modeling User's Social Attitude in a Conversational System. In: Tkalčič M., De Carolis B., de Gemmis M., Odić A., Košir A. (eds) *Emotions and Personality in Personalized Services*. Human-Computer Interaction Series. Springer, Cham (2016). https://doi.org/10.1007/978-3-319-31413-6_10
 15. Bylieva, D., Lobatyuk, V., Safonova, A.: Online forums: communication model, categories of online communication regulation and norms of behavior. *Humanit. Soc. Sci. Rev.* 7, 332–340 (2019). <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.7138>.
 16. Faghani, N., Akbari, M., Hasani, J., Marino, C.: An emotional and cognitive model of problematic Internet use among college students: The full mediating role of cognitive factors. *Addictive Behaviors*, 105, 106252 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2019.106252>
 17. Davis, R. A., Flett, G. L., Besser, A.: Validation of a new scale for measuring problematic internet use: Implications for pre-employment screening. *CyberPsychology & Behavior*, 5, 331–345 (2002).
 18. Bokal Y. *Reaktsiya nesovershennoletnikh pravonarushiteley na trudnyye zhiznennyye situatsii*. Kul'tura, Moskva, 1978.
 19. Gubenko Ye.A. *Oprosnik ustanovki po otnosheniyu k internetu*. http://flogiston.ru/articles/netpsy/internet_questionary. (data obrashcheniya 20 yanvarya 2020)
 20. Dmitriyev M.G., Belov V.G., Parfenov YU.A. *Psikhologo-pedagogicheskaya diagnostika delinkventnogo povedeniya trudnykh podrostkov*. ZAO «Poni», g. Sankt-Peterburg (2010 g.)

PERSONAL ATTITUDES OF STUDENT BEHAVIOR IN ONLINE INTERACTIONS

Berezovskaya I.P., Shipunova O.D., Lisenkova A.A.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article analyzes the specifics of youth behavior in online interactions. The research methodology is determined by the cognitive-behavioral model, according to which motivating attitudes are based on the relationship between a person's ideas about himself and the world. Subconscious attitudes, affective and cognitive factors motivating the actions of an Internet user are considered in the context of sociology, psychology and personality theory. To identify the personal attitudes of an Internet user, the study uses psycho-diagnostic methods of students' propensity for a certain type of emotional perception of interactions, as well as a propensity for a certain strategy of behavior in a difficult situation of internal conflict, which is accompanied by nervous tension. The study was conducted among undergraduate and graduate students of St. Petersburg universities of different fields and levels of training. For the surveyed groups of young people, generalized indicators of personal subconscious attitudes towards using the Internet were identified, which dominate in the emotional assessment of interactions on the digital network.

Keywords: Internet user, digital network, interactions, youth, behavior, personal attitudes.

References

1. Uznadze, D.N. *Teoriya ustanovki*. Institut prakticheskoy psikhologii, Moskva, 1977.

Представления о взаимодействии общества и природы в эпохи средневековья, возрождения и нового времени

Мамедов Азер Агабала оглы,

д.ф.н., проф. кафедры философии
E-mail: azermamedov@mail.ru

Кортунов Вадим Вадимович,

д.ф.н., проф. кафедры философии
E-mail: kortunov@bk.ru

Донских Ксения Юрьевна,

д.ф.н., проф. кафедры философии, Российский
государственный аграрный университет – МСХА
имени К.А. Тимирязева
E-mail: ks.donskih@gmail.com

В статье анализируются взгляды мыслителей Средневековья, Возрождения и Нового времени о взаимодействии общества и природы. Отмечается значительный вклад в познание сущности природы выдающимися философами и богословами Средневековья – Григория Великого, Исидора Севильского, Августина, Эриугены и др., в трудах которых, хотя теологическая составляющая занимает главенствующее положение, но от этого интерес к природе не только не проходит, но ещё более усиливается, поскольку акцентируется внимание на Боге как творце природы и человека. Авторы обращают внимание на неразрывную связь возникновения современной науки с христианским миропониманием и мироощущением, подчеркивая наличие интеллектуальных связей между эпохой Средневековья и эпохами Возрождения и Нового времени. В этом смысле, перефразируя Паули, можно сказать, что экспериментально-математическое естествознание Нового времени Галилея, Кеплера и Ньютона действительно могло быть построено материалами «строительных лесов» эпохи Средневековья.

Ключевые слова: наука, религия, природа, Средневековье, Возрождение, Новое время.

Большой вклад в познание сущности природы вносят ученые, философы и богословы Средневековья. Хотя теологическая, религиозная философия превалирует в этот период, интерес к природе не только не проходит, но ещё более усиливается. На основе чувственных оценок земной природы моделируется идея Бога как творца. Наиболее рельефно эта идея выражена у видного философа того времени Августина в его «Исповеди».

Даже в самые мрачные века Средневековья дарит человечеству целую плеяду выдающихся религиозных философов: Григория Великого (ок. 540–604), Исидора Севильского (570–638), Беду Достопочтенного (674–734). К их числу можно отнести по праву и Иоанна Скотта Эриугену (ок. 810–877).

В антропологическом учении Эриугена выдвигает положение о соотношении свободы воли человека и предопределения Бога, рассматривая его (положение) как величественный мировой закон. «Важнейший и едва ли не единственный путь к познанию истины – сначала познать и возлюбить самую человеческую природу...», – подчеркивал Эриугена [1, с. 789].

В теории познания Эриугена обосновывает принцип рациональности как основы методологии теоретического исследования. Он исходит из необходимости признания теоретического обоснования всех истин, в том числе истин веры. Истинный авторитет, полагал мыслитель, вовсе не противоречит правильному разуму, так же, как и правильный разум – истинному авторитету, поскольку исходят из одного и того же источника, каковым является божественная мудрость.

За своевольное истолкование божественных заповедей, католическая церковь осудила главный труд Эриугены «О разделении природы» (посмертно – с 1050 г.) а в 1225 году приговорила его к сожжению.

В этот же период Средневековья дало человечеству великих святых – славянских философов Кирилла и Мефодия, а позднее – Фому Аквинского – основателя томизма, официальной философской доктрины католической церкви.

Сторонники концепции о Средневековье как периоде застоя в интеллектуальном развитии Европы, утверждали, что в условиях идеологического господства церкви не существовало реальных условий для научного философского поиска истины, но эта точка зрения является ошибочной, равно как и оценка А. Уайтхедом европейского средневековья как интеллектуального кладбища человечества. Дело в том, что церковь определила интеллектуальную жизнь человека, ставя перед ним творческую задачу – постижение Бога и всего сотворенного им. Познание Бога, как отмечала исследователь средневековой науки и философии Н.С. Мудрагей, «заключает в себе важнейшую смысловую установку – спасение рода человеческого и каждого человека в отдельности» [1, с. 17]. Спасти помогает только вера, а не теоретическое знание, и это, как полагает философ, есть квинтэссенция христианской религии.

С другой стороны, такие псевдоинтеллектуальные формы человеческой деятельности как алхимия, астрология, натуральная магия и др., все же подготавливали почву для возникновения научного естествознания Нового времени.

Многие выдающиеся ученые-естествоиспытатели указывают на наличие нерасторжимой связи европейской науки с христианством. Это положение, выдающийся ученый XX века В. Гейзенберг обосновывает в статье «Естественнонаучная и религиозная истина», где представителю естественных наук предлагается учесть «всеобъемлющее значение религии в человеческом обществе, если он пытается продумать соотношение между естественнонаучной и религиозной истинами». [2, с. 333].

Подчеркивая «живучесть» в естествознании Нового времени христианской модификации платоновской «мистики света» [2, с. 285] в противовес аристотелизму, Гейзенберг пытается ответить на вопрос: что служило Копернику, Галилею и Кеплеру опорой в их доверии к математическим структурам, принимаемым в качестве законов природы? Эта основа, как полагает ученый, могла быть, прежде всего, теологической. Галилей говорил, что природа, вторая книга Бога (первая – Библия), написана математическими буквами и мы должны выучить ее алфавит, если хотим ее читать. Кеплер в своей работе о мировой гармонии еще более прямолинеен; он говорит: Бог создал мир согласно своим творческим идеям. Эти идеи суть те чистые архитектурные формы, которые Платон называл идеями, и они постигаются человеком в виде математических соотношений. Человек способен понимать их потому, что он сотворен как духовное подобие божие. Если физику рассматривать как отражение божественных творческих идей, тогда она есть служение Богу. Однако с таким же успехом можно вслед за П. Фейерабеном утверждать, что в основе научных открытий Галилея, Кеплера и Ньютона могли лежать внерациональные элементы, некоторые субъективные моменты, которые не принимались во внимание со стороны стандартизированного мышления, разума, который сам по себе есть одна из традиций [10, с. 469].

Еще один из выдающихся ученых XX века немец Вольфганг Паули указал на неразрывную связь возникновения современной науки с христианским миропониманием и мироощущением и, в частности, отметил связь гелиоцентрических воззрений Кеплера с его протестантско-христианской религиозностью. Эта связь рельефно проявляется в том, что у Кеплера очень сильна типично средневековая идея иерархического представления об устройстве мира: на высшей ступени стоит лишнее какой бы то ни было наглядности триединое христианское божество, а любая последующая ступень есть образ высшей ступени. При этом Кеплер, говорит В. Паули, исходил из разработанного Агриппой из Неттесхайма и Парацельсом и его последователями учения о знаке вещей, согласно которому внешняя форма указывает на непосредственно не наблюдаемый слой действительности. «Наиболее совершенным образом, – пишет Паули, – воплотившим в себе сущность самого бога (*idea ipsius essentiae*), Кеплер считал трехмерную сферу. Еще в своей юношеской работе «Тайна мироздания» говорил об образе триединого бога, понимаемого как сферическая поверхность, а именно: бог-отец в центре, бог-сын – на поверхности и святой дух – в симметричном отношении между центром и описанной вокруг него сферической поверхностью [3, с. 140]. В. Паули обратил внимание на то, что в открытии законов Кеплера важную роль сыграли связанные с христианским мировоззрением символические представления.

Очевидно, во времена Кеплера мировоззрение еще не делилось на религиозное и научное, и поэтому можем разделить мнение В. Паули о том, что христианские воззрения были теми строительными лесами, без которых европейская наука не могла бы быть построена: «Символические образы и архетипические представления служат Кеплеру тем средством, которое *позволяет ему вести поиски законов природы*» [3, с. 140].

Как считает русско-французский философ и историк науки А. Койре, наличие некоей философской обстановки или среды является необходимым условием существования самой науки [8, с. 15]. Другое дело, что со временем в результате всевозрастающей специализации и дифференциации науки работа философской мысли начинает отделяться от естественнонаучной, что закрепляется профессионально: с одной стороны мы имеем философа, с другой – естествоиспытателя. Однако это ни в малейшей степени не затрагивает крупнейших мыслителей.

Анализ средневекового восприятия мира позволяет сделать вывод о том, что там, где отсутствует научное объяснение мира, символизация призвана создать упорядоченную систему, охватывающую бесконечные связи и отношения действительности. Несомненно, в эпоху средневековья символ играл важную роль в описании и раскрытии сути мироздания.

«Новым средневековьем, – писал Н.А. Бердяев, – я называю ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхрационализму средневекового типа. Пусть просветителям новой истории это представляется мракобесием. Меня это мало беспокоит. Я думаю, сами эти просветители в высшей степени «отсталые», что образ мыслей их совершенно «реакционный» и целиком принадлежит отживающей эпохе» [4, с. 8].

Здесь важно подчеркнуть, что Бердяев одним из первых показал, что просветители, а за ними буржуазные культурологи, философы и представители всевозможных «измов», затем марксисты целеустремленно навешивали Средневековью свои идеологические ярлыки: «провал», «темное время», «застой в истории человечества». Все это делалось в основном с целью дискредитировать религию и церковь, извратить их действительную позитивную роль в развитии человечества.

Н.С. Мудрагей подчеркивает, что религия – не «дурной самообман», не «искусственно созданная жрецами бессмыслица», но одна из попыток духовного, глубоко экзистенциального поиска смысла существования человека и человечества... Не принимать христианство во внимание – значит лишить себя возможности адекватно постичь историю культуры (и науки в том числе). Философ полагает, что именно Средневековье «посеяло те семена, которые в Новое время дали всходы под названием «наука» в строгом, современном понимании этого слова» [1, с. 26]. Этот вывод Н.С. Мудрагей идет вразрез с мыслями многих представителей научного сообщества, исходящих из того, что научное знание и вера – несовместимы.

Научное знание в классическом его понимании, безусловно, не могло возникнуть в условиях средневекового религиозного сознания, у которого отсутствовала идея самодостаточности природы. Но, как правильно отмечает В.В. Ильин, именно специфические обстоятельства средневековья позволили транслировать такое мыслительное достижение эпохи античности, как опыт идеального моделирования действительности («мир идей» Платона в идеальном пространстве Галилея) в культуру Ренессанса [7, с. 58].

В русской общественно-политической литературе периода средневековья идея природы находит свое вы-

ражение в «Поучении» Владимира Мономаха, в котором рассматриваются проблемы не только мироздания, но и многообразия и неповторимости индивидуального в природе. Представляет значительный интерес «Житие» протопопы Аввакума, в котором жестокости людей противопоставлен умиротворяющий человека природный мир.

Философия раннего Возрождения, освобождаясь от ортодоксальных схоластических представлений средневековья, в то же время не прерывает интеллектуальных связей той эпохи с ее положительным наследием, а развивает его. Так, Николай Кузанский вносит элемент диалектики в учение о природных вещах и явлениях, говорит о противоположных началах в природе и их взаимодействии.

В период Возрождения новые гипотезы в области философии природы выдвигает Дж. Бруно. Он считал, что природа обладает творческой мощью, формирует материю и фигуру изнутри. Природа и разум как основные предметы исследования связаны в представлениях философа с творческим началом. Вместе с тем в эту эпоху впервые в истории философии материалистически ставится проблема деятельности как творческого начала, которое, якобы, дает человеку превосходство над природой. Человек обретает способность к преобразованию окружающего мира благодаря не только познанию, но и деятельности. Результаты преобразующей деятельности, по его мнению, превосходят все, что создано природой. Леонардо да Винчи под преобразующей деятельностью человека, превосходящей природу, понимает сельскохозяйственную деятельность человека. «Глаз украсил природу возделанными нивами и садами, полными отрады», – писал он. В философских трудах ученого материальная практика и творческая деятельность человека в лоне природы становится объектом внимания и получает высокую оценку.

Включение сельскохозяйственной деятельности человека в область философских интересов, связанных с проблемой природы и ее преобразования, получает дальнейшее развитие именно в это время. Та область человеческой деятельности, которая ортодоксальной теологической мыслью исключалась из области ценностей, приобретает отныне большое значение. Плоды земли, возделанная нива, растительный мир, созданный руками человека, красота деревьев и садов становятся объектом философских исследований [5, с. 197].

Если философы и естествоиспытатели средневековья рассматривали природу и человека как творение Бога, то в Новое время Ф. Бэкон, Дж. Локк, Р. Декарт и др. по мере усиления «власти и господства» человека над природой, благодаря развитию экспериментальной науки и техники, природа все более становилась объектом утилитарных, а нередко и низменных устремлений новых хозяев жизни – поднимающейся к экономическому и политическому господству алчной буржуазии.

Подобно тому, как промышленность сводила природу к материалам технического использования, к объекту производственной эксплуатации, человеческое познание сводило природу к абстрактным бескачественным элементам систем механических и математических отношений. «Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению, геометрия провозглашается главной наукой» [6, с. 143].

То, что создается человеком на базе познания и преобразования естественной среды (Ф. Бэкон включает сюда, прежде всего, земледелие и садоводство), ставится в один ряд с первозданной природой. «Среди ис-

кусств особенно важны для нас те, – писал он, – которые имеют дело с естественными телами и материалами вещей, изменяют и переделывают их, такие, как земледелие». Обращая внимание на ценность искусственно преобразованной человеком природы, он подчеркивает первенство земледелия среди ряда других искусств, поскольку оно меняет облик земли, проявляет потенциальные возможности природы. Для него природа является не образцом для подражания, а предметом изучения и последующего ее утилитарного преобразования. Для Ф. Бэкона природа лишь мастерская для идущей к экономическому и политическому господству английской буржуазии.

Ф. Бэкон последовательно проводит идею необходимости изучения природы, познания природы с целью ее интенсивного использования в производстве. В последнем его сочинении «Новая Атлантида» при описании острова Бенсалема отсутствует естественный пейзаж. Здесь только искусственно созданная природа представляет для философа ценность как объект научных исследований [9, с. 509–516].

Следуя установкам Ф. Бэкона, призывавшим к господству человека над природой, человечество во второй половине XX века начинает осознавать масштабы надвигающейся катастрофы – истощение природных ресурсов, разрушение среды обитания человека и др., характеризующиеся как глобальные проблемы современности. Это привело к созданию различных программ по спасению Земли. Вместе с тем утилитаристский подход Ф. Бэкона предопределил характер не только метафизического материализма того времени, для которого природа представлялась раз и навсегда заведенной машиной с механическим сцеплением ее частей, в которой происходят лишь количественные изменения, но и стал господствующей идеологической парадигмой буржуазного общества.

Таким образом, мы выяснили, что проблема взаимоотношения природы и общества занимала существенное значение в культуре Средневековья, Возрождения и Нового времени. Познание сущности природы интересовало выдающихся философов и богословов Средневековья – Григория Великого, Исихора Севильского, Августина, Эриугены и др., в трудах которых, хотя теологическая составляющая занимает главенствующее положение, но от этого интерес к природе не только не проходит, но ещё более усиливается, поскольку акцентируется внимание на Боге как творце природы и человека. Авторы обращают внимание на неразрывную связь возникновения современной науки с христианским миропониманием и мироощущением, подчеркивая наличие интеллектуальных связей между эпохой Средневековья и эпохами Возрождения и Нового времени. В этом смысле, перефразируя Паули, можно сказать, что экспериментально-математическое естествознание Нового времени Галилея, Кеплера и Ньютона действительно могло быть построено материалами «строительных лесов» эпохи Средневековья.

Литература

1. Мудрагей Н.С. Средневековье и научная мысль // Вопросы философии. 1989. № 12. С. 16–26.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Наука, 1987.
3. Паули В. Влияние архетипических представлений на формирование естественнонаучных теорий у Кеплера / В сб.: Паули В. Физические очерки. М., 1975.
4. Бердяев Н. Новое средневековье. – М.: Феникс-ХДС-пресс, 1991.

5. Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе // Памятники философской мысли. – М.: Наука, 1989.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 2.
7. Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. – М.: Высшая школа, 1985.
8. Койре А. Очерки истории философской мысли. – М.: Прогресс, 1985.
9. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2 // Философское наследие. – М.: 1978.
10. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986.
11. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 2. – М.: Мысль, 1969.

IDEAS ABOUT THE INTERACTION OF SOCIETY AND NATURE IN THE MIDDLE AGES, RENAISSANCE AND MODERN TIMES

Mamedov A.A., Kortunov V.V., Donskikh K.Y.

Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev

The article analyzes the views of thinkers of the Middle Ages and Renaissance and modern times on the interaction of society and nature. There is a significant contribution to the knowledge of the essence of nature by the outstanding philosophers and theologians of the Middle Ages – Gregory the Great, Isidore of Seville, Augustine, Eriugena, etc., in whose works, although the theological component occupies a dominant position, from this interest in nature not only does not pass, but is even more intensified, since attention is focused on God as the creator of nature and man. The authors draw

attention to the inextricable connection of the emergence of modern science with Christian worldview and worldview, emphasizing the presence of intellectual ties between the Middle Ages and the Renaissance and the New Age. In this sense, to paraphrase Pauli, we can say that experimental-mathematical natural science of the New Age of Galileo, Kepler and Newton could indeed be built with materials of the «scaffolding» of the Middle Ages, which determined the existence of the village at a long stage of development.

Keywords: science, religion, nature, Middle Ages, Renaissance, Modern times.

References

1. Mudragey N.S. Srednevekovye i nauchnaya mysl // Voprosy filosofii. 1989. № 12. S. 16–26.
2. Geyzenberg V. Shagi za gorizont. – М.: Nauka, 1987.
3. Pauli V. Vliyaniye arkhетipicheskikh predstavleniy na formirovaniye estestvennonauchnykh teory u Keplera / V sb.: Pauli V. Fizicheskiye ocherki. М., 1975.
4. Berdyaev N. Novoye srednevekovye. – М.: Feniks-KhDS-press, 1991.
5. Lorentso Valla. Ob istinnom i lozhnom blage // Pamyatniki filosofskoy mysli. – М.: Nauka, 1989.
6. Marks K., Engels F. Sochineniya. Izdaniye vtoroye. T.2.
7. Ilyin V.V., Kalinkin A.T. Priroda nauki. – М.: Vysshaya shkola, 1985.
8. Koyre A. Ocherki istorii filosofskoy mysli. – М.: Progress, 1985.
9. Bekon F. Sochineniya v dvukh tomakh. T.2. // Filosofskoye naslediyе. – М.: 1978.
10. Feyerabend P. Izbrannyye trudy po metodologii nauki. – М.: Progress, 1986.
11. Antologiya mirovoy filosofii. T.1. Ch.2. – М.: Mysl, 1969.

Критика аргументов против деонтологически адекватной контролируемости убеждений

Галухин Андрей Владимирович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: mystolbard@gmail.com

В статье прослеживаются основные линии критики представлений о способности субъекта сознательно-волевым образом определять, контролировать и регулировать собственные убеждения, – докстастический волюнтаризм предполагается эпистемико-деонтологической концепцией, допускающей оценку обоснованности убеждений, исходя из такого критерия как безупречность выполнения субъектом интеллектуальных обязательств. Критики пытаются поставить сторонника эпистемической деонтологии перед дилеммой: либо доказать истинность радикального волюнтаризма, предельным выражением которого является допущение способности субъекта преднамеренно определять содержание собственных убеждений, либо продемонстрировать ложность антиволюнтаристических импликаций принципа эвиденциальной детерминации, который означает блокирование возможности иметь убеждение, альтернативное тому, к которому располагают доступные свидетельства. В статье доказывается, что артикулированная так дилемма представляет мнимую проблему для деонтологической этики убеждений. В рамках противопоставления субъективно-волюнтаристического и когнитивно-детерминистического векторов концепции формирования убеждений не находится места для комбинации свободы, рациональности и ответственности, в которой заключены условия применимости принципов эпистемико-деонтологического подхода. Раскрывается значение альтернативных способов обоснования сознательной контролируемости убеждений, которые включают подход к проблеме с позиций компатибилизма и указывают на эффективность диспозиционального контроля, метасознательно-рефлексивной экспертизы и косвенного контроля эпистемического качества убеждений, что позволяет решить проблему докстастической ответственности деонтологически адекватным образом.

Ключевые слова: этика убеждений эпистемическая деонтология, докстастический волюнтаризм, убеждение, знание, интеллектуальные обязательства, ответственность, когнитивный процесс, обоснование.

Деонтологическая экспликация принципа обоснованности предполагает оценку эпистемического качества убеждений, исходя из того, насколько безупречно при формировании и поддержании убеждений выполняются интеллектуальные обязательства, содержание которых определяется на основе системы релевантных норм, предназначенных для регулирования докстастической сферы познавательно целесообразным образом. Деонтологическая концепция обоснования применяет для оценки обоснованности убеждений такой критерий как исполнение субъектом эпистемического долга, спецификацией которого является система *требований, допущений и запретов*, регулирующих условия культивирования убеждений исходя из познавательно значимых целей. Однако, как отмечают критики, концепция, в которой нормативное содержание понятия обоснования раскрывается посредством такого принципа, как исполнение эпистемического долга, предполагает *докстастический волюнтаризм*. В абстрактно-всеобщем смысле докстастический волюнтаризм – это допущение сознательной контролируемости убеждений, которая заключается в том, что субъект сознательно-волевым образом может усваивать и поддерживать одни убеждения и воздерживаться от культивирования других убеждений, реализуя доступные ему альтернативные возможности в плане определения того, во что верить и какие убеждения поддерживать. Назначение интеллектуальных обязательств и утверждения докстастической ответственности субъекта обоснованы только в том случае, если «убеждения в достаточной степени являются сознательно-волевым образом контролируемыми, чтобы сделать применимыми к ним такие понятия, как *требование, разрешение, обязательство, упрек и порицание*. В соответствии с проверенным временем принципом «Ты должен – значит, ты можешь», человек может иметь обязательство к выполнению А только в том случае, если у него есть действенный выбор в отношении того, делать ли А или нет» [2, с. 259]. Подразумевается, что сознательно осуществляемый контроль над убеждениями является достаточно эффективным для того, чтобы можно было, применяя принцип «*Debes, ergo potes*» («Ты должен – значит, ты можешь»), установить для субъекта круг интеллектуальных обязательств, вытекающих из эпистемических норм, и требовать от субъекта ответственного подхода к усвоению и поддержанию убеждений, имея в виду то, что интеллектуальная дисциплина необходима для оптимизации условий обращения убеждений в знание.

Одно из направлений критики деонтологической концепции обоснования выразилось в серии аргументов против *докстастического волюнтаризма*, другое же направление выразилось в развитии комплекса аргументов, демонстрирующих, что в ряде типовых случаев деонтологическое обоснование не удовлетворяет условию *истинностной проводимости*, т.е. выполнение интеллектуальных обязательств необязательно способствует или гарантированно приводит к установлению истины.

Аргументы такого рода подрывают позиции эпистемического деонтологизма.

Основной аргумент против докстастически-волюнтаристических допущений, имплицитных деонтологиче-

ской концепцией обоснования, заставляет усомниться в применимости деонтически-оценочных суждений сфере докстастических установок.

Аргумент этот выстраивается следующим образом.

(I) Эпистемический деонтологизм предполагает утверждение долженствования субъекта и вменение ответственности за исполнение интеллектуальных обязательств, вытекающих из системы эпистемических норм (на основе применения норм в конкретной познавательной ситуации определяется, чему позволительно верить, какие пропозиции следует отвергнуть как ложные, а от признания чего следует воздерживаться).

(II) Долженствование подразумевает возможность (классический принцип «Debes, ergo potes» в его априорной значимости), а возможность в контексте утверждения эпистемического долга означает способность субъекта сознательно осуществлять эффективный контроль над собственными убеждениями (т.е. усваивать одни убеждения, если это разрешено, воздерживаться от культивирования других убеждений, если это запрещено).

(III) Субъект не может осуществлять контроль над собственными убеждениями, который был бы настолько эффективным, чтобы субъекту с полным основанием, исходя из принципа «Debes, ergo potes», можно было бы вменять обязательства и рассматривать его как ответственного за выполнение того, что следует делать согласно принципам познавательной целесообразной докстастической дисциплины (докстастически-волюнтаристическое допущение является необоснованным).

(IV) Следовательно, в части вменения обязательств и установления ответственности субъекта познания, исходя из докстастически-волюнтаристического допущения, *эпистемический деонтологизм несостоятелен*.

Анализ структуры ряда аргументов показал, что одни из них подрывают докстастический волюнтаризм посредством демонстрации ложности *радикального (интенционального) волюнтаризма*, а другие – посредством выявления антиволюнтаристических импликаций *рационально-эвиденциального детерминизма*:

- радикальный волюнтаризм (РВ) выражается в допущении прямого («базового») контроля, т.е. способности субъекта преднамеренно определять содержание собственных убеждений;
- рационально-эвиденциальный детерминизм (ЭД) как закономерная тенденция заключается в том, что имеется фактор устойчивости убеждений, независимый от воли субъекта, а именно – сцепление убеждений с доступными свидетельствами, что соответствует, согласно Б. Ульямсу, истинностной телеологии убеждений.

Таким образом, критики пытаются поставить сторонника деонтологической этики убеждений перед дилеммой: для реабилитации деонтологического подхода необходимо либо доказать истинность РВ, либо продемонстрировать ложности антиволюнтаристических импликаций ЭД.

Однако, учитывая альтернативные способы обоснования сознательной контролируемости убеждений, артикулированная так дилемма представляет мнимую проблему для деонтологической этики убеждений.

(РВ) В первом роге указанной дилеммы допускается, что для утверждения докстастической ответственности *необходим* такой контроль над сферой убеждений, который предполагает способность субъекта усваивать убеждения с *определенным содержанием* на основе произвольного решения или выбора, – эффективность базового контроля определяется тем, что субъект может усилием воли заставить себя поверить в то или иное по-

ложение, руководствуясь не только эпистемическими, но и практическими соображениями, которые могут быть irrelevantными вопросам истинности.

Но, как показал У. Олстон и другие эпистемологи, есть основания для сомнения в психологической возможности базового контроля, аналогичного контролю над элементарными действиями [2, с. 263–267]. *Во-первых*, многие убеждения формируются *когнитивно-спонтанными процессами*, в которых не проявляется в достаточной мере агентивность, т.е. сознательно-деятельное начало, чтобы субъекту можно было вменять ответственность за эти убеждения, исходя из общего принципа «Debes, ergo potes». *Во-вторых*, в сознании когнитивно-полноценного субъекта убеждения естественным образом фиксируются через *отношение к факторам эвиденциального порядка* или в силу столкновения с неотвратимой эмпирической очевидностью: перед лицом убедительных свидетельств или доказательств мы не можем решиться *поверить во-что-то иное*, т.е. культивировать откровенно иррациональные убеждения (в альтернативном сценарии мы можем остаться при тех же убеждениях, что это не дает достаточное основание для утверждения, что мы контролируем эффективно докстастические установки).

(РВ1) Сомнение в контролируемости убеждений, возникающих на основе опыта, кажется достаточно обоснованным. В классе *психологических аргументов* против докстастического волюнтаризма исходным и решающим является аргумент, согласно которому когнитивно-спонтанный характер формирования значительного массива убеждений (таких, например, которые возникают на основе перцептуального, мнемотического или интроспективного опыта) несовместим с условиями их эффективной контролируемости. Аргумент в его абстрактной формулировке вполне обоснованно указывает на феномен *независимости формирования обширного класса убеждений от намерений и воли субъекта*, выделяя таким образом, фальсификатор докстастического волюнтаризма. Но из признания психологической невозможности преднамеренного формирования широких классов убеждений не следует с *логической необходимостью*, что *никакие убеждения* субъект не способен формировать или пересматривать, исходя из принципов эпистемической рациональности.

В аргументах такого рода стирается концептуальное различие между *сознательным* и *намеренным* усвоением или воздержанием от определенных убеждений (редукция сознательного к намеренному). Сознательная активность, в условиях которой определяются возможности контроля докстастических установок, сводится к реализации *намерения* в некоем базовом акте, который аналогичен элементарному действию, совершаемому (при наличии объективных условий) в силу произвольного решения [2, с. 260], – такое представление действительно *не является истинно парадигматическим ни для одного из способов формирования убеждений*, ибо ни одно убеждение нельзя усвоить одним лишь усилием воли, вознамерившись иметь именно такое, а не иное убеждение. Ряд моделей анализа когнитивно-процессуальной основы формирования убеждений, разработанных в современной эпистемологии, позволяют выделить теоретические основания для демонстрации того, что формирование убеждений может быть в ряде случаев *непреднамеренным и автономным*, но *сознательным* в том определенном смысле, который имплицитно, например, принцип *диспозициональной подконтрольности*. Так, формирование убеждений в процессе восприятия происходит без явного использования ресурсов рефлексивной системы, но *субъект ответственен за эти убеждения*,

поскольку ему доступна определенная форма *диспозиционального контроля*, позволяющая *управлять своим вниманием*, различать аспекты познавательной ситуации и реагировать на факторы, побуждающие развить критическое отношение к тому, в чем непосредственно убеждает опыт, т.е. отслеживать работу когнитивного механизма и, если необходимо, корректировать результаты процесса – пересматривать перцептивные убеждения, подключив рефлексивно-оценочную систему. Согласно предложенной мною феноменологической гипотезе, диспозициональный контроль докстастических установок может осуществляться синхронически – на основе работы тех неявных эвиденциальных регуляторов, которые интегрированы в горизонт сознания: именно потому, что *впечатления*, стихийно складывающиеся в процессе восприятия, *охвачены горизонтом сознания*, в котором они соотносятся как с другими впечатлениями, так и с фоновыми убеждениями и предпосылочным знанием, формирование убеждений на основе этих впечатлений является диспозиционально контролируемым процессом; разрешение сопряженной с этими впечатлениями *уверенности* в перцептуальное убеждение обусловлено действием *неявных регулятивных установок*, включающих, в числе прочего, презумптивное доверие опыту [1, с. 20–24]. Полагать же что убеждения формируются «спонтанно» – в силу одной лишь *реакции* на внедокстастические факторы, не принимая во внимание факторы, образующие *горизонт сознания*, т.е. игнорируя функцию *неявных эвиденциальных регуляторов* и исключая диспозиции к *мониторингу и контролю когнитивных процессов*, реализуемые за счет *высших исполнительных функций сознания*, значит необоснованно упрощать сложный когнитивный механизм формирования докстастических установок.

(PB2) *Контролируемость убеждений, формирующих дискурсивным способом, также ставится под вопрос*. Некоторые критики ДВ полагают, что можно обоснованно усомниться в контролируемости убеждений, даже если последние вырабатываются *дискурсивным способом*. Для обоснования этой позиции выдвигается следующее соображение, притязающее на аргументативную значимость: как только в результате исследований и рассуждений выявлены достаточные основания и достигнута высокая степень достоверности, сопряженная в пределе с исключением каких-либо сомнений, что происходит, когда выдвинуты решающие аргументы и посредством демонстрации установлена истинность соответствующих пропозиций, *убеждения возникают автоматически* – как эффект трансформации докстастической сферы, независимый от сознания и воли субъекта.

Основной изъян этого соображения заключается в том, что рассматривая убеждения в разрезе *финализации формирующих их процессов*, критики изолируют убеждения от контекста *целостной познавательно ориентированной деятельности*, – такой изоляционизм допустим лишь как прием абстрагирования, реализуемый на определенном уровне (морфологического) анализа, но эта модель не подходит для описания целостного феномена культивирования убеждений, поскольку упускает взаимосвязь дискурсивной генеалогии и функционального статуса последних. Абстракция «финального отрезка пути» [8, с. 50] не позволяет в полной мере учитывать, что формирование определенных убеждений представляет определенную фазу познавательного (исследовательского) процесса (когда достигается, например, разрешение от сомнений), а поддержание убеждений, опосредованное принятием соответствующих пропозиций, выполняет также предпосылочно-ориентирующую функцию в дальнейшей познавательной деятельности.

В этом контексте уместно замечание Ч.С. Пирса, что наши убеждения правильно всего было бы рассматривать как демикаданс, завершающий определенную фазу в симфонии интеллектуальной жизни [13, с. 290].

[Contra PB1] *Общетеоретические возражения сторонников деонтологического подхода на аргумент, основной посылкой которого служит допущение радикального волюнтаризма, состоят в следующем*.

Во-первых, выделяя формы базового контроля, критики понимают докстастический волюнтаризм в духе не-Юмовской концепцией «свободы действия по желанию» [8, с. 53–54], но такое понимание докстастического волюнтаризма иррелевантно контексту обоснования значимости интеллектуальных обязательств, – радикальный волюнтаризм, имплицитный допущением базового контроля, не составляет условие вменения этих обязательств. Докстастический волюнтаризм – это недопущение свободы выбора убеждений, содержание которых уже известно. В *деонтологически релевантном смысле* – это тезис о такой *контролируемости* убеждений, которая является *достаточной* для назначения интеллектуальных *обязательств* и утверждения *ответственности* субъекта за те убеждения, которые он усваивает и из которых исходит в своих изысканиях, рассуждениях и решениях, – предполагается, что выполнение интеллектуальных обязательств входит в условия того, чтобы убеждения, поддерживаемые субъектом, обладали положительным эпистемическим статусом. Однако, допущение, что человек может уклоняться от выполнения интеллектуальных обязательств, например, не реагировать должным образом на эвиденциальные факторы и не воспринимать аргументы, не эквивалентно по смыслу допущению, что человек может усваивать какие-угодно убеждения в силу произвольного решения и практически мотивированного выбора [14, с. 73].

Таким образом, сторонники деонтологической этики убеждений соглашаются, что доктрина прямого содержательного контроля, представляющее формирование убеждений по аналогии с преднамеренным действием, совершаемым в силу одного лишь произвольного решения, даже если такое решение мотивировано стремлением признания истины, является несостоятельной. Не только для критика докстастического волюнтаризма, но и для пропонента докстастической деонтологии несомненным является положение Нейлора, согласно которому «простое решение поверить в то, что p, само по себе не производит убеждения» [11, с. 431]. Но аргументы против докстастического волюнтаризма, в которых за основу принимается *радикальная волюнтаристическая интерпретация* положения об эффективной контролируемости убеждений, *бьют мимо цели*, поскольку деонтологическая теория ответственности за убеждения основывается на волюнтаристических допущениях *иного рода*, допущениях и представлениях, которые более релевантны определению условий возможности реализации ответственного отношения субъекта к собственным убеждениям, полаганиям, допущениям как докстастическим протоэлементам возможного знания. Способность субъекта *произвольно определять содержание* собственных убеждений, руководствуясь альтернативными (например, практическими) соображениями, которые выходят за рамки эпистемической рациональности, не действительна, но она и не составляет *необходимое* условие утверждения докстастической ответственности *в том ее значении*, которое подразумевается эпистемической деонтологией.

Основная квази-волюнтаристическая гипотеза, принимаемая эпистемическими деонтологами, предполагает не свободу субъекта действовать по желанию и ус-

ваивать убеждения на основе произвольно мотивированного выбора, а *способность его думать и поступать эпистемологически оптимальным образом*. Например: (i) способность определять состав собственных убеждений, руководствуясь эпистемически нормативными соображениями (ответственность как производное от способности определять то, во что можно верить, *через суждения об основаниях*); или (ii) способность регулировать деятельность, в процессе которой происходит формирование или отбор убеждений, ориентируясь на нормы, следование которым повышает вероятность того, убеждения будут надлежащего эпистемического качества (станут надежными «пеленгаторами» истины) [6, с. 359–362]; или же (iii) способность отслеживать работу механизмов формирования убеждений, в которых актуализируются собственные способности субъекта, ориентируясь на стандарты чувствительности этих механизмов к тому, что составляет разумную причину для убеждений [12, с. 473–474], а в определении того, следует ли поддерживать формируемые так убеждения, – способность руководствоваться «суждениями более высокого порядка» [9, с. 114].

[Contra PB2] Наконец, еще одно значимое возражение на критику ДВ состоит в том, что *базовый контроль* не является необходимым для утверждения доксистической ответственности, – деонтологически достаточными являются доступные субъекту формы *косвенного контроля*, например, контроль над *процессами и условиями* формирования убеждений, способствующий усвоению убеждений определенного *эпистемического качества*, ведь именно оценка качества, убеждений (например, того, насколько то, в чем убежден субъект, подкреплено доступными ему свидетельствами) в первую очередь определяет релевантность требований поддержания этих убеждений или воздержания от их культивирования [12, с. 169–175]. Пропоненты эпистемической деонтологии обосновывают положение, что у нас имеется контроль над убеждениями, если не прямой, то *деривативный* (через контроль над формирующими убеждения процессами), и этот контроль *эффективен* даже в тех случаях, когда процессы формирования убеждений обладают невысоким потенциалом сознательности (как в случае формирования перцептивных убеждений). Однако, вопрос о том, является ли такой *косвенный контроль* деонтологически адекватным – достаточным для приписывания субъекту ответственности за качество тех убеждений, которые он усваивает и поддерживает, вызывает споры. Оппоненты обосновывают положение, что «не существует необходимой связи между нормативным качеством формирования убеждения и тем, должен ли человек (впоследствии) это убеждение поддерживать. Первоначальная этиология убеждения не всегда имеет значение для того, считается ли оно знанием» [3, с. 46]. Пропоненты идеи косвенного контроля, ориентированного на оптимизацию условий формирования убеждений, соответствующих стандартам обоснованности, утверждают, что «качество формирования убеждений часто свидетельствует о том, насколько хороши имеющиеся у объекта *основания* для того, чтобы придерживаться их» [3, с. 46]. Решение этого спорного вопроса в значительной мере зависит от того, как формулируется принцип дисциплины доксистических установок, нормативное содержание которого определяется относительно условий обращения убеждений в знания. Некоторые исследователи принципиально разводят вопросы каузальной генеалогии убеждений и их актуального эпистемического статуса: важно не то, как формируются те или иные убеждения, а то, какую роль в *поддержании* этих убеждений играют нормативные соображения.

Соответственно, для решения вопросов ответственности за убеждения необходимым полагается прояснение вопроса о том, насколько субъект свободен в определении того, какие убеждения *поддерживать*, каким бы ни был их источник. Положение это, однако, выражает лишь абстрактный момент политики в отношении систем убеждений и не может служить «дисклеймером» ответственности субъекта за те действия, которые он мог бы предпринять для выяснения оснований для тех убеждений, которые он культивирует. Если убеждения изначально усвоены некритически или сформировались ненадежным способом, то это дискредитирует их эпистемическое достоинство. Именно допущение того, что убеждения подвержены ошибкам, вероятность которых возрастает, когда процесс их формирования является непрозрачным или ненадежным, побуждает более критически относиться к основаниям убеждений *в настоящем*, но из этого также следует имплицитное признание значимости требований транспарентности и надежности процессов их формирования: транспарентность предпосылается контролю, который призван сделать процесс более надежным – повысить вероятность того, что вырабатываемые с помощью этого процесса убеждения будут истинными. Признание того, что нормативное качество процессов формирования убеждений (т.е. показатели «добротности их каузальной истории», по выражению Стюэпа [15, с. 473]) имеет значение для оценки эпистемического достоинства этих убеждений, соответствует в целом регулятивно-оценочным интенциям нормативной эпистемологии. Как верно заметил Р. Локки, «в нормативной эпистемологии мы занимаемся оценкой не только убеждений. Мы также, и это более важно, оцениваем мыслительные процессы, аргументы и цепочки рассуждений, говоря, что они рациональны или иррациональны. При этом мы также нормативно оцениваем эпистемический статус познающего, который обладает такими убеждениями, разрабатывает такие цепочки рассуждений и приводит такие аргументы. Действительно, вполне возможно, что убеждения как таковые деонтически оцениваемы только производно (хотя и непроизводно алетически) – оцениваемы, скажем, с точки зрения дисциплинированности когнитивного поведения, посредством которого агент их сформировал» [8, с. 48–49].

(ЭД) В ряде аргументов против доксистического волюнтаризма допускается, что в принципе мы *имеем контроль над действиями*, которые вносят вклад в формирование доксистической системы, но при этом у нас *отсутствует прямой контроль* над убеждениями, ибо значительные классы убеждений формируются независимо от намерений субъекта и усваиваются в силу *неотразимого действия эвиденциальных индукторов состояния убежденности* (в силу рациональной достоверности того, что дискурсивно обосновано, убедительности полученных свидетельств или неотвратимой эмпирической очевидности фактов, регистрируемых когнитивной системой). Убеждения в силу собственной телеологии – нацеленности на истину, по Б. Уильямсу [16, с. 136], и по условиям их обращения в знание должны определяться независимыми от субъективных предпочтений и намерений субъекта *эвиденциальными факторами*. Понятно, что не каждое убеждение определяется и поддерживается на основе рациональных соображений или правильных и осмысленных реакций на эвиденциальные факторы (убеждения могут возникать, например, в силу суггестивного воздействия или когнитивного расстройства). Но если, как выразился Фельдман, «мы зависимы от доступных нам свидетельств (или, возможно, от комбинации свидетельств с какими-либо неэвиденциальными факторами, которые вызывают в нас убеждения)» [5, с.

83], то это означает, что мы не можем думать по-иному, т.е. усваивать убеждения, альтернативные тем, которые замыкаются на эвиденциальные индукторы и каузальные триггеры состояния убежденности. Полагая же условия вменения докрасстической ответственности аналогичными условиям ответственности за решения и действия, критик докрасстического волюнтаризма указывает на то, что возможность думать по-иному столь же конститутивна для утверждения докрасстической ответственности, как возможность поступать по-иному – для ответственности моральной.

Теоретически основательная стратегия нейтрализации аргумента, основанного на выделении и обобщении антиволюнтаристических импликаций принципа эвиденциальной детерминации убеждений, определилась в парадигме докрасстического компатибилизма. С компатибилистских позиций можно обосновать положение, что субъект ответственен за свои убеждения даже тогда, когда не может думать по-иному, т.е. имеет убеждения, альтернативные тем, к которым располагают достаточно убедительные свидетельства или которые возникают в силу достижения эмпирической очевидности. Для различных вариантов компатибилистского решения проблемы докрасстической ответственности общим является критический пересмотр принципа альтернативных возможностей и демонстрация положения о совместности эвиденциальной детерминации убеждений, редуцирующей спектр рационально приемлемых альтернатив, с такой их контролируемостью, которая в принципе достаточна для признания субъекта ответственным за те убеждения, которые он усваивает и культивирует. Усвоение убеждений является не намеренным, но сознательным в той мере, в какой субъект реализует возможности контроля управления (руководящего контроля), заложенные в функциональной архитектонике когнитивных процессов, посредством которых формируются убеждения. Компатибилистская концепция руководящего контроля объясняет, в каком смысле убеждения являются сознательно контролируемыми, даже если содержание их определяется факторами, выступающими в роли причин, действующих независимо от намерений субъекта. В качестве необходимых условий такого контроля парадигматически выделяются такие конституенты сознательной усваиваемости убеждений как признание собственности механизма (процесса) формирования убеждений и регулярно проявляемая чувствительность этого механизма к разумным (эпистемическим) причинам. Историческое принятие субъектом ответственности за продукты работы механизмов, актуализирующих его собственные способности, подразумевает регулярный мониторинг процессов формирования убеждений и правильное использование ресурсов метасознания. Условие чувствительности механизма к причинам предполагает, что в каузальной архитектонике докрасстически продуктивных процессов поддерживается регулярная восприимчивость и адекватная реактивность в отношении того, что составляет разумное основание для убеждений. В рамках концепции руководящего контроля определяется модель нормативной экспликации условий докрасстической ответственности: если имеется убеждение, что p , то субъект S ответственен за это убеждение, если и только если: [I] это убеждение сформировано механизмом, в котором актуализируются его собственные когнитивные способности и за работу которого S исторически принял ответственность; [II] убеждение, что p , сложилась в силу того, что для этого убеждения имеется разумная эпистемическая причина, которую S распознал как достаточное основание для того, чтобы верить в то, что p , и обратил в фактор приверженности этому

убеждению; и при этом, [III] если бы в альтернативном сценарии имелась бы достаточная причина не верить в то, что p , (1) S признал бы достаточную причину не верить в то, что p , демонстрируя при этом понятную модель распознавания причин (= условие регулярной восприимчивости к эпистемическим причинам), и (2) S не поверил бы, что p по этой причине (= условие реактивности на эпистемические причины) [1, с. 11–16]. Работая в этой парадигме, МакКормик, например, доказывает совместимость положения о том, что докрасстические установки формируются добровольно, с утверждением, что наши убеждения вполне естественным образом определяются нашей оценкой имеющихся свидетельств. Методологически проблематичным, но теоретически возможным является и обоснование ответственности субъекта за убеждения, возникающие помимо воли субъекта – на основе достаточно автономной когнитивной переработки разного рода эмпирических данных: для процессов, продуцирующих убеждения на основе вклада внедокрасстических факторов, к типу которых относится, например, восприятие, требуется особая спецификация условия чувствительности к эвиденциально значимым факторам, поскольку рудиментарное содержание опыта, как и каузальные механизмы его формирования, сами по себе – безотносительно к реализации оценочных функций – не составляют разумную причину убеждений [1, с. 22–27].

Наконец, следует признать верной ту интуицию, которая лежит в основе аргумента Б. Уильямса, разработанного для демонстрации концептуальной противоречивости радикального докрасстического волюнтаризма: если всякое убеждение по природе своей «нацелено на истину» и является формой признания истины, то допущение возможности культивирования убеждений безотносительно к эвиденциальным факторам – индикаторам истинности, которые по общезначимым критериям признаются надежными, или без учета вклада того, что делает наши пропозиционально содержательные полагания истинными, не просто обнаруживает грани субъективного релятивизма, догматизма или иррационализма, но является по сути своей концептуально противоречивым. Но сами эти аргументы являются уязвимыми для критики.

Аргумент Б. Уильямса в доказательство концептуальной противоречивости признания возможности или факта преднамеренного формирования убеждений, развивается по двум линиям анализа – «перспективистской» (до предполагаемого события усвоения убеждения) и «ретроспективистской» (после события усвоения убеждения).

В «перспективистской» версии этого аргумента предполагается, что субъект имеет намерение усвоить «убеждение» с определенным содержанием, не принимая в расчет индикаторы истинности этого содержания, и доказывается, что, что в этом случае концептуально невозможно было бы думать о том, к усвоению чего стремится субъект, как об убеждении, т.е. о пропозициональной установке, которая по природе своей нацелена на истину: «Если в полном сознании я могу по своей воле приобрести «убеждение» независимо от (соображений относительно) его истинности, то совершенно непостижимо, как до этого события я мог бы серьезно думать о нем как об убеждении, то есть как о чем-то, претендующем на то, чтобы служить репрезентацией реальности» [16, с. 148].

Антиволюнтаристический аргумент Б. Уильямса в этой «перспективистской» версии строится на ряде неоправданно сильных или даже сомнительных гносеологических допущениях, что дает основания для сомнения в демонстративной значимости этого аргумента.

Во-первых, сама идея гипотетически приписываемого субъекту намерения формировать убеждение безотносительно к вопросам предметной истинности отражает отрицательное понимание свободы, априорно исключающее условия нормативной детерминации, – концепция такого намерения основана на предположении субъективизма и волюнтаризма, что изначально делает ее эпистемологически иррелевантной в тривиальном смысле.

Во-вторых, аргумент Уильямса строится на такой схеме рассуждений, следуя которой необходимо признать, что понимание того, что всякое убеждение по природе своей нацелено на истину, должно блокировать познавательную инициативу субъекта всякий раз, когда достигается сознание несовершенства когнитивных механизмов и понимание того, что достаточно, хотя и не конклюдентно обоснованные убеждения могут оказаться ложными. Сознание истинностной телеологии убеждения оказывается в этом смысле репрессивным, когда нацеленность на истину утверждается как принцип, несовместимый с допущением гипотетичности и подверженности наших полаганий ошибкам.

Антиволюнтаристический аргумент Б. Уильямса в его *ретроспективистской версии* выдвинут для демонстрации концептуальной невозможности формировать и поддерживать убеждения по желанию: если исходить из метаубеждения относительно истинностной телеологии убеждений, то против правил концептуальной и логической совместимости было бы квалифицировать какую-либо установку в качестве убеждения и признавать при этом, что данное «убеждение» сформировалось произвольным способом, иррелевантным целям установления истины. Аргумент формулируется следующим образом: «Что касается убеждения, то я не мог бы знать – или, если все это делать в полном сознании, даже подзревать, – что я приобрел его по своей воле. Но если я могу приобретать убеждения в силу одного лишь желания, я должен знать, что я способен на это; однако, мог ли бы я знать, что я способен на это свершение, если бы в отношении каждого свершения такого рода, который я бы осуществил, мне необходимо было бы верить, что оно не имело места?» [16, с. 148].

Но и в этом случае аргумент строится на проблематичных теоретических допущениях и имеет ряд серьезных изъянов, связанных с методологией анализа, которые заставляют усомниться в том, что данное доказательство концептуальной противоречивости позиций доксистического волюнтаризма является безупречным.

Во-первых, аргумент от ретроспективной несовместимости выстраивается в парадигме редуктивного понимания эпистемической рациональности, которое в большей степени адекватно для реконструкции нормативных условий рационального *принятия*, чем для определения того, что является концептуально возможным в плане поддержания когерентной системы *убеждений*. За основу принимается представление, что *принцип рациональности* может быть эксплицирован исключительно в терминах *модальной правильности* или *логической совместимости* содержания пропозициональных установок, но применительно к сфере убеждений такое представление задает стандарты когнитивной дисциплины, выражающие требование совершенной доксистической непогрешимости: сознание простого факта произвольности формирования каких-либо убеждений делает невозможным поддержание этих убеждений. В аргументе Уильямса не учитывается роль интенционально-контекстуальных факторов и предпосылочно-знаниевых структур в детерминации системы убеждений. Именно исходя из роли интенциональных факторов можно пока-

зать, что субъект парадоксальным образом может придерживаться обоих убеждений, несмотря на то, что конъюнкция их содержаний по логико-семантическим критериям является ложной. Выявление концептуальных расхождений и логических противоречий действительно имеет регулятивную значимость для формирования и поддержания систем убеждений, но рациональность такого рода деятельности определяется через отношение к комплексу правил *обоснования*, *эвристики*, *критики*, применение которых позволяет поддерживать рациональный эпистемический статус убеждений, не ограничивая возможности пролиферации их содержания.

Во-вторых, развивая эпистемологическую интерпретацию принципа ретроспективной несовместимости формирования убеждений, предрасполагая к сомнению в том, что интенция на истину адекватно исполнена, должно отрицательно сказываться на приверженности этим убеждениям. Но исходя из посылок рассматриваемого аргумента этому допущению нельзя дать однозначное эпистемически-номологическое обоснование. С *одной* стороны, одного лишь сознания факта, что какие-то убеждения сформировались субъективно произвольным образом в недостаточно, чтобы побудить к *пересмотру или воздержанию от этих убеждений*, – дело не только в том, что акратическая диспозиция, как показывает Монмарке [10, с. 50], может вступать в конкуренцию с деонтической установкой (аретический аспект), а еще и в том, что предрасположенность к ревизии убеждений может возникнуть лишь тогда, когда субъективно-произвольное квалифицируется как когнитивно-безответственное, и так – в границах сознания нормы – обнаруживается рациональное основание для критического отношения к такого рода убеждениям (эпистемологический аспект).

С *другой* стороны, как заметил М. Крисман, «нормативный статус убеждения, которое человек должен иметь, может по-прежнему отделяться от того, насколько хорошо оно было сформировано с помощью этих действий» [3, с. 42], поэтому «первоначальная этиология убеждения не всегда имеет значение для того, считается ли оно знанием» [3, с. 46]. Однако, из этого не следует, что если убеждения усвоены некритически или сформировались ненадежным способом, то это ни в какой мере не дискредитирует их эпистемическое достоинство. Рациональную приверженность убеждениям *a la* Крисман можно эксплицировать как выражение ответственного подхода к поддержанию *систем убеждений*, когда *есть так или иначе сложившиеся* диспозиции к определенным полаганиям, эти диспозиции, независимо от того, как они сформировались, реализуются в форме относительно устойчивых убеждений, при условии, что на уровне рефлексивно-оценочной экспертизы субъект проявляет адекватную чувствительность к эвиденциальным факторам, которые он распознает и может рационализировать как достаточные основания для этих полаганий. В этом смысле убеждения, изначально сформировавшиеся непрозрачным для субъекта или спонтанным образом, все же могут быть объектами эпистемико-деонтических оценок. В противоположность позиции, выраженной Крисманом, компатибилисты утверждают, что условия для проявления чувствительности к эвиденциальным факторам должны быть заложены в архитектонике самих процессов, посредством которых складываются доксистические диспозиции, – поэтому имеет смысл говорить о «добротной каузальной истории» убеждений как факторе, релевантном их обоснованию, полагая субъекта ответственным за эти убеждения в той мере, в какой ему доступен руководящий контроль, предполагающий

рецептивность и реактивность в отношении к тому, что составляет разумную причину для убеждений.

Гносеологические выводы

Критика докстастического волюнтаризма, основанная на выделении фактов автономного формирования убеждений, оперирует абстрактным понятием каузальной генеалогии докстастических установок, которое подчас лишено эпистемологических импликаций, связывающих понятие убеждения с понятием докстастической основы знания. Но убеждения нельзя было бы выделить в статусе претендентов на роль докстастических протоэлементов знания, (i) если бы процесс их формирования (рассматриваемый из перспективы образования основы знания) ограничивался *наличным результатом когнитивно-спонтанных процессов*, который, выражая наивное доверие опыту, заведомо исключал бы даже диспозициональную контролируемость этих процессов, и (ii) если бы убеждения, возникающие помимо воли субъекта, не становились бы объектами *последующей метасознательной экспертизы*, предполагающей отбор соответствующих пропозиций на основе оценки того, в чем убеждает опыт, включая оценку самого опыта (в терминах достоверности содержания и/или глобальной или локальной надежности когнитивного процесса).

В посылках ряда антиволюнтаристических аргументов *формирование убеждений искусственно отделяется от познавательного процесса*, при этом не учитывается различие пассивной – рецептивно-репродуктивной стороны докстастических формирующих процессов и *агентивно-активных аспектов развития уверенности* до сознательной убежденности. Поэтому в ряде аргументов игнорируется роль *синкатетических условий*, главное из которых – «согласие» с тем, в чем непосредственно убеждает опыт, имплицитное в синхроническом разрезе последнего и явное на стадии рефлексии. Синкатетические условия, такие, например, как *принятие* того, в чем убеждает опыт, которое может быть опосредованным метасознательной рефлексией (К. Лерер [7]) и подчиняется правилам дискурса (Л. Дж. Козн), а может быть непосредственным, но допускаемым в рамках неявного – диспозиционального контроля, представляет *активный* аспект формирования убеждения, в то время как уверенность («ощущение истинности», по Л. Дж. Козну [4, с. 22]), стихийно возникающая на основе впечатлений – *пассивный*. Критики ДВ выделяют, как правило, этот пассивный аспект, вынося за скобки активную составляющую, полагая, что непосредственно в момент возникновения убеждения сознательная активность уступает место когнитивно-функциональным (в пределе – реактивным) отношениям.

Таким образом, гносеологическим фундаментом для ряда аргументов против ДВ служит *когнитивно-функциональная модель* процесса формирования и усвоения убеждений, исключаяющая из этого процесса не только реализацию рефлексивно-оценочного отношения, но и синхронический диспозиционально-сознательный контроль. Но такая модель является сама по себе теоретически абстрактной, методологически ограниченной, а связанные с ней притязания на полноту описания процессов формирования системы убеждений не оправданы. Так, например, когнитивно-функциональный подход не позволяет обосновать представление о сознательной вовлеченности субъекта в формирование перцептуальных убеждений через управление вниманием на основе активизации интенциональных предустановок, реагирования на поступление новой информации и использования фонового знания.

В посылках аргументов, универсализирующих принцип автономной работы когнитивных систем, ответ-

ственных за продуцирование значительных классов убеждений, *обозначилась тенденция к последовательному замещению категории познавательной деятельности абстрактным понятием когнитивного функционирования*, что особенно заметно, когда убеждения рассматриваются как продукты процессов, для описания которых используется модель механизма автоматической обработки информации, полученной на основе вклада как внедокстастических, так и докстастических факторов. Таким образом, горизонт понимания собственной феноменологии и каузальной генеалогии неоправданно суживается. Между тем, для понимания механизма формирования убеждений необходимо рассматривать феномен возникновения докстастической диспозиции *в системной взаимосвязи различных планов ментальной активности*. С учетом *функционального полиморфизма ментальной активности*, посредством которой формируются пропозициональные установки, некоторые теоретики докстастической феноменологии предлагают понимать убеждение не просто как готовый продукт работы когнитивных механизмов, а как *предрасположенность к определенному полаганию*, реализуемую через комплекс привходящих условий, включающих соотношенность не только с теми положениями, которые регистрируются когнитивной системой, но и с интенциями и другими убеждениями субъекта, задающими горизонт предметно значимых и приоритетно выделяемых аспектов ситуации, для распознавания которых используются ресурсы предпосылочного знания.

Критики ДВ рассматривают процессы формирования убеждений в такой синхронически-абстрактной перспективе, в которой выделяется именно *спонтанный характер этих процессов*, но такой подход является *эпистемологически ограниченным* хотя бы потому, что он заведомо предполагает абстрагирование от роли метасознательной экспертизы убеждений в формировании докстастического фундамента *знания* и нарушает, таким образом, целостность процесса отбора и конвертации самих убеждений в знания.

Критерии, используемые для квалификации отношения субъекта к убеждениям на финальной стадии процесса их формирования, применяются к докстастически продуктивному процессу в целом. В результате воссоздается представление о системе отношений, в которой субъекту отводится пассивно-реактивная роль: возникновение убеждения истолковывается как проявление предрасположенности выказывать чувствительность к импульсам рациональной достоверности, генератором, транслятором и амплификатором которых служит исследование и умозаключение, представляющие собственное содержание вполне сознательно осуществляемой деятельности. Утверждая статус агента на уровне деятельности, критики дискредитируют этот статус в отношении ее продуктов, а такая позиция по меньшей мере неогергентна.

Но критики докстастического волюнтаризма часто упускают или игнорируют то обстоятельство, что когнитивные процессы или механизмы, посредством которых происходит формирование убеждений, встроены в систему *диахронически распределенной деятельности*, а в этой деятельности задействованы также *высшие исполнительные функции сознания*, благодаря которым открывается поле возможностей корректирования работы докстастически продуктивных процессов и реформирования самой системы убеждений.

Общий негативный вывод состоит в том, что недостатки аргументов против докстастического волюнтаризма указывают на ограниченность самой парадигмы эпистемологического анализа, в рамках которой эти аргу-

менты выстраиваются. Ряд аргументов основываются на воссоздании схемы противопоставления *субъективно-волюнтаристического* и *когнитивно-детерминистического* векторов концепции формирования убеждений, а в рамках этой оппозиции не находится места для комбинации свободы, рациональности и ответственности, в которой заключены условия применимости принципов эпистемико-деонтологического подхода. Выстраивание этих альтернативных векторов критической аргументации в рамках изучения вопроса о том, в какой мере процесс формирования убеждений является сознательно контролируемым и регулируемым, является особенным моментом расхождения общих представлений эпистемологического плана, в оппозиции которых обнаруживается то, что Р. Локки определил как «ложную дилемму понимания познания»: одна из альтернатив этой дилеммы заключается в представлении о познании как пассивном, автоматическом процессе получения «ничем «незагрязненной» входной информации, достоверной, ничем неприукрашенной копии мира»; другая альтернатива допускает «частично загрязняющее, затронутое желаниями вторжение в эту копию мира или проекцию на нее некогнитивных факторов» [8, с. 55]. Картина познания, возникающая на основе диспозиций, задаваемых рогами этой дилеммы, игнорирует роль исследователей как активных искателей истины. В концептуальном пространстве этой эпистемологической дилеммы и формируются аргументы, используемые для демонстрации несостоятельности позиций доксистического волюнтаризма: именно «рогам» этой дилеммы соответствует *субъективно-волюнтаристической* и *когнитивно-детерминистической* векторы концепции формирования убеждений. Но замыкание эпистемологического дискурса на дивергенцию этих альтернатив редуцирует концептуальные возможности тематизации сознательной деятельности субъекта познания, предполагающей реализацию высших когнитивных функций сознания, включая планирование, мониторинг и контроль над познавательными операциями и критическую экспертизу их результатов с точки зрения принятых норм рациональности и эпистемически релевантных критериев.

В свете критики этой ложной дилеммы понимания познания, отражаемой структурой ряда аргументов против доксистического волюнтаризма, ряд современных эпистемологов рассматривают проблему реабилитации доксистически-волюнтаристической гипотезы как изначально иррелевантную контексту обоснования позиций эпистемического деонтологизма и предлагают реанимировать парадигму эпистемологии, в которой интегрируются представления об активно-деятельностном характере познания, т.е. утверждается роль *активных* сил познавателя – способностей не просто быть рецептивным, но высокоуровневых способностей к планированию, креативному развитию, рефлексивному мониторингу и систематическому контролю познавательной деятельности на различных ее этапах. Именно в рамках этой эпистемологической парадигмы можно осмысленно ставить вопрос о рациональности, нормах, эпистемическом долге и ответственности субъекта и применять деонтические критерии, связывающие качество пропозициональных установок с добросовестным отношением субъекта к комплексу обязательств и сознательной дисциплиной познавательной деятельности. Для утверждения деонтологической концепции обоснования релевантным является не узко понятый доксистический *волюнтаризм*, выдвигающий на первый план вопрос о свободе субъекта выбирать и усваивать убеждения с предопределенным содержанием, а *деятельностный респонсibiliзм*, для которого приоритетным является вопрос о способности субъекта задействовать высшие когнитивные функции

(функции метасознания, по Лереру [Lehrer 640–642], или «исполнительные функции», по Локки [Lockie 62–66]), позволяющие планировать, инициировать и регулировать познавательные действия, сознательно воссоздавая, таким образом, условия для формирования убеждений, отвечающих стандартам эпистемического качества, ведь именно в этом состоит долг субъекта познания, поскольку такие убеждения при выполнении других условий, прежде всего, условия истинности, могут трансформироваться в знания.

Литература

1. Галухин А.В. Апории компатибилистского решения проблемы доксистической ответственности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 7А. С. 5–32.
2. Alston William P. The Deontological Conception of Epistemic Justification. // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2, Epistemology. Pp. 257–299.
3. Chrisman M. Belief, Agency, and Knowledge. *Essays on Epistemic Normativity*. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 233p.
4. Cohen L.J. *An Essay on Belief and Acceptance*. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 163 p.
5. Feldman R. Voluntary Belief and Epistemic Evaluation // In: Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. – Oxford: Oxford University Press. 2001. – Pp. 77–92.
6. Heil J. Doxastic Agency // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1983. Vol. 43, No. 3 (May, 1983). Pp. 355–364.
7. Lehrer K. Discursive Knowledge // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000. Vol. 60. No. 3. P. 637–653.
8. Lockie R. Free Will and Epistemology. A Defence of the Transcendental Argument for Freedom. – New York: Bloomsbury Academic, 2018. – 303 p.
9. McCormick M. Sch. Believing Against the Evidence. Agency and The Ethics of Beliefs. – New York and London: Routledge, 2015. – 159 p.
10. Montmarquet J.A. The Voluntariness of Belief // *Analysis*. 1986. Vol. 46. Pp. 49–53.
11. Naylor M.B. Voluntary Belief. // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1985. Vol. 45. No. 3 (Mar., 1985). Pp. 427–436.
12. Nottelmann N. Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontology. – Dordrecht: Springer, 2007. – 268 p.
13. Peirce C.S. How To Make Our Ideas Clear. // *Popular Science Monthly*. 1878. № 12. Pp. 286–302.
14. Steup M.A. Defense of Internalism // In: Bernecker Sven (ed.) *Reading Epistemology. Selected Texts with Interactive Commentary*. – Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing, 2006. – Pp. 60–75.
15. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control. // In: Tolkstdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. – Berlin and Boston: De Gruyter, 2012. – Pp. 461–485.
16. Williams B. Deciding to Believe // In: Williams, B. *Problems of the Self. Philosophical Papers 1956–1972*. – Cambridge UK: Cambridge University Press, 1973. – Pp. 136–151.

A CRITICAL ACCOUNT OF THE ARGUMENTS AGAINST THE POSSIBILITY OF DEONTOLOGICALLY ADEQUATE CONTROL OVER BELIEFS

Galukhin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The paper explores the main lines of criticism of doxastic voluntarism – the view, that an agent is able to exercise an efficient control over his or her own beliefs and thus can be held accountable for those beliefs which he or she acquires and sustains. Doxastic voluntarism underlies deontological conception of epistemic justification which claims that an epistemic status of beliefs can be evaluated in terms of the agents' fulfillment of epistemically relevant intellectual obligations. The critics try to put the proponent of epistemic deontology in a dilemma: either to prove the truth of radical voluntarist claim that an agent is able to determine the content of his or her own beliefs at will, or to prove the falsity of the anti-voluntarist implication of the evidential determination of beliefs which precludes an agent from having any belief alternative to the one which he or she is predisposed to have by the available evidence. I argue that the dilemma so articulated is no problem for the deontological ethics of belief, for such a radical voluntarist assumption is irrelevant to epistemic deontology. Within the opposing subjective-voluntaristic and cognitive-deterministic trends there is no room for the appropriate combination of freedom, rationality, and responsibility, which is required for demonstrating that the idea of deontic evaluation of beliefs can be operationalized within normative epistemology. I reveal the value of some alternative approaches to the explication of the very concept of doxastic control, such as the reasons-responsiveness approach which is central to a compatibilist framework. A set of alternative solutions to the issue of doxastic responsibility can be developed on the basis of exposing the possibilities of dispositional control and showing the efficiency of non-basic epistemic quality control.

Keywords: ethics of belief, epistemic deontology, doxastic voluntarism, belief, knowledge, intellectual commitment, responsibility, cognitive process, justification.

References

1. Galukhin A.V. Aporia of a compatibilist solution to the problem of doxastic responsibility // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2023. T. 12. No. 7A. pp. 5–32.
2. Alston William P. The Deontological Conception of Epistemic Justification. // *Philosophical Perspectives*. 1988. Vol. 2, Epistemology. pp. 257–299.

3. Chrisman M. *Belief, Agency, and Knowledge. Essays on Epistemic Normativity*. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 233p.
4. Cohen L.J. *An Essay on Belief and Acceptance*. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 163 p.
5. Feldman R. Voluntary Belief and Epistemic Evaluation // In: Steup M. (ed.) *Knowledge, truth, and duty: essays on epistemic justification, responsibility, and virtue*. – Oxford: Oxford University Press. 2001. – Pp. 77–92.
6. Heil J. Doxastic Agency // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1983. Vol. 43, No. 3 (May, 1983). pp. 355–364.
7. Lehrer K. Discursive Knowledge // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2000. Vol. 60.No. 3. P. 637–653.
8. Lockie R. *Free Will and Epistemology. A Defense of the Transcendental Argument for Freedom*. – New York: Bloomsbury Academic, 2018. – 303 p.
9. McCormick M. Sch. *Believing Against the Evidence. Agency and the Ethics of Beliefs*. – New York and London: Routledge, 2015. – 159 p.
10. Montmarquet J.A. The Voluntariness of Belief // *Analysis*. 1986. Vol. 46. pp. 49–53.
11. Naylor M.B. Voluntary Belief. // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1985. Vol. 45.No. 3 (Mar., 1985). pp. 427–436.
12. Nottelmann N. *Blameworthy Belief. A Study in Epistemic Deontologism*. – Dordrecht: Springer, 2007. – 268 p.
13. Peirce C.S. *How To Make Our Ideas Clear*. // *Popular Science Monthly*. 1878. No. 12. Pp. 286–302.
14. Steup M. A Defense of Internalism // In: Bernecker Sven (ed.) *Reading Epistemology. Selected Texts with Interactive Commentary*. – Malden, Oxford, Carlton: Blackwell Publishing, 2006. – Pp. 60–75.
15. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control. // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. – Berlin and Boston: De Gruyter, 2012. – Pp. 461–485.
16. Williams B. *Deciding to Believe* // In: Williams, B. *Problems of the Self. Philosophical Papers 1956–1972*. – Cambridge UK: Cambridge University Press, 1973. – Pp. 136–151.

Ковш Максим Игоревич,

аспирант Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина
E-mail: mikovsh@yandex.ru

Чернышева Елена Николаевна,

к.ф.н., доцент, зав. кафедрой социально-гуманитарных
дисциплин Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина
E-mail: chernel0602@gmail.com

Статья посвящена проблеме авторитетности и сопротивления авторитетности. В центре внимания находятся вопросы, связанные с противоречивой ролью авторитетности в научной коммуникации, а именно: доминирование определённого вида авторитета в научном дискурсе, соотношение в нём авторитета и необходимости равенства участников в научном диалоге, механизмы ограничения и контроля авторитета для сохранения сущностной природы научного критического мышления. Описывается коммуникативная сторона сопротивления авторитетности. Факторы возникновения сопротивления рассматриваются в срезе планов выражения и содержания коммуникативного сообщения.

Ключевые слова: авторитет, авторитетность, сопротивление авторитетности, критическое мышление, научный дискурс, наука.

Исследование феномена авторитета требует междисциплинарного подхода. На сегодняшний день в российской науке и философии крайне мало примеров комплексного анализа проблем авторитетности, её структурных и типологических особенностей. Существующие работы в основном посвящены исследованию авторитета в политической сфере общественной жизни, его взаимосвязи с категорией власти, а также описанию авторитета учителя в педагогической парадигме. Целью данной статьи является философско-лингвистический анализ проблемы авторитетности и сопротивления авторитетности, актуальной для научного дискурса.

Коллективный характер организации научной деятельности подразумевает необходимость присутствия в системе регулятора социальных взаимодействий, в роли которого выступает авторитетность. Без авторитетов сложно представить корректное функционирование системы на всех этапах научной деятельности – в процессах обучения, воспроизводства учёных как профессионалов, функционирования научной парадигмы, формирования научной школы, выбора приоритетных направлений исследований учёными и пр. Именно авторитетность лежит в основе интеллектуальной веры или доверия учёного своим учителям, предшественникам, коллегам, результаты исследований которых он закладывает в основу своей теории аксиоматически – сущность авторитета «определяется тем значением, которое имеет тот или иной человек для других людей как член социальной общности и как участник социально значимой деятельности» [7, с. 22], а механизм *внушение – подражание* актуализируется на всех этапах научной деятельности. Как итог, «мнение авторитетного человека включается в нашу ценностную структуру, становясь нашим личным мнением» [7, с. 22]. Таким образом, если утверждение о необходимости авторитета в научном дискурсе мы принимаем за истинное, неизбежным следствием этой позиции станет ряд непростых проблем. Обозначим некоторые из них.

Во-первых, какой вид авторитета доминирует в науке? Моральный авторитет или функциональный, связанный с профессиональной компетентностью человека? Является ли авторитет в науке формальным и/или естественным? Как предотвратить формирование ложного и/или авторитарного авторитета? Каким образом определяется степень доверия авторитету в науке? Связана ли она с носителями авторитета? Является ли более значимым авторитет социальной группы или авторитет ценности по сравнению с индивидуальным авторитетом? Насколько значимы в науке авторитеты прошлого?

Во-вторых, как соотносятся в научном дискурсе авторитет и необходимость равенства в научном диалоге, если очевидно, что «в любой социальной организации не обойтись без подчинения» [2, с. 16]? И как противостоять проявлениям конформизма? В научной деятельности сложно переоценить значение персонального авторитета. Он «основывается на персональных характеристиках субъекта, оцененных объектом. Персональный авторитет представляет собой не институционализированное отношение между субъектом и объектом; это скорее отношение между людьми как таковыми, чем между людьми как носителями каких-то социальных ролей. Он связан, с одной стороны, с определенными чертами

и способностями субъекта, с другой стороны, он зависит от их восприятия и оценки объектом... По-видимому, наиболее распространенной персональной характеристикой, способствующей формированию персонального авторитета, является компетентность» [3, с. 183]. Персональный авторитет невозможно отделить от морального, их сочетание в любом виде человеческого взаимодействия, в том числе и в науке, обеспечивает одну из главных характеристик управления социальной группой на основе авторитета – добровольность – «до тех пор, пока приказы и команды выполняются «автоматически», до тех пор, пока законам повинуются, короче говоря, до тех пор, пока язык авторитета «работает» и наделенные им лица не вынуждены «обращаться» к языку влияния и власти, мы можем считать, что авторитет функционирует» [3, с. 184].

В-третьих, если «авторитет – это источник власти, предпосылка для достижения власти, средство и результат власти» [3, с. 196], то его необходимо жестко ограничивать, контролировать, чтобы сохранить сущностную природу научного критического мышления. Какие существуют и какие должны быть выработаны механизмы сопротивления авторитету в современной науке? «Мышление, злоупотребляющее аргументом к авторитету, является авторитарным... Мышления беспредпосылочного, опирающегося только на себя, не существует. Но предпосылочность мышления и его авторитарность не тождественны. Авторитарность – это особый, крайний, так сказать, вырожденный случай предпосылочности, когда функцию самого исследования и размышления пытаются почти полностью переложить на авторитет» [5, с. 69]. Как избежать этой авторитарности? Как в научной коммуникации установить границы для авторитета знания, эпистемического авторитета, где «признание кого-то авторитетом всегда связано с допущением, что его суждения не носят неразумно-произвольного характера, а доступны пониманию и критическому анализу» [5, с. 69]?

С точки зрения лингвистики, авторитетность – одна из основных коммуникативных категорий, отражающая существующие между коммуникантами неравноправные отношения. Она представляет собой многополярное рассредоточенное экстралингвистическое явление, которое усматривается в конкретной локализации – присутствии субъекта авторитета, коммуникативном сообщении и пр., но находится над ней или вовсе не имеет реального воплощения-субъекта, является мифом. Авторитетность представляет собой «и саму абстрактную идею власти, и личностный её источник, а также процесс и результат дискурсивного поведения носителя авторитета» [4, с. 13–14]; это «способ влияния на адресата посредством выбора и реализации определённых дискурсивных стратегий и одновременно цель, а иногда и результат воздействия адресата» [1, с. 131]. И хотя авторитетность проявляется у коммуниканта только при условии признания адресатом, конститутивно она стремится к однонаправленному воздействию на него, из-за чего реакцией адресата может стать не согласие, а, наоборот, сопротивление – для этого достаточно возникновения сомнения на любом из элементов коммуникативной цепи.

В связи с этим можно вспомнить концепцию власти французского философа М. Фуко [8], согласно которой, помимо прочего, власть неизбежно сопровождается сопротивлением, которое так же множественно и хаотично инкорпорируется во все элементы общества, давая объектам власти возможность если не развернуть отношения в обратную сторону (занять позицию субъекта власти), то освободиться от их влияния и подготовить почву для социальной трансформации. В научном дискурсе

видна чёткая параллель между властью и авторитетом, что позволяет наложить высказанную Фуко идею на авторитетность. В то время как носителем авторитета является его субъект, сопротивление авторитету – сторона его объекта, адресата, и зависит оно от большого количества субъективных факторов. Среди них можно выделить личные характеристики коммуниканта, его аксиологические установки, интеллектуальные параметры, знания и опыт. В научном дискурсе последние играют определяющую роль. Адресат склонен сопротивляться информации, которая отличается от его представлений о чём-либо, однако это не подразумевает отрицания всего, что не совпадает с его научной картиной мира. Помимо собственной точки зрения он обладает определёнными ожиданиями от точек зрения других коммуникантов, совокупность этих ожиданий обладает потенциалом сопротивления.

Сопротивление авторитетности при таком подходе целесообразно рассматривать как проявление критического мышления, которое мы, вслед за Г.В. Соринной, определяем как «способ мышления, направленный на выявление структурных особенностей рассуждения, проверку корреляции между обосновано выдвинутыми тезисами и соответствующими им аргументами, оценку выдвинутых тезисов, характеристику контекстов рассуждений с учётом особенностей автора и читателя, оппонента и пропонента» [6, с. 22]. Для него характерны принцип методологического сомнения, постоянный поиск ошибок как в собственных установках, так и в утверждениях других. В любом виде рациональной человеческой деятельности, а, следовательно, и в любом рационально построенном дискурсе, критическое мышление, с нашей точки зрения, является необходимым инструментом совершенствования коммуникативной практики, позволяющим предотвратить ситуации, при которых люди вольно или невольно превращаются в механизмы осуществления каких-либо безнравственных идей, становясь объектами манипуляции деструктивных социальных акторов.

Коммуникативное сообщение как «вместилище» маркеров авторитетности в контексте его наполнения можно разложить на план содержания и план выражения. Восприятие плана содержания зависит от того, насколько знания адресата соотносятся с представляемой информацией, насколько она укладывается в его картину мира. Например, человека, не имевшего дело с квантовой физикой, скорее всего удастся убедить в истинности откровенно ложного высказывания из этой сферы, в то время как человека с базовыми физическими познаниями убедить будет уже сложнее, а доктора физико-математических наук – практически невозможно. Чем лучше адресат разбирается в предлагаемой адресантом теме, тем больше сомнений у него может возникнуть при получении информации, не соответствующей его представлениям об истине, и тем большее сопротивление встретит авторитет. Бывают и ситуации, когда сомнение возникает у адресата не из-за неистинности предлагаемой информации, а из-за сопровождающей её трансляции аксиологических установок адресанта, которые не совпадают с установками адресата. Однако в научном дискурсе подобные ситуации встречаются не так часто.

План выражения сообщения представлен языковым кодом: выбранными единицами и грамматическими конструкциями. Научный дискурс обычно ассоциируется с функциональным научным стилем речи, обладающим рядом особенностей, в частности, строгим отбором языковых средств и стремлением к подчёркнутой нормированности. При всей кажущейся жёсткости границ до-

пустимого языкового репертуара научного дискурса, он бесконечно широк. Достаточно прочитать одну научную статью, написанную на английском носителем языка, и аналогичную, написанную на русском русскоязычным автором, чтобы понять, насколько один и тот же функциональный стиль по-разному проявляется в разных языках. Это видно и в границах одного языка – труды ведущих учёных одного научного направления читаются по-разному, потому что каждый из них использует свой индивидуальный набор средств выражения даже для передачи одной и той же идеи. Ещё нагляднее это проявляется в жанрах устных выступлений. Итак, если адресатом выступает человек с высоким уровнем владения языком, его могут насторожить несоответствие сообщения нормам языка или неудачно выбранные стилистические приёмы. Сомнение у адресата может возникнуть и из-за отступления адресантом от каких-либо принятых языковых требований, например, излишний отход от упомянутого выше функционального стиля. Аксиологическое сопротивление на уровне плана выражения возможно, если адресант использует какие-либо лексические и фразеологические единицы, которые кажутся адресату сомнительными или неприемлемыми.

Таким образом, сопротивление авторитетности неизбежно сопровождает авторитетность в любом рационально построенном дискурсе. В научном дискурсе они являются регулятором социальных взаимодействий, без которых невозможно представить корректное функционирование системы на всех этапах научной деятельности.

Литература

1. Болдырева А.А. Категория авторитетности в научном дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Болдырева Анна Александровна. – Воронеж, 2006. – 182 с.
2. Волкова М.Г. Механизм конформизма и подчинения авторитету // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 73–8. С. 14–17.
3. Каптерев С.Е. Власть авторитета и авторитет власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003. № 1. С. 176–202.
4. Кашкин В.Б. Авторитетность как коммуникативная категория // Авторитетность и коммуникация: кол-

лективная моногр. – Воронеж: ВГУ, Издательский дом Алейниковых, 2008. – С. 7–23.

5. Мадаева Л.Р. Аргумент к авторитету // *Lingua-Universum*. 2014. № 4. С. 68–69.
6. Сорина Г.В. Экспертный анализ текста: методология и практика. Учебное пособие. – М.: Изд. центр АНОО «ИЭТ», 2017. – 182 с.
7. Степкин Ю.П. «Феномен авторитета» как фактор общения и деятельности // *Восточно-Европейский научный журнал*. 2020. № 2–2 (54). С. 20–25.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М., Касталь, 1996. – 448 с.

AUTHORITATIVENESS AND RESISTANCE AS A MANIFESTATION OF CRITICAL THINKING

Kovsh M.I., Chernysheva E.N.

Pushkin State Russian Language Institute

The article deals with the problem of authoritativeness and resistance. It focuses on the controversial role of authority in scientific discourse – the dominance of a certain type of authority, the correlation between authority and equality principles in scientific dialogue, ways to limit and control authority to preserve the essential nature of scientific critical thinking. The communicative aspect of authoritativeness and resistance is described. The content and expression planes of a message reanalysed in terms of factors causing resistance.

Keywords: authority, authoritativeness, resistance, critical thinking, scientific discourse, science.

References

1. Boldyreva A.A. The category of authoritativeness in scientific discourse. – Voronezh, 2006. – 182 p.
2. Volkova M.G. Mechanism of conformity and authority// *Trends in the development of science and education*. 2021. № 73–8. P. 14–17.
3. Kapterev S.E. The power of authority and the authority of power// *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2003. № 1. P. 176–202.
4. Kashkin V.B. Authoritativeness as a communicative category // *Authoritativeness and communication*. – Voronezh: Voronezh State University, Izdatel'skij dom Alejnikovyh, 2008. – P. 7–23.
5. Madaeva L.R. An argument to authority// *Lingua-Universum*. 2014. № 4. P. 68–69.
6. Sorina G.V. Expert text analysis: methodology and practice. – Moscow: IET, 2017. – 182 p.
7. Stepkin Yu.P. The phenomenon of authority// *East European Scientific Journal*. 2020. № 2–2 (54). P. 20–25.
8. Foucault M. The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. – Moscow, Kasta', 1996. – 448 p.

Связь когнитивных механизмов сознания с квантовой физикой и информатикой

Паршикова Галина Васильевна,

к.ф.н., доцент кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины» ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет»

E-mail: parshikovagalina@yandex.ru

Статья посвящена философскому осмыслению природы сознания. Методологическими основами исследования взяты теории квантовой физики и информатики. Ориентация современных исследований и усовершенствование электронно-вычислительной техники направлены на создание квантового компьютера, развитие квантовой информатики, что допускает возможность говорить о роли квантовых процессов в молекулярных структурах нейронов мозга. В свою очередь современные исследования в области создания искусственного интеллекта порождают разнообразные гипотезы моделирования функций человеческого мозга.

Ключевые слова: сознание, квалитативная составляющая, интенциональность, кубит, фрейм, суб-фрейм, квантовая информатика.

Для рассмотрения природы сознания необходимо обращение к междисциплинарным отраслям знания. Эту проблему пытались решить эксперты в области философии, физики, психологии, когнитивистики, нейробиологии, информационных технологий.

Для постижения природы сознания необходимо рассмотрение самости, включая ее единообразие и изменчивость, что определяется потоком феноменального опыта, переживаний, истории, течения жизни. В настоящее время исследование данной проблемы претендует на более полное освещения целого круга вопросов: обращение к феноменальной компоненте, когнитивной составляющей взаимоотношения языка и сознания.

Познание истины, как безусловности, есть прототипичный модус интенциональности, то есть вещь как данность, продуцированная посредством интуиции. Субъект не имеет опыта, когда что-то есть, а его самого нет. Самость сопутствует абсолютно всему и иногда отождествляется с абсолютным. Познавая действительность, индивид модифицирует изначальный опыт самосознания.

Коммуникация, язык становятся средой становления субъекта. Эта среда обладает собственной временностью, в которую вложена темпоральность субъекта. Сознание неразрывно связано с языком, так как одно определяет формирование и наличествование другого. Связь сознания с языком проявляется в том, что возникновение и формирование сознания возможно в том случае, если человек включен в мир словесного языка. Изложить смысл передаваемой информации возможно только потому, что участник коммуникации имеет сформированный в сознании первообраз смысла этих слов, основанный на личностном опыте (т.е. имеет сформированный паттерн сознания), поэтому даже минимальных пояснений достаточно для того, чтобы человек смог уловить все смыслы, подтексты и значения.

Данные идеи, Р. Курцвейл положил в основу развиваемой теории интеграции двух типов разума (органического и электронного) в единую систему. Он показывает на основе математического аппарата соответствие устройства языка и мозга, а также описывает и формализует электронную модель мозга, которая функционирует в облачной среде, так же представляет в книге «Как создать разум: секрет человеческого мышления раскрыт» следующие рассуждения: «В мозгу нет картинок, видео или звуков. Все наши воспоминания хранятся как последовательности паттернов (тут я даже не знаю какое слово правильно бы передало смысл). Неиспользуемые воспоминания угасают со временем... Мы можем распознать объект даже по его части (зрение, слух, осязание) и даже если объект подвергся значительным изменениям. Наше восприятие обладает способностью выделять характеристики, неподверженные изменениям в реальном мире». Субъект, вплетенный в разнообразные, пестрые языковые взаимодействия проявляет коммуникационную активность, вращаясь в чередности смыслов, подтекстов, ценностей, фреймовых конструкций и тд. В структуре фрейма есть продуровни – субфреймы. Образ, появляющийся в сознании, не формируется с чистого листа, а извлекается из фреймовой структуры.

Фрейм, как категориальный принцип организации знания, состоит из множества элементов, называемых

слотами, точно выстроенных в иерархическую и динамическую структуру. В качестве значения слота так же может выступать набор слотов более низкого уровня. Фреймы, соответственно, делятся на типы: структуры, роли, сценарии, ситуации. Самосознание определяется как основа развития личности с точки зрения анализа субъективности. Необходимо обратиться к самосознанию и качественной составляющей, направленной на объективную реальность и на отношение к ней.

Самосознание человека формируется в процессе коммуникации, в процессе познания субъект приходит к осознанию самого себя. Выполнимость усложнения указывает на возможность перспективы затрагивания рекурсивных взаимодействий. Самосознание, нацеленное внутрь физической и психической составляющей, сосредоточено на повышении плодотворности и продуктивности субъекта как саморазвивающейся системы. Интенсификация субъекта как системы самоорганизующейся и самовоспроизводящейся вероятно только при обязательном онтогенезе самосознания. Процедура познания есть результат когнитивных процессов, которое производит субъект, психика которого упорядочивает внешнюю среду как экстраполяцию самого себя.

Квантовые процессы могут приводить к так называемым квантовым когнитивным эффектам в мозговой активности. Когнитивные процессы могут повлиять на количественные параметры квантовой системы, и, следовательно, полученные значения будут изменены. Можно сопоставить классический компьютер с жестко детерминированным функциональным миром. Один бит занимает информация, которая может принимать только два значения, обычно обозначаемых «0» или «1», «истина»/«ложь», «есть сигнал»/«нет сигнала». Однако мир недетерминирован. В квантовых вычислениях мир вероятностен, что позволяет воспроизводить закономерности окружающего мира и успешно использовать этот метод в различных теоретических и прикладных науках.

Далее рассмотрим принцип работы квантовых симуляторов, которые более чувствительны к шуму и помехам и нуждаются в механизмах коррекции ошибок больше, чем классические компьютеры, т.к. ошибки могут привести к сбою системы и потере информации. Классические компьютеры используют регистры битов – «физических систем для хранения и обработки информации», которые могут находиться в одном из двух устойчивых, взаимоисключающих состояний «ноль» и «единица» и хранить все данные в виде двоичного кода. Кубиты же в свою очередь могут пребывать в состоянии суперпозиции, то есть кодировать одновременно и логическую единицу, и ноль. В частности, в один и тот же момент времени с вероятностью 60% кубит равен «1», и с вероятностью 40% кубит равен «0».

Примером может послужить самый показательный пример – знаменитый Кот Шредингера, который одновременно и жив, и мертв до того мгновения, пока мы его не наблюдаем. Любая неопределенность состояния бита в регистре может спровоцировать появление ошибки вычисления, и должна быть ликвидирована путём дублирования или посредством исправляющих ошибки кодов. Классические компьютеры часто подвержены ошибкам, но информация не пропадает, т.к. существуют корректирующие коды: систематический код, код с чётным числом единиц, инверсионный код, код Хэмминга, циклический код, код с постоянным весом, непрерывный код.

Корректирующие коды – это коды, служащие для обнаружения и (или) исправления ошибок, возникающих при хранении и передаче информации. ECC – «error-correcting code», это есть «код, исправляющий ошибки», CRC–Cyclic redundancy check) – это один из алгоритмов,

предназначенный для проверки целостности данных. Вышеприведенные операции направлены на контроль целостности данных. Основные задачи как для квантовых, так и для классических компьютеров – это отыскание кодов, эффективно исправляющих ошибки требуемого вида; нахождение алгоритмов кодирования и декодирования информации.

Принципы квантовой механики способствуют многократному увеличению плотности хранения информации и скорости обработки данных, а значит появляется возможность проводить сложные вычисления недостижимые для обычных компьютеров. Для наглядности можно привести в пример алгоритм Гровера (Grover search algorithm) – поиска элемента в большом объеме информации, хранящейся в базе данных. Классический компьютер поочередно проверяет ячейки в поиске означенного элемента на основе вводимых значений. Квантовый компьютер – обращается ко всем ячейкам одновременно. При каждой последующей итерации данные фильтруются, пока не останется одна ячейка – хранимая искомым элемент, т.е. требуется гораздо меньшее количество итераций. Однако ключевые компоненты квантовых компьютеров (кубиты, вентили) не совершенны: кубиты могут пребывать в неверном состоянии, а вентили – привносить ошибку в выходной кубит. Поэтому необходима коррекция возникающих ошибок, варианты, известные из классической информатики: допустимо несколько раз измерять получаемые значения и потом подвергать исправлению образованный набор или обращаться к другому варианту развития событий: оперировать несколькими физическими кубитами для кодирования одного логического кубита. В настоящее время продолжительность жизни кубитов не допускает применение первого метода, поэтому для осуществления вычислений без погрешностей необходимо большее число кубитов, чем используется в вычислениях. Использование трех кубитов вместо одного позволяет получить верный ответ, даже если один из кубитов оказался поврежденным, оставшиеся будут целыми. Вероятность того, что два кубита одновременно ошибочны, очень мала.

Хорошо изолированный кубит стремится к своему минимальному энергетическому состоянию. Если же его возбудить, чтобы проделать с ним какие-либо операции, за один такт операции он будет выдавать все возможные варианты ответа, принимая состояния «0» или «1», в зависимости от задачи (степени возбуждения), и ответ всегда будет абсолютно верный, так как перепробованы все возможные варианты.

Сознание существует как противопоставление объективного и субъективного, так как любой процесс происходит в результате сочетания антагонистических действий: вещество существует из-за взаимодействия сил притяжения и отталкивания; магнетизм вызван наличием северного и южного полюсов. Сознание человека появляется в результате упорядочивания элементов различных уровней в системе под воздействием множества внутренних и внешних факторов, запускающих синергетические процессы.

Литература

1. Курцвейл Р. Как создать разум: секрет человеческого мышления раскрыт. – М.: Эксмо, 2015. – 352 с.
2. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. – Фрязино: Век2, 2007. – 320 с.
3. Паршикова Г.В. Построение модели унитарности языка и описание на ее основе лингвистического поля сознания человека / Г.В. Паршикова, А.Ф. Степанцев // Научному прогрессу – творчество молодых:

Международная молодежная научная конференция по естественнонаучным и техническим дисциплинам: материалы и доклады: в 3 частях, Йошкар-Ола, 19–20 апреля 2013 года / Поволжский государственный технологический университет. Том Часть 1. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. – С. 147–149.

4. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
5. Князев В.Н., Паршикова Г.В. Об особенностях функционирования сознания в контексте квантовой информатики // *Метафизика*. 2022. № 4(46). С. 130–143.
6. Князев В.Н. Есть ли смысл в поиске квантовой концепции сознания? / В.Н. Князев, Г.В. Паршикова // *Актуальные теоретико-методологические и прикладные проблемы виртуальной реальности и искусственного интеллекта: материалы Международной научной конференции, Хабаровск, 27–28 мая 2021 года / Дальневосточный государственный университет путей сообщения*. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2021. – С. 228–233.
7. Менский М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности) / М.Б. Менский. – Фрязино: Век 2, 2011. – 320 с.
8. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Странности квантового мира и тайна сознания: научно-популярное издание / М.Б. Менский. – Москва: ДМК Пресс, 2022. – 321 с.
9. Канке В.А. Философия математики, физики, химии, биологии. – М.: Кнорус, 2011.
10. Менский М.Б. Интуиция и квантовый подход к теории сознания // *Вопросы философии*. 2015. № 4. С. 48–57.
11. Гуц А.К. Основы квантовой кибернетики. – М.: Ленанд, 2017. – 216 с.

CONNECTION OF COGNITIVE MECHANISMS OF CONSCIOUSNESS WITH QUANTUM PHYSICS AND COMPUTER SCIENCE

Parshikova G.V.

Bryansk State Technical University

The article is devoted to the philosophical understanding of the nature of consciousness. The methodological basis of the research is

based on the theories of quantum physics and computer science. The orientation of modern research and the improvement of electronic computing technology are aimed at creating a quantum computer and the development of quantum information science, which makes it possible to talk about the role of quantum processes in the molecular structures of brain neurons. In turn, modern research in the field of creating artificial intelligence gives rise to various hypotheses for modeling the functions of the human brain.

Keywords: consciousness, qualitative component, intentionality, qubit, frame, sub-frame, quantum information science.

References

1. Kurzweil R. How to create a mind: the secret of human thinking revealed. – М.: Eksmo, 2015. – 352 p.
2. Mensky M.B. Man and the quantum world. – Fryazino: Vek2, 2007. – 320 p.
3. Parshikova G.V. Construction of a model of the unitarity of language and a description on its basis of the linguistic field of human consciousness / G.V. Parshikova, A.F. Stepanishchev // *Scientific progress – the creativity of the young: International youth scientific conference on natural science and technical disciplines: materials and reports: in 3 parts, Yoshkar-Ola, April 19–20, 2013 / Volga State Technological University. Volume Part 1.* – Yoshkar-Ola: Volga State Technological University, 2013. – P. 147–149.
4. Vasiliev V.V. The difficult problem of consciousness. – М.: Progress-Tradition, 2009. – 272 p.
5. Knyazev V.N., Parshikova G.V. On the peculiarities of the functioning of consciousness in the context of quantum information // *Metaphysics*. 2022. No. 4(46). pp. 130–143.
6. Knyazev V.N. Is there any point in searching for a quantum concept of consciousness? / V.N. Knyazev, G.V. Parshikova // *Current theoretical, methodological and applied problems of virtual reality and artificial intelligence: materials of the International Scientific Conference, Khabarovsk, May 27–28, 2021 / Far Eastern State Transport University.* – Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2021. – P. 228–233.
7. Mensky M.B. Consciousness and quantum mechanics: Life in parallel worlds (Miracles of consciousness – from quantum reality) / M.B. Mensky. – Fryazino: Century 2, 2011. – 320 p.
8. Mensky M.B. Man and the quantum world. Oddities of the quantum world and the mystery of consciousness: popular science edition / M.B. Mensky. – Moscow: DMK Press, 2022. – 321 p.
9. Kanke V.A. Philosophy of mathematics, physics, chemistry, biology. – М.: Knorus, 2011.
10. Mensky M.B. Intuition and the quantum approach to the theory of consciousness // *Questions of Philosophy*. 2015. No. 4. pp. 48–57.
11. Guts A.K. Fundamentals of quantum cybernetics. – М.: Lenand, 2017. – 216 p.

Ресурсы активности региональных политических элит на Северном Кавказе

Салгириев Али Русланович,

кан. полит. наук, сектор философских проблем политики
Института философии Российской академии наук
E-mail: 010585@list.ru

На Северном Кавказе сосредоточены региональные политические элиты, которые разделяются на различные уровни, виды и типы. Они играют ключевую роль в политическом управлении, определяя саму систему политики и стабильность. В руках элит сконцентрированы ресурсы, с помощью которых они способны ретранслировать мнение корреспондирующих масс, артикулировать интересы, достигать собственные цели и формировать политическую повестку. Генерация, обладание и распределение ресурсов является необходимым условием, инструментов, без которых реализация властных полномочий акторами может приводить к снижению функциональности и эффективности политических институтов, конфликтам и поляризации.

Для установления роли акторов в управляющих взаимодействиях, оценки степени их влияния на региональный политический процесс необходимо проанализировать ресурсы активности политических элит. В рамках ресурсного подхода могут рассматриваться информационные, экономические, административные, социальные, демографические, принудительные ресурсы и этномобилизационный потенциал, который тоже можно анализировать в качестве специфического ресурса.

На наш взгляд, наиболее важными и актуальными для научного анализа являются административные и информационные ресурсы. Использование авторитета, властных полномочий и информации порою оказывается главным фактором при смене политических режимов, трансформации власти и определении вектора идеологии.

В данной статье мы рассмотрим административные и информационные ресурсы, которые наиболее сильно влияют на стратегии активности региональных политических элит Северного Кавказа, а также рассматривается этномобилизационный потенциал, как отдельный, специфический вид ресурса власти, присущий для данного региона. Проанализированы различные случаи использования ресурсов власти и их последствия для политической сферы региона. Рассмотрены возможные способы улучшения применения ресурсов с целью повышения эффективности политической деятельности на Северном Кавказе.

Ключевые слова: элиты, Северный Кавказ, региональный политический процесс, акторы, ресурсы активности, этнополитическая напряженность, кланы.

В начале рассмотрим административные ресурсы, которые представляют с собой различные государственные органы и службы, обладающие определенными полномочиями и возможностями для осуществления своей деятельности. Административные ресурсы включают в себя местные исполнительные органы власти, правоохранительные органы, федеральные структуры и другие государственные учреждения. Они обеспечивают политическим элитам возможность принимать решения, осуществлять контроль и управление территорией. Использование административных ресурсов может быть, как транспарентным, так и латентным. Политические элиты могут злоупотреблять своим положением, используя ресурсы власти для достижения партикулярных интересов, распределении финансовых и экономических активов, лоббировании нужных решений, в том числе и на федеральном уровне, воздействовать при кадровых назначениях [1, с. 76–79; 2; 3, с. 68–86].

Одним из основных способов использования административных ресурсов политическими элитами – это оказание влияния на подготовку и проведение выборов в органы власти. Федеральный центр, при всем желании не может проводить постоянный тотальный контроль на местах, на каждом избирательном участке. Путем проведения мониторинга избирательных комиссий и местных администраций элиты могут влиять на результаты выборов, обеспечивать свою долгосрочную власть. Представленность всероссийских политических партий в Государственной Думе, в региональных законодательных собраниях (парламентах), прозрачность electoralного цикла, обеспечивается именно региональными элитами. Эта их сфера ответственности, равно как и ответственность по результатам выборов – прерогатива местных элит, делегированная федеральным центром (см. табл. 1).

Административные ресурсы позволяют политическим элитам контролировать бюджетные средства, дополнительную финансовую помощь и распределение федеральных субсидий. Кроме того, административные ресурсы используются для подавления протестных движений, антиправительственных манифестаций, митингов. Главы субъектов обладают сильным влиянием на правоохранительные структуры и территориальные органами федеральных органов исполнительной власти, что способствует предотвращению возможных вызовов своей власти. Центральный аппарат федеральных органов согласовывает кандидатуры на должности руководителей территориальных органов, ректоров ВУЗов с главами субъектов федерации, учитывает их мнение при назначении региональных прокуроров, начальников федеральной службы безопасности, органов внутренних дел на местах и других силовых структур, что является дополнительным фактором усиления власти региональных элит.

Этномобилизационный потенциал в Северо-Кавказских обществах формируется на основе мобилизации этничности, рассмотрим более подробно его преимущества, сложности и последствия, так как дан-

ный ресурс петивно используется элитами для достижения политических целей, лоббирования своих интересов

и оказания воздействия на распределение финансовых активов.

Таблица 1. Представленность политических партий в парламентах Северо-Кавказского федерального округа [18]

Субъекты федерации	ЕР	КПРФ	ЛДПР	СРЗП	НЛ	РППС	Ябл
Чеченская Республика	36	1	0	4	0	0	0
Республика Дагестан	68	10	0	11	0	0	0
Кабардино-Балкарская Республика	50	9	2	7	0	0	0
Республика Северная Осетия – Алания	51	9	0	10	0	0	0
Республика Ингушетия	27	0	2	3	0	0	0
Ставропольский край	43	4	0	2	0	0	0
Карачаево-Черкесская Республика	34	6	2	6	0	0	0

Мобилизация этничности в традиционных обществах способствует накоплению политических ресурсов у региональных политических элит, в формировании культурного ландшафта и укреплении локальной идентичности. Она обеспечивает средство идентификации, выражения идентичности и усиления социальной связанности. Задача изучения динамики этнокультурных процессов, значимость эвентуальных факторов в сохранении культурного наследия и развития коммунальных отношений является важной исследовательской задачей. Нужно понимать, что стратегии мобилизации этничности могут использоваться для укрепления единства и коллективной солидарности в традиционных обществах, и одновременно как сильный политический ресурс. То есть, в условиях Северного Кавказа этномобилизационный потенциал может использоваться элитами как для сдерживания этнополитической напряженности на местах, профилактике экстремизма, усиления интеграционных связей, и как акцессорный аргумент для торга с федеральным центром, расширения своей власти.

Этничность в традиционных обществах часто связывается с понятием кланов [4]. Клань – это группировки, основанные на кровных или восприятии кровных связей, которые формируют этнос и оказывают значительное влияние на социальную структуру, социальную мобильность. Зачастую, эти клань могут быть привязаны к определенным территориям.

На Северном Кавказе этническая идентичность неотделима от клановых структур, трайбальности. Это обусловлено историческими процессами формирования этничности в данном регионе: через объединение кланов сформировались большие этнокультурные сообщества, группировки, обоймы. Однако, даже при таком объединении, сохраняется уникальность каждого клань внутри этноса [5, с. 121–131]. Элиты воздействуют на процесс поддержания и активизации этнических связей для достижения различных целей – от политической борьбы до экономического прогресса, проведении реформ [6, с. 233–236]. Это осуществляется в том числе и через использование символов, мифов и обрядов этничности. Мобилизация может быть реакцией на различные вызовы и угрозы. В условиях социальной нестабильности или политического давления, активизация этнической принадлежности может стать эффективным средством, редко для самосохранения, часто для достижения политических целей. Более того, успешная мобилизация этничности может способствовать формированию более устойчивых и сильных сообществ. Необходимо отметить, что мобилизация этничности не всегда означает конфликт или сегрегацию. Она также может служить основой для интеграции, когда различные группы объединяются для достижения общих целей. На примере Северного Кав-

каза можно видеть, как эти факторы взаимодействуют друг с другом, создавая уникальные формы социальной организации и управляющих взаимодействий.

Понятие этнические клань во многом получило в публицистике негативный окрас, но они могут, хотя и не часто, нести позитивную, интеграционную функцию. Клань представляют с собой сложные социальные структуры, которые способствуют укреплению этнической связи. В контексте клановой системы осуществляется не только сохранение традиций, но также формирование единого представления о самоидентификации. Элиты выступают агентами мобилизации этничности, лидерами клань. Часто они используют этнокультурные различия для закрепления своего властвующего положения [7, с. 196–199]. Манипуляция элитами общественным сознанием может привести к созданию высокой степени этнической напряженности и конфликтности. К примеру, в 90-е годы в Чеченской Республике сложная история, национальная память, несправедливость, сталинские репрессии региональными элитами использовались для удержания своей власти и устранения негодных политических оппонентов. «Национальная карта» всегда являлась отложенным и весьма эффективным инструментом для эскалации конфликтов, сецессии территории. Порою, этноэлиты использовали мифологизированное национальное сознание народов Кавказа для дополнительной мобилизации ресурсов активности. На митингах с требованием полного суверенитета и отделения от России, в Грозном были такие лозунги: «верблюжье молоко будет течь из водопроводных краников при обретении независимости», «в небе святые будут сбивать костылями вражеские самолеты» и др. Подобные символы, мифы на манифестациях послужили мощными триггерами мобилизации масс, конфронтации, и в итоге способствовали детерминации российско-чеченского конфликта. И сегодня, проблемы этногенеза, споры о происхождении древних алан, вопросы удревления национальной истории, сильное мифологизированное сознание народов Северного Кавказа служат питательной средой для возникновения новых точек этнополитической напряженности и конфронтации.

Клановость, трайбализм и коррупция политической системы на Северном Кавказе приобретают весьма тревожные масштабы. В феврале 2018 года с подозрениями мошенничества с денежными средствами, выделенными из бюджета Дагестана для реализации социальных программ, следователи пришли с обысками к исполняющему обязанности Председателя Правительства Республики Дагестан Абдусамату Гамидову, его заместителям Шамилю Исаеву и Раюдину Юсуфову, а также бывшему министру образования республики Шахабасу Шахову, которые стали фигурантами уголовного дела

[8]. Летом 2023 года в Карачаево-Черкесии произошел скандал с присвоением средств из бюджета, при этом сумма превысила 100 миллионов рублей. Центральной фигурой стала Ирина Гербекова, занимающая пост зампреда правительства региона. Кроме нее, фигурантами стали еще шесть человек, среди которых как работники медицинских учреждений, так и бизнесмены [9]. Согласно информации, распространенной следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации, в апреле 2019 года Алексей Когарлыцкий, который ранее занимал пост министра строительства Ставропольского края, был замечен в получении дорогостоящего подарка – автомобиля премиум-класса Porsche Cayenne S, оцененного примерно в 7.85 миллиона рублей [10]. Таких примеров достаточно много можно приводить, которые характеризуют уровень коррумпированности. Эти факты свидетельствуют, что коррупция, в том числе и этническая, пронизывает практически все органы и уровни власти, это системное явление в регионе, которое постепенно экстраполируется в культуру. Межэтнические связи и патронажные отношения на Кавказе часто выступают решающим аргументом в распределении ресурсов. Региональные элиты, используя этнический фактор, могут формировать политические и экономические сети взаимной поддержки, что способствует укреплению коррупционных схем, персистентности политических институтов. Такая система власти не только подрывает доверие к государственным институтам, но и препятствует экономическому росту, модернизации. Коррупция снижает институциональное доверие, устойчивость всей политической системы, подрывает авторитет судебной системы, органов государственной власти. Сильная этнизация региональных органов государственной власти, патрон-клиентальная диспозиция системы власти формирует перманентную заданность артикуляции интересов, политическую аномию.

Мобилизация этничности в традиционных обществах часто происходит через активацию коллективной памяти и этногенеза. Это связано с тем, что основные элементы этнического самосознания – язык, культура, история – являются главными составляющими коллективной памяти. Примерно тысяча граждан собралась на митинге в марте 2017 года на центральной площади Владикавказа, где расположен памятник Ленину, чтобы выразить свой протест петиции о переименовании Ингушетии в Аланию [11]. Кроме того, бурю негодования в Осетии вызвала церемония открытия въездной арки «Аланские ворота» в Магасе, Ингушетия. Подобные трения и упреки соседних республик осложняются и на фоне претензии вокруг Пригородного района Северной Осетии – Алании, что в 1992 году привело к осетино-ингушскому конфликту, последствия которого ощущаются до сих пор. Надо отметить, что принадлежность к древним Алан имеют и другие народы, но они носят не политизированный характер и сосредоточены в академическом поле [12, с. 282–297].

Немало важную миссию в мобилизации этничности отводится также и религии. Она может стать мощным инструментом для создания и упрочения этнических связей. В случае Северного Кавказа, Ислам служит одним из центральных элементов формирования и поддержания этнической принадлежности, а в последнее время и мощным политическим ресурсом.

Ислам является одной из составляющих культурной идентичности народов Северного Кавказа. Элиты региона часто прибегают к исламским символам и ритуалам для укрепления своего власти и управления местными группами, акцентируя внимание на общей религиозной идентичности как основе единства.

В контексте политического управления, ислам становится источником не только духовного, но и социального регулирования. Религиозные лидеры и институты активно участвуют в принятии решений и распределении ресурсов. В то же время, поскольку Северный Кавказ является мозаикой различных этнических групп, ислам может выступать в роли объединяющего фактора, содействующего мирному сосуществованию различных народов [13, с. 126–134].

Однако нельзя игнорировать и отрицательные аспекты. В условиях социально-экономических проблем, безработицы, бедности и политических конфликтов на плодородной почве недовольства могут развиваться различные формы экстремизма. Используя религиозную риторику, экстремистские группировки стремятся дискредитировать традиционные формы ислама, добываясь своих целей под прикрытием борьбы за веру.

Современное состояние ислама и этничности на Северном Кавказе характеризуется сложным сплетением религиозных и этнических идентичностей. Региональные элиты сталкиваются с необходимостью балансировать между интересами различных этнических групп и исламскими традициями, что нередко приводит к конфликтам за контроль над ресурсами и властью.

Сегодня региональные политические элиты стали весьма прочно встраивать исламских лидеров, муфтияты, исламские религиозные организации в политическую повестку, строятся мечети, медресе, благоустраиваются места паломничества. Наблюдается усиление религии на национальном уровне, сращивание религиозных институтов с государством, что постепенно снижает их роль на формирование общественного мнения.

Таким образом, мобилизация этничности в традиционных обществах это сложный процесс, который связан с различными социально-культурными факторами и механизмами, где кланы, религиозные элиты и этнические группы встроены в политическую, экономическую и культурную жизнь региона, влияя на формирование социальной идентичности и обеспечение солидарности внутри этнических групп. Особое место в генерации и управлении этномобилизационного потенциала мы отводим именно элитам.

Наконец, активная мобилизация этничности может привести к упрощению идеологического ландшафта общества. Зачастую подобные процессы сопровождаются формированием стереотипов относительно других народов или наций, что затрудняет интеркультурное взаимодействие и способствует сохранению консервативных социальных норм.

Рассмотрим и другой вид ресурса, чья роль в современном мире возрастает – информационные ресурсы активности региональных элит, которые представляют с собой особый интерес, так как в эпоху цифровизации и постоянного доступа к интернету, информационные и сетевые ресурсы прочно встроены в жизнь каждого человека. С применением современных коммуникативных технологии, вбросов, дезинформации можно мобилизовать социально активные слои общества, молодежь, провоцировать столкновения, подорвать устойчивость политической системы. Контроль, отслеживание, мониторинг информационных ресурсов, социальных сетей, средств массовой информации в современном мире представляет чрезвычайно важную задачу для местных элит.

Актуальность анализа информационных ресурсов определяется возникновением следующих факторов региональной и глобальной безопасности: слабость и неэффективность системы обеспечения информационной безопасности в стране, что не позволяет полноценно ин-

тегрироваться России в мировое информационное общество, и как следствие детерминирует угрозы политической системы; ограниченность ориентированной региональной политики в обеспечении информационной безопасности с учетом этнополитической и экономической специфики Северного Кавказа. Политические маргиналы и аутсайдеры, провокаторы, агенты, активно используют информационные системы, социальные сети в возникновении очередных точек политической напряженности, эскалации протестного поведения молодежи, особенно в электоральном цикле.

В обеспечении информационной безопасности и устойчивости политической системы отводится социальным сетям, они оказывают сильное влияние на формирование общественного мнения, способны его конструировать, корректировать по заданным векторам. Социальные сети стали неотъемлемой частью общественной жизни, определяющее общественное мнение, и как следствие подготовку и принятие политических решений. Социальные сети предоставляют платформу для обмена информацией и суждениями на самые разнообразные темы. Однако такая доступность информации и возможности ее оперативного распространения создает условия для манипуляции общественным мнением [14, с. 232–234].

Социальные сети дают возможность выражать свое мнение широкому кругу людей, в этот информационный объем задействовано очень много участников из самых разных стран. Они становятся инструментом воздействия на массовое сознание, влияют на политический процесс, на электоральные предпочтения граждан. Пользователи социальных сетей подвержены воздействию опубликованных материалов, которые могут формировать их политические представления и убеждения.

Технологии алгоритмического отбора контента способствуют созданию эффекта «информационного пузыря» или «эхо-камеры». Пользователи получают информацию, которая соответствует их текущим взглядам и интересам, что усугубляет поляризацию мнения. Это способствует распространению идеологических и политических взглядов, которые не всегда являются объективными и разносторонними. К примеру, на фоне обострения конфликта между Израилем и Палестиной, в октябре 2023 года в социальных сетях началась распространяться информация о том, что в Дагестан направляется самолет с еврейскими беженцами, что вызвало всплеск антисемитизма, блокирование стратегических объектов инфраструктуры, нестабильность и повлекло сильные имиджовые потери республики. Так же были антисемитские настроения и в других регионах Северного Кавказа. Информационный вброс, дезинформация может привести и к другим, более тяжким последствиям и потрясениям.

Социальные сети широко используются для манипуляции. Еще одним из примеров такой манипуляции является распространение дезинформации или фейковых новостей. С помощью целенаправленного распространения ложной информации, политические маргиналы могут формировать нужную им картину мира, дискредитировать оппонентов и вызывать социальную напряженность. Скорость и широта распространения информации через социальные сети делают этот инструмент особенно эффективным для достижения этих целей. Также элементом манипуляции является создание и поддержка эхокамер – сообществ в социальных сетях, где люди общаются только с теми, кто разделяет их точку зрения. Это усугубляет поляризацию общества и создает благоприятную почву для сплочения своих сторонников и мобилизации их для достижения политических целей.

Социальные сети могут быть использованы для проведения целенаправленных кампаний по формирова-

нию или изменению общественного мнения. Благодаря большому количеству пользователей и доступности аналитических инструментов, организации или отдельные личности могут стратегически направлять информационные потоки, чтобы влиять на общество. К примеру, политическая реклама в социальных сетях стала эффективным инструментом при ведении избирательной кампании, агитации избирателей. Она позволяет достигать широкой аудитории и управлять ее восприятием кандидатов или политических партий. При этом возможность таргетирования рекламы по определенным демографическим группам позволяет более точно воздействовать на избирателей.

Однако надо понимать, что все это может быть использовано не только для развития демократического процесса, но и для дестабилизации. В условиях глобализации информационных технологий, манипулирование общественным мнением через социальные сети может стать инструментом политической борьбы, особенно в период возрастания международной изоляции и санкции в отношении России.

Социальные сети также используются для проведения кампаний по сбору данных о пользователях, особенно в периоды выборов. Это позволяет политическим акторам создавать гипертаргетированные рекламные сообщения и управлять электоральными предпочтениями. Примером может служить скандал с компанией Cambridge Analytica, которая использовала данные пользователей Facebook для воздействия на результаты президентских выборов в США в 2016 году [23].

Манипулирование общественным мнением через социальные сети может иметь далекоидущие последствия, включая подрыв демократических институции, нарушение свободы слова и прав человека. Однако борьба с этим явлением требует сложных мер, включая образовательные программы по информационной грамотности, законодательное регулирование и технические инновации [15, с. 124–129].

Понимание того, как защищаться от таких попыток манипуляции, является критически важным и требует усилий со стороны как пользователей, так и регулирующих органов. Каждый пользователь социальных сетей должен осознавать, что он может стать объектом информационной атаки или пропаганды. Одним из способов защиты является повышение уровня медиаграмотности: это включает умение проверять факты, оценивать достоверность источников информации и различать факты от мнений. Это требует активного подхода к потреблению информации: вместо пассивного приема сообщений следует задавать вопросы о том, кто разместил эту информацию и с какой целью. Критическое мышление помогает распознавать возможные признаки дезинформации или предвзятости, такие как эмоционально окрашенный язык, отсутствие доказательств или ссылок на недостоверные источники. Кроме того, пользователи могут использовать различные инструменты и сервисы для проверки фактов. Многие социальные сети предлагают такие службы в ответ на растущую проблему дезинформации [16, с. 80–91].

Однако ответственность за борьбу с манипуляциями не лежит только на пользователях. Регулирующие органы могут устанавливать правила поведения в социальных сетях, требовать от компаний прозрачности в вопросах обработки данных и применять штрафы за нарушения. Законодательные акты могут затрагивать различные аспекты использования социальных сетей, от правил распространения контента до политик конфиденциальности.

Тем не менее, это сложная задача: с одной стороны, необходимо защитить свободу слова и информацию,

с другой – предотвратить манипуляции и дезинформацию. Баланс между этими двумя целями может быть трудным для поддержания, но он критически важен для защиты демократического процесса.

Защита от манипуляций в социальных сетях является общей ответственностью пользователей и регулирующих органов. Только через комбинацию повышения уровня медиаграмотности, активного критического мышления и эффективного регулирования можно противостоять попыткам манипулировать общественным мнением и политическими процессами.

Медиарейтинги тоже отражают степень влияния региональных политических лидеров, глав субъектов. Их информационное присутствие, посты сильно коррелируется со степенью политического веса. Интересным представляется исследование Центра мониторинга общественного мнения (ЦМОМ) СКФУ [17]. Тройка лидеров на Северном Кавказе, по итогам 5 месяцев 2023 года, представлена Рамзаном Кадыровым, Владимиром Владимировым и Сергеем Меликовым в Рейтинге глав субъектов Северо-Кавказского федерального округа, представленном экспертами Центра мониторинга общественного мнения (ЦМОМ) СКФУ.

Медиаиндексы глава субъектов расположились в следующем порядке: Казбек Коков – 34 927 пунктов медиаиндекса в 2023 г.; Махмуд-Али Калиматов – 48 963 пунктов медиаиндекса в 2023 г.; Рамзан Кадыров – 79 1734 пунктов медиаиндекса в 2023 г.; Рашид Темрезов – 58 990 пунктов медиаиндекса в 2023 г.

Сергей Меньяло – 67 625 пунктов медиаиндекса в 2023 г.; Владимир Владимиров – 197 939 пунктов медиаиндекса в 2023 г.; Сергей Меликов – 87 553 пунктов медиаиндекса в 2023 г.

В заключении можно констатировать, что стабильность региона зависит от способности политических элит адаптироваться к меняющимся условиям и находить баланс между традиционными ценностями и необходимостью инновационного развития. Для развития региона необходим комплексный подход, который бы учитывал, как внутренние ресурсы активности элит, так и внешние вызовы. Необходимо принять системные меры по борьбе с клановостью, коррупцией и nepotизмом. Это включает не только экономические и политические аспекты, но и социальные, культурные и информационные факторы. Устойчивое развитие региона возможно при условии наличия открытого диалога между властью и обществом, стремлении к справедливому распределению власти и ресурсов, развитии демократических институтов, расширении гражданских свобод и интеграции народов в единое социокультурное пространство народов России.

Литература

1. Григорян Д.К. и др. Роль этнополитических элит в возникновении и развитии межэтнических конфликтов (на примере Северного Кавказа) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 4. С. 76–79.
2. Усова Ю.В. Трансформация региональных политических элит в постсоветский период (на материалах Республики Северная Осетия-Алания) // Автореферат дис... канд. полит. наук. Владикавказ. 2009. 193 с.
3. Авксентьев В., Васильченко В. Этнические элиты и этнократии Северного Кавказа: взаимодействие с институтами современного общества // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11 (269). С. 68–86.
4. Гезгиева Д.М. Теоретико-методологические подходы к исследованию этнических кланов и факто-

ры обусловленности их развития // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/33SCSK222.pdf> (дата обращения 21.01.2024).

5. Ламажаа Ч. К. «Клан»: понятие в социальных науках // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. – С. 121–131.
6. Понеделков А.В., Карабанова И.В. Анализ развития региональных политических элит в республиках Северного Кавказа // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. 2019. – С. 233–236.
7. Журавлев Д.А. Политические кланы как социальный институт // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 5. – С. 196–199.
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2018/02/05/reg-skfo/v-dagestane-zaderzhali-rukovodstvo-respublikanskogo-pravitelstva.html> (Дата обращения 05.02.2018).
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2023/07/02/reg-skfo/ne-hvatalo-na-tufli.html> (Дата обращения 02.07.2023).
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2019/11/25/reg-skfo/na-eks-ministra-stroitelstva-stavropolia-zaveli-delo-o-vziate.html> (дата обращения: 25.11.2019).
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://region15.ru/okolo-tysyachi-chelovek-vo-vladikavkazyshli-na-miting-protiv-pereimenovaniya-ingushetii-valaniyu/> (Дата обращения 05.03.2017).
12. Здравомыслов А. Г. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? Размышления о книге В.А. Тишкова «Очерки теории и политики этничности в России». М.: русский мир, 1997 // Социологический журнал. 1998. № 3–4. – С. 282–297.
13. Акаев В. Конфликты между традиционным и нетрадиционным направлениями в исламе: причины, динамика и пути преодоления (на материалах Северного Кавказа) // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 2 (56). – С. 126–134.
14. Баранов В.Н. Социальные сети // Транспортное дело России. 2010. № 12. – С. 232–234.
15. Шиллер В. В., Шелудков Н.Н. Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «Вконтакте») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Т. 1. № 3 (55). – С. 124–129.
16. Родионов М.А., Волкова Т.А. Социальные сети и политические элиты // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. – С. 80–91.
17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://gorodskoitelegraf.ru/politics/3149-jeksperty-skfu-predstavili-rejting-glav-regionov-severnogo-kavkaza-v-2023-godu.html> (Дата обращения 06.06.2023).
18. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://nsrd.ru/>; <https://parlamentri.ru/>; <https://parlament.kbr.ru/>; <https://parlament.alania.gov.ru/>; <https://www.dumask.ru/>; <https://parlament09.ru/>; <https://parlamentchr.ru/> (Дата обращения 01.02.2024)

RESOURCES FOR THE ACTIVITY OF REGIONAL POLITICAL ELITES IN THE NORTH CAUCASUS

Salgiriev A.R.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Regional political elites are concentrated in the North Caucasus, which are divided into various levels, types and types. They play a key role in political governance, defining the very system of politics

and stability. The elites have concentrated resources in their hands, with the help of which they are able to relay the opinion of the corresponding masses, articulate interests, achieve their own goals and form a political agenda. The generation, possession and distribution of resources is a necessary condition, tools, without which the exercise of power by actors can lead to a decrease in the functionality and effectiveness of political institutions, conflicts and polarization. To establish the role of actors in governing interactions, to assess the degree of their influence on the regional political process, it is necessary to analyze the resources of the activity of political elites. Within the framework of the resource approach, information, economic, administrative, social, demographic, coercive resources and ethnomobilization potential can be considered, which can also be analyzed as a specific resource.

In our opinion, administrative and information resources are the most important and relevant for scientific analysis. The use of authority, authority and information sometimes turns out to be the main factor in changing political regimes, transforming power and determining the vector of ideology.

In this article, we will consider the administrative and information resources that most strongly influence the strategies of activity of the regional political elites of the North Caucasus, and also consider the ethnomobilization potential as a separate, specific type of power resource inherent in this region. Various cases of the use of government resources and their consequences for the political sphere of the region are analyzed. Possible ways to improve the use of resources in order to increase the effectiveness of political activity in the North Caucasus are considered.

Keywords: elites, North Caucasus, regional political process, actors, activity resources, ethnopolitical tension, clans.

References

1. Grigoryan D.K. et al. The role of ethnopolitical elites in the emergence and development of interethnic conflicts (on the example of the North Caucasus) // *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2018. No. 4. pp. 76–79.
2. Usova Yu.V. Transformation of regional political elites in the post-Soviet period (based on the materials of the Republic of North Ossetia-Alania) // *Abstract of the dis... candidate of Political Sciences. sciences'*. Vladikavkaz. 2009. 193 p.
3. Avksentiev V., Vasilchenko V. Ethnic elites and Ethnocracies of the North Caucasus: interaction with institutions of modern society // *Russia and the Muslim world*. 2014. № . 11 (269). Pp. 68–86.
4. Gezgjeva D.M. Theoretical and methodological approaches to the study of ethnic clans and factors of conditionality of their development // *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*. 2022. Vol. 13. No. 2. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/33SCSK222.pdf> (accessed 01/21/2024).
5. Lamazhaa C. K. “Clan”: a concept in the social sciences // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2008. No. 2. – pp. 121–131.
6. Ponedelkov A.V., Karabanova I.V. Analysis of the development of regional political elites in the republics of the North Caucasus // *Caucasian studies: experience, problems and prospects*. 2019. – pp. 233–236.
7. Zhuravlev D.A. Political clans as a social institution // *Education. Science. Scientific staff*. 2012. No. 5. – pp. 196–199.
8. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://rg.ru/2018/02/05/reg-skfo/v-dagestane-zaderzhali-rukovodstvo-respublikanskogo-pravitelstva.html> (Accessed 05.02.2018).
9. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://rg.ru/2023/07/02/reg-skfo/ne-hvatalo-na-tufli.html> (Accessed 02.07.2023).
10. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://rg.ru/2019/11/25/reg-skfo/na-eks-ministra-stroitelstva-stavropolia-zaveli-delo-o-vziatke.html> (accessed: 11/25/2019).
11. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://region15.ru/okolo-tsyachi-chelovek-vo-vladikavkaze-vyshli-na-miting-protiv-pereimenovaniya-ingushetii-v-alaniyu/> (Accessed 05.03.2017).
12. Zdravomyslov A. G. “Sacredness” of an ethnic group or relativism of a national structure? Reflections on the book by V.A. Tishkov “Essays on the theory and politics of ethnicity in Russia”. Moscow: Russian world, 1997 // *Sociological Journal*. 1998. No. 3–4. – pp. 282–297.
13. Akaev V. Conflicts between traditional and non-traditional trends in Islam: causes, dynamics and ways of overcoming (based on materials from the North Caucasus) // *Central Asia and the Caucasus*. 2008. № . 2 (56). – Pp. 126–134.
14. Baranov V.N. Social networks // *Transport business of Russia*. 2010. No. 12. – pp. 232–234.
15. Shiller V. V., Sheludkov N.N. Russian social networks as a potential threat to Russia’s national security (using the example of Odnoklassniki and V Kontakte sites) // *Bulletin of Kemerovo State University*. 2013. Vol. 1. № . 3 (55). – Pp. 124–129.
16. Rodionov M.A., Volkova T.A. Social networks and political elites // *Socio-humanitarian knowledge*. 2017. No. 3. – pp. 80–91.
17. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://gorodskoitelegraf.ru/politics/3149-jeksperty-skfu-predstavili-rejting-glav-regionov-severnogo-kavkaza-v-2023-godu.html> (Accessed 06.06.2023).
18. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://nsrd.ru/>; <https://parlamentri.ru/>; <https://parlament.kbr.ru/>; <https://parlament.alania.gov.ru/>; <https://www.dumask.ru/>; <https://parlament09.ru/>; <https://parlamentchr.ru/> (Accessed 02/01/2024)

Формирование системы ценностных приоритетов российской молодежи в контексте проектирования государственной молодежной политики

Ежов Дмитрий Александрович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии, старший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: president@lenta.ru

В статье рассматривается проблема формирования системы ценностных приоритетов российской молодежи в контексте содержания проекта Стратегии молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года. В результате проведенного анализа отмечено определяющее значение патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи в условиях ценностно-идеологических вызовов. Отдельное внимание уделено вопросу нейтрализации рисков реализации Стратегии путем проведения просветительской работы, направленной на утверждение в молодежном сознании характерных для России традиционных ценностей, рассматриваемой в качестве альтернативы деструктивному информационному влиянию со стороны государств Запада.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, традиционные ценности, патриотизм, стратегическое планирование.

Процессы ценностного переосмысления, активно происходящие в современном обществе, обуславливают значимость формирования приоритетов российской молодежи в русле традиционного мышления и мировосприятия. В качестве значимого фактора, способствующего содержательной трансформации модели осознания происходящих социально-политических процессов, выступает специальная военная операция России по демилитаризации и денацификации Украины (далее – СВО), последствия начала и ход которой спровоцировали не только пересмотр основ функционирования миропорядка, но и кардинальные сдвиги в общественном сознании на идейном и ценностном уровнях. В условиях СВО формируется поколение, социализация которого происходит под влиянием новостной повестки с фронта; состояния конфронтации России с коллективным Западом; санкционной войны; политики отмены культуры и распространяющейся в западных государствах русофобии. На этом фоне актуализируется вопрос формирования системы ценностных приоритетов российской молодежи, соответствующей реальному времени; развития чувства патриотизма и приверженности устоявшимся в социуме нормам, являющихся по своему характеру традиционными.

Круг очерченных проблем предопределяет объектно-предметную область исследования; выявление подходов к формированию системы ценностей российской молодежи и ожидаемых результатов ее становления в контексте содержания проекта Стратегии молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [6]. Теоретическую основу исследования составили работы, посвященные проблеме ценностей современной российской молодежи [1], в том числе, в контексте усвоения норм политической культуры [4], ее политической идентичности [5], патриотизма [2; 9], проектирования и реализации государственной молодежной политики [3]. В эмпирическом отношении исследование базируется на Стратегии молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Стратегия), опубликованной на момент проведения изысканий в виде проекта и рассматриваемой с позиций содержательного и контекстуального анализа.

Согласно положениям Стратегии, молодежная политика в Российской Федерации носит, как интегрированный, так и дифференцированный характер, и адресована всем гражданам страны в возрасте от 14 до 35 лет, что координируется с нормами федерального законодательства – так, в статье 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [8] под молодежью подразумевается социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации. Результатом реализации молодежной политики, согласно положениям Стратегии, является формирование поколения молодых людей патриотических взглядов, поддерживающего и разделяющего российские традиционные духовно-нравственные ценности, готового реальными делами вносить вклад в развитие страны, участвующего в общественных проектах, выдвигающего и реализующего социальные инициа-

тивы, несущего ответственность за себя, свою семью, родную страну. В исследовательском контексте для нас представляют наибольший интерес такие разделы Стратегии, как «Духовно-нравственные ориентиры современной молодежи» и «Проблемы в сфере молодежной политики и современные вызовы».

Проблема духовно-нравственных ориентиров современной молодежи имеет определяющее значение в целях построения эффективного общества в национально ориентированном ключе и функционирования мощного конкурентоспособного государства в условиях сохранения и поддержания традиционных ценностей на фоне внешних и внутренних вызовов. В контексте апелляции к результатам исследования ВЦИОМ за 2022 год, свидетельствующих о росте уровня патриотических настроений за последние 10–15 лет, отмечается, что патриотические идеалы выступают в роли межпоколенческого ценностного культурного кода современного российского общества. Вместе с тем, признается, что, несмотря на приоритет семейных ценностей в структуре ценностных ориентаций современной молодежи (в том числе, здоровье членов семьи, безопасность семьи и т.п. ...), констатируется относительно низкий в процентном отношении показатель готовности к вступлению в брак в возрастной категории 18–24 лет по сравнению с аналогичными данными по другим возрастам. На фоне констатации того, что абсолютное большинство молодежи разделяет ценности, обозначенные в Указе Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [7], отмечается факт отражения в сознании молодежи ценностных сдвигов от коллективизма к индивидуализму, а также от государственничества к космополитизму за последние 30 лет, что способствует обозначению в виде одной из стоящих перед государством в сфере молодежной политики ключевых задач развитие коллективистских ценностей.

Риски, потенциально препятствующие достижению результатов, прогнозируемых в рамках стратегического планирования, обусловлены совокупностью ценностно-идеологических, социальных, демографических, экономических, информационно-технологических вызовов, а также вызовов в области государственной и общественной безопасности. Определяемая в проекте Стратегии палитра современных вызовов, в целом, соответствует комбинации триггеров, каждый из которых может оказать разрушительное воздействие на реализацию плана и даже способствовать генерации состояния социально-политической дестабилизации. В связи с этим, представляется значимой максимально возможная нейтрализация рисков в условиях современных вызовов. В силу исследовательского интереса сконцентрируем внимание на рисках, провоцируемых ценностно-идеологическими вызовами.

Фундаментальным положением, фигурирующим в Стратегии, является констатация возможности создания системы поддержки проектов, направленных на национальную ориентированность гражданского общества во взаимосвязи с российскими традиционными духовно-нравственными ценностями, исключительно в комбинации с наличествующей в обществе привлекательной патриотической идеологией и развитой национальной культурой для дальнейшего воспроизводства в молодежной среде, становящейся мишенью для мировоззренческой интервенции, осуществляющейся извне. В условиях противодействия ценностно-идеологическим вызовам представляются чрезвычайно важными недопущение межпоколенческого разрыва и деградации

духовно-нравственных ориентиров; преодоление правового нигилизма в молодежной среде; противодействие насаждению западного образа жизни и стиля потребления, пропагандируемого в том числе посредством интернет-технологий. Нейтрализация рисков, провоцируемых вызовами ценностно-идеологического характера, может достигаться с помощью проведения системной просветительской работы с молодежной аудиторией, а также повышением роли молодежных общественно-политических организаций как агентов политической социализации.

Проведенный анализ демонстрирует, что в проекте Стратегии производится существенный акцент на патриотическом и духовно-нравственном воспитании молодых людей. Полагаем, что реализация плановой работы государства с молодежью призвана привести к содержательной коррекции восприятия в глазах соответствующих поколений государства как партнера, формированию осознания чувства сопричастности за настоящее и будущее развитие государства. Представляется симптоматичным, что обсуждение проекта Стратегии в нижней палате российского парламента совпало по времени с кампанией по выборам Президента РФ, характеризующей событийный контекст. Так, сопредседатель предвыборного штаба кандидата в Президента РФ В.В. Путина А.В. Жога на встрече со студентами и молодежью Воронежа 03 февраля 2024 г. обозначил патриотическое воспитание в качестве определяющей цели и востребованного вектора движения в условиях необходимости защиты молодежи от деструктивных информационных атак со стороны Запада. На основе оценки наметившихся трендов следует предположить, что деятельность в области патриотического и духовно-нравственного воспитания станет одним из лейтмотивов очередного президентского срока В.В. Путина, что имеет колоссальное идеологическое значение.

В заключение отметим, что формирование ценностных приоритетов современной российской молодежи представляется одной из основополагающих задач в контексте реализации государственной молодежной политики, что особенно актуально в условиях рассмотренных вызовов ценностно-идеологического характера. Стратегия молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года в этой связи воплощает пути и механизмы совершенствования подходов к работе с молодежью в контексте актуальной социально-политической повестки и проектированию ценностного ядра соответствующей социальной группы, имеющей определяющее значение в интересах сохранения социально-политической стабильности и конструирования образа будущего.

Литература

1. Вилков А.А. Идеологические предпочтения молодежи как фактор представлений о желаемом будущем России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. № 1. С. 71–78. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-71-78. EDN: VBWPST
2. Ежов Д.А. Государственный патриотизм в системе политических ценностей российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 372–374. EDN: VQPQTM
3. Камалова М.И., Соловьев А.И. Государственная молодежная политика: проблемы и траектория развития в современной России // Государственное управ-

- ление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 62–83. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10109. EDN: MDYYRK
4. Расторгуев С.В. Политическая идентичность и политическая культура современной российской молодежи // *Власть*. 2023. Т. 31. № 4. С. 126–131. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9702. EDN: DXKXWR
 5. Расторгуев С.В. Типологизация политической идентичности современной российской молодежи // *Власть*. 2023. Т. 31. № 1. С. 30–35. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9458. EDN: VUPAYV
 6. Стратегия молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года (проект) // Министерство науки и высшего образования РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52xyn3us4ky.pdf>
 7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России [Электронный ресурс]. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502
 8. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Президент России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>
 9. Ходякова Н.В. Патриотизм как традиционная российская духовно-нравственная ценность и его воспитание // *Академическая мысль*. 2023. № 1 (22). С. 116–120. EDN: LYDKXA

FORMATION OF A SYSTEM OF VALUE PRIORITIES OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF DESIGNING OF THE STATE YOUTH POLICY¹

Ezhov D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the problem of forming a system of value priorities of Russian youth in the context of the content of the draft Strategy of Youth Policy in the Russian Federation for the period up to 2030. As a result of the analysis, the determining importance of patriotic and spiritual and moral education of young people in the context of value and ideological challenges is noted. Special atten-

tion is paid to the issue of neutralizing the risks of implementing the Strategy by conducting educational work aimed at affirming traditional values characteristic of Russia in the youth consciousness, considered as an alternative to destructive information influence from Western states.

Keywords: youth, state youth policy, traditional values, patriotism, strategic planning.

References

1. Vilkov A.A. Ideological preferences of youth as a factor of perceptions of the desired future of Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2023. Vol. 23. No. 1. pp. 71–78. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-71-78. EDN: VB-WPST
2. Ezhov D.A. State patriotism in the system of political values of Russian youth. *Azimuth of Scientific Research: Economic and Administration*. 2018. Vol. 7. No. 4 (28). pp. 372–374. EDN: VQPQTM
3. Kamalova M.I., Solovyov A.I. State youth policy: problems and ways of development in modern Russia. *Public Administration. E-journal (Russia)*. 2020. No. 83. pp. 62–83. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10109. EDN: MDYYRK
4. Rastorguev S.V. Political identity and political culture of modern Russian youth. *The Authority*. 2023. Vol. 31. No. 4. pp. 126–131. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9702. EDN: DXKXWR
5. Rastorguev S.V. Typologization of the political identity of modern Russian youth. *The Authority*. 2023. Vol. 31. No. 1. pp. 30–35. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9458. EDN: VUPAYV
6. The strategy of youth policy in the Russian Federation until 2030 (draft) // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation [Electronic resource]. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/28d/hyihn9b0mm2iafi1yfokx52xyn3us4ky.pdf>
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 19.11.2022 «On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values» // President of Russia [Electronic resource]. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48502
8. Federal Law No. 489-FZ dated 30.12.2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» // President of Russia [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>
9. Khodyakova N.V. Patriotism as a traditional Russian spiritual and moral value and its upbringing. *Academic Thought*. 2023. No. 1 (22). pp. 116–120. EDN: LYDKXA

¹ The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds on the state assignment of the Financial University.

Анализ принятия военно-политических решений

Урсул Виталий Игнатович,

к.п.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

В статье анализируются методики и подходы исследователей к анализу военно-политической обстановки. Наиболее актуальными представляются такие методики, как ивент-анализ, контент-анализ, методика когнитивного картирования и метод сценариев. Исследование сводится к выявлению и оценке рисков возникновения военных угроз и вероятного сценария их практического воплощения.

В конечном итоге это позволяет не только комплексно оценить военно-политические угрозы, но и определить упреждающие меры для их максимальной нейтрализации. Описанные в исследовании методики в целом позволяют оценить факторы, влияющие на принятие решений. Комплексное применение данных методик повышает степень достоверности полученных результатов с учетом как объективных, так и субъективных факторов.

Ключевые слова: ивент-анализ, контент-анализ, методика когнитивного картирования, метод сценариев.

В информационно-аналитическом обеспечении принятия государственных решений по оборонным вопросам, в первую очередь в оценке состояния военно-политической обстановки (ВПО), применяются различные методики и подходы.

Традиционно научная область знаний рассматривает 3 типа методик изучения ВПО – «поведенческие», «структурные» и «эволюционные». Рассмотрим подробно каждый тип в отдельности.

«Поведенческие» методики основаны на выявлении и описании причин и характера явлений политической жизни. Цель данной методики – выделить и обосновать причины военных конфликтов.

«Структурные» методики представляют собой последовательный анализ структуры международных систем.

«Эволюционные» методики нацелены на описание различных структур в мировой политике в разрезе их эволюционного становления.

Названные методики изучения международных военно-политических отношений в чистом виде встречаются очень редко. Наибольшее развитие получили их интегрированные варианты, позволяющие учесть положительные качества каждой из них.

На основе приведенных методик в ведущих западных странах сформировалось несколько направлений отслеживания ВПО в регионах, в мире в целом с учетом которых разрабатываются прикладные методы исследования.

Зарубежными теоретиками в настоящее время наиболее широко используются геополитические модели, положения которых, по их мнению, помогают оценивать развитие ВПО с точки зрения территориального положения государств и географического распределения их национальных интересов. С их помощью можно определить в первом приближении рамки возможного изменения как военной мощи государства, так и их притязания на международной арене [1, с. 124].

В «национальной силе» государства Г. Моргентау структурно различает 9 категорий, среди которых: географическая локация, природные ресурсы, промышленный потенциал, качество высшего военно-политического руководства, уровень подготовки вооруженных сил, морально-психологическая устойчивость населения, этнический состав, способность отстаивать свои национальные интересы на международной арене, уровень дипломатии [10, с. 24–30].

Свою методику оценки результатов международного конфликта предложил К. Райт [11, с. 435]. В модели Райта при анализе конфликта рассматривается соотношение между собой таких факторов как: интересы национального характера, военная мощь каждой из сторон конфликта, влияние, оказываемое мировым сообществом в целом и уязвимость сторон. Сопоставление представленных выше пунктов позволяет ученым оценить шансы каждого на победу.

Указанная методика предоставляет возможность оценить риски возникновения угрозы и возможные варианты ее воплощения. Под угрозой в данной ситуации подразумевается наличие опасности национальным интересам.

Оценка рисков рассчитывается, исходя из следующих факторов:

- один из партнеров на мировой арене располагает внушительным набором средств, представляющим угрозу;
- один из партнеров имеет положительный опыт виртуозного выхода из конфликтных ситуаций;
- разрешить конфликтную ситуацию в заданных условиях политической обстановки мирно и безопасно не представляется возможным.

Вышеуказанная методика тесно связана с теорией конфликтов, что в целом позволяет максимально комплексно оценить угрозы и предпринять ряд превентивных мер.

Помимо многофакторных моделей ВПО в информационно-аналитическом обеспечении государственных решений по оборонным применяются однофакторные модели, примененные Ричардсоном в 40-е гг. XX века [6, с. 481–486].

В современном разнообразии существующих методик в рамках проводимого анализа целесообразно отдельно остановиться на контент-анализе, ивент-анализе, а также на так называемом когнитивном картировании [7, с. 166–186].

Данные методики заслуживают особого внимания с той точки зрения, что они формировались и применялись на практике в отличные друг от друга периоды развития военно-политических исследований.

Самым распространенным методом анализа внешнеполитической обстановки является ивент-анализ.

Ивент-анализ основывается на наблюдении за эволюцией обстановки в отдельной стране, регионе и т.д. [8]. Существует 2 практики проведения подобного рода анализа на сегодняшний день: «снизу-вверх» и «сверху-вниз».

В случае с практикой «снизу-вверх» анализ начинается со сбора информации эмпирическим путем и как следствие получение аналитических выводов.

Подход «сверху-вниз» представляет собой структурированный анализ на самых ранних этапах сбора информации, проводимый с целью охватить разносторонние аспекты ситуации и тем самым прийти к максимально достоверным выводам.

Следует сказать, что в научных исследованиях подобные практики в большинстве своем употребляются комплексно, во взаимодействии, по отдельности – они не дадут максимальной эффективности.

Методика ивент-анализа применяется как для анализа конфликтной ситуации, так и для разрешения кризисной ситуации в мирный период, в процессе переговоров [9].

Применение ивент-анализа на практике имеет следующую структуру:

- 1) сбор данных;
- 2) разделение собранных данных на отдельные единицы «что-где-когда»;
- 3) соотнесение полученных в результате анализа данных с задачами, поставленными вначале исследования.

Что представляет собой единица исследования в рамках ивент-анализа?

Традиционно выделяются два вида единиц: субъекты военно-политических отношений и их действия. Субъектами в данной ситуации могут быть государства и их политические лидеры, а также политические институты и движения. Поскольку единица ивент-анализа определяется в соответствии с целью, то в качестве единицы также иногда выступают вербальные и физические действия. После определения цели для эффективного анализа необходимо определить для себя признаки, по которым можно будет сделать правильные выводы о военно-политической ситуации.

Далее анализируемый период разбивается на отрезки, каждый из которых рассматривается на предмет сравнения и сопоставления наблюдаемых событий и явлений.

К настоящему моменту мировая практика показывает, что метод ивент-анализа доказал свою эффективность. К одним из самых его положительных качеств следует отнести высокую степень информации о событиях.

Рассмотрим следующую, не менее популярную методику контент-анализа. Данная методика раскрывается на практике в полной мере за счет опоры на лингвистические и психолингвистические основания.

Особо популярной методика контент-анализа предстает в ситуациях, когда анализируется именно язык как источник информации с его уникальными характеристиками в отдельно взятой ситуации. То есть оценивается непосредственно текстовый материал на предмет выявления целей противоборствующей стороны (в ситуациях конфликта) и установления причинно-следственных связей.

Таким образом, при проведении подобного рода анализа на уровне текста удается выявить смысловые опорные точки, классификация которых в дальнейшем позволяет ответить на главные вопросы исследования, сформулированные вначале.

В контент-анализе в целом выделяются, ко всему прочему, качественный и количественный подходы. Именно благодаря применению качественного и количественного подходов в комплексе метод контент-анализа отличает скрупулезная точность полученных по итогу результатов. Данный метод позволяет расширить диапазон представлений о реальных действиях сторон и поставленных перед ними целей.

Методика когнитивного картирования.

В информационно-аналитическом обеспечении данная методика привлекает внимание широкого круга исследователей ввиду того, что те психологические аспекты личности, которые она затрагивает, позволяют раскрыть субъективный взгляд личности на возникшую проблему в разрезе принимаемого ей решения.

Методика когнитивного картирования представляет собой часть когнитивной психологии, которая в свою очередь уделяет внимание принципу организации, динамике и формированию в целом знаний человека об окружающем его мире. Считается, что данная методика позволяет построить прогнозы в отношении поведения политических лидеров в различных ситуациях. В качестве примера целесообразно привести прогноз, сделанный М. Бозмом и М. Шапиро. Прогноз касался ситуации на Ближнем Востоке. Стоит отметить, что подобный подход позволил с максимальной точностью не только спрогнозировать поведение политических лидеров в этом конфликте, но и оценить риски его перерастания в крупномасштабный конфликт [5, с. 37].

Методика когнитивного картирования в первую очередь нацелена на выявление основных понятий, которыми оперирует сторона/стороны, взаимодействующие друг с другом, а также на установление между выделенными и впоследствии описанными понятиями причинно-следственных связей. Для максимальной эффективности этапы проводимого анализа оформляются в виде схемы. Схема состоит из ключевых позиций, сгруппированных в многоуровневые ячейки по принципу общности категорий сознания личности. Впоследствии при данной методике расставляются стрелочки между представленными ячейками с указанием причинно-следственных связей анализируемого деятеля в отдельности или нескольких деятелей в комплексе.

В целом вышеописанная методика позволяет пролить свет на то, как видит тот или иной политический деятель рассматриваемую политическую проблему, как он ее оценивает [4, с. 144].

Следует сказать, что методика когнитивного картирования реализуется в основном на основе текстовых сообщений и выступлений политических деятелей. Текст как объект в данной ситуации анализируется на предмет существующих причинно-следственных связей в заданном когнитивно-категориальном пространстве.

Как результат, исследователь будет иметь перед собой многоуровневую графическую карту с описанием возможных вариантов развития ситуации, что в целом может позволить избежать ряда проблем, ведущих к крупным столкновениям, именно путем детального ознакомления с тем, как, что и откуда все происходит.

Методика когнитивного картирования вместе с тем весьма универсальна в отношении базы для проведения различного рода исследований.

Путем внедрения устоявшихся политических понятий и ряду математических подсчетов вышеуказанная методика позволит не только проанализировать последовательность принятия политических решений, как на внутреннем – так и на внешнеполитическом уровнях, но и выделить и описать основные модели поведения политических деятелей в различных ситуациях взаимодействия, что в конечном итоге будет способствовать более глубокой схематизации событий на мировой арене с целью выведения дополнительных моделей по разрешению и даже недопущению многих конфликтов, возникших на почве разногласий по тем или иным вопросам.

Также данная методика вполне способна не только выявить общие черты и разность характеров различных политических деятелей, но и вполне может стать хорошей основой для создания графиков по моделированию нетипичных «внештатных» ситуаций на мировой арене. А, как говорится, признание факта наличия проблемы – половина пути для ее разрешения.

В дальнейшем подобного рода графики позволят сгруппировать самые популярные модели поведения различных политических лидеров и тем самым предупредить ряд внештатных ситуаций в отношении конфликтов сторон.

Однако отметим, что для максимально эффективного прогнозирования ситуации желательней использовать несколько методов в совокупности и только в ситуации неопределенного развития событий применяется метод сценариев, который представляет собой синтез и анализ альтернативных вариантов изменения ВПО в виде сценариев развития военно-политической и военно-стратегической обстановки [2, с. 91–102].

По результатам предварительных оценок и расчетов сценарии уточняются, после чего появляются новые варианты, оформленные в виде ситуационных моделей, учитывающих вероятность реализации угрозы и возможный ущерб при выбранном варианте реагирования.

К показателям риска, как правило, относят: расчетное время (или быстроту) достижения успеха в операции, компании, войне; вероятность достижения успеха; возможность одновременного политического, стратегического, экономического сдерживания противника или одновременного ведения боевых действий на различных оперативно-стратегических направлениях.

Выбор варианта реагирования на угрозы зависит от имеющихся ресурсов, степени военной опасности, выбора мер нейтрализации угрозы (политико-дипломатических, экономических, военно-технических и собственно военных).

На основе оценки политической ситуации намечаются варианты сдерживания и нейтрализации потенциальных угроз и реагирования на непосредственные угрозы. Подготовленные альтернативные варианты снижения риска сравниваются по критерию «эффективность – стоимость», из них выбирается оптимальный. Затем разрабатываются планы межведомственного и межгосударственного взаимодействия по снижению риска, распределяются обязанности и согласовываются внутриведомственные и межгосударственные бюджетные расходы. Уточненные планы доводятся до исполнителей (командования группировок ВС, других войск, союзников).

В ситуационных центрах метод сценариев традиционно именуется ситуационным анализом, разработка которого датируется 70–80-ми годами XX века [3, с. 411–417]. Местом разработки принято считать Институт мировой экономики и международных отношений Российской Академии Наук.

Структурно в методе ситуационного анализа выделяется три экспертно-аналитических этапа.

1. Аналитический сценарий представлен в виде системы с определенной структурой, взаимодействующей с внешними факторами политической обстановки.
2. Выведение из сформированной структуры определенного количества разносторонних экспертных оценок.
3. Формирование итогового информационно-аналитического заключения.

С точки зрения организационного оформления ситуационный анализ представляет собой ряд этапов:

- собственно проблема, требующая детального анализа;
- подборка необходимых для ее разрешения материалов;
- распространение сформированного сценария заинтересованными сторонами;
- формирование базы данных на основе собранных материалов;
- итоговый информационно-аналитический документ с учетом собранных аналитических данных.

Считается, что подобного рода анализ осуществляется узким кругом экспертов по строго выработанному сценарию. Его отличительной особенностью является уникальная возможность обмена мнениями в конструктивной дискуссии, в ходе которой формируется новый блок знаний, понимания проблемы с последующей возможностью выведения прогноза.

Описанные в исследовании методики в целом позволяют оценить факторы, влияющие на принятие решений. Комплексное применение данных методик повышает степень достоверности полученных результатов с учетом как объективных, так и субъективных факторов.

Литература

1. Бжежинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения. 1999. – С. 124.
2. Краснов Б.И. Анализ политических ситуаций. Метод сценариев // Социально-политический журнал. 1997. № 5 С. 91–102.
3. Кривохижа В.И. Россия в новом мире: время решений. – М.: РИСИ, 1998. С. 411–417.
4. Лебедева М.М. Политическая психология за рубежом. Основные направления и некоторые вопросы методологии исследования // Критика буржуазных политологических концепций. – М., 1982. – С. 144.
5. Лебедева М.М., Тюлин И.Г. Прикладная междисциплинарная политология: возможности и перспекти-

вы // Системный подход: анализ и прогнозирование международных отношений. – М., 1991. – С. 37.

6. Мангейм Джарол. Б., Рич Ричард К. Политология. Методы исследования: пер. с англ. – М., 1997. – С. 481–486.
7. Ремарчук В.Н. Информационная аналитика: теория, методология, технология: учебник для вузов / В.Н. Ремарчук. – Санкт-Петербург: Лань, 2022. – 224 с.
8. Azar E. Theory and Practice of Event Research. – N.Y., 1975.
9. Blaker M. Japanese International Negotiation Style. – N.Y., 1977.
10. Morgenthau H.I. In Defense of National Interests. – N.Y., 1957. – P. 24–30.
11. Wright Q. The escalation of International Conflict. The Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. IX, № 4. P. 435.

ANALYSIS OF MILITARY-POLITICAL DECISION-MAKING

Ursul V.I.

MSTU im. N.E. Bauman

The article analyzes the methods and approaches of researchers to the analysis of the military-political situation. The most relevant methods seem to be event analysis, content analysis, cognitive mapping technique and scenario method. Research comes down to identifying and assessing the risks of military threats and the likely scenario for their practical implementation.

Ultimately, this allows not only to comprehensively assess military-political threats, but also to determine proactive measures to neu-

tralize them as much as possible. The methods described in the study generally allow us to assess the factors influencing decision-making. The integrated application of these techniques increases the degree of reliability of the results obtained, taking into account both objective and subjective factors.

Keywords: event analysis, content analysis, cognitive mapping technique, scenario method.

References

1. Brzezinski Z. The Great Chessboard. – M.: International relations, 1999. – P. 124.
2. Krasnov B.I. Analysis of political situations. Scenario method // Socio-political magazine. 1997. No. 5 P. 91–102.
3. Krivokhizha V.I. Russia in the new world: time for decisions. – M.: RISI, 1998. – pp. 411–417.
4. Lebedeva M.M. Political psychology abroad. Main directions and some questions of research methodology // Criticism of bourgeois political concepts. – M., 1982. – P. 144.
5. Lebedeva M.M., Tyulin I.G. Applied interdisciplinary political science: opportunities and prospects // Systematic approach: analysis and forecasting of international relations. – M., 1991. – P. 37.
6. Mannheim Jarol. B., Rich Richard K. Political Science. Research methods: trans. from English. – M., 1997. – pp. 481–486.
7. Remarchuk V.N. Information analytics: theory, methodology, technology: textbook for universities / V.N. Remarchuk. – St. Petersburg: Lan, 2022. – 224 p.
8. Azar E. Theory and Practice of Event Research. – N.Y., 1975.
9. Blaker M. Japanese International Negotiation Style. – N.Y., 1977.
10. Morgenthau H.I. In Defense of National Interests. – N.Y., 1957. – P. 24–30.
11. Wright Q. The escalation of International Conflict. The Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. IX, No. 4. P. 435.

Нефтегазовая отрасль РФ – инвестиции и социальные аспекты в условиях санкций

Мокрова Екатерина Марковна,

к.п.н., старший преподаватель кафедры английского языка
№ 6 МГИМО МИД России
E-mail: ek.m.mokrova@mgiimo.ru

Нефтегазовая отрасль Российской Федерации находится под беспрецедентным санкционным давлением: антироссийская политика европейских стран привела к прекращению функционирования трубопроводов «Ямал-Европа», «Северные потоки». Доля экспорта российского газа в Европу сократилась на 39%. В период с 2021 по 2022 г. Несмотря на санкционный режим, Россия остается крупнейшим игроком на мировом энергетическом рынке, доля Российской Федерации в мировом экспорте газа и нефти составляет 20%. В статье рассматривается развитие нефтегазового сектора России в условиях действующих санкций, а также инвестиционные перспективы развития нефтегазовой отрасли России. Переориентация экономической политики России на Азиатский рынок, вызванная западными санкциями, открыла новые возможности экономического сотрудничества и партнерства с дружественными странами, прежде всего с КНР и Индией и др. Развитие СПГ проектов РФ, разработка новых месторождений, создание совместных предприятий с Азиатскими государствами. Рассматриваются в статье. Российский энергетический сектор бурно развивается, при этом такие крупнейшие нефтегазовые корпорации России как «Газпром», «Лукойл», «Сургутнефтегаз», «Башнефть» не только инвестируют в новые проекты и технологии, но и занимаются социальным развитием нефтегазовых регионов – Красноярского края, Иркутской области, республики Саха и др. Российская нефть высоко востребована, правительству удалось сохранить стабильность нефтегазовой отрасли российской экономики. Обеспечение энергетической безопасности РФ, развитие новых нефтегазовых. Проектов и объектов инфраструктуры, улучшение и модернизация действующих месторождений остаются приоритетными целями российской энергетической отрасли в ближайшем будущем.

Ключевые слова: нефть и газ, энергетическая отрасль РФ, СПГ проекты, социальная инфраструктура, новые месторождения нефти и газа, инвестиции в нефтегазовую отрасль.

Введение

В феврале 2022 г. нефтегазовая отрасль Российской Федерации претерпела очередную кризисную ситуацию. Такие факторы как прекращение по политическим причинам транзита газа через трубопровод «Ямал-Европа», разрушение газопроводов «Северный поток» и «Северный поток-2», политика европейских стран по сокращению импорта российского газа или полного отказа от него, привели к спаду трубопроводного экспорта газа из России в Европу на 39% за период 2021–2022 гг. На настоящий момент стабильно функционирует лишь трубопроводы «Турецкий поток», «Голубой поток», через которые осуществляются регулярные поставки газа.

Российская Федерация остается крупнейшим игроком на мировом энергетическом рынке, на долю нашего государства приходится двадцать процентов мировых поставок газа и более двадцати процентов мирового экспорта нефти. С учетом роста потребления энергоресурсов в мировой экономике исключить Россию из рынка нефти и газа не представляется возможным.

На нефтегазовую отрасль российской экономики оказывает влияние колебание цен на мировых рынках сырья, а также истощение существующих месторождений и необходимость расширения ресурсного потенциала, что связано с потребностями в инвестициях в отрасль [5, с. 77]. За счет нефтегазовой отрасли формируются доходы бюджета РФ, экспортные доходы, это стратегически важная для РФ отрасль. Эффективное регулирование отрасли со стороны государства позволяет обеспечивать объемы финансирования государственных программ развития ТЭК [5, с. 76].

Ввиду ухода иностранных нефтегазовых компаний с российского рынка, топливно-энергетическому комплексу РФ пришлось коренным образом пересмотреть стратегическую политику развития российского нефтегаза: вместо покупки «готовых решений» и сервисных услуг западных компаний, произошло переориентирование на импортозамещение.

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего исследования является нефтегазовая отрасль Российской Федерации и ее состояние в условиях санкционного режима недружественных государств. Для полной оценки уровня развития нефтегазовой отрасли РФ в условиях санкций и объема инвестиций автор проводил статистический и дискурс-анализ официальных источников и публикаций экономических отчетов правительственных учреждений Российской Федерации.

Необходимо было также рассмотрение факторов эффективности антироссийских санкций, с целью чего использовался метод систематического обзора литературы и публикаций, посвященных данной проблематике.

На основании вышеперечисленных методов автором статьи были сформулированы выводы о текущем состоянии и прогнозы развития нефтегазовой отрасли РФ.

Результаты и их обсуждение

На государственном уровне было определено 18 приоритетных направлений [15] по производству оборудования для СПГ, созданию флота ГРП, технологии морской геологоразведки, катализаторов для НПЗ, базы информационно-технических технологий и программ цифровизации в нефтегазовой и сервисной отраслях. Отечественным нефтегазовым компаниям предстояло действовать по двум возможным сценариям – наладить собственное производство или искать альтернативные поставки.

Запрет на продажу российской нефти в европейские страны должен был больно ударить по экономике РФ, т.к. европейский рынок составлял 50 процентов в структуре российского экспорта нефти, нарушались устоявшиеся логистические цепочки поставок нефти и возникали проблемы со страховкой танкеров, перевозивших российскую нефть. Но самые пессимистические сценарии не оправдались из-за быстрой и оперативной переориентации российских нефтяных компаний на Восток, и несмотря на тот факт, что российские компании стали заключать новые контракты с КНР и Индией, предоставляя существенные скидки. Безусловно, за перспективные рынки Востока будет происходить конкурентная борьба с Саудовской Аравией и Ираном, так же нефтегазовая отрасль РФ находится в прямой зависимости от колебаний мировых цен на нефть [14].

Изначально новые торговые отношения будут поощряться значительным демпингом цен со стороны РФ, а затем ситуация урегулируется рыночными условиями, так как наличие глобальных мировых рынков подразумевает влияние мировой экономики на развитие экономической конъюнктуры в РФ.

Несмотря на санкционное давление в нефтегазовом секторе РФ сохраняется стабильное развитие, вопреки пессимистическим прогнозам начала 2022 г. В 2022 г в РФ добыли 535 млн тонн нефти [2]. На фоне ухода иностранных компаний с сервисного нефтегазового рынка РФ наблюдается рост и развитие российских аналогов на рынке РФ, в том числе и процесс импортозамещения сервисного нефтегазового оборудования российским.

Позиция Минпромторга РФ заключается в том, что критической зависимости от поставщиков быть не должно. Для разработки товаров по импортозамещению следует также и создавать унифицированные российские отраслевые стандарты и требования к оборудованию и, конечно, научно-исследовательскую базу, поддерживаемую и финансируемую государством. К 2024 г. планируется снизить долю импорта в этих областях до пятидесяти процентов.

Для сертификации сервисного оборудования, контроля за единой технологической политикой в РФ в 2020 г. на базе Сколково был создан Институт Нефтегазовых Технологических Инициатив (АНО «ИНТИ»), с целью создания единой отраслевой системы стандартизации и оценки соответствия качества продукции для предприятий энергетической отрасли – по сути альтернативы Американскому институту нефти (API) и другим иностранным отраслевым системам и институтам международной сертификации [7]. Это площадка для технического и технологического развития нефтегазовых государств, входящих в Оpek+, внутреннего развития технологий. Благодаря работе института обеспечивается сотрудничество между российскими производителями

технологического оборудования и зарубежными партнерами, производится добровольная сертификация разработок российских компаний нефтегазовой отрасли. В Институт входят такие компании как «Газпромнефть», «СИБУР» и «Татнефть», «Газпром» и др.

Также ежегодно проводится Российский Нефтегазовый Технический Конгресс, на котором представители крупнейших российских нефтегазовых компаний, молодые технические специалисты, представители РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина обмениваются опытом и обсуждают новые технологии.

До начала СВО роль стран Азии в экспорте нефти РФ была мала [7] – в 2020 г. Европа получала 48% экспорта нефти РФ, а Азия – 33%, из которых на долю КНР приходился 31%. С учетом ввода шестого пакета санкций ЕС, по которому запрещается импорт российской сырой нефти и нефтепродуктов, доля стран Азии в экспорте нефти РФ будет неуклонно расти.

По мнению А. Новака [7], заместителя Председателя Правительства РФ, Россию очень сложно заменить на мировом нефтегазовом рынке. Несмотря на сложности, связанные с санкционным режимом, введенным странами коллективного Запада с 2014 г., ситуацией вокруг Северных потоков, эмбарго на поставку российской нефти и газа со стороны Европы и введение потолка цен на российские энергоносители, российский ТЭК выжил. Прежде всего успех связан с быстрой переориентацией логистических цепочек на Восток, что выполнено было при поддержке правительства РФ во главе с М. Мишустиним, а также работой по запуску российского механизма страхования нефтяных танкеров, расширению портовых мощностей для осуществления морских поставок.

Несмотря на сложности 2022 г. в инвестиции в российскую нефтегазовую отрасль продолжались и составили почти 2 трлн руб. в 2022 г., на 2023 г. запланировано 2,3 трлн руб. вложений. В бюджете РФ на 2023–2025 гг. запланированы доходы от нефтегазового сектора в размере почти 50 процентов, для поддержания конкурентоспособности нефтегазовой отрасли РФ необходимо: модернизировать и обустраивать новые месторождения, поддерживать шельфовую добычу, и ТРИЗ (трудноизвлекаемые запасы), например, совершенствовать технологии по добыче ТРИЗ, (высоковязкая нефть, разработка баженовских, абалакских, доманиковых, хадумских свит и т.д.) [8]. Минэнерго контролирует ситуацию на внутреннем рынке – рост цен на дизельное топливо в 2022 г. не превысил инфляционный уровень, а весь объем произведенных на НПЗ РФ продуктов был реализован.

Большинство нефтегазовых компаний РФ, работающих в условиях Крайнего Севера и в других труднодоступных районах, уделяют значительное внимание развитию инфраструктуры и предоставлению социальных инвестиций. Как правило, представители нефтяного бизнеса поддерживают тесные отношения с региональными властями и оказывают активную поддержку социальной сферы.

Такие крупнейшие российские нефтегазовые компании как ПАО «Лукойл», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Татнефть», ПАО НК «Роснефть», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО АНК «Башнефть», осуществляют социальные программы по следующим направлениям:

- повышение квалификации сотрудников посредством ведущих профильных ВУЗов и средних специальных учебных заведений, что формирует непрерывный процесс обучения всех категорий сотрудников [8];
- предоставление корпоративного пенсионного обеспечения работников;

- предоставление медицинского страхования и диспансеризации работников;
- мероприятия в сфере охраны труда и производственной безопасности;
- развитие инфраструктуры вахтовых поселков;
- забота об окружающей среде на месторождениях (утилизация отходов, увеличение производства экологически чистого топлива, рекультивация загрязненных земельных участков, переработка нефтяного и бурового шлама).

ПАО НК «Башнефть», ПАО НК «Роснефть», ПАО «Сургутнефтегаз», ОАО «Татнефть» оказывают поддержку редким народам Севера и социально незащищенным слоям населения. Социальные инвестиции нефтегазовых компаний включают также и развитие инфраструктуры регионов, в которых находятся месторождения и производства, создание новых рабочих мест, оказание благотворительной и спонсорской помощи, оказание помощи по программам городского и территориального развития; подготовка кадров, в том числе и профессиональная подготовка подростков и реализация социальных проектов, финансирование строительства социальных объектов жилья и объектов инфраструктуры [1].

В рамках социальных инвестиций можно назвать и такие мероприятия нефтяных компаний, как поддержание высокого уровня заработной платы и предоставление широкого социального пакета сотрудникам компаний и членам их семей.

Развитие новых нефтегазовых месторождений и проведение работ по геологоразведке имеют огромное значение для социально-экономического развития регионов – создание эффективных производств, с применением новых технологий. Развитие и активизация деятельности топливно-энергетических компаний оказывает положительное воздействие на социальное развитие регионов. Освоение месторождений (Восточной Сибири, Красноярского края, Иркутской области, республики Саха) является приоритетным для экономической и энергетической безопасности России [1] и являются основной статьей дохода регионов добычи.

Одним из приоритетных направлений Минэнерго РФ – поиск новых направлений поставок нефти и газа, в том числе с использованием СПГ проектов, нацеленных на внешний рынок, (следует отметить, то благодаря низкой себестоимости, СПГ проекты РФ одни из наиболее дешевых в мире); важнейшей вехой развития нефтегазовой отрасли РФ станет реализация при поддержке правительства планов по развитию Северного Морского пути, в соответствии с федеральным проектом, в рамках осуществления которого будут строиться новые объекты нефтегазовой инфраструктуры, морских портов и флота для доставки грузов.

В соответствии с прогнозами Минэнерго РФ к 2030 г. мировой спрос на СПГ возрастет за счет увеличения потребления в странах Азии, особенно Индии и КНР. В планах развития промышленности РФ производство СПГ должно увеличиться до 100 млн тонн в год. Приоритетами Российской Федерации являются не только удовлетворение газовых потребностей азиатских рынков, дружественных государств ЕАЭС, но и установление новых схем поставок, усиление технологических компетенций, рыночных связей и конкурентного преимущества российских нефтепродуктов.

Минэнерго совместно с Минпромторгом проводит активную работу по обеспечению необходимым оборудованием нефтегазовых компаний (испытываются новые установки ГРП, тестируется новое геологоразведочное и внутрискважинное оборудование и т.д.). Для привле-

чения инвестиций в нефтегазовую отрасль необходимо прежде всего в долгосрочной перспективе благодаря программам импортозамещения и развития собственных технологий минимизировать стоимость разработки нефтегазовых месторождений и проводить совместные разработки новых с дружественными государствами; разнообразить поставки нефтегазовой продукции с целью обеспечения бесперебойного притока доходов в бюджет РФ. Объем инвестиций в нефтегазовую отрасль РФ в 2022 г. составил 1,818 трлн рублей, реализовывались проекты по освоению новых месторождений, а также поддержке развития действующих [3].

Среди технологий импортозамещения можно выделить введение российской технологии сжижения «Арктический каскад». В настоящий момент ее тестируют на заводе «Ямал СПГ», собираются внедрить в структурах «Росатома», «Новатэка», «Газпрома».

Основной затратной статьей нефтегазовых компаний РФ стал пересмотр логистики и поставок продукции (вместо Европы – в страны АТР). Крупнейшие нефтяные корпорации РФ готовы продолжать инвестиционную политику – так, бюджетом компании «Газпром» было предусмотрено 1,98 трлн руб. инвестиций в 2022 г. и 2,3 трлн руб. в 2023 г. [3].

В 2023 г. корпорация «Газпром» планирует инвестиции в развитие новых месторождений в ЯНАО, республике Саха, а также строительство газопровода «Сила Сибири-2» для поставок газа в КНР, который становится основным получателем трубопроводного газа РФ. В планах корпорации и совместные с КНР газохимические проекты, а также строительство небольших заводов по производству СПГ [3].

Корпорация «Роснефть» инвестирует в разработку Ичемминского месторождения «Восток Ойл» в Красноярском крае. «Арктик СПГ-2» в Усть-Луге планируется завершить в два этапа к 2024 г. «Новатэк» строит «Мурманский СПГ», который должны подключить после окончания строительства к единой системе «Газпрома» новые газоперерабатывающие заводы и комбинаты. Амурский ГПЗ, Амурский Газохимический комплекс (совместный проект «СИБУР» и китайской «Синопек»).

А. Новак считает, что в 2023 г. добыча нефти и производство нефтепродуктов в РФ могут сократиться, несмотря на меры поддержки со стороны правительства. В 2022 г. добыча природного газа в РФ сократилась почти на 12 процентов, в основном из-за падения поставок в Европу на 55 процентов по сравнению с 2021 г. Экспорт СПГ вырос на 20%.

Основным потребителем трубопроводного газа РФ должен стать Китай, поставки в эту страну могут достичь 100 млрд кубометров в год. Ведутся переговоры об увеличении поставок газа в Казахстан, Узбекистан, Турцию. Поставки в Афганистан, Пакистан – среди планов перспективных обсуждений, так же, как и увеличение производства СПГ внутри РФ. В случае реализации проектов трубопроводов «Сила Сибири», Дальневосточный маршрут, поставки газа РФ на Восток увеличатся до 88 млрд кубометров в год.

Поиск взаимовыгодного сотрудничества в нефтегазовой сфере между РФ и КНР является ключевым фактором двухсторонних отношений государств. Одним из приоритетов энергетической безопасности КНР является диверсификация поставок энергоносителей в страну, а также стимулирование инвестиций в экономики государств, поставляющих энергоресурсы в КНР. Таким образом, расширение торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР, стимулирование инвестиций КНР в российские энергетические проекты является приоритетным для обоих государств [10].

Помимо этого, растет доля китайских строительных компаний, активно участвующих в возведении инфраструктуры нефтегазовых месторождений. Это является частью стратегии КНР по продвижению интересов своих корпораций, а также демпингу цен на поставки энергоносителей из РФ. Стремление КНР снизить стоимость поставок энергоносителей из РФ является экономической стратегией КНР – «китайцы снижают цены на российские нефть и газ», активно заключая контракты на альтернативные поставки с другими государствами [10].

Компания PetroChina стала крупнейшей компанией-инвестором в мире и планирует тратить около 36,6 млрд долларов в год на капиталовложения [4]. Среди крупнейших инвестиционных проектов КНР в РФ можно выделить следующие [17].

«Ямал СПГ» – совокупный объем инвестиций составил 20 млрд долларов США.

«СИБУР» (в 2015 г. китайская компания СИНОПЕК приобрела 10% холдинга, а в 2016 г. 10% СИБУРА переешло Фонду Шелкового пути).

«Арктик СПГ-2» – проект компании «Новатэк» по добыче газа и производству СПГ осуществляется при участии дочерних компаний китайской СNPC.

ОАО «Удмуртнефть», **АОС «Верхнечонскнефтегаз»**.

Многие экономисты считают, что экономические показатели КНР к 2030 г. обгонят американские [6]. Доля КНР в мировой экономике составляет 18%. КНР заинтересован в получении доступа к природным ресурсам РФ, а также максимально использованию территорий РФ (например, строительство деревообрабатывающих заводов в Амурской области и Хабаровском крае) и российского рынка для продвижения огромного объема китайских товаров. Именно эти причины способствуют активному инвестиционному интегрированию КНР в экономику РФ – достаточно упомянуть такие проекты как «Ямал СПГ», приобретение 10% крупнейшей нефтехимической компании РФ «Сибур» (для реализации двух проектов, необходимых для поставок нефтехимических товаров в КНР – строительство завода «Записнефть-хим»), покупка 99% акций ОАО «Удмуртнефти». В Тобольске и предприятия по производству синтетического каучука в Красноярске.

В соответствии с планом развития российско-китайского экономического сотрудничества оба государства выделили приоритетные направления: увеличение масштабов и оптимизация структуры торговли, обеспечение и координирование развития долгосрочных отношений, построение логистических цепочек [18]. Товароборот государств должен достигнуть 200 млрд долларов в 2023 г. Сырьевая экспортная модель в КНР будет увеличиваться и расти. Возрастают взаиморасчеты в юанях, причем РФ планирует расчеты в этой валюте с другими дружественными государствами.

Ввиду высокой потребности в энергетических поставках в КНР, увеличение объемов и диверсификация поставок углеводородов являются приоритетными для страны. Из-за сложившейся ситуации на энергетических рынках и запретительной антироссийской политики стран ЕС и США, КНР получил мощные рычаги давления на энергетические поставки в РФ.

РФ и Индия проводят переговоры по различным планам сотрудничества и инвестиций в области нефтегазовой сферы. В таких российских регионах как Якутия, Сахалинская и Амурские области существует повышенный спрос на сотрудничество с Индией. В свою очередь, в планах индийского правительства инвестировать в РФ порядка 2–3 млрд долларов США. В настоящий момент РФ и Индия сотрудничают в рамках проекта «Сахалин-1»

и Ванкорского месторождения, СПГ-проектов компании «Новатэк» [9].

После 2022 г. РФ становится крупнейшим поставщиком нефти в Индию, перевозимой морским транспортом [16]. В соответствии с прогнозами, спрос на нефтепродукты и нефть на внутреннем рынке Индии будет расти и сотрудничество между двумя государствами в нефтегазовой сфере. В настоящий момент Индия является стабильным и давним партнером РФ в военной отрасли.

В рамках переориентации бизнеса РФ на Восток растет заинтересованность РФ в Индонезийском рынке. Среди приоритетных направлений развития ТЭК РФ называют и сотрудничество РФ и государств Африканского континента. В настоящий момент на континенте представлены следующие российские нефтяные компании – «Лукойл», «Роснефть», «Газпром», «Зарубежнефть», «Татнефть». В рамках сотрудничества РФ и Африки строились и реконструировались трубопроводы в Алжире, республике Конго. Рассматриваются проекты поставок российского СПГ в страны Африки, ведутся переговоры о модернизации действующих в странах ГЭС.

В апреле 2023 г Туркмения организовала форум по привлечению инвестиционных проектов в страну. Приоритетной задачей для страны является освоение морских блоков Каспия с привлечением иностранного капитала. Среди компаний РФ к этому рынку проявляют интерес корпорации «Лукойл», «Транснефть» и «Роснефть» [19].

Важнейшим направлением развития ТЭК РФ является и внутренняя газификация страны – газификация домохозяйств населения и коммунально-бытового сектора. На настоящий момент – это социальный проект, которым занимается дочернее предприятие «Газпрома» «Газпром-газификация». В соответствии с прогнозами до 2030 г. внутреннее потребление газа в РФ повысится [12].

Заключение (выводы)

Согласно различным прогнозам аналитиков [11] для поддержания уровня добычи нефти РФ потребуются стимулирование инвестиций в отрасль и реконсервация скважин. Несмотря на санкционное давление, можно говорить о стабильном развитии российского нефтегазового сектора, но для поддержания стабильности отрасли необходимо инвестировать в российский нефтегаз от 500 до 700 млн долларов США ежегодно [11].

Российская нефть остается востребованной, разрабатываются программы полностью локального производства газотурбинных установок усилиями российских предприятий «Силовые машины», «Интер РАО». СПГ и строительство связанных с производством инфраструктурных объектов является приоритетным направлением энергетической стратегии развития ТЭК РФ и способствуют развитию социальной инфраструктуры регионов. Несмотря на санкционную политику Запада, подходы на «Северных потоках», введение новых потолков, РФ удалось сохранить стабильность в топливно-энергетической отрасли, переориентировать рынки сбыта, выстроить новые логистические цепочки. Обеспечение энергобезопасности РФ, способствование эффективности энергетической отрасли, развитие новых объектов инфраструктуры – остаются приоритетными задачами отрасли в ближайшем будущем. Увеличение экспортных мощностей газа в ближайшем будущем должно быть связано со строительством новых заводов СПГ и газопроводов в КНР, что подразумевает большой объем инвестиций в отрасль [12].

По мнению заместителя министра энергетики П. Сорокина [13] российская нефтегазовая отрасль адаптировалась к сложнейшим кризисным условиям. Благодаря введенному странами Запада санкционному режиму, у российских нефтегазовых компаний появились дополнительные возможности для развития национального сервисного российского рынка. Среди предстоящих в ближайшее время вызовов перед нефтегазовой отраслью России стоит прежде всего наращивание объемов производства СПГ, модернизации существующих нефтегазовых производств, наладить логистические связи и системы оплаты, в ближайшее время отрасль останется основным локомотивом Российской экономики [13].

Литература

1. Грязнухина В.Р., Ноговицын Р.Р. Развитие нефтегазового комплекса в условиях Севера. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2012. –218 с.: ил. ISBN 978-5-94047-309-1.
2. Захаров А.Н., Карпова А.А. «Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая в нефтегазовой сфере в условиях новой геополитической обстановки» опубликована в журнале «Neftegaz.RU» № 11, ноябрь 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/ekonomika/756452-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-neftegazovoy-sfere-v-usloviyakh-novoyu-geopo/> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Калмацкий М. «Нефтегазовые компании России готовы и дальше инвестировать в отрасль, несмотря на геополитические сложности». Российская Газета. 14.06.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2023/06/14/barrel-zovet.html> (дата обращения: 22.01.2024).
4. Макарова Н. «Китай наращивает инвестиции в нефть и газ». Национальная Ассоциация Нефтегазового Сервиса. 21.06.2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://nangs.org/news/upstream/kitay-narashivaet-investitsii-v-nefty-i-gaz> (дата обращения: 18.11.2023).
5. Назарова Ю.А., Лышко А.А., Горюнов И.О. Современное состояние и перспективы развития нефтегазовой отрасли в контексте обеспечения экономической безопасности // Вестник РГГУ. Серия. Экономика. Управление. Право. 2022. № 3. С. 75–87. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-75-87.
6. Новикова Е. «Зачем Китай инвестирует в Россию». Ведомости. 07.09.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/investments/columns/2023/09/07/993803-zachem-kitai-investiruet-v-rossiyu> (дата обращения: 28.11.2023).
7. Новодережкин А. Интервью с А. Новаком. ТАСС. 26.12.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/interviews/16682645> (дата обращения: 07.12.2023).
8. Олейникова И.Н., Ковальский С.И. Социальные инвестиции компаний нефтегазовой отрасли: практические аспекты реализации. // Вестник Таганрогского института управления и экономики. № 2. 2020. С. 33–37.
9. Полещук А. «Альтернатива Европе: Россия нашла, куда пристроить свою нефть». Газета. Ру. 23.06.2021. [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.gazeta.ru/economics/2021/07/23/13792808.shtml> (дата обращения: 13.01.2024).
10. Русак Н.А. «Россия и Китай: от торговли энергоресурсами к инвестиционному сотрудничеству». Деловой журнал «Neftegaz.RU». 19.07.2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/mezhdunarodnye-otnosheniya/555506-rossiya-i-kitay-ot-torgovli-energoresursami-k-investitsionnomu-sotrudnichestvu/> (дата обращения: 07.02.2024).
11. Савенкова Д. «Российским нефтяникам до 2030 года придется наращивать инвестиции в добычу». Ведомости. 20.10.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/20/946430-rossiiskim-neftyanikam-pridetsya-narashivat-investitsii> (дата обращения: 24.11.2023).
12. Семикашев В. Возможности и ограничения развития российской газовой отрасли в условиях санкций на перспективу до 2030 г. «Энергетическая политика». 12.09.2023 [Электронный ресурс]. – URL: <https://energypolicy.ru/vozmozhnosti-i-ogranicheniya-razvitiya-rossijskoj-gazovoj-otrasli-v-usloviyah-sankcij-na-perspektivu-do-2030-g/gaz/2023/13/12/> (дата обращения: 14.12.2023).
13. Сорокин. П. «Нефтегаз останется одним из крупнейших драйверов и инвесторов в российскую экономику». Энергетика и промышленность России. 15.06.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2023/6846784.htm>. (дата обращения: 23.01.2024).
14. Фадеев А. «Будущее нефтегазовой отрасли за развитием российской системы стандартизации, импортозамещением и цифровизацией». Нефть и газ Сахалина. 26.09.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sakhainoildgas.ru/news/items/budushchee-za-tsifrovizatsiyey-neftegazovogo-kompleksa-aleksey-fadeev-institut-neftegazovyykh-tekhnolog/> (дата обращения: 13.02.2024).
15. Халбашкеев А. «Нефтегазовая отрасль в условиях санкций: ищем пути выхода». Сколково. 01.09.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sk.ru/news/neftegazovaya-otrasl-v-usloviyah-sankcij-ishem-putiyhoda/> (дата обращения: 03.12.2023).
16. Юшков И. «Почему санкции не убили нефтяную отрасль России». Sputnik. 29.12.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://uz.sputniknews.ru/amp/20221229/pochemu-sanktsii-ne-ubili-neftyanuuyu-otrasl-rossii-31167855.html> (дата обращения: 13.02.2024).
17. Российско-азиатский союз промышленников и предпринимателей «Топ крупнейших китайских инвестиций в Россию». 12.05.2023. [Электронный ресурс]. – URL: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/ (дата обращения: 23.11.2023).
18. БКС Экспресс «Россия сближается с Китаем. Что это значит для инвесторов.» 29.03.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/rossiya-sblizhaetsya-s-kitaem-chto-etoznachit-dlia-investorov> (дата обращения: 23.11.2023).
19. Финам «Российский нефтегаз может заработать в Туркмении – кто от этого выиграет?» 12.05.2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/rossiyskiy-neftegaz-mozhet-zarabotat-v-turkmenii-kto-ot-etogo-vyigraet-20230512-1230/> (дата обращения: 20.01.2024).

RUSSIAN OIL INDUSTRY: INVESTMENT AND SOCIAL ASPECTS UNDER SANCTIONS

Mokrova E.M.
MGIMO University

Russian Oil and Gas industry is under unprecedented sanctions pressure – anti-Russian European policy cancelled Yamal-Europe

and North Stream pipeline gas transfer, reducing by 39% Russian pipeline gas export in 2021–2022. Despite sanctions Russia remains major player in global energy market with 20% of world gas & oil export. The article studies Russian oil & gas sector development strategy under current sanctions conditions and investment options for Russian oil and gas industry. Sanctions-driven shift of Russian economic policy to Asian states has opened new opportunities of economic partnership and cooperation with friendly states such as China, India and others. LNG Russian projects, new oilfields development and Asian states joint oil and gas projects are examined in the article. It turns out that Russian energy sector is far from stagnating with leading Russian oil giants “Gasprom”, “Lukoil”, “Surgutneftegas”, “Bashneft” not only investing in new projects and technologies but also contributing to social development of Russian oilfield regions of Krasnoyarsk, Irkutsk and Sakha Republic. Russian oil is on high demand, Russian government has managed to maintain stability in oil and gas sector of the country’s economy. Safeguarding Russian energy security, development of new oil & gas infrastructure projects, upgrade and modernization of current facilities and export increase remain priority targets of Russian energy sector in the near future.

Keywords: oil & gas, Russian energy sector, LNG projects, social infrastructure, new oil and gas field development, oil & gas investments.

References

- Gryaznukhina V.R., Nogovitsyn R.R. Development of the oil and gas complex in the North. – St. Petersburg: Publishing house of the St. Petersburg University of Management and Economics, 2012. –218 p.: ill. ISBN 978-5-94047-309-1.
- Zakharov A.N., Karpova A.A. “Trade and economic cooperation between Russia and China in the oil and gas sector in the new geopolitical situation” was published in the magazine “Neftegaz.RU” No. 11, November 2022. [Electronic resource]. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/ekonomika/756452-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-neftegazovoy-sfere-v-usloviyakh-novoy-geopo/> (access date: 12.01.2024).
- Kalmatsky M. “Russian oil and gas companies are ready to continue investing in the industry, despite geopolitical difficulties.” Russian newspaper. 06/14/2023. [Electronic resource]. – URL: <https://rg.ru/2023/06/14/barrel-zovet.html> (access date: 01/22/2024).
- Makarova N. “China is increasing investment in oil and gas.” National Association of Oil and Gas Service. 06/21/2021. [Electronic resource]. – URL: <https://nangs.org/news/upstream/kitay-narashtivaet-investitsii-v-nefty-i-gaz> (access date: 11/18/2023).
- Nazarova Yu.A., Lyshko A.A., Goryunov I.O. Current state and prospects for the development of the oil and gas industry in the context of ensuring economic security // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series. Economy. Control. Right. 2022. No. 3. pp. 75–87. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-75-87.
- Novikova E. “Why China is investing in Russia.” Gazette. 09/07/2023. [Electronic resource]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/investments/columns/2023/09/07/993803-zachem-kitai-investiruet-v-rossiyu> (date of access: November 28, 2023).
- Novoderezhkin A. Interview with A. Novak. TASS. 12/26/2022. [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/interviews/16682645> (access date: 12/07/2023).
- Oleynikova I.N., Kovalsky S.I. Social investments of oil and gas companies: practical aspects of implementation. // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. No. 2. 2020. pp. 33–37.
- Poleshchuk A. “An alternative to Europe: Russia has found where to put its oil.” Newspaper. RU. 06/23/2021. [Electronic resource]. – URL: <https://m.gazeta.ru/economics/2021/07/23/13792808.shtml> (access date: 01/13/2024).
- Rusak N.A. “Russia and China: from energy trade to investment cooperation.” Business magazine “Neftegaz.RU”. 07/19/2020. [Electronic resource]. – URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/mezhdunarodnye-otnosheniya/555506-rossiya-i-kitay-ot-torgovli-energoresursami-k-investitsionnomu-sotrudnichestvu/> (access date: 02/07/2024).
- Savenkova D. “Russian oil workers will have to increase investments in production until 2030.” Gazette. 10/20/2022. [Electronic resource]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/20/946430-rossiiskim-neftyanikam-pridetsyannaraschivat-investitsii> (date of access: 11/24/2023).
- Semikashov V. Opportunities and limitations for the development of the Russian gas industry in the context of sanctions for the future until 2030. “Energy Policy.” 09/12/2023 [Electronic resource]. – URL: <https://energypolicy.ru/vozmozhnosti-i-ogranicheniya-razvitiya-rossijskoj-gazovoj-otrasli-v-usloviyah-sankcij-na-perspektivu-do-2030-g/gaz/2023/13/12/> (access date: 12/14/2023).
- Sorokin. P. “Oil and gas will remain one of the largest drivers and investors in the Russian economy.” Energy and industry of Russia. 06/15/2023. [Electronic resource]. – URL: <https://www.eprussia.ru/news/base/2023/6846784.htm>. (date of access: 01/23/2024).
- Fadeev A. “The future of the oil and gas industry lies in the development of the Russian standardization system, import substitution and digitalization.” Oil and gas of Sakhalin. 09/26/2022. [Electronic resource]. – URL: <https://sakhainoilandgas.ru/news/items/budushchee-za-tsifrovizatsiy-neftegazovogo-kompleksa-aleksey-fadeev-institut-neftegazovyykh-tekhnolog/> (date of access: 02/13/2024).
- Khalbashkeev A. “Oil and gas industry under sanctions: looking for a way out.” Skolkovo. 09/01/2022. [Electronic resource]. – URL: <https://sk.ru/news/neftegazovaya-otrasl-v-usloviyah-sankcij-ishem-puti-vyhoda/> (access date: 12/03/2023).
- Yushkov I. “Why sanctions did not kill the Russian oil industry.” Sputnik. 12/29/2022. [Electronic resource]. – URL: <https://uz.sputniknews.ru/amp/20221229/pochemu-sanktsii-ne-ubili-neftyanuyu-otrasl-rossii-31167855.html> (access date: 02/13/2024).
- Russian-Asian Union of Industrialists and Entrepreneurs “Top of the largest Chinese investments in Russia.” 05/12/2023. [Electronic resource]. – URL: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/ (date of access: 11/23/2023).
- BKS Express “Russia is getting closer to China. What does this mean for investors? 03/29/2023. [Electronic resource]. – URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/rossiya-sblizhaetsia-s-kitaem-cto-eto-znachit-dlia-investorov> (date of access: November 23, 2023).
- Finam “Russian oil and gas can earn money in Turkmenistan – who will benefit from this?” 05/12/2023. [Electronic resource]. – URL: <https://www.finam.ru/publications/item/rossiyskiy-neftegaz-mozhet-zarabotat-v-turkmenii-kto-ot-etogovyigraet-20230512-1230/> (date of access: 01/20/2024).

Легитимация Талибана после прихода к власти в Афганистане

Олимзода Сорбони Шамсиддин,

ассистент кафедры сравнительной политологии ФГСН РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: sorbon.science@mail.ru

Висал Абдул Хаи,

аспирант кафедры сравнительной политологии ФГСН РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1042225064@rudn.ru

Букин Олег Алексеевич,

ассистент кафедры сравнительной политологии ФГСН РУДН
им. Патриса Лумумбы
E-mail: oleg.bukin.2018@inbox.ru

Статья представляет собой комплексное исследование, охватывающее события в Афганистане после захвата власти Талибаном в 2021 году. Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания международной реакции, влияния фракций на политическую обстановку и мер, принятых Талибаном для получения легитимности. Статья посвящена актуальной проблеме легитимации Талибана после их прихода к власти в Афганистане. Цель исследования – дать объективную оценку процесса легитимации Талибана, определить его особенности и взгляды мирового сообщества на новое политическое руководство Афганистана, а также обозначить определенную стратегию в отношении афганского руководства Талибов. Авторами проводится всесторонний анализ дипломатических взаимоотношений, реакции международного сообщества и действий Талибана. Материалы и методы основаны на анализе научных статей и монографий, таких как работы Maizland L. и Laub Z, Боташевой А.К., Мухамеда Ш.И., Пляйса Я.А., Шарабьева Д.С. и Ведмеда Д.М., Мачитидзе Г.Г., Кондрашовой Я.К. и др. Использование различных источников позволило рассмотреть проблему с разных точек зрения и выработать более полное представление о событиях. В ходе исследования выделены ключевые моменты, влияющие на восприятие мирового сообщества и других стран относительно легитимности Талибана. Представлено мнение о том, что понимание динамики политических процессов в Афганистане, представленное в статье, не только расширяет теоретическое понимание проблемы легитимации, но также обеспечивает практические выводы для эффективного взаимодействия с новым афганским режимом. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что легитимация Талибана становится важным фактором внутренней и мировой политики. Внимание уделяется дипломатическим взаимоотношениям и оценкам мирового сообщества, а также динамике событий в стране. Статья представляет уникальный анализ сложного контекста международных отношений и реакций общества на изменения в политической обстановке Афганистана, объединяя различные точки зрения на тему. Работа не только фиксирует события, но и предоставляет ключевые выводы о восстановлении легитимности Талибаном, оценке его положения и влиянии на регион. Это исследование вносит вклад в понимание современной политической ситуации в Афганистане и динамики его международных отношений. Полученные результаты становятся основой для дальнейших исследований в области дипломатии, политологии и международных отношений, предоставляя новые перспективы для теоретического понимания и практического взаимодействия с новым афганским режимом.

Ключевые слова: Талибан, Афганистан, легитимация, политика, дипломатия, легитимация Талибана, международные реакции, взгляд мирового сообщества, политическая динамика в Афганистане, оценка политического лидерства.

Введение

В современном мире, где динамичные события на международной арене воздействуют на политический ландшафт различных регионов, несомненный интерес представляет собой происходящее в Афганистане. В центре внимания стоит внутренняя трансформация страны, вызванная приходом к власти Талибана. Настоящая научная статья предназначена для глубокого анализа и понимания феномена легитимации Талибана в контексте их нового политического режима.

Актуальность исследования в свете современных геополитических реалий трудно переоценить. Афганистан, ставшая зоной многогранных конфликтов, привлекает внимание своим воздействием на региональную и мировую стабильность. Понимание факторов, обеспечивающих легитимность Талибана, становится ключевым вопросом для формирования эффективных стратегий взаимодействия с новым политическим режимом.

Данное исследование ставит своей целью детальное исследование многогранного процесса легитимации Талибана, охватывая не только внутренние меры, принятые режимом, но и реакцию мирового сообщества на эти события. В контексте современных глобальных вызовов и изменений в политической картине мира, понимание механизмов легитимации авторитета Талибана является важным аспектом для анализа текущей геополитической ситуации.

В статье, тесно переплетаясь с историческим контекстом, будут тщательно проанализированы причины, лежащие в основе прихода талибов к власти. Политическая нестабильность, внутренние конфликты и влияние внешних сил будут рассмотрены с целью детализированного изучения вопроса легитимации Талибана после прихода к власти, который вывел талибов на передний план афганской политики. В ходе исследования будет уделено внимание факторам, формирующим легитимность Талибана, и выявлено их взаимодействие с глобальными трендами и вызовами современности.

Основная часть

Исторический контекст

Исторический контекст восхождения Талибана к власти тесно переплетен с историей Афганистана, формируемой серией событий, которые заложили основы для появления этой могущественной силы. Для понимания корней феномена Талибана необходимо погрузиться в исторические предпосылки, заложившие основу политических потрясений и социальных трансформаций.

В первой половине XX века, Афганистан, подвергнутый воздействию колониальных и внешних сил, стал ареной для геополитических игр. В период холодной войны страна оказалась местом противостояния интересов Советского Союза и США, что сказалось на ее внутренней политической структуре. Нестабильность и вмешательство внешних сил стали зародышем для политических конфликтов и социальных потрясений в стране [1].

Сложившийся исторический контекст усугубился в 1979 году, когда в Афганистан были введены советские войска. Вмешательство СССР стало важным моментом, ибо оно активизировало местные антиправитель-

тельственные движения. Сформировавшиеся группы моджахедов, оказывающие сопротивление СССР и поддерживаемые США, в конечном итоге, оказались одним из источников формирования Талибана. Последующее десятилетие сопротивления, поддерживаемое внешними факторами, такими как Соединенные Штаты, Пакистан и Саудовская Аравия, не только отбросило советские войска, но и породило сложную сеть геополитических динамик внутри Афганистана.

Впоследствии, после отхода советских войск в 1989 году, Афганистан оказался в вакууме власти, лишенном устойчивого политического порядка. Последующие годы были отмечены внутренними раздорами и серьезной борьбой за контроль, поскольку различные фракции стремились к контролю над страной. В условиях отсутствия власти политическая и социальная ткань страны развалилась, открывая путь появлению Талибана [2].

Политический ландшафт до прихода Талибана характеризовался фрагментацией и разногласиями. Отсутствие объединяющей центральной власти позволило региональным военачальникам и фракциям оказать значительное влияние, что дополнительно способствовало распаду государственных структур. В результате борьбы за власть усугубились уже неблагоприятные социальные условия, оставляя обычных афганцев на перекрестке конфликтующих интересов [3].

Одновременно общественная структура Афганистана претерпела значительные изменения. Традиционные нормы и структуры подверглись напряжению под воздействием внешних вмешательств и внутренних конфликтов. Разрушение социальной солидарности и распад установленных институтов создали плодородную почву для укоренения радикальных идей.

Социальная обстановка также подверглась серьезным изменениям. Длительная война, вмешательство иностранных держав и внутренние конфликты оказали негативное воздействие на социальные структуры. Образование, здравоохранение и другие общественные службы подверглись разрушению, что привело к ухудшению условий жизни для многих афганцев.

Сложившийся климат неуверенности и безнадежности стал плодородной почвой для возникновения социальных движений, стремящихся восстановить порядок. В этом контексте Талибан, воспринимаясь многими как силы, способные принести стабильность, обрели поддержку значительной части населения. Политическая и социальная обстановка в Афганистане до прихода Талибана была отмечена хаосом, нестабильностью и социальным распадом, что сыграло определяющую роль в формировании почвы для появления и последующего укрепления этой политической силы [4].

Причины прихода Талибана к власти

Переходя к тщательному анализу причин, лежащих в основе прихода Талибана к власти в Афганистане, стоит отметить, что это представляет неотъемлемый этап в осмыслении процесса легитимации данной политической силы после ее прихода к рулю в Афганистане. Объяснение факторов, лежащих в основе возникновения Талибана, а также их роли в формировании политического ландшафта, не только контекстуализирует исследование, но и создает основу для более глубокого понимания процесса легитимации этой организации.

Восхождение Талибана к власти в Афганистане не являлось случайностью, а, скорее, было результатом сложного взаимодействия факторов, которые определили политическую траекторию нации. В основе этого переворота лежит совокупность политической нестабиль-

ности, внутренних конфликтов и далеко идущего вмешательства внешних сил.

Политическая нестабильность, обостренная отсутствием власти после отхода советских войск, создала плодородную почву для появления Талибана. Распад центральной власти и последующая анархия позволили различным фракциям и военачальникам бороться за контроль, погружая нацию в гуцу конфликтующих интересов. Отсутствие целостной политической структуры подготовило почву для использования Талибаном власти, представляя себя как силу, способную восстановить порядок и стабильность [5].

Внутренние конфликты, в том числе племенные разногласия и религиозные противоречия, были важным элементом политического ландшафта. Талибан, представляющий собой движение, объединенное исламским фундаментализмом, успешно выступил в роли посредника в разрешении местных споров. Его способность предложить относительный порядок и стабильность среди хаоса внутренних разногласий была ключевой для его привлекательности.

Внешнее воздействие, особенно в виде поддержки различных группировок со стороны различных иностранных держав, оказалось существенным в формировании политического ландшафта Афганистана. Поддержка со стороны СССР и затем США в различные периоды времени создала сложную сеть союзов и противоречий. Талибан воспользовался этим внешним влиянием, адаптируясь к условиям, чтобы укрепить свое положение в стране.

Анализ роли различных группировок в формировании политической сцены в Афганистане

В формировании политической сцены Афганистана играли ключевую роль различные группировки, включая моджахедов, поддерживаемых США в период советского вмешательства. Эти группировки, хотя и боролись против СССР, после выхода иностранных войск вступили в конфликт между собой за власть. Талибан, в некотором смысле, вытекал из этого мозаичного политического ландшафта, претендуя на роль стабилизирующего фактора.

Произведем также анализ роли разнообразных фракций в формировании политической обстановки, предшествовавшей приходу Талибана к власти в Афганистане. Этот этап исследования необходим для глубокого понимания того, как внутренние динамики и столкновения различных группировок способствовали эмердженции Талибана в политической арене [6].

Роль моджахедов:

Период антисоветской борьбы в Афганистане с 1980 по 1989 год ознаменовался активным участием моджахедов, которые с получением поддержки США и других стран стали основными силами в сопротивлении советским войскам. Однако после окончания войны эти группировки столкнулись с вызовами внутренних разногласий, борьбой за власть и ресурсы. Этот фрагментированный ландшафт способствовал созданию благоприятных условий для восхождения Талибана, который воспринимался многими как стабилизирующая сила в условиях хаоса.

Племенные конфликты:

Племенные разногласия в Афганистане, в том числе между пуштунами и таджиками, создавали почву для политических и социальных конфликтов. Использование племенных альянсов и столкновение интересов различных этнических групп ослабляли центральное правительство, способствуя созданию вакуума власти, который Талибан сумел заполнить, предлагая альтернативу разобщенному политическому ландшафту.

Геостратегическое влияние:

Геостратегические интересы различных иностранных акторов, таких как США, СССР и других региональных игроков, оказывали воздействие на внутренние дела Афганистана. Поддержка различных фракций со стороны этих акторов стимулировала внутренние противоречия и дополняла сложность политической арены, что в итоге способствовало укреплению позиций Талибана.

Сложности динамики фракций были дополнительно усугублены идеологическими различиями. Некоторые фракции придерживались более светских и националистических идеологий, в то время как другие выстраивались по принципам исламизма или джихада. Эти идеологические разногласия, часто подогреваемые внешними воздействиями, создавали линии разделения в политическом ландшафте, мешая формированию единого и стабильного правительства [7].

По мере того как эти фракции боролись за контроль, политическая обстановка становилась все более бурной, отмеченной переменной союзом, предательствами и вооруженными конфликтами. Отсутствие целостного национального правительства позволило лидерам фракций использовать хаос, еще больше углубляя расколы в афганском обществе.

В этом контексте политической фрагментации Талибан выступили как сила, нацеленная на преодоление разделения на фракции. Их обещание введения строгой интерпретации исламского закона нашло отклик среди тех частей населения, которые устали от бесконечных распрей за власть между фракциями. Талибан представили себя как унифицирующую силу, способную восстановить стабильность в нации, расколотои годами конфликтов.

Анализ международной реакции на приход Талибана к власти

Далее перейдем к важному этапу в нашем исследовании – анализу событий, произошедших после прихода Талибана к власти в Афганистане. В начале своего правления Талибан провели ряд мер, направленных на установление жесткого контроля над страной. Это включало в себя введение строгих исламских законов, ограничение свободы прессы и жесткое подавление политической оппозиции. Одним из важных аспектов было изменение социальных и образовательных структур, что имело значительные последствия для афганского общества.

На первых этапах своего правления Талибан быстро внедрили строгую интерпретацию исламского закона. Права женщин были ограничены, запрещена музыка и телевидение, и был введен строгий моральный кодекс. В то время как эти действия нашли отклик в консервативном сегменте афганского населения, они стали объектом критики как на внутреннем, так и на международном уровне за воспринимаемое нарушение прав человека и гражданских свобод.

Одновременно международное сообщество тщательно следило за развитием событий в Афганистане, и восхождение Талибана к власти вызвало спектр реакций. Нации и организации сталкивались с вопросом о том, как взаимодействовать с режимом, который резко контрастировал с действующими нормами управления и прав человека. Особенно Организация Объединенных Наций стала площадкой для дипломатического диалога и обсуждения адекватного ответа на правление Талибана [8].

Несколько стран выразили беспокойство по поводу политики Талибана, особенно в отношении обращения с женщинами и меньшинствами. В дипломатических кругах раздавались призывы к сдержанности и соблюдению

международных стандартов прав человека. Противостояние действий Талибана фону международных норм подогревало дебаты о легитимности режима.

Дипломатический ландшафт дополнялся тем, что Талибан приютил Осаму бен Ладена, вдохновителя атак 11 сентября. Это содружество вызвало быстрые и решительные действия мирового сообщества, достигнувшие своего пика с вторжением в Афганистан в 2001 году под руководством США. Эта операция стремилась не только расколоть режим Талибана, но и ликвидировать террористические сети, действовавшие в стране [9].

Мировая реакция на правление Талибана выразилась в не только дипломатическом осуждении, но и в экономических и политических мерах. Были введены санкции с целью изоляции режима и вынуждения его соответствовать международным нормам. Эти санкции, часто поддерживаемые резолюциями Совета Безопасности ООН, стремились использовать экономическое давление как средство воздействия на поведение Талибан [10].

Многогранный международный ответ на правление Талибана, варьирующийся от дипломатического осуждения до военной интервенции и экономических санкций, подчеркивал сложности взаимодействия с режимом, который отступал от установленных норм. Это подчеркивало тонкое равновесие между уважением национального суверенитета и соблюдением международных принципов, особенно перед лицом правительства, значительно отличающегося от доминирующих глобальных стандартов.

Реакция международного сообщества на захват Афганистана талибами была разнообразной и менялась с течением времени, отражая сложную геополитическую динамику и меняющийся характер конфликта. Вот некоторые общие тенденции и наблюдаемые реакции [11]:

1) Выражение обеспокоенности и критика:

Многие страны и международные организации выразили глубокую обеспокоенность и осудили действия Талибана, особенно в отношении нарушений прав человека и ограничений прав женщин. Внезапное захват Кабула талибами в 2021 году вызвало быструю международную реакцию: мировые лидеры выразили обеспокоенность по поводу потенциального воздействия на региональную стабильность и глобальную безопасность [12].

2) Отказ от признания:

Некоторые страны отказались признавать новое правительство, утверждая, что оно не представляет интересов афганского народа и не соответствует демократическим нормам.

3) Гуманитарная помощь:

Многие страны выразили готовность предоставить гуманитарную помощь афганскому народу, столкнувшемуся с гуманитарным кризисом. Это включало в себя предоставление продовольствия, медицинской помощи и других форм поддержки. Международное сообщество признало острую необходимость в помощи, особенно в свете экономических проблем страны, нехватки продовольствия и возможности кризиса беженцев.

4) Эвакуация союзников и гражданских лиц:

Многие страны активно проводили операции по эвакуации своих граждан, а также союзников и афганцев, сотрудничавших с международными силами. Эти усилия были направлены на обеспечение безопасности тех, кто мог быть подвергнут преследованию Талибан. Эти эвакуации привлекли международное внимание и подняли вопросы о стабильности региона.

5) Дипломатические усилия:

Многие страны вели дипломатические усилия для поиска политического решения и способствованию вклю-

чения различных афганских сторон в диалог. Это взаимодействие было направлено на то, чтобы побудить Талибан придерживаться международных стандартов, уважать права человека и обеспечить более инклюзивное правительство.

Меры, принятые Талибаном для укрепления своего положения в попытке получения легитимности

Далее перейдем к ключевому аспекту нашего исследования – легитимации Талибана после их прихода к власти в Афганистане. Этот этап представляет собой критически важное направление нашего анализа, включающее рассмотрение множества мер, предпринятых Талибаном для укрепления своего положения и приобретения легитимности как внутри страны, так и на международной арене.

Меры, принятые талибами для укрепления своих позиций [13]:

Талибан, осознавая необходимость укрепления своей власти, предпринял ряд мер, направленных на укрепление своих позиций внутри Афганистана. Центральным элементом этой стратегии было создание новой правительственной структуры, соответствующей их интерпретации исламских принципов. Формирование Исламского Эмирата Афганистан, возглавляемого Талибаном, сопровождалось провозглашением верховного лидера и назначением ключевых фигур на министерские должности.

Параллельно со структурной реорганизацией Талибан стремился создать имидж управляемого государства и стабильности. Они инициировали усилия по восстановлению основных услуг, включая образование, здравоохранение и государственное управление, хотя и в рамках своей строгой интерпретации исламского закона. Эти действия, оформленные как шаги по восстановлению порядка и нормальной жизни, были стратегически использованы для получения поддержки со стороны слоев населения, уставших от многих лет конфликта и политической нестабильности.

В то же время Талибан начал тонкую работу с лидерами племен и местными влиятельными лицами. Признавая важность племенной динамики в афганском обществе, Талибан стремился обеспечить лояльность и сотрудничество на низовом уровне. Эта работа включала переговоры, союзы и кооптацию влиятельных фигур для укрепления их легитимности в различных регионах.

Анализ внутренних усилий по легитимации Талибана:

Внутри страны усилия Талибана по легитимации своего правления выходят за рамки структурных и административных изменений. Они предприняли согласованную кампанию по утверждению своей интерпретации исламского закона и культурных норм. Эти усилия, пропагандируемые посредством указов и сообщений, были направлены на формирование общественного поведения и обеспечение легитимности, представляя Талибан как хранителей моральных и религиозных основ.

Создание судебной системы, основанной на исламских принципах, послужило краеугольным камнем внутренней стратегии легитимации Талибана. Судам, действующим в соответствии со строгим толкованием законов шариата, было поручено разрешать споры и обеспечивать соблюдение морального кодекса. Этот шаг, хотя и нашел отклик у консервативных элементов афганского общества, привлек международное внимание из-за его потенциального воздействия на права человека, особенно в отношении прав женщин и свободы выражения мнений.

Анализ внешних усилий по легитимации Талибана:

Внешне Талибан столкнулся с огромной проблемой получения признания со стороны международного сообщ-

ества, учитывая его историю и характер своего правления. Здесь дипломатические инициативы сыграли решающую роль. Талибан проводил дипломатическую работу с ключевыми региональными игроками и международными организациями, подчеркивая свою приверженность стабильности и предотвращению террористической деятельности на афганской земле.

Одновременно предпринимались усилия по решению проблем, поднятых международным сообществом в отношении прав человека и инклюзивности. Талибан в публичных заявлениях и дипломатических обязательствах обещал уважать определенные права, в том числе разрешать женщинам работать в рамках своей интерпретации исламских принципов. Эти заверения, однако, были встречены со скептицизмом, и международное сообщество придерживалось осторожного подхода к распространению признания.

Продолжая рассмотрение темы легитимации Талибана после их прихода к власти в Афганистане, стоит отметить, что сразу после захвата власти Талибаном в Афганистане, наблюдается ряд мер, направленных на установление внутренней легитимности. Это включает в себя формирование правительственных структур, провозглашение правосудия в соответствии с шариатом, и участие в различных социальных программах. Организация предпринимает шаги для создания видимости стабильности внутри страны, что является ключевым фактором в процессе легитимации перед населением.

Важным элементом стратегии Талибана стало усиление религиозной легитимности. Группировка активно использует исламские ценности, ассоциируя себя с исламом и проводя политику в соответствии с их интерпретацией шариата. Этот подход не только укрепляет внутреннюю легитимность, но и привлекает поддержку из исламских общин за пределами Афганистана.

На мировой арене Талибан стремится к легитимации, проявляя готовность к диалогу с международным сообществом. Однако международное сообщество остается осторожным в отношении легитимности Талибана. Заявления пресс-секретаря президента РФ Дмитрия Пескова о де-факто приходе Талибана к власти и необходимости внимательного отслеживания их действий свидетельствуют об осторожном подходе России.

Стратегия противодействия деструктивному потенциалу Талибана

Говоря о современном положении Афганистана, находящегося под управлением запрещенной террористической группировки, необходимо помнить о том, что страна находится в тяжелейшем социально-экономическом кризисе. Когда в конце лета 2021 года Соединенные Штаты вывели свои войска с территории Афганистана, около 75% бюджета страны пополнялось за счет различных иностранных грантов, пожертвований и инвестиций, которые, во многом, прекратились после прихода к власти Талибана. В доверок к этому, государственные счета страны в ряде иностранных банков были заморожены [3].

Таким образом, мировое сообщество столкнулось с нетривиальной и сложной ситуацией: бедная страна, находящаяся в состоянии перманентного социально-экономического кризиса, управляемая радикальной террористической группировкой. Сложность этой ситуации заключается в том, что мировое сообщество, безусловно, должно помогать народу Афганистана, но, в то же время, стараться сдерживать деструктивный потенциал правительства талибов.

Довольно взвешенной здесь выглядит позиция Российской Федерации. Пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков отметил, что Россия не признала Та-

либан, их приход к власти рассматривается как факт, но не получил официального признания со стороны России.

Важным аспектом российской позиции является интерес к обеспечению мира и безопасности в регионе, а также предотвращение отправки наркотических веществ из Афганистана. Это указывает на стремление России поддерживать стабильность в соседней стране, предотвращая распространение потенциальных угроз на своей границе.

Россия также акцентирует необходимость внимательного наблюдения за действиями Талибана в обеспечении порядка, безопасности граждан страны, включая российских дипломатов. Это свидетельствует о том, что Россия придает приоритет обеспечению безопасности и предотвращению потенциальных угроз для своих граждан.

Однако, несмотря на осторожный подход, Россия не торопится признавать власть Талибана. Представитель МИД России, Замир Кабулов подчеркивает возможность исключения «Талибана» из списка террористических организаций после принятия обратной резолюции Советом Безопасности ООН. Это подчеркивает, что для России имеет значение соблюдение международных стандартов и механизмов в оценке статуса «Талибана».

Руководству Российской Федерации (и мировому сообществу, в целом) следует как можно осторожнее относиться к этой организации. Даже если Талибан добился определенного уровня легитимации в самом Афганистане, то это не означает, что его должны признавать другие страны. Необходимо помнить, что Талибан – это одни из наследников тех моджахедов, которые убивали советских солдат в 1980-е годы. Конечно же, народ Афганистана страдает под властью талибов, а потому, верной тактикой могла бы стать тактика помощи народу Афганистана, при противодействии деструктивному потенциалу Талибана.

Заключение

Таким образом, всестороннее исследование легитимации Талибана после прихода к власти в Афганистане раскрывает тонкую взаимосвязь исторических, политических и международных динамик. Анализ начался с тщательного изучения исторического контекста, раскрывая сложный ряд событий, приведших к восхождению Талибана. Политический и социальный ландшафт до их прихода подчеркнул хрупкость нации, отмеченную внутренними конфликтами, внешними вмешательствами и появлением влиятельных фракций.

Анализируя причины восхождения Талибана, исследование пролило свет на роль политической нестабильности, внутренних конфликтов и внешнего вмешательства. Различные фракции, сформированные этническими, племенными и идеологическими различиями, играли ключевые роли в формировании политического облика Афганистана, подготавливая почву для появления Талибана как стабилизирующей силы.

Переходя к событиям после прихода Талибана к власти, быстрое внедрение строгой интерпретации исламского закона были отмечены особенности начального этапа их правления. Одновременно международное сообщество тщательно отслеживало эти события, реагируя спектром реакций от осуждения до военной интервенции и экономических санкций. Геополитические последствия захвата Талибана в 2021 году усилили глобальную обеспокоенность по поводу региональной стабильности и потенциала терроризма.

Важным аспектом стал вопрос легитимации «Талибана». Реакции различных стран и их оценки действий «Талибана» отражают глубокие разногласия в отношении признания их власти и легитимности в регионе. Заявления российских представителей, поддерживаемые данными из различных источников, свидетельствуют о сохранении скепсиса и осторожности в оценке действий «Талибана».

Внутри страны использовались структурные реформы, взаимодействие с племенными лидерами и введение морального кодекса для обеспечения преданности и поддержки. На международном уровне дипломатические инициативы стремились к признанию и акцептации, при этом Талибан стремился декларировать решение вопросов прав человека и инклюзивности, и столкнулся с сомнением со стороны мирового сообщества.

По сути, статья раскрывает многогранное повествование, переплетающее воедино историческое наследие, геополитические реалии и стратегические маневры Талибана. Линза легитимации служит важнейшим фокусом, отражающим тонкости усилий группы по преодолению внутренних сложностей и одновременному решению международных проблем. По мере того, как Афганистан вступает в новую главу, наследие подъема Талибана и динамика его легитимации продолжают отражаться на мировой арене.

В заключение, необходимо подчеркнуть, что динамичная обстановка в Афганистане после прихода «Талибана» предоставляет мировому сообществу шанс пересмотра стратегий сотрудничества и привлечения всех заинтересованных сторон к диалогу. Это время вызовов также является периодом возможностей для установления сбалансированных отношений в регионе и создания базы для будущего сотрудничества.

Осознание сложности политической ситуации в Афганистане и неопределенности вокруг легитимности «Талибана» требует тщательного мониторинга и анализа событий. Необходимость в обширном взгляде на происходящее и долгосрочной перспективе должна стать основой для разработки стратегий, направленных на обеспечение устойчивости и безопасности в этом стратегически важном регионе.

Подводя итог, следует отметить, что эра перемен в Афганистане требует от мирового сообщества не только реакции на текущие вызовы, но и активного участия в формировании будущего, основанного на справедливости, уважении прав человека и построении мира на земле.

Литература

1. Maizland L., Laub Z. The Taliban in Afghanistan // Council on Foreign Relations. – 2021. – Т. 15.
2. Боташева А. К., Абазалиева М.М. Фактор Талибана в политической жизни Афганистана // Современная наука и инновации. – 2023. – № 3. – С. 217–227.
3. Журавлева В.Ю. Ибрагимов И.Э. Афганский кризис будущего большого Ближнего Востока // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. = 2022. – № 2. – С. 83–97.
4. Мухамед Ш.И. Перспективы развития политической системы в Афганистане в условиях нового режима Талибов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 4–1. – С. 169–174.
5. Пляйс Я.А. Афганистан: талибы снова у власти // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12. – № 6. – С. 88–96.
6. Шарабьев Д. С., Ведмедь Д.М. Эволюция взглядов внешнеполитического истеблишмента на смену

власти в Афганистане // Вестник Прикамского социального института. – 2022. – № 1 (91). – С. 206–214.

7. Мачитидзе Г. Г. США-Талибан: сравнительный анализ этапов переговоров // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 65–74.
8. Мачитидзе Г. Г. Афганский излом в зеркале российской политики: Россия и движение «Талибан» // Россия и современный мир. – 2022. – № 1 (114). – С. 6–21.
9. Кондрашова Я. К., Краснова Е. А., Сидорова Д. В. Проблемы обеспечения в мировом сообществе легитимности сформированной правительством действующей политической силы в Афганистане // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. – 2021. – С. 142–143.
10. Bizhan Dr Nematullah. Prospects and Economic Priorities for a Durable Peace in Afghanistan / Dr Nematullah Bizhan // Afghanistan Institute for Strategic Studies – Peace Studies VII. – 2020. – 75 с.
11. Murtazashvili, J. B. Democracy Denied: The False Promise of Afghanistan's Constitutional Order // Afghan Institute for Strategic Studies – Reform Studies IX. – 2021. – 47 с.
12. Rahimi, H. A Constitutional Reckoning with The Taliban's Brand of Islamist Politics: The Hard Path Ahead // Afghan Institute for Strategic Studies – Peace Studies VIII. – 2021. – 82 с.
13. Akrami, Z. The Doha Peace Talks: Bringing Peace or Increasing the Conflict in Afghanistan? // Mehr Brief. – 2023. – Т. 8.
14. Al-Saleh, H. Taliban Talk: Taqiyyah or Duality of Identity // Mehr Brief. – 2021. – Т. 10.

LEGITIMATION OF THE TALIBAN AFTER COMING TO POWER IN AFGHANISTAN

Olimzoda Sorboni Shamsiddin, Visal Abdul Hayi, Bukin O.A.
RUDN named after. Patrice Lumumba

The scientific article “Legitimization of the Taliban after Coming to Power in Afghanistan” is a comprehensive study covering events in Afghanistan following the Taliban's seizure of power in 2021. The relevance of the work is justified by the necessity to understand international reactions, the influence of factions on the political situation, and the measures taken by the Taliban to gain legitimacy. The article addresses the timely issue of legitimizing the Taliban after their rise to power in Afghanistan. The research objective is to provide an objective assessment of the Taliban's legitimization process, identify its features, and examine the global community's perspectives on Afghanistan's new political leadership. The author conducts a thorough analysis of diplomatic relations, the international community's reactions, and the actions of the Taliban. Materials and methods are based on the analysis of scientific articles and monographs, such as works by Maizland and Laub, Botasheva, Muhamed, Plyas, Sharabyev and Vedmed, Machitidze, Kondrashova, and others. The use of various sources allows examining the problem from different perspectives and forming a more comprehensive understanding of events. The research identifies key points influencing the world's perception and other countries regarding the legitimacy of the Taliban. The article presents the opinion that the understanding of political dynamics in Afghanistan, as presented in the article, not only expands theoretical comprehension of the legitimacy issue but also

provides practical insights for effective interaction with the new Afghan regime. The research results lead to the conclusion that the legitimization of the Taliban becomes a crucial factor in domestic and global politics. Attention is devoted to diplomatic relations, global community assessments, and the dynamics of events in the country. The article provides a unique analysis of the complex context of international relations and societal reactions to changes in Afghanistan's political situation, uniting various perspectives on the topic. The work not only documents events but also offers key insights into the Taliban's legitimacy restoration, its position assessment, and influence on the region. This study contributes to understanding the contemporary political situation in Afghanistan and the dynamics of its international relations. The obtained results serve as a foundation for further research in diplomacy, political science, and international relations, offering new perspectives for theoretical understanding and practical interaction with the new Afghan regime.

Keywords: Taliban, Afghanistan, legitimization, politics, diplomacy, legitimization of the Taliban, international reactions, the view of the world community, political dynamics in Afghanistan, assessment of political leadership.

References

1. Maizland L., Laub Z. The Taliban in Afghanistan // Council on Foreign Relations. – 2021. – Т. 15.
2. Botasheva A.K., Abazalieva M.M. The Taliban factor in the political life of Afghanistan // Modern science and innovation. – 2023. – No. 3. – pp. 217–227.
3. Zhuravleva V. Yu. Ibragimov I.E. Afghan crisis of the future of the greater Middle East // Analysis and forecast. Journal of IM-EMO RAS. = 2022. – No. 2. – pp. 83–97.
4. Muhamed Sh.I. Prospects for the development of the political system in Afghanistan under the new Taliban regime // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – No. 4–1. – pp. 169–174.
5. Place Y.A. Afghanistan: the Taliban are back in power // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2022. – Т. 12. – No. 6. – pp. 88–96.
6. Sharabyov D. S., Vedmed D.M. Evolution of the views of the foreign policy establishment on the change of power in Afghanistan // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. – 2022. – No. 1 (91). – pp. 206–214.
7. Machitidze G. G. USA-Taliban: comparative analysis of the stages of negotiations // Comparative Politics. – 2020. – Т. 11. – No. 1. – pp. 65–74.
8. Machitidze G.G. Afghan fracture in the mirror of Russian politics: Russia and the Taliban movement // Russia and the modern world. – 2022. – No. 1 (114). – P. 6–21.
9. Kondrashova Y. K., Krasnova E.A., Sidorova D.V. Problems of ensuring in the world community the legitimacy of the current political force formed by the government in Afghanistan // Legal science in the XXI century: current problems and prospects for their solutions. – 2021. – pp. 142–143.
10. Bizhan Dr Nematullah. Prospects and Economic Priorities for a Durable Peace in Afghanistan / Dr Nematullah Bizhan // Afghanistan Institute for Strategic Studies – Peace Studies VII. – 2020. – 75 p.
11. Murtazashvili, J. B. Democracy Denied: The False Promise of Afghanistan's Constitutional Order // Afghan Institute for Strategic Studies – Reform Studies IX. – 2021. – 47 p.
12. Rahimi, H. A Constitutional Reckoning with The Taliban's Brand of Islamist Politics: The Hard Path Ahead // Afghan Institute for Strategic Studies – Peace Studies VIII. – 2021. – 82 p.
13. Akrami, Z. The Doha Peace Talks: Bringing Peace or Increasing the Conflict in Afghanistan? // Mehr Brief. – 2023. – Т. 8.
14. Al-Saleh, H. Taliban Talk: Taqiyyah or Duality of Identity // Mehr Brief. – 2021. – Т. 10.

Омирбай Жантил,

магистр, слушатель программы «Доктор государственного управления», Российская Академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: janomirbay@gmail.com

В научной статье представлены результаты исследования потенциала развития отношений между государством и субъектами предпринимательства, где стороны на взаимовыгодных условиях соблюдают свои интересы и достигают поставленных целей и задач. Данная форма отношений между государством и бизнесом может иметь синергетический эффект, когда суммирование конкурентных преимуществ каждого партнера приводит к множественному положительному результату (синергии). Актуальность исследования на выбранную проблематику обусловлена тем, что развитие отношений между государством и бизнесом способствовало бы решению очень многих острых проблем России в 2023 г. В первую очередь, это относится к необходимости создания стимулирующих факторов, которые обеспечивали устойчивые условия социального развития и экономического роста. В рамках статьи автором рассмотрены актуальные проблемы отношений государства и бизнеса на современном этапе их становления и развития. Определены перспективные направления по решению данных трудностей, что позволит увеличить эффективность отношений и коммуникаций между органами власти и субъектами предпринимательства. Представлена оценка ожиданий от развития отношений государства и бизнеса при реализации интересов общества, государственного сектора экономики и экономических субъектов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: синергетический эффект; синергия; государство и бизнес; отношения; налоговая политика; государственная политика; предпринимательская деятельность; субъекты предпринимательства.

В условиях ограниченности финансовых возможностей государства и беспрецедентного воздействия эндогенных и экзогенных факторов на социально-экономическую политику страны, актуальной стоит задача по активизации и расширению направлений применения действенных механизмов взаимодействия государственных ресурсов и частного капитала. Решением этой задачи является наличие дееспособной нормативно-правовой базы, а также практика реализации проектов с использованием таких механизмов [9].

Одним из главных признаков современного и экономического развитого государства является создание благоприятных условий для процессов ведения предпринимательской деятельности, направленных на устойчивое развитие бизнес – сообщества. Государством принимаются различные программы, в рамках которых предусмотрены финансовые и нефинансовые меры государственной поддержки, операторами которых в большинстве случаев являются государственные институты развития [10].

Проблематика развития между государством и бизнесом таких отношений, которые будут предоставлять возможность синергетического эффекта, сталкивается с проблемой согласования интересов всех сторон. Причиной такому является отсутствие эффективных коммуникаций и взаимодействий между органами власти и предприятиями, что приводит к снижению уровня инвестиционной привлекательности экономики регионов России и препятствует социально-экономическому развитию государства.

Кроме того, актуальность научного исследования на данную тематику обусловлена тем, что развитие отношений между государством и бизнесом способствовало бы решению очень многих острых проблем России в 2023 г. В первую очередь, это относится к необходимости создания стимулирующих факторов, которые обеспечивали устойчивые условия социального развития и экономического роста.

Поэтому целью научной статьи является определение потенциала развития отношений между государством и субъектами предпринимательства, где стороны на взаимовыгодных условиях соблюдают свои интересы и достигают поставленных целей и задач.

По нашему мнению, с целью установления потенциала развития отношений между государством и бизнесом, необходимо сперва проанализировать их актуальные проблемы, чтобы в дальнейшем определить и разработать мероприятия по согласованию интересов взаимодействия государства и субъектов предпринимательства.

В основе отношений между государством и бизнесом находятся национальные интересы первой стороны и личная выгода второй стороны. Например, для государства принципиально важно обеспечение социально-экономического развития, формирования налоговых и неналоговых доходов в бюджеты разных уровней и предоставление гражданам общественных услуг.

Субъекты предпринимательства интересуют комфортные условия ведения предпринимательской деятельности. Они нуждаются в более низких налогах и поддержке государства при финансировании инвестиционных и инновационных проектов.

Несмотря на столь благие намерения государства по отношению к российскому бизнесу, которые отражаются в виде предоставления государственной поддержки и финансовой помощи в период кризисов, сегодня возникает определенная ситуация, когда равновесие интересов всех сторон отношений приводит к дисбалансу. В итоге это реализуется в постоянный конфликт между государственным аппаратом управления и регулирования рынками и корпоративным и частным секторами [8].

Если рассматривать ключевые интересы государства и бизнеса, получится взаимоотношение двух категорий – налог и прибыль. При этом, от размера второго зависит размер первого, а от размера первого зависит второе. Таким образом, сектор бизнеса заинтересован в получении дохода и минимизации уплаты налогов, которые вычитываются с полученной прибыли. Государство заинтересовано в получении большей части и суммы налогов с прибыли предприятий, от финансовых показателей деятельности которых зависит и размер конечных налоговых поступлений в государственный бюджет. И именно здесь происходит конфликт интересов в отношениях государства и субъектов предпринимательства, поскольку каждая сторона считает, что вторая обманывает их, пытаясь уклониться от уплаты налогов, или наоборот, заставить платить больше.

Чтобы обеспечить согласование интересов государства и бизнеса важно формирование эффективного механизма их взаимодействия. В рамках таких партнерских отношений и коммуникаций возможно определение актуальных проблем, поиск инструментов реализации программ, проектов и достижение компромиссов в соблюдении взаимных интересов и мотивов.

В современной практике формирования и развития отношений субъектов бизнеса с органами государственной власти России можно выделить следующие наиболее актуальные проблемы, которые препятствуют реализации потенциала синергетического эффекта:

1. Отсутствие должной заинтересованности в развитии данных отношений, как со стороны органов государственной власти (нет понимания того, что субъекты предпринимательства позволяют решать проблемы не только экономического характера, но и в социальной сфере), так и со стороны бизнеса (страх предпринимателей строить тесные связи с органами власти, поскольку последние могут зарегулировать сферу коммерческих интересов и препятствуют расширению производства и сбыта продукции) [2].
2. Высокий уровень административного давления органов власти на предпринимательскую деятельность субъектов бизнеса, которым необходимо соблюдать различные правила и принципы, предписанные в нормативно-правовых актах и законодательстве [5].
3. В государственно-частном партнерстве одной из наиболее популярных форм взаимодействия государства и бизнеса, содержится внутреннее противоречие, которое дополнительно может усугубляться воздействием разнообразных факторов, порождающие на практике различные риски, в полном объеме детерминированные различными обстоятельствами внешнего характера, из-за чего многие субъекты бизнеса не заинтересованы в участии проектов ГЧП [1].
4. Низкий уровень инвестиционной активности субъектов бизнеса, у которых ощутимой проблемой является дефицит собственных средств. Данная особенность российского предпринимательства является объектом государственной поддержки, которой, в данный момент, все еще недостаточно проработан

и требует совершенствования системы финансовой помощи субъектам малого и среднего бизнеса [4].

5. Ощущается чрезмерное вмешательство государственных органов в финансово-экономическую деятельность предприятий, низкий уровень правовой культуры предпринимателей и контролирующих органов, отражающиеся, в том числе, в сфере налогового регулирования [3].

Наиболее серьезным препятствием в развитии отношений между государством и бизнесом является достижение «золотого баланса» в вопросах налоговой политики. По нашему мнению, сбалансированная налоговая политика позволяет не только стимулировать экономический рост и увеличения производства на предприятиях, но и способствовать совокупному потреблению и предложению в общественном секторе экономики, где главным источником финансирования выступают бюджетные средства, аккумулируемые через сборы налогов и взносов.

Для каждого бизнеса уплата налогов – это финансовое бремя, которое снижает размер чистой прибыли. В итоге предприниматели ведут постоянную работу по поиску решений, направленных на оптимизацию своей налоговой нагрузки, целью чего выступает увеличение чистого финансового результата бизнес-деятельности [7].

На рис. 1 изображена динамика уровня налоговой нагрузки в экономике России, который является индикатором данного влияния государства с налоговой политикой на достижение целей предпринимателей. По данным за 2022 г. уровень налоговой нагрузки в России составил 33,05%, что на 0,16% выше, чем в 2021 г. и на 1,54% выше, чем в 2020 г.

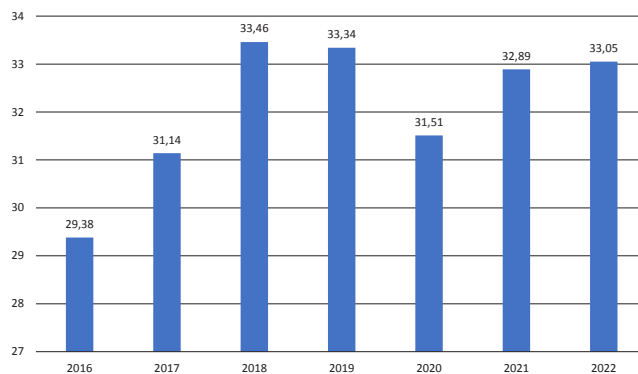

Рис. 1. Динамика уровня налоговой нагрузки на предприятиях России, в % [6].

Несмотря на трудности коммуникативного характера и взаимодействия органов государственной власти и бизнеса, государство будет развиваться по «демократичному сценарию». Это позволит увеличить прозрачность общественных процессов и отношений. Данные тенденции, которые происходят в России, имеют высокую степень воздействия на процессы взаимодействия представителей бизнеса и органов власти. Необходимо ожидать следующие перспективы развития их взаимодействия, как:

1. Формирование модели эффективного взаимодействия бизнеса и власти при решении государственных и местных вопросов, ведь от эффективности последних зависят условия внешней среды, стимулирующие или препятствующие предпринимательской деятельности.
2. Создание и развитие государственных и муниципальных служб, задачей которых выступает формирование связей с общественностью и представи-

телями бизнеса, поскольку, на сегодняшний день, в России отсутствует эффективный механизм коммуникаций между Правительством и заинтересованными лицами, которыми помимо населения, выступают предприятиями и инвесторами.

3. Установление целеполагания по реализации программ и проектов, направленных на развитие регионов России через механизм государственно-частного партнерства. Практический пример эффективных ГЧП-проектов в российской экономике повышает инвестиционную привлекательность данного сектора для коммерческой деятельности предпринимательских субъектов. Возможно увеличение финансирования таких проектов со стороны крупных бизнес-структур, которые имеют высокую зависимость от развития отдельных региональных рынков. На муниципальном уровне, к примеру, это могут быть градостроительные предприятия.
4. Мониторинг влияния налоговой политики государства на динамику показателей развития субъектов бизнеса, и на основе мониторинга ранее предложенных решений привести комплекс наиболее эффективных мероприятий, которые позволят увеличить уровень деловой активности предпринимателей, и при этом, не привести к снижению поступления налогов в разные уровни бюджетов.

Чтобы определить возможности синергетического эффекта от реализации мероприятий, направленных на развитие отношений между государством и бизнесом, необходимо учитывать перспективы реализации интересов общества, государственного сектора экономики и экономических субъектов предпринимательской деятельности:

1. Для общества синергетический эффект данных отношений создает стремительное развитие экономической системы, что предполагает создание новых рабочих мест, а значит и увеличение занятости и заработной платы, улучшая состояние личной финансовой безопасности граждан.
2. Для общества синергетический эффект данных отношений создает условия для производства и предоставления общественных благ и услуг, иногда на безвозмездной основе (бесплатные), которые получают граждане от реализации компаниями проектов корпоративной социальной ответственности, где учитываются потребности государства и общества в качестве основных стейкхолдеров.
3. Для государственного сектора экономики синергетический эффект данных отношений создает стимулирующие факторы для масштабирования предпринимательской деятельности субъектов предпринимательства, увеличивая доходы и прибыль, что означает аналогичное увеличение поступления налоговых доходов в бюджеты разных уровней, обеспечивая национальную финансовую безопасность государства.
4. Для государственного сектора экономики синергетический эффект данных отношений гарантирует финансовое обеспечение государственных организаций и бюджетных учреждений средствами, которые будут использоваться в целях предоставления населению государственных и муниципальных услуг, а также решения общественных проблем и задач.
5. Для бизнеса синергетический эффект данных отношений создает каналы коммуникаций с органами государственной власти и институтами местного самоуправления, где предприниматели стараются донести свои проблемы, чтобы им была предоставлены

инструменты поддержки и средства финансовой помощи по развитию.

6. Для бизнеса синергетический эффект данных отношений формирует стимулирующей институциональную среду и нормативно-правовое поле, которые повышают инвестиционную привлекательность экономики, привлекая в страну новые зарубежные инвестиции и финансовый капитал.

Таким образом, в выводах статьи, можно заключить следующее, что основной технологией согласования интересов государства и бизнеса в России является организация внешних коммуникаций, связей между субъектами и сторонами экономических и хозяйственных отношений. В их рамках применяются такие механизмы согласования интересов, как предоставление государственной помощи субъектам бизнеса, создание государственных/муниципальных служб, организация проектов государственно-частного партнерства.

Развитие взаимовыгодных отношений между государством и бизнесом важны с той целью, что благодаря им обеспечивается синергетический эффект для государственного сектора экономики, общества и предпринимательства. Создаются стимулы для роста качества жизни населения, укрепления финансовой безопасности бюджетной системы государства, а также условия по развитию и масштабированию предпринимательской деятельности, куда направляется дополнительный капитал.

Литература

1. Бугаенко Р.А. Проблемы взаимодействия государства и частного бизнеса в рамках государственно-частного партнерства // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 3–2. С. 619–622.
2. Мельник А.Н. Проблемы эффективного взаимодействия государства и бизнеса в условиях цифровой экономики // Международный социально-экономический форум. 2021. С. 29–33.
3. Нигаматьянова И.Н. Взаимодействие государства и бизнеса: анализ проблем и способы их решения // Журнал У. Экономика. Управление. Финансы. 2021. № 4 (26). С. 142–156.
4. Пичугин В.А. Проблемы эффективного взаимодействия государства и бизнеса в условиях цифровой экономики // Научные исследования молодых ученых. 2021. С. 59–62.
5. Субботина Т.Н., Смирнов А.А. Проблемы взаимодействия государства и бизнеса в условиях современной социальной политики // Вектор экономики. 2019. № 8 (38). С. 62.
6. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/da7ad7beb96520ddba4c5b821126995fd8682a86/ (дата обращения: 19.10.2023).
7. Александрова М.В., Аношина Ю.Ф., Проскурина З.Б. Влияние налоговой политики государства на развитие национальной экономики // Russian Journal of Management. 2021. Т. 9. № 4. С. 31–35.
8. Зельднер А.Г. Институционализм в управлении развитием партнерских отношений государства и бизнеса: состояние и тенденции // Экономические науки. 2022. № 206. С. 48–55.
9. Меджидов З.У. Система управления партнерскими отношениями государства и бизнеса: теория, концепция, анализ // Вестник Северо-Осетинского госу-

дарственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2023. № 1. С. 151–159.

10. Бокишев С.Ж. Современные технологии взаимодействия бизнеса и государства // Молодой ученый. 2022. № 24 (419). С. 437–443.

STATE AND BUSINESS: OPPORTUNITIES FOR SYNERGIC EFFECT

Omirbay Zhantil

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The scientific article presents the results of a study of the potential for the development of relations between the state and business entities, where the parties, on mutually beneficial terms, respect their interests and achieve their goals and objectives. This form of relations between the state and business can have a synergistic effect when the summation of the competitive advantages of each partner leads to multiple positive results (synergy). The relevance of the study on the chosen topic is due to the fact that the development of relations between the state and business would contribute to the solution of many pressing problems in Russia in 2023. First of all, this relates to the need to create stimulating factors that ensure sustainable conditions for social development and economic growth. Within the framework of the article, the author examined current problems of relations between the state and business at the present stage of their formation and development. Promising directions for solving these difficulties have been identified, which will increase the efficiency of relations and communications between authorities and business entities. An assessment of expectations from the development of relations between the state and business in realizing the interests of society, the national economic system and economic entities of business activity is presented.

Keywords: synergistic effect; synergy; state and business; relationship; tax policy; public policy; entrepreneurial activity; business entities.

References

1. Bugaenko R.A. Problems of interaction between the state and private business in the framework of public-private partnership // Issues of sustainable development of society. 2020. No. 3–2. pp. 619–622.
2. Melnik A.N. Problems of effective interaction between the state and business in the digital economy // International Socio-Economic Forum. 2021. pp. 29–33.
3. Nigamatyanova I.N. Interaction of the state and business: analysis of problems and ways to solve them. Economy. Management. Finance. 2021. No. 4 (26). pp. 142–156.
4. Pichugin V.A. Problems of effective interaction between the state and business in the digital economy // Scientific research of young scientists. 2021. pp. 59–62.
5. Subbotina T.N., Smirnov A.A. Problems of interaction between the state and business in the conditions of modern social policy // Vector of economics. 2019. No. 8 (38). p. 62.
6. The main directions of budget, tax and customs tariff policy for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_458280/da7ad7beb96520ddb4c5b821126995fd8682a86/ (accessed: 10/19/2023).
7. Alexandrova M.V., Anoshina Yu.F., Proskurina Z.B. The influence of state tax policy on the development of the national economy // Russian Journal of Management. 2021. Vol. 9. No. 4. pp. 31–35.
8. Zeldner A.G. Institutionalism in the management of the development of partnerships between the state and business: state and trends // Economic sciences. 2022. No. 206. pp. 48–55.
9. Medzhidov Z.U. The management system of partnership relations between the state and business: theory, concept, analysis // Bulletin of the K.L. Khetagurov North Ossetian State University. 2023. No. 1. pp. 151–159.
10. Bokishev S.J. Modern technologies of interaction between business and the state // Young scientist. 2022. No. 24 (419). pp. 437–443.

Объективные и субъективные факторы национальных пережитков и некоторые пути их преодоления: на примере Республики Дагестан

Раджабов Осман Раджабович,

д.ф.н., проф., зав. кафедрой философии и истории, ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова

Раджабов Раджаб Османович,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета

Муртузалиева Марьям Ахмедовна,

к.п.н., доцент кафедры права и БЖД, ДагГАУ им. М.М. Джамбулатова

В статье рассматриваются субъективные и объективные факторы национальных пережитков и некоторые пути их решения. Среди важнейших проблем современного Дагестана и в целом российского общества, особо выделяются проблемы межнациональных отношений и национальных пережитков, конечно, эти вопросы не только настоящего времени, они имеют большую историю, но сегодня они получают особую актуальность и звучание. В статье проанализированы предпосылки возникновения и формирования национализма и национальных пережитков и даны соответствующие рекомендации для их устранения.

Ключевые слова: межнациональные отношения, национализм, нация, интернационализм, патриотизм.

Как известно, наша страна многонациональна. Она объединяет более 150 наций и народностей. Национальный вопрос в нашей стране казался решенным раз и навсегда, предполагалось, что у нас не может быть противоречий в сфере межнациональных отношений. Однако жизнь показала, что мы ошибались.

В период перестройки (в конце 1980-х – начале 1990-х гг.) наблюдались кризисные явления в межнациональных отношениях в разных регионах бывшего СССР, в частности в Прибалтике, Нагорном Карабахе, Узбекистане, Грузии, Абхазии, на Северном Кавказе, в Украине и т.д. В основном они были порождены накопившимися нерешенными проблемами в политической и социально-экономической жизни, в области культуры, языка, кадровой политике, экономике, в патриотическом и интернациональном воспитании и т.д. Эти проблемы обострились в период демократизации общества и гласности. Немаловажную роль в этом сыграли западные советологи и политологи.

Так, известные советологи и политологи США в 1980-е гг. прошлого века Ричард Пайпс и И.З. Бзижинский заявляли: «Политически и экономически Западу не удалось и не удастся развалить СССР, а, чтобы развалить его, необходимо взорвать в СССР «националистическую бомбу». Западные советологи рассматривали национализм как самый «устойчивый и могущественный вирус», который может поразить все страны мира независимо от социального строя. Именно национальный вопрос «взорвал» СССР. Это стало возможным в силу разных причин, не только объективного, но, прежде всего, субъективного порядка. Выдвинутый лозунг «Сколько суверенитета могут проглотить республики – пусть берут» – одна из причин ликвидации Союзного советского государства [5]. К разрушению СССР приложили руку и наши «прирожденные коммунисты» и демократы, которые выступали с лозунгами дефедерализации, денидеологизации, денационализации, десоветизации. Результаты этой политики приходится пожинать в настоящее время. Они продолжают эту же политику и сейчас, чтобы разрушить Российскую Федерацию.

Отодвигая на задний план решение проблем межнациональных отношений, некоторые деятели государственной власти используют их для разжигания межнациональной вражды, для дестабилизации обстановки в стране. В этих условиях либеральная демократия и гласность стали оружием в руках не только тех, кто отстаивал единство нашего многонационального государства, но и тех, кто добивался его раскола на отдельные национальные государственные устройства и образования.

В условиях нерешенности вопроса о полном, реальном, а не номинальном равенстве растут противоречия между титульными нациями и другими народами, проживающими на данной территории. «Политики, объявляющие себя «этническими лидерами» и «борцами за права («угнетенного») народа», нередко используют мобилизационный потенциал этничности для решения собственных узкогрупповых задач, прибегая к социальному мифотворчеству, апеллируя к коллективному и призывая людей выходить на улицы, голосовать на «референ-

думах о независимости» и даже брать в руки оружие во имя борьбы за «права своего народа» [4].

Как показала практика, в конце 1990-х – 2000-е гг. в углублении национального кризиса определенную роль сыграли и некоторые субъективные причины внутри страны. Именно те, кто незаслуженно заняли ключевые руководящие посты в государственном аппарате, науке, культуре и других сферах общественной жизни, извращали лучшие идеи национальной политики в период СССР на практике. Окружая себя приспешниками, они в кабинетах и на трибунах говорили и вещали одно, а в быту – диаметрально противоположное, чуждое социально справедливому образу жизни, политике дружбы, интернационализму и патриотизму. «Эти проблемы очень серьезны и требуют поиска новых подходов к историческому и методологическому исследованию национальных явлений и процессов при учете того, что они действительно будут объективны» [6].

Одно дело – воспевать высокие идеи о социальной справедливости в виде теоретических положений и совсем другое – жить в соответствии с этими идеями в реальной жизни. Как показывает практика, среди занимающих высокие посты еще немало тех, кто взывает к совести, чести, порядочности, справедливости к интернационализму, патриотизму, толерантности и дружбе народов, а сам ведет аморальный образ жизни.

Среди важнейших проблем российского общества особо выделяются проблемы межнациональных отношений и национальных пережитков,

В Российской Федерации Республика Дагестан занимает особое место. У нас деятельность органов государственного и муниципального управления имеет свою специфику. Такие проблемы, как низкий уровень жизни населения, сложная демографическая ситуация, отставание в социально-экономическом развитии и дотационность бюджета, также оказывают влияние на деятельность органов управления Республики Дагестан. При этом необходимо учитывать исторические традиции развития дагестанского общества. Тухумная община – это коллектив, где полностью господствует частная собственность, но круг владельцев замкнут родственным коллективом в виде тухума, в котором все вопросы решались старейшинами. Ярким примером является «вольное общество» – союз сельских общин, где собрание старейшин называется джамаатом. Понятие *джамаат* используется наиболее часто в отношении элементарных политически самостоятельных «обществ». Джамааты, объединившиеся в политический союз, имели общий правовой кодекс (*адат*) как основной регулятор общественных отношений.

Традиционные этнокультурные особенности Дагестана оказывают воздействие на все общественные процессы и формирования новой политической структуры и институтов власти. Создается «неформальная» система управления на уровне джамаатов, где огромную роль играют такие социальные институты, как мечеть, советы старейшин, а также новые силы – состоятельных людей с их неформальными связями. Структуры этнического управления оказывают влияние на различные стороны жизни людей, но, когда эти институты вмешиваются в компетенцию органов государственного управления, возникает конфликт. Современные проблемы развития дагестанского общества связаны не только с правовыми рамками функционирования. Общество должно учитывать исторический опыт своего функционирования в прошлом, использовать административный, религиозный, финансовый, судебный контроль, чтобы добиться гарантированного соблюдения социально-политических прав каждого дагестанца.

Ключевым для Дагестана является национальный вопрос, и без его разрешения все попытки демократизации и реформирования социальных, экономических и политических структур могут привести к безуспешным поискам полиативов взамен реальных решений. Стратегическое направление развития Российской Федерации – это ставка на реальный федерализм. Такая политика – единственная возможность сохранения территориальной целостности и государственного единства, создания демократического политического режима в России.

В рамках национального вопроса поднимается проблема кадров. В Дагестане первые роли во властных структурах принадлежали одним и тем же представителям двух-трех этнонациональных групп. Естественно, что при сохранении и живучести родоплеменных, клановых, групповых связей, интересов и т.д. приоритет в важнейших вопросах социальной, экономической, культурной политики отдавался районам, заселенными определенными этнонациональными группами. В связи с открывшимися неограниченными возможностями обогащения на основе традиционных связей сформировалось множество политических группировок, которые активно вели борьбу за власть: высокие должностные лица, государственные чиновники, авторитеты в сфере негосударственной деятельности, крупные предприниматели, имеющие большие финансовые возможности и массовую поддержку своих сторонников. Параллельно с образованием такой «бинарной» структуры шел процесс образования еще одной категории правящей элиты. Формирование элиты осуществлялось обогащением высоких государственных чиновников, их вовлечением в публичную политическую деятельность и неизбежным формированием вокруг них латентных структур силовой поддержки, а также обретением высоких государственных или хозяйственных должностей через процедуру государственных назначений или демократических выборов. Совершенно ясно, что именно элита постепенно сосредоточила в своих руках основное влияние и контроль.

Все это обусловило чрезвычайно ожесточенный характер столкновений в среде правящей элиты. Представители, стремящиеся попасть во властные структуры или хотя бы удержать свои высокие должности или материальные средства, искали поддержку как «наверху», так и «внизу», выстраивая иерархические цепочки взаимоотношений.

Основой формирования этих отношений стала этническая общность. Претенденты, утратившие опору в структурах власти, искали ее в системах доверительных отношений с друзьями, родственниками, земляками, прежде всего – лицами, объединенными общей этнической принадлежностью. Власть стала предметом торга, подкупа, политического террора. Период предвыборной кампании сопровождался политическими столкновениями. При этом ключевую роль играли финансовые возможности претендентов, их социальные связи (система поддержки) и только потом их деловые и управленческие качества. Это прямой путь к коррупции и разрушению экономической, правовой и нравственной сферы дагестанского общества. В этой связи уместно привести слова древнекитайского философа Конфуция. У него спросили, когда народ начнет подчиняться закону и слушаться. Конфуций ответил: «Если возвышать прямых и отстранять кривых, народ сам покорится; если же возвышать кривых и отстранять прямых, народ никогда не покорится». Это мудрое высказывание остается актуальным спустя 2500 лет не только для китайского народа, но и для народов всего мира, в том числе и для Дагестана.

Это объясняется еще и тем, что отдельные лица, признающие интернационализм и дружбу народов как политические и теоретические принципы, не освободились от националистических предрассудков, проявляющихся в личных взаимоотношениях. Как известно, психология более консервативна, чем политика и идеология. Так, представитель той или другой нации может понимать правильность политики межнациональных отношений, но в быту под влиянием остатков старых традиций, не до конца изжитых националистических чувств, проявлять недоверие к представителям других наций и народностей.

Человеку не свойственно искать причины бытового национализма в собственном сознании и анализировать свое поведение и поступки по отношению к представителям другой нации. Бытовой национализм встречается как у людей низкой духовной культуры, так и у интеллигенции, творческих работников и государственных чиновников. Особенно это проявляется, когда делят министерские портфели, руководящие должности и депутатские полномочия по принципу «Лучше плохой своей, чем хороший чужой». Так, многие чиновники в районах и городах республики пробивают должности, назначают на них своих людей, сводят счеты с противниками, создают «команды» из удобных и выгодных людей, т.е. используют данную им власть в личных целях. Они утверждают, что при оценке человека, главными являются не профессиональные и духовно-нравственные качества, а национальная принадлежность и преданность. Представителей одних наций наделяют доблестью, мужеством и честью, а принадлежащих к другим народам характеризуют как лживых, трусливых, мерзких и т.д. Источником таких предрассудков является незнание истории, культуры, быта и традиций других наций и народностей, искусственное унижение достоинства того или другого этноса. Поэтому интернациональная и нравственная сущность человека определяется не высшим образованием и дипломом, а гуманной сущностью человека.

Нравственные отношения, психология человека труднее поддаются процессу интернационализации, чем области политики, экономики и материальной жизни. Альберт Швейцер указал, к каким последствиям ведет отставание духовной жизни от материальной: «Роковым для нашей культуры является то, что материальная сторона развилась намного сильнее, чем духовная. Беспощадно суровым языком они говорят нам, что культура, развивающая лишь материальную сторону без соответствующего прогресса духовного, подобно кораблю, который, лишившись рулевого управления, мчится навстречу катастрофе» [2].

Невнимание, поверхностное и упрощенное отношение к интернациональным процессам и интернациональному патриотическому воспитанию со стороны правительства и отсутствие такой политики и идеологии могут стать одной из причин оживления и обострения националистических чувств, настроений и предрассудков. «Для национальной безопасности государства чрезвычайно важную роль играет этническая или национальная правовая политика» [7]. В этой ситуации государственные органы должны выработать новые подходы к решению накопившихся проблем. Так родилась статья главы государства Владимира Путина «Россия. Национальный вопрос». В ней он обозначил пути решения данной проблемы и подчеркнул: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме» [1]. Вот почему Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской

Федерации на период до 2025 года [3]. В документе конкретизированы принципы государственной национальной политики; сформулированы ее приоритетные направления; определены перспективы создания государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межнациональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, меры по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, и содействию развитию их связей с Россией.

Стратегией предложена идеологическая идея сближения народов России – концепция создания единой российской нации и общегражданского патриотизма. Сформулирована позиция объединения граждан страны на основании не этнических признаков, а общегражданской консолидации, при сохранении этнокультурной уникальности народов и этнических сообществ страны.

Нужно ли учитывать национальные особенности в патриотическом воспитании молодежи? Безусловно, нужно. Но делать это необходимо очень деликатно, с большим тактом и уважением национального достоинства каждого народа Дагестана. Выпячивание национальных черт так же недопустимо, как и их игнорирование. Нужна золотая середина, основу которой составляют интернациональная сущность межнациональных отношений, дружба и равноправие всех без исключения народов, населяющих нашу республику. Поэтому правильно поступают в тех молодежных коллективах, где «не замечают» национальной принадлежности их членов.

Может быть, предрассудки исчезнут по мере развития общества и сознательности масс? Можно привести образный пример: сорные растения никогда не перестанут расти в хлебном поле, потому что они живучи. Пшеницу сеют ежегодно, а сорняки и сеять не надо. Попадая в благодатную почву, подготовленную для пшеницы, их семена прорастают и отберут пищу у пшеницы. Хлебороб, наученный горьким опытом, не ждет естественной смерти сорняков, он выдергивает их с корнем, сжигая их, чтобы в землю не попало ни одно семя. Национализм, как сорняки, сам по себе не уничтожается, поэтому его тоже надо искоренять.

Анализ некоторых аспектов национальных отношений нужен в настоящее время не для противопоставления «светлого» и «черного» в межнациональном общении, он нужен прежде всего для создания будущего, для преодоления кризисных ситуаций в национальных отношениях, последовательного продвижения к гуманному, справедливому, демократическому общественному устройству. Для решения этих вопросов необходимо учитывать следующие рекомендации.

1. Правительству Дагестана необходимо разработать новую кадровую политику, при которой высшие посты в полиэтнических районах должны занимать высокопрофессиональные, талантливые, стоящие на подлинно интернационалистических позициях, люди. При этом доминирующую роль должны играть представители коренного этноса данного района. В Дагестане необходимо учитывать национальный фактор при расстановке кадров на любом уровне, начиная от небольших государственных учреждений и организаций, кончая органами государственной власти, который способствует снятию напряженности в межнациональных отношениях.
2. Создание правовых, экономических, социально-культурных предпосылок для преодоления напряженности и конституционного решения межнациональных конфликтов.
3. Налаживание диалога противостоящих сторон переговорного процесса с присутствием представителей совета старейших, духовенства и творческих

работников, молодежи при решении национальных конфликтов.

4. Разработка механизмов предупреждения и преодоления межнациональных конфликтов, должна учитывать такие уникальные факты добрососедских отношений и взаимодействия между этносами Дагестана, как куначество, дружеские контакты и связи, народная дипломатия типа маслиат и т.д.
5. Необходимо использовать общепринятые нормы социального анализа: раннее прогнозирование причин межнациональных конфликтов и на его основе принятие упреждающих мер до возникновения самого конфликта.
6. Чтобы снять напряженность межнациональных конфликтов, в первую очередь, необходимо провести инвентаризацию земель отгонного животноводства в плоскостных районах, определить законом Правительства РД статус землепользования в этих районах.
7. Стабилизация межнациональных отношений в Дагестане зависит от формирования правового, гражданского общества, основанного на демократических принципах и культуре межнационального общения.
8. Для пропаганды идей патриотизма и интернационализма необходимо предусмотреть комплексные мероприятия по противодействию искажению и фальсификации причин Второй мировой войны, истории Отечества, по расширению фактографической базы исторических событий, публикации архивных документов, художественной и военно-патриотической литературы, мемуаров и справочных пособий, серий книг интернациональной и патриотической направленности.
9. Необходимо организовать цикл лекций по воспитанию толерантного отношения к другому этносу, другой культуре, по гармонизации межнациональных отношений, интернациональному и патриотическому воспитанию молодежи в школах, средних и высших учебных заведениях.
10. Одновременно с программой интернационального и патриотического воспитания надо составить программу нравственного воспитания подрастающего поколения и молодежи, пропагандировать такие нравственные ценности как честь, достоинство, совесть, справедливость, чувство долга, любви, дружбы.
11. Активизировать работу по мобилизации творческого потенциала деятелей науки и культуры, писателей, кинематографистов, творческих союзов и организаций, предпринимателей для оказания всесторонней научно-теоретической, организационной, правовой и финансовой помощи в реализации государственной программы по гармонизации межнациональных отношений и патриотического воспитания граждан.
12. Оказать поддержку региональным средствам массовой информации в разработке программ освещения интернациональной и патриотической темы и создании специальных рубрик на региональных телерадиоканалах привлекая участников СВО.
13. Активнее привлекать ветеранские организации (ветеранов афганских событий и участников СВО на Украине) к шефской работе по воспитанию молодежи, полнее использовать их богатый жизненный опыт и духовный потенциал для содействия преемственности боевых и трудовых традиций Отечества.
14. Оказывать всестороннюю поддержку молодежным организациям по интернациональному и па-

триотическому воспитанию граждан, поисковым отрядам по увековечению памяти защитников Отечества. Предусмотреть комплексные мероприятия, препятствующие попыткам возникновения экстремистских, националистических, расистских и религиозно-фанатических течений в молодежной среде.

Литература

1. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета 23.01.2012.
2. Швейцер А. Культура и этика. – М., 1983. – С. 98.
3. Стратегия государственной национальной политики РФ на период 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703) // Гарант.ру: информ. – правовой портал.
4. Мочалов А.Н. Территория, этничность и феномен «многонациональных» государств // Науч. Ежегодник Института философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 37.
5. Позубенков П.С. Национальные отношения, духовность, патриотизм // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 13. – С. 1011–1015. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85203.htm>.
6. Туник Г.А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовое регулирование. Авторф. канд. полит.н. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2000.
7. Кочубей А.Г. Межнациональные и межэтнические отношения в России и за рубежом: проблемы международно-правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6(174).

OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS OF NATIONAL SURVIVALS AND SOME WAYS TO OVERCOME THEM: ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Radjabov O.R., Radjabov R.O., Murtuzaliev M.A.

DagGAU named after M.M. Dzhambulatov, Dagestan State University

The article examines the subjective and objective factors of national survivals and some ways to solve them. Among the most important problems of modern Dagestan and Russian society as a whole, the problems of interethnic relations and national survivals are particularly highlighted, of course, these issues are not only of the present time, they have a long history, but today they receive special relevance and sound. The article analyzes the prerequisites for the emergence and formation of nationalism and national remnants and provides appropriate recommendations for their elimination.

Keywords: interethnic relations, nationalism, nationalism, internationalism, patriotism.

References

1. Putin V.V. Russia: a national question // Nezavisimaya Gazeta 23.01.2012.
2. Schweitzer A. Culture and Ethics. – M., 1983. – p. 98.
3. Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period 2025: Decree of the President of the Russian Federation dated 12/19/2012 No. 1666 (ed. Decree of the President of the Russian Federation dated 06.12.2018 No. 703) // Ga-rant.<url>: inform. – legal portal.
4. Mochalov A.N. Territory, ethnicity and the phenomenon of “multinational” states // Nauch. Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2017. Vol.17, issue 4. p. 37.
5. Pozubnikov P.S. National relations, spirituality, patriotism // Scientific and methodological electronic journal “Concept”. –

2015. – Vol. 13. – pp. 1011–1015. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/85203.htm>
6. Tunik G.A. National and cultural development of the peoples of Russia: political and legal regulation. Author. K.polit.n.- M.: RAGS under the President of the Russian Federation, 2000.
7. Kochubey A.G. Interethnic and interethnic relations in Russia and abroad: problems of international legal regulation // Law and the State: theory and practice. 2019. № 6(174).

Интеграция на политическом уровне между КНР и Россией в современных геополитических условиях. История и перспективы

Рожков Илья Олегович,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

В настоящий момент наблюдается переломный момент глобального переустройства мировых сфер влияния. Происходит слом старых систем и взаимоотношений и создание новых. Перспектива развития политической интеграции КНР и России в настоящее время возможна только в форме ограниченной политической интеграции. Россия и Китай заинтересованы в расширении и углублении политического взаимодействия (в формировании ограниченной политической интеграции) по отдельным направлениям. В статье рассматриваются интеграционные процессы между КНР и Россией, их история и современное состояние. Несмотря на разницу между странами их объединяет политический статус «угрозы» лидерам западного мира, что в свою очередь приводит к интеграционным процессам во многих сферах, в том числе и политической. Однако имеется ряд проблемных вопросов, требующих изучения рисков и перспектив дальнейшей интенсификации двустороннего сотрудничества, а также взаимодействия в рамках интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Ключевые слова: дипломатические отношения, политическая интеграция, глобальная политика, геополитические сферы влияния, интеграция России и КНР.

Политическая интеграция: понятие и виды

Начиная рассмотрение интеграции на политическом уровне между КНР и Россией следует сформировать правильное понимание термина «политическая интеграция».

В литературе встречаются разные концепции понимания данного явления. Изначально термин «интеграция» носит латинское происхождение и буквально означает (целостный), сплочение или слияние [1].

Имеющиеся концепции касательно политической интеграции отличаются по уровню ограничения суверенитета стран, участвующих в данном процессе. В общем понимании политическая интеграция – это процесс объединения политических структур государств для решения тех или иных задач.

Политическая интеграция может быть полной (создание унитарного государства) в виде передачи части политических функций центру или ограниченной, для решения тех или иных вопросов. Как правило, ограниченная форма применяется при создании международных организаций или для решения тех или иных значимых вопросов. Фактическим ее проявлением является создание международных или межгосударственных специальных политических организаций, осуществляющих управленческую или координационную деятельность.

Ярким примером политической интеграции является создание таких международных органов, как «Евroatом», ЕЭС и т.д. Итогом развития данного процесса становится политический союз, которым является, например, Евросоюз, где наднациональные органы замещают ряд управленческих функций на территории стран-участниц объединения. Это относится и к экономике и культуре, образованию совместной внешней и внутренней безопасности и т.д. [2].

Эволюция политических взаимоотношений России и КНР

Что касается взаимоотношений КНР и Россией, они имеют длительную историю. После становления новых государств в КНР и СССР взаимоотношения носили различный характер от дружественных, до состояния которое можно характеризовать, как «холодная война». Новый, этап взаимоотношений зародился после распада СССР. Важной вехой стало подписание в июле 2001 года договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Это стало началом развития концепции стратегического сотрудничества в различных сферах [3].

На данный момент сотрудничество с КНР является приоритетным направлением реализации внешней политики России. По данному поводу А.Б. Волыничук пишет: «Западный вектор внешней политики России перестал быть основным и уступил свое значение направлению КНР. Нельзя сказать, что это направление ранее вообще не развивалось. Оно всегда определялось руководством страны в качестве одного из приоритетных. Однако главный акцент всегда все-таки делался на Европе» [4].

Действительно, если раньше, в 2008–2012-х годах в китайской и российской аналитике доминировали оценки отношений РФ и КНР с посылом «тепло в поли-

тике, холодно в экономике» (на политическом уровне наблюдалось единство мнений и дружелюбность, тогда как практика экономического взаимодействия демонстрировала несколько более низкий уровень доверия и понимания), то в период с 2014 г. по настоящее время стало возможным положительно оценивать имеющийся прогресс в укреплении экономического сотрудничества, который во многом был предопределен «азиатским разворотом» в российской внешней политике [5]. Можно констатировать, что экономики обоих государств могут удачно дополнять друг друга, а российско-китайское сотрудничество выгодно обеим сторонам не только в экономическом, но и в геополитическом плане. Наконец нельзя не отметить, что в интенсификации экономических связей России и Китая важную роль сыграл личностный фактор – а именно, позиции лидеров обоих государств (В.В. Путина и Си Цзиньпина).

В российской аналитике отношениям России и Китая за последние годы также было уделено достаточно много внимания, однако в публикациях на данную тему нередко можно заметить сдержанный или открытый скептицизм, связанный с тем, что надежды российского руководства на высокую эффективность этих отношений могут оказаться несбыточными в силу прагматизма китайской торгово-экономической политики или рисков «китайской гегемонии». Энтузиазм, высказываемый на высшем уровне относительно «поворота на Восток» в период с 2014 по 2022 г. разделялся далеко не всеми экспертами. Утверждалось, что необходима более серьезная и длительная работа, которая будет в меньшей степени зависима от геополитических стратегий и ориентирована на сотрудничество бизнес-структур обоих государств [6].

Политическое взаимодействие России и КНР на текущем этапе

В 2022 г. скептицизма по поводу развития внешнеполитических взаимоотношений России и КНР в экспертном сообществе стало меньше. Поводом к этому послужило резкое ухудшение взаимоотношений западных стран и России от введения санкций до фактического участия некоторых стран в вооруженном конфликте с Россией путем передачи Украине наступательных вооружений, координации целей для ракетных ударов, предоставления разведывательной информации и т.п. Данный момент говорит о невозможности восстановления взаимоотношений с США и странами Евросоюза на протяжении длительного времени. Еще одной из причин стало внесение КНР и России в список ведущих угроз западной модели мироустройства. Также имеются и сходные проблемы в обеспечении безопасности в регионе, такие как развитие исламских деструктивных движений в странах региона, что фактически угрожает безопасности обоих государств, обеспечение энергетической безопасности и т.д.

В итоге, нельзя не констатировать, что многие западные эксперты сегодня сходятся во мнении, что Китай и Россия разделяют стремление подорвать гегемонию США и добиться более справедливого с их точки зрения многополярного мирового порядка [7].

Сегодня сотрудничество с КНР осуществляется по многим направлениям, однако о политической или даже экономической интеграции говорить преждевременно. Политическая интеграция подразумевает создание единых политических органов, направленных на управление тех или иных сфер. Вместе с тем, КНР и Россия реализуют собственные внешние и внутренние политики, которые, несмотря на схожесть интересов, не приводят к полномасштабной коалиции. Этому есть ряд причин:

- культурные различия между странами;
- КНР официально придерживается нейтралитета по ситуации с Украиной;
- КНР является крупнейшим торговым партнером США и стран Евросоюза и рискует потерять данные рынки в случае интеграции с Россией;
- признание территориальных приобретений России в ходе конфликта с Украиной со стороны Китая является негативным фактором для решения проблемы Тайваня;
- различный уровень технологического и экономического развития;
- реализация КНР политики «китаецентризма» и применения политики «мягкой силы», что делает развитие процесса политической интеграции угрозой суверенитета страны [8].

Перспективы развития политического взаимодействия России и КНР

В случае геополитического проигрыша России, КНР останется фактически без союзников в противостоянии с США и странами Евросоюза, которые в подавляющем большинстве случаев занимают проамериканские, а не прокитайские позиции. Таким образом, Китай в настоящее время заинтересован в поддержке России в целях формирования сильного прокитайского блока на международной арене.

Однако, формирование подобного блока несет в себе существенные риски для России. Стабилизация внешнеполитических взаимоотношений России с западными странами за счет активного политического сближения с КНР на основе китайских интересов хоть и может позволить избежать геополитического поражения, но, тем не менее, поставит Россию в потенциально уязвимое положение «младшего, зависимого партнера» в коалиции с Китаем.

Все это делает перспективу полноценной политической интеграции довольно туманной. Создание на базе КНР и России организации, подобной Евросоюзу, требует значительной работы во всех направлениях (прежде всего, в части определения форм и полноты политической интеграции, а также в части определения «красных линий», выход за которые может негативно отразиться на российских национальных интересах). Отдельным вопросом останется дипломатическое и экономическое сотрудничество с иными странами.

Вместе с тем, развитие совместных проектов, участие в международных и региональных организациях представляется перспективным направлением развития, где возможна частичная политическая интеграция. В настоящее время Россия и КНР участвуют в таких региональных организациях, как АТЕС, АСЕАН, ШОС. Как показала последняя встреча лидеров государств в 2023 году, китайская сторона поддерживает продвижение интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС); в свою очередь, российская сторона поддерживает масштабную китайскую инициативу «Один пояс, один путь» [9].

Вывод

Таким образом, можно сделать вывод о том, что перспектива развития политической интеграции КНР и России в настоящее время возможна только в форме ограниченной политической интеграции.

Россия и Китай заинтересованы в расширении и углублении политического взаимодействия (в формировании ограниченной политической интеграции) по отдельным направлениям:

в долгосрочной перспективе – в рамках противостояния глобальной гегемонии США и проамериканского блока стран (к которому помимо ЕС, активно противостоящего России в настоящее время, также относятся, например, Япония, являющаяся конкурентом Китая в АТР);

в среднесрочной перспективе – в рамках расширения сотрудничества в евразийском регионе в таких сферах, как внешнеторговая кооперация (в т.ч. в рамках реализации крупных инфраструктурных проектов), обеспечение региональной безопасности (в т.ч. энергетической), противодействие терроризму и др.;

в краткосрочной перспективе – в рамках противодействия ситуативным негативным эффектам от антикитайских и антиросийских санкций со стороны недружественных государств.

Литература

1. Абгарян С.Р. Понятие «интеграция» в политической науке // Terra Linguistica. – 2011. – № 131. – С. 13–16.
2. Грачёв Б.В. Модель политической системы международного интеграционного объединения (на примере Евразийского союза): дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2018. – 201 с.
3. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. – М.: Весь Мир, 2013. – 411 с.
4. Волынчук А.Б. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия России и Китая в условиях глобальной нестабильности // Россия в глобальном мире. – 2017. – № 11 (34). – С. 64–67.
5. Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – 226 с.
6. Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации / Вестник РУДН. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. № 4. – С. 804–827.
7. Крутько А.А. Военно-политические аспекты евразийской интеграции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 3. – С. 156–159.
8. Ли Шуан. Российско-китайские отношения на современном этапе // Молодой ученый. – 2016. – № 15 (119). – С. 355–357.
9. Putin and Xi: not quite the allies they seem // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/cd637c7e-f4a8-11e4-8a42-00144feab7de>

INTEGRATION AT THE POLITICAL LEVEL BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS. HISTORY AND PROSPECTS

Rozhkov I.O.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

At the moment, there is a turning point in the global reorganization of world spheres of influence. Old systems and relationships are being broken down and new ones are created. The prospect of developing political integration between China and Russia is currently possible only in the form of limited political integration. Russia and China are interested in expanding and deepening political interaction (in the formation of limited political integration) in certain areas. The article examines the integration processes between the PRC and Russia, their history and current state. Despite the differences between the countries, they are united by the political status of a “threat” to the leaders of the Western world, which in turn leads to integration processes in many areas, including political ones. However, there are a number of problematic issues that require studying the risks and prospects for further intensification of bilateral cooperation, as well as interaction within the framework of integration processes in the Eurasian space.

Keywords: diplomatic relations, political integration, global politics, geopolitical spheres of influence, integration of Russia and China.

References

1. Abgaryan S.R. The concept of “integration” in political science // Terra Linguistica. – 2011. – No. 131. – P. 13–16.
2. Grachev B.V. Model of the political system of an international integration association (on the example of the Eurasian Union): diss. ...cand. watered Sci. – M., 2018. – 201 p.
3. Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations / Ed. A.V. Lukina. – M.: Ves Mir, 2013. – 411 p.
4. Volynchuk A.B. Geopolitical and geo-economic aspects of interaction between Russia and China in conditions of global instability // Russia in the global world. – 2017. – No. 11 (34). – pp. 64–67.
5. Titarenko M.L. Russia and China: strategic partnership and challenges of the time. – M.: Publishing House “FORUM”, 2014. – 226 p.
6. Ershov V.F. Russia and China in the XXI century: strategic partnership in the context of civilizational globalization / RUDN University Bulletin. Series: History of Russia. – 2019. – T. 18. No. 4. – P. 804–827.
7. Krutko A.A. Military-political aspects of Eurasian integration // State and municipal management. Scientific notes of SKAGS. – 2017. – No. 3. – P. 156–159.
8. Li Shuang. Russian-Chinese relations at the present stage // Young scientist. – 2016. – No. 15 (119). – pp. 355–357.
9. Putin and Xi: not quite the allies they seem // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/cd637c7e-f4a8-11e4-8a42-00144feab7de>

Транснациональная корпорация как актор гуманитарной дипломатии

Юдин Никита Олегович,

к.п.н., руководитель Сектора наукометрического анализа,
преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД
России
E-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru

В данной статье рассматривается роль транснациональной корпорации (далее – ТНК) как актора гуманитарной помощи. Связь между гуманитарной политикой ТНК и политической составляющей их деятельности была охарактеризована на примере анализа американской модели корпоративного проникновения на рынки третьих стран. Автор пришел к выводу, что в текущей политико-экономической ситуации только национально-ориентированная государственная политика в гуманитарной сфере, особенно когда речь идет об участии ТНК в реализации гуманитарных проектов, способна обеспечить национальный суверенитет России в данной сфере. При этом сама гуманитарная деятельность ТНК на территории страны требует тщательной государственной экспертизы по поводу допустимости их участия в различных образовательных проектах, в проектах, связанных с развитием системы здравоохранения, фармации, цифровизации и т.д.

Ключевые слова: транснациональная корпорация (ТНК), гуманитарная помощь, гуманитарная дипломатия, гуманитарная политика, корпоративная гуманитарная экспансионистская политика.

Обеспечение постоянного доступа к гуманитарной помощи во время конфликтов и сложных чрезвычайных ситуаций всегда было очень важным вопросом для политиков и гуманитарных акторов. В связи с этим, гуманитарные переговоры, призванные гарантировать доступ, помощь и защиту гражданскому населению, исторически всегда проводились в условиях экстремальной опасности и политической нестабильности. Косвенная, порой даже имплицитная практика гуманитарных переговоров, привела к концепции гуманитарной дипломатии, которая появилась в начале 2000-х годов.

Гуманитарная дипломатия призвана убедить общественных лидеров и высокопоставленных лиц, принимающих решения, действовать всегда и при любых обстоятельствах в интересах уязвимых групп населения, соблюдая и уважая при этом основные гуманитарные принципы. Она охватывает деятельность, осуществляемую гуманитарными акторами, целью которой является получение от политической и военной власти пространства, в котором они смогут спокойно работать. Эта деятельность включает в себя, например, обеспечение безопасного присутствия гуманитарных организаций в определенной стране, доступ к переговорам с гражданским населением, нуждающимся в помощи и защите, мониторинг программ помощи, развитие уважения к международному праву и нормам, и привлечение на различных уровнях к поддержке гуманитарных целей [4]. Таким образом, мы определяем гуманитарную дипломатию как способ доступа к наиболее уязвимым слоям населения с целью оказания помощи и получения имиджевых преференций, позволяющих повышать уровень доверия между странами и народами.

Несмотря на позитивный характер гуманитарной дипломатии, в данной сфере дипломатической деятельности присутствуют значительные противоречия, когда речь заходит о деятельности одного из ее субъектов – транснациональных корпораций.

Связь между гуманитарной политикой ТНК и политической составляющей их деятельности можно проследить на примере анализа американской модели корпоративного проникновения на рынки третьих стран. Данная модель подробно описана немецкими исследователями Андреасом Нельке и Кристином Мэй в работе, носящей название «Справочник международной корпоративной политической экономики» [6]. Целью исследования было, в том числе, осмысление проблем взаимодействия ТНК с социально-политической средой, формирующейся в пространстве современной мировой экономики. Данную модель, мы, вслед за немецкими учеными, назовем моделью «корпоративной гуманитарной экспансионистской политики» и кратко ее опишем.

В исторической ретроспективе модель корпоративной гуманитарной экспансионистской политики сформировалась в эпоху колониализма и, в силу ее эффективности, фактически в неизменном виде, сохранилась до наших дней, и сегодня рассматривается в качестве универсального подхода к формированию гуманитарной

политики ТНК в контексте продвижения национальных интересов стран, которые являются для той или иной корпорации базовым регионом. В отличие от иных моделей (континентальной, которая является более формализованной и, в основе, ориентирована на маркетинг; британской и канадской, которые интегрируют в себе особенности двух предыдущих моделей), американская модель более активна, нацелена на агрессивное продвижение гуманитарной повестки, которую ТНК формулируют на основе интересов бизнеса, декларируя идеи социальной ответственности и гуманизации деловой среды, и необходимости расширения американского политического присутствия в различных регионах мира. В основе данной модели лежит теория стейкхолдеров, а также концепция «корпоративного гражданства», имея в виду, что интересы бизнеса самым тесным образом переплетены с возможностями бизнеса формировать внутреннюю политическую повестку в странах пребывания корпораций с использованием инструментов гуманитарной политики, которая в конечном итоге приобретает явные очертания политики «мягкой силы» [3].

Бесспорно, одним из самых ярких примеров использования модели корпоративной гуманитарной экспансионистской политики является корпоративная гуманитарная стратегия компании. В качестве примера можно привести гуманитарную деятельность корпорации ExxonMobil – крупнейшего представителя нефтегазового рынка. Основная деятельность данной компании в рамках гуманитарной деятельности сосредоточена в городах и регионах присутствия американской корпорации. В рамках осуществления своей деятельности ExxonMobil взаимодействует с правительствами стран, крупным бизнесом и неправительственными организациями [1].

Среди основных приоритетов компании ExxonMobil – здравоохранение, система образования и стимулирование экономического развития. В процессе формирования инвестиционного портфеля руководство компании ExxonMobil исходит из оценок потребностей каждого конкретного региона присутствия. Сегодня ExxonMobil выступает регулярным участником проектов государственно-частного партнерства в рамках совершенствования социально-экономической ситуации в мире. Достаточно сказать, что в последние годы различным общественным организациям корпорация перечислила около 777,8 млн долл. США, из которых на долю представителей других стран пришлось около 636,7 млн долл. США. Вне пределов США ExxonMobil активно взаимодействует с организациями, связанными с образованием. Например, в рамках катарского проекта «Обучить ребенка» компания ExxonMobil вкладывала средства в строительство начальных школ для детей на территории Анголы. В 2018 году сумма средств, направленных на поддержку профессионального образования, составила 3,5 млн долл. США, причем около 90% этих средств было инвестировано в проекты, реализуемые за пределами США. Так, например, в 2018 году началось сотрудничество ExxonMobil Foundation с Гайанским университетом в сфере расширения возможностей трудоустройства. На эти цели ему было выделено корпорацией 10 млн долл. США.

В рамках реализации экологических программ корпорация ExxonMobil основное внимание сосредоточила на нескольких направлениях: сохранение существующих экосистем, пропаганда защиты экологии, развитие экологического образования, научно-исследовательская деятельность в сфере экологии. При этом общий объем экологических трат американской корпорации на решение экологических проблем значительно больше, чем объем средств, направляемых по гуманитарной линии.

Программы в сфере здравоохранения ориентированы на защиту здоровья людей и сосредоточены в большей части в странах с развивающейся экономикой. Основным направлением выступает противодействие малярии в странах Африки и Латинской Америки. Связано это с тем, что в местах, разрабатываемых компанией месторождений, малярия представляет серьезную опасность для местного населения. В последние 10 лет корпорация ExxonMobil вложила в противодействие малярии на территории африканских стран и государств Тихоокеанского региона около 170 млн долл. США. Под действие программы попало в общей сложности около 125 млн человек, а в реализации программы приняло участие 18 общественных организаций, лидеры которых получали непосредственное финансирование из фондов ExxonMobil, проходили стажировку в США [2].

Активно развивают свою гуманитарную деятельность и другие представители нефтегазового сектора. Примером может служить корпорация British Petroleum, расположенная в Великобритании. Отчетность компании указывает на взаимодействие корпорации с национальными правительствами, бизнесом и неправительственными общественными организациями в сфере социального развития, способного предоставить выгоды в дальнейшем. Инвестирование средств осуществляется на основе имеющихся местных потребностей и особенностей. В качестве приоритетов British Petroleum ставит цели, соответствующие основным сферам деятельности ООН, направленные на достижение показателей социального развития, противодействие бедности, социальному неравенству, ухудшению экологии. В благотворительности британская транснациональная корпорация ориентируется на такие направления как: экология, образование, экономическое развитие.

В разрезе экономического развития внимание привлекает в первую очередь совершенствование предпринимательских возможностей, взаимодействие в других государствах с местными компаниями с целью расширения сотрудничества, так, например, на территории Грузии реализуется программа Eco Award. Ее участниками выступают национальное правительство страны и представители нефтегазового бизнеса. Среди ее приоритетов необходимо назвать обучение бережливости при использовании природных ресурсов и содействие росту уровня национального благосостояния. В рамках данного направления осуществляется реализация трех проектов, получивших необходимое финансирование. Один из них нацелен на организацию защиты земель фонда от деградации и охватывает значительные территории на юге республики. При этом можно обратить внимание на то, что в настоящее время в парламенте Грузии присутствует 11 членов, которые ранее работали в компании British Petroleum и проходили стажировку в офисе компании на территории Великобритании. Также обращает на себя внимание, что существенные средства (до 72 млн долл. США в год) British Petroleum вкладывает в развитие учебных программ и переподготовку грузинских педагогов в соответствии с европейскими стандартами в рамках Болонского процесса, который, как известно, становится инструментом экспансии западной модели образования в образовательное пространство иных стран. Кроме того, три грузинских коммерческих телеканала напрямую финансируются из соответствующих фондов British Petroleum, при том, что английская компания полностью удовлетворила потребности этих телеканалов в оборудовании, средствах связи, средствах передвижения.

Сказанное выше позволяет утверждать, что гуманитарная составляющая в деятельности ТНК является

важным элементом PR-деятельности, а такие весомым аспектом политического присутствия ТНК в регионах их деятельности.

Следует обратить внимание на то, что усиление роли гуманитарной составляющей оказывает в целом положительное влияние на экономику регионов, поскольку внимание ведущих ТНК к решению глобальных проблем обусловлено повесткой мирового сообщества по решению глобальных проблем человечества. В тоже время сам перечень данных проблем, не смотря на их явную насущность, оставляет для ТНК множество вариативных аргументов для проникновения в региональную экономику. В этой связи, дискуссионным является утверждение относительно того, что механизм гуманитарной политики ТНК является следствием «альтруистической модели ведения бизнеса, когда аргументы социальной ответственности создают предпосылки для формирования нового качества распределительной функции в экономике, обеспечивая перераспределение финансовых ресурсов наиболее состоятельных субъектов мировой экономики в пользу регионов и социальных групп, которые в наибольшей степени нуждаются в финансовой поддержке для решения гуманитарных проблем» [5]. Действительно перераспределительная функция в настоящее время обретает новое содержание: от решения задач обеспечения финансовых интересов заинтересованных сторон мы наблюдаем движение в направлении расширения инвестиций ТНК в гуманитарную сферу. Однако данный тренд имеет целиком прагматический характер, имея ввиду, что ТНК стремятся реализовать стратегию гуманитарного присутствия, используя модель «corporate humanitarian expansion» в качестве весьма эффективного продвижения своих бизнес интересов, находящихся в прямой взаимосвязи с политическими притязаниями ТНК.

Таким образом, можно заключить, что гуманитарная политика ТНК является в настоящее время инструментом борьбы за потребителя, чем реальной концепцией гуманизации бизнеса, при том, что, так или иначе ТНК создают вокруг себя «политическое пространство», находясь в пределах которого потребитель воспринимает те ценности и идеалы, которые изначально заложены в идеологию западного бизнеса, а в широком смысле – в идеологию западного образа жизни. В данном случае мы поддерживаем мысль о том, что «при выходе на рынок транснациональных корпораций, государство теряет возможность контролировать их деятельность, что ставит страну в зависимость от принимаемых за ее пределами решений. В случае значительного количества ТНК на рынке страны, то есть, когда большинство отраслей экономики развиваются за счет иностранного капитала, правительство страны должно постоянно действовать с учетом их интересов для недопущения оттока инвестиционного капитала, что приведет к проблемам в экономике. Соответственно, политический суверенитет в таких условиях является относительным, поскольку большинство решений подчиняются интересам международных компаний, которые способны существенно воздействовать на принятие политических решений не только в сфере экономики, но и в гуманитарном пространстве национального строительства» [7]. Также следует согласиться и с тем, что транснационализация рынков и расширение влияния неправительственных организаций размывают образ государственного управления. При этом наличие в структуре ТНК охранных структур, а фактически частных армий, ставят вопросы о новой архитектуре безопасности во всем мире. В этом смысле в настоящее время России следует критично относиться к деятельности ТНК на своей территории, сформировать

вполне определенную концепцию, которая очерчивает границы присутствия ТНК в гуманитарном пространстве страны.

Таким образом, можно заключить, что в текущей политико-экономической ситуации только национально-ориентированная государственная политика в гуманитарной сфере, особенно когда речь идет об участии ТНК в реализации гуманитарных проектов, способна обеспечить национальный суверенитет России в данной сфере. При этом сама гуманитарная деятельность ТНК на территории страны требует тщательной государственной экспертизы по поводу допустимости их участия в различных образовательных проектах, в проектах, связанных с развитием системы здравоохранения, фармации, цифровизации и т.д.

Литература

1. Богатырева О.Н. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт: монография / О.Н. Богатырева, Д.М. Ковба, К.М. Табаринцева-Романова. – М.: Наука, 2021. – 282 с.
2. Гурчиани М. Роль ТНК в современную эпоху [Электронный ресурс]. – URL: <http://geoeconomics.de/?p=12649> (дата обращения: 21.12.2023).
3. Ковба Д.М. Гуманитарная дипломатия: между политикой и гуманизмом // VII Информационная школа молодого учёного: сб. науч. трудов / Ред. П.П. Трескова. – Екатеринбург: Центр. науч. биб-ка УрО РАН, 2019. – С. 456–460.
4. Ковба Д.М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. – 2023. – № 1. – С. 135–147.
5. Юдин Н.О. Транснациональные компании как актор социально-гуманитарной сферы мировой политики: Дисс. ... канд. наук. – М., 2021. – 236 с.
6. Handbook of the International Political Economy of the Corporation. Edited by Andreas Nölke and Christian May. Institute of Political Science, Goethe University Frankfurt. – Germany, 2018. – 496 p.
7. Hilhorst D., Margit van Wessel. From humanitarian diplomacy to advocacy [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elgaronline.com/edcollchap-oa/book/9781800378155/book-part-9781800378155-17.xml> (дата обращения: 20.12.2023).

TNC AS AN ACTOR OF HUMANITARIAN DIPLOMACY

Yudin N.O.
MGIMO University

This article examines the role of TNCs as an actor of humanitarian assistance. The relationship between the humanitarian policy of TNCs and the political component of their activities was characterized by the example of an analysis of the American model of corporate penetration into the markets of third countries. The author came to the conclusion that in the current political and economic situation, only a nationally oriented state policy in the humanitarian sphere, especially when it comes to the participation of TNCs in the implementation of humanitarian projects, is able to ensure Russia's national sovereignty in this area. At the same time, the very humanitarian activities of TNCs in the country require careful state expertise on the admissibility of their participation in various educational projects, in projects related to the development of the healthcare system, pharmacy, digitalization, etc.

Keywords: transnational corporation (TNC), humanitarian aid, humanitarian diplomacy, humanitarian policy, corporate humanitarian expansionist policy.

References

1. Bogatyreva O.N. Multilateral humanitarian diplomacy: universal and regional experience: monograph / O.N. Bogatyreva, D.M. Kovba, K.M. Tabarintseva-Romanova. – Moscow: Nauka, 2021. – 282 p.
2. Gurchiani M. The role of TNCs in the modern era [Electronic resource]. – URL: <http://geoeconomics.ge/?p=12649> (accessed: 21.12.2023).
3. Kovba D.M. Humanitarian diplomacy: between politics and humanism // VII International Conference of Young Scientists: collection of scientific papers / ed. by P.P. Treskov. Yekaterinburg: Center. Scientific Library of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. Pp. 456–460.
4. Kovba D.M. Humanitarian diplomacy: the main levels, actors and their motives // Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences. 2023. No. 1. Pp. 135–147.
5. Yudin N.O. Transnational companies as an actor in the socio-humanitarian sphere of world politics: Diss... Candidate of Political Sciences. – Moscow, 2021. – 236 p.
6. Handbook of International political economy of the corporation. Edited by Andreas Nelke and Christian May. Goethe University Frankfurt Institute of Political Science. – Germany, 2018. – 496 p.
7. Hilhorst D., Margit van Wessel. From humanitarian diplomacy to advocacy [Electronic resource]. – URL: <https://www.elgaronline.com/edcollchap-oa/book/9781800378155/book-part-9781800378155-17.xml> (accessed: 20.12.2023).

Теоретические и методологические основы современного естественнонаучного образования бакалавров

Осокина Валентина Николаевна,

к.п.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске
E-mail: blak1511@yandex.ru

В статье раскрывается сущность понятия «естественнонаучное образование», его теоретические и методологические основы. Автор проектирует результаты естественнонаучного образования бакалавров педагогики на формирование у младшего школьника целостной картины мира, выделяет отличительные особенности естественных и гуманитарных наук, основные направления обновления естественнонаучного образования бакалавров.

Ключевые слова: естественнонаучное образование, бакалавры педагогики, методологические основы, антропоцентризм, природосообразность, культуросообразность, компетентностный, интегративный подходы.

Одной из важнейших задач высшего образования является формирование научного мировоззрения. Существенный вклад в этот процесс вносит естественнонаучное образование. Мы видим свою задачу в том, чтобы представить краткую характеристику теоретических и методологических основ естественнонаучного образования бакалавров педагогики.

Анализ справочной и педагогической литературы показал, что понятие естественнонаучное образование имеет различное толкование. В российской педагогической энциклопедии [9] представлена следующая трактовка данного понятия: «естественнонаучное образование – образование в области естественных наук».

В диссертационном исследовании Н.А. Васильевой естественнонаучное образование – целенаправленный процесс и результат формирования у человека системы естественнонаучных знаний, умений, навыков, опыта познавательной и практической деятельности, ценностных ориентаций и отношений [3].

Согласимся с мнением ученых Н.З. Алиевой, О.Н. Голубевой, Л.Я. Зориной, В.С. Степина, А.Д. Суханова и др., что естественнонаучное образование является личностно и социально значимым, благодаря его огромному мировоззренческому, методологическому, содержательному и познавательному потенциалу [2, 4].

Таким образом, естественнонаучное образование способствует становлению различных сторон личности современного специалиста и прежде всего развития научного мировоззрения, гуманитарной и естественнонаучной культуры.

В культурологии выделяют естественнонаучные и гуманитарные разновидности культуры. Их можно рассматривать как два подхода, две традиции в описании взаимодействия с окружающей средой. Естественнонаучная культура адаптирует человека к природной среде, гуманитарная культура социализирует человека в обществе.

Стержнем естественнонаучного образования в вузе является интенсивно самообучающийся и профессионально самоопределяющийся студент. Наиболее важной проблемой естественнонаучного образования является недооценка его образовательных, культурно-просветительских возможностей. Методологические основы естественнонаучной подготовки бакалавров представлены на рис. 1.

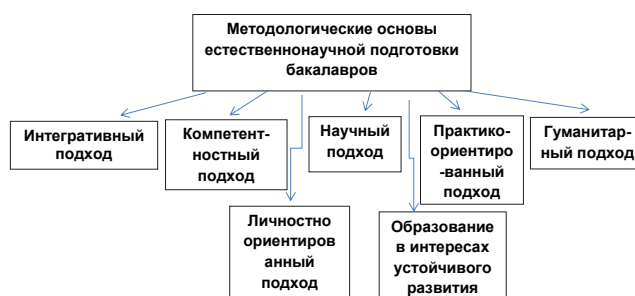

Рис. 1. Методологические основы естественнонаучной подготовки бакалавров

Основными научными подходами в проектировании содержания естественнонаучной и общепрофессиональной подготовки бакалавров педагогики выступают: интегративный, гуманитарный, личностно ориентированный, компетентностный подходы.

Проблему реализации интегративных курсов рассматривают известные ученые: И.Ю. Алексашина, В.С. Безрукова, А.Н. Захлебный, И.Д. Зверев, Ю.И. Полянский, И.Т. Суравегина, Л.В. Тарасов, А.В. Усова, А.Г. Хрипкова и др.

Функцию гуманитарного подхода ориентированного на развитие внутреннего мира субъекта рассматривают Н.Ю. Басуева, Н.Г. Григорьева и др.

Личностно ориентированный подход позволяет обеспечить обретение обучающимся самого себя как субъекта будущей профессиональной деятельности.

Результаты компетентностного подхода нашли отражение в трудах В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, В.П. Соломина и др. Компетентностный подход акцентирует внимание на способности специалиста действовать в различных практических ситуациях на основе сформированных компетенций.

Сегодня возникла необходимость подготовки бакалавров педагогического образования как целостной ответственной личности, осознающей себя субъектом деятельности, готовой к профессиональному самосовершенствованию.

Рассмотрим, какая ситуация складывается в изучении интегративных естественнонаучных дисциплин на примере филиала Ставропольского педагогического института в г. Железноводске. В соответствии с ФГОС 3+ в учебном плане 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «Дошкольное образование» и «Начальное образование» в обязательной части блока 1 по предметно-методическому модулю (профиль «Начальное образование») предусмотрено изучение двух дисциплин: «Основы естествознания и обществознания» и «Методика преподавания предмета «Окружающий мир» в начальной школе», по предметно-методическому модулю (профиль «Дошкольное образование») изучается дисциплина «Методика экологического образования детей дошкольного возраста».

Дисциплина «Основы естествознания и обществознания», построенная на основе общих законов развития природы и общества, является методологической основой для естественнонаучной и обществоведческой подготовки и формирования научного знания обучающихся на теоретическом уровне. Дисциплина «Основы естествознания и обществознания» интегративна, что способствует формированию у студентов целостной естественнонаучной картины мира и теоретического мышления, вопреки тому, что естественные и гуманитарные науки имеют существенные отличия. В таблице 1 приведены отличительные особенности естественных и гуманитарных наук.

Дисциплинами, ответственными за овладение новыми знаниями в области теории и методики обучения и воспитания, а также формирования личностного профессионального опыта являются «Методика преподавания предмета «Окружающий мир» в начальной школе» и «Методика экологического образования детей дошкольного возраста». Методическая компетентность является важнейшим компонентом в структуре профессионального образования бакалавра педагогического профиля. Однако педагогические вузы должны готовить выпускников, способных демонстрировать не только знание современных педагогических технологий, готовность к межличностному общению, но и широкий естественнонаучный кругозор, особый тип рационального мышления, свойственный естественнонаучному знанию.

Таблица 1. Отличительные особенности естественных и гуманитарных наук

Характеристика	Естественные науки	Гуманитарные науки
Объект исследования	Природа	Человек
Взаимоотношения субъекта и объекта исследования	Строго разделены	Частично совпадают
Основная функция	Объяснение (истины доказываются)	Понимание (истины истолковываются)
Характер методологии	Обобщающий	Индивидуализирующий
Основной научный метод	Гипотетико-дедуктивный	Гипотетико-ценностный (прагматический)
Экспериментальные исследования	Составляют основу познания	Затруднены
Основной критерий научности	Подтверждаемость	Эффективность

В соответствии с требованиями Федерального Государственного Образовательного стандарта начального общего образования (ФГОС НОО) в начальной школе введен интегративный предмет об окружающем мире. Цель его изучения – «формирование у младшего школьника целостной картины мира и осознание места в нем человека на основе единства рационально-научного познания и эмоционально-ценностного осмысления личного опыта общения с людьми, обществом и природой» [1, с. 5].

По мнению Д.Ю. Добротина, М.С. Смирновой, Н.А. Рыжовой «предмет окружающий мир – интегративный по содержанию, что представляет трудность как для его восприятия младшими школьниками, так и для преподавания. В содержании предмета выделяются две основные области знаний – естественнонаучная и обществоведческо-историческая» [6, с. 10].

Предмет об окружающем мире обладает широкими возможностями для формирования у младших школьников основ экологической и культурологической грамотности, соблюдения правил поведения в мире природы и людей, правил здорового образа жизни, т.е. освоения природосообразного и культуросообразного поведения в окружающей природной и социальной среде. Целостность курса обеспечивается идеей о неразрывной связи трех компонентов – человека, природы и общества. Вокруг этой идеи осуществляется интеграция сведений на протяжении четырех лет обучения.

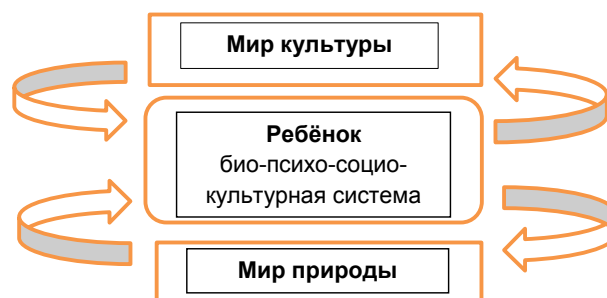

Рис. 2. Содержание предмета окружающий мир в соответствии с идеей антропологического подхода

Идея антропологического подхода в современной педагогической науке рассматривается как методоло-

гический ориентир, мировоззренческая, теоретическая и практическая ориентация на человека как главную ценность. В соответствии с идеей антропологического подхода содержание предмета окружающий мир представлено на рис. 2.

В соответствии с антропологическим подходом ребенка следует рассматривать как деятельного наблюдателя, создателя личного субъектного опыта и природно-культурного окружения.

Интеграция знаний, основанная на идеях ноосферы, позволяет рассматривать человека как носителя «сферы разума» биосферы и создателя духовной и материальной культуры. Отражение идей ноосферы в содержании предмета окружающий мир представлено на рис. 3.

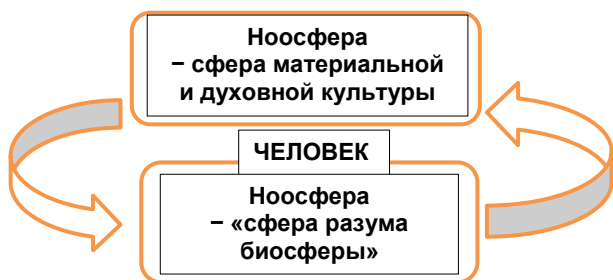

Рис. 3. Содержание предмета окружающий мир в соответствии с идеей ноосферы

Таким образом, анализ теоретических и методологических основ состояния проблемы естественнонаучного образования бакалавров в педагогическом вузе показал, что оно способствует становлению различных сторон личности современного специалиста, овладению содержательной подготовкой в области преподавания предмета об окружающем мире в начальной школе. Вместе с тем при проектировании содержания естественнонаучной и общепрофессиональной подготовки студентов на первый план выходит компетентностный подход.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Просвещение, 2010. – 31 с.
2. Алиева Н.З. Философско-методологические основания естественнонаучного образования в контексте постнеклассической науки: Автореф. дисс. доктора философских наук. – Ростов н/а – Д, 2009. – 34 с.
3. Васильева Н.А. Становление естественно-научного образования в России в XVIII – первой половине XIX вв. (до реформ 60-х гг.): Автореф. дисс. ... кандидата пед. наук. Челябинск, 2008. 24 с.
4. Голубева О.Н., Суханов А.Д. Естественно-научная концепция современного естествознания // Физика в системе современного образования (ФССО – 99). СПб., 1999. Т. 1.

5. Коломийченко А.А., Шинкарева В.И., Осокина В.Н. Формирование у младших школьников умения проводить наблюдения при изучении окружающего мира. Инноватика: современные технологии модернизации общества. Материалы 3-й Региональной конференции. – Пятигорск: ПГУ, 2021. – С. 181–185.
6. Методика преподавания предмета «окружающий мир»: учебник и практикум для академического бакалавриата / Д.Ю. Добротин, М.С. Смирнова, Н.А. Рыжова [и др.] / Под общ. ред. М.С. Смирновой. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 306 с.
7. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 томах / гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1. – 608 с.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN BACHELOR'S SCIENCE EDUCATION

Osokina V.N.

Stavropol State Pedagogical Institute (branch in Zheleznovodsk)

The article reveals the essence of the concept of “natural science education”, its theoretical and methodological foundations. The author projects the results of the natural science education of bachelors of pedagogy on the formation of a holistic picture of the world for a younger student, highlights the distinctive features of natural sciences and humanities, the main directions of updating the natural science education of bachelors.

Keywords: natural science education, Bachelor of Pedagogy, methodological foundations, anthropocentrism, naturalism, cultural conformity, competence-based, integrative approaches.

References

1. Federal State educational standard of primary general education / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. – М.: Prosveshchenie, 2010. – 31 p.
2. Alieva N.Z. Philosophical and methodological foundations of natural science education in the context of post-non-classical science: abstract. Doctor of Philosophy. – Rostov n/a – D, 2009. – 34 p.
3. Vasilyeva N.A. The formation of natural science education in Russia in the XV century-the first half of the XIX century. (before the reforms of the 60s): author's thesis ... candidate of pedagogical sciences. – Chelyabinsk, 2008. – 24 p.
4. Golubeva O.N., Sukhanov A.D. Natural science concept of modern natural science// Physics in the system of modern education (FSSO – 99). – St. Petersburg, 1999. Vol. 1.
5. Kolomiichenko A.A., Shinkareva V.I., Osokina V.N. Formation of the ability of younger schoolchildren to make observations while studying the world around them. Innovatika: modern technologies of modernization of society. Materials of the 3rd Regional Conference. – Pyatigorsk: PSU, 2021. – S. 181–185.
6. Methodology of teaching the subject “the world around”: textbook and workshop for academic undergraduate / D.Y. Dobrotin, M.S. Smirnova, N.A. Ryzhova [et al.]; under the general editorship of M.S. Smirnova. – М.: Yurayt Publishing House, 2017. – 306 p.
7. The Russian Pedagogical Encyclopedia: In 2 volumes / ch. ed. V.V. Davydov. – М.: The Great Russian Encyclopedia, 1993. Vol. 1. – 608 p.

Китайско-российское сотрудничество в сфере безопасности и его влияние на международную политику

Лю Цзиньчжэ,

магистрант программы «Международная безопасность»
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
E-mail: liujz@yandex.ru

В статье рассмотрена эволюция российско-китайских отношений в области безопасности. Обозначены основные направления сотрудничества в области поставок вооружений, военных технологий и систем безопасности. Сделан вывод о том, что представители властных структур обеих стран стремятся укрепить сотрудничество в области безопасности важны не только путем поставок вооружений, но и посредством проведения регулярных совместных военных маневров. Выделены основные этапы развития отношений в области совместных военных учений. Определен характер сотрудничества в области обеспечения кибербезопасности. Определено влияние партнёрских отношений между Россией и Китаем на международную геополитическую повестку.

Ключевые слова: Китай, Россия, безопасность, геополитика, оборона, учения, стратегическое партнерство.

Китай долгое время выступает одним из стратегических партнеров России. Сотрудничество двумя странами имеет мультивекторный характер: реализуются совместные проекты в области экономики, торговли, энергетики, культуры, спорта. На международной арене Россия и Китай все чаще выражают схожую позицию в отношении видения будущей геополитической картины мира [1, с. 62]. Тем не менее, нельзя сказать, что два государства в полной мере реализуют потенциал двустороннего сотрудничества. Особенно важными и перспективными в этом плане нам представляются совместные мероприятия в области обеспечения безопасности.

Эволюция российско-китайских отношений в области безопасности

История взаимодействия двух стран в аспекте обеспечения безопасности началась еще в XIX в. Следует отметить, что начало процесса освоения Сибири и Дальнего Востока Российской империей было сопряжено со множеством трудностей и даже вооруженных столкновений с Китаем. Многие противоречия и территориальные разногласия были разрешены посредством заключения нескольких межгосударственных договоров. Можно сказать, что на данном этапе увеличение политического веса Российской Империи позволило ей зафиксировать собственные территориальные притязания, установить выгодную для нее восточную границу, обеспечить выход к Тихому океану и в целом доминировать над ослабевшим на данном этапе Китаем [1, с. 55].

В начале XX в. отношения Китая и России можно было описать как конфликтные, но формирование новой политической парадигмы и становление на ее основе таких государств, как СССР и Китайская Народная Республика, позволило двум странам найти точки соприкосновения и постепенно установить союзнические отношения. Несмотря на ряд конфликтов на среднеазиатских и дальневосточных рубежах, произошедших в 1960-х гг., на протяжении всего XX столетия руководство обеих стран стремилось к нормализации двусторонних отношений. Особенно плодотворным было сотрудничество в образовательной, культурной, гуманитарной областях.

В 1994 г. Б.Н. Ельцин и председатель КНР Цзян Цзэминь предприняли попытку установления долгосрочного и конструктивного партнерства, одним из направлений которого стало обеспечение международной безопасности. Стратегический вектор сотрудничества в сфере безопасности был задан в 1997 г. – при подписании китайско-российской декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка. Основным мотивом для установления партнерских отношений стало расширение НАТО на Восток и интервенции, реализуемые под руководством США на Балканах. Декларация обозначила основные термины, концепции и категории, которых придерживаются обе страны по сей день: «многополярный мир», «новый мировой порядок», «добрососедство».

Важным этапом в формировании механизмов стратегического партнерства между Россией и Китаем в области обеспечения безопасности стал 2001 г. – год под-

писания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. 13 из 25 статей этого документа прямо затрагивают вопросы обеспечения безопасности. Текст Договора позволяет получить представления о направлениях сотрудничества в области обеспечения безопасности: (1) взаимодействие в военно-политической сфере; (2) сотрудничество в военно-стратегической области и (3) военно-техническое сотрудничество. Многие специалисты критикуют данный Договор за его декларативный характер и отсутствие конкретных обязательств для обеих сторон. Тем не менее, именно Договор стал основой для дальнейших мер и практического сотрудничества России и Китая [1, с. 56].

На современном этапе китайские элиты рассматривают Российскую Федерацию как мощное в военном и политическом отношении государство, формирующее новый баланс сил в мире. Тем не менее, анализ мероприятий сотрудничества России и Китая в области безопасности в период с 2001 по 2023 гг. позволяет охарактеризовать его как реализуемое не в полной мере. Так, на сегодняшний день мы наблюдаем снижение масштабов российско-китайских военных учений и интенсивности военно-технического сотрудничества, слабую проработку двусторонних программ и, как и ранее, декларативный характер совместных заявлений [4, с. 70].

Сотрудничество в области вооружений, военных технологий и систем безопасности

Одним из наиболее важных направлений двустороннего сотрудничества выступает сотрудничество в области вооружений и систем безопасности. Начало совместной работы в этой сфере было положено еще в конце 1993 г. – при подписании Соглашения о военном сотрудничестве между военными ведомствами двух стран. Соглашение позволило установить прямую связь между Народной освободительной армией Китая и вооруженными силами России.

В фокусе внимания Китая на раннем этапе сотрудничества была возможность приобретения отдельных видов вооружений российского производства. В 1990 г. Китай предъявлял относительно невысокие требования к поставляемым вооружениям, и российская военная промышленность, функционировавшая по советскому образцу, вполне могла покрыть потребность Китая в военных заказах.

С 1999 по 2004 гг. Китай существенно поднял планку требований к закупаемым вооружениям и технологиям, а российский оборонный сектор к тому времени уже смог усовершенствовать производственные технологии и выпускать продукцию, которая соответствовала новым критериям. После 2004 г. мы наблюдаем существенное снижение объемов поставок. Для отдельных видов вооружения поставки были приостановлены. Китай стал проявлять интерес к западным оборонным технологиям.

В 2010-х г. Китай инициировал разработку собственных высокотехнологичных вооружений – с целью снижения зависимости от внешних поставщиков. Тем не менее, в условиях сохраняющегося эмбарго на поставки вооружений в Китай, Россия сохранила позицию важнейшего партнера в области военно-технического сотрудничества, важнейшим источником модернизации собственного военно-промышленного комплекса и перевооружения. В 2010–2014 гг. 61% импорта вооружения Китая приходилось именно на российских поставщиков.

Далее Китай стал экспортировать собственные вооружения в другие страны мира, тогда как позиции России как экспортёра международного рынка вооружений в 2014–2015 гг. упали.

На сегодняшний день Китай проявляет интерес исключительно к поставкам высокотехнологичных образцов военной техники. Потенциально конфликтогенным фактором является копирование китайскими производителями российских технологий и отказ китайских властей от обеспечения гарантий прав интеллектуальной собственности. Китай фактически стал конкурентом российскому военно-промышленному комплексу на международном рынке, и поэтому Россия предпринимает попытки не только поставлять готовую продукцию военно-промышленного комплекса, но и вовлечь китайские оборонные компании в совместные разработки и производство [9, с. 140].

Россия, таким образом, после 2015 г стала активно продавать Китаю свои новейшие военные технологии. Китай, к примеру, получил одобрение на поставку зенитно-ракетных комплексов С-400, а осенью 2016 г. началась поставка истребителей СУ-35.

На современном этапе Китай все чаще выступает поставщиком, а не экспортером российских вооружений. По данным СМИ, с 2020 г. Россия получила от Китая десятки тысяч поставок. Получателями стали в основном компании, которые производят ракетные установки, бронетехнику и стратегические бомбардировщики. Сообщается, что в 2022 г. Китай, несмотря на официальный нейтралитет, продолжил поставки в Россию военного оборудования и снаряжения – но на официальном уровне правительство страны отказывалось подтверждать факт поддержки России.

Особенный рост наблюдается в области поставок китайских дронов, вертолетов и прицелов. Так, к примеру, китайская компания Shantou Honghu Plastics отправила в Россию 1000 дронов. Другая китайская компания, Tianjin Huarong Aviation, поставила России четыре вертолета Airbus. С начала 2022 г. по первый квартал 2023 г. китайские производители отправили оптические прицелы более чем 50 российским компаниям.

Проведение совместных учений

Все чаще представители властных структур обеих стран отмечают, что в сотрудничестве в области безопасности важны не только поставки вооружений, но и переход к совместным военным маневрам. Совместные мероприятия, безусловно, демонстрируют стремление обеих сторон к формированию партнерских отношений более высокого уровня.

В данной связи следует отметить период с 2015 по 2020 гг., когда проводились регулярные Стратегические командно-штабные учения. Наиболее масштабными из них стали учения «Восток-2018», в которых принимали участие российские и китайские военные под личным руководством Министра обороны РФ С.К. Шойгу. Учения были реализованы в акваториях Японского и Охотского морей, общая численность военнослужащих составила 300 тыс. военнослужащих. В учениях было задействовано более 1 тыс. самолетов, 80 военных кораблей и судов обеспечения [9, с. 141].

В мае 2016 г. состоялась совместная командно-штабная учения «Воздушно-космическая безопасность», а также морские военные учения в Южно-Китайском море. Обе стороны неоднократно подчеркивали, что учения не были направлены против третьих стран, но фактически они стали своеобразным индикатором протеста против развертывания американской системы ПРО THAAD в Южной Корее. Специалисты отмечают, что эти и другие учения несут не только военное, но и политическое значение.

В 2019 г. были проведены трехсторонние военно-морские учения в акваториях Оманского за-

лива, в которых принимали участие военнослужащие из Ирана, Китая и России. Маневры происходили на фоне обострения отношений между США и Ираном и были призваны продемонстрировать эффективность совместных действий на море.

Проведение учений «Кавказ-2020» было существенно затруднено необходимостью соблюдения карантинных мер. В них было задействовано только 100 военнослужащих армии Китая и 18 единиц техники.

В 2019 г. в Новосибирской области проходили учения войск Росгвардии и Народной вооруженной милиции Китая под названием «Сотрудничество-2019». Целью проведения данных учений была отработка действий в ситуации террористической угрозы.

В 2019 и 2020 гг. над акваториями Японского и Восточно-Китайского морей проводились совместные воздушные патрулирования, в которых были задействованы авиагруппы в составе стратегических бомбардировщиков ТУ-95 МС (РФ) и «Хун6К» (Китай) [4, с. 74].

Отметим также регулярные соревнования «Армейские международные игры». Китайское правительство рассматривает такие формы сотрудничества в качестве эффективного способа формирования отношений добрососедства и поддержки [4, с. 75].

По официальным сообщениям, за 2022 г. было проведено 6 совместных учений, проведенных Россией и Китаем – это количество стало рекордным за всю историю двусторонних отношений. Ожидается, что Россия и Китай продолжат увеличивать число совместных маневров в будущем и наращивать взаимодействие в сфере безопасности [11].

В 2023 г. сообщалось о проведении совместных российско-китайских военно-морских учений «Север. Взаимодействие-2023». Учения, проведенные в акватории Японского моря, ставили перед собой задачи по отработке противолодочных мероприятий, боевых действий на море, по морскому и воздушному конвоированию судов, по охране отрядов кораблей при стоянке на незащищенном рейде.

Сотрудничество в области обеспечения кибербезопасности

Безусловно, сотрудничество двух стран в сфере безопасности не исчерпывается только поставками вооружений и совместными учениями. Так, обеспечение безопасности во многом зависит от уровня инновационного развития двух стран, а также от стабильности научного и технологического обмена между странами.

И Россия, и Китай более двух десятков лет выступают за реорганизацию мирового пространства Сети и продвижение концепции многостороннего управления Интернетом. Представители обеих стран выступают с активной критикой ICANN – корпорации, ответственной за распределение имен и адресов в Сети, фактически подотчетной правительству США.

В 2011 г. две страны выступили с предложением принятия правил поведения государств в киберпространстве и предложили в рамках ООН утвердить Конвенцию «Об обеспечении международной информационной безопасности».

В 2011 г. вступило в силу соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в области обеспечения глобальной информационной безопасности.

В 2014 г. в рамках БРИКС две страны дискутировали на тему слежки и сбора данных о частных лицах в Интернете, а также предложили конкретные шаги в области поддержания виртуального суверенитета государств.

Данные обсуждения продолжились в ходе VII саммита БРИКС. Многие из конкретных мер были зафиксированы в тексте Уфимской декларации.

В 2015 г. было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности.

В 2016 г. было обнародовано совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР о взаимодействии в области развития информационного пространства [6, с. 141–143].

В 2019 г. было опубликовано Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии партнерских отношений, где постулировались задачи по укреплению систем информационной безопасности и обеспечения устойчивости критической информационной инфраструктуры сторон [2, с. 95].

В 2022 г. было подписано Совместное заявление РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. В нем акцент сделан на управлении искусственным интеллектом и на вопросах кибертерроризма.

Влияние партнёрских отношений между Россией и Китаем на международную геополитическую повестку

Важную роль в наращивании геополитического веса двух стран играет их участие в крупных международных объединениях – ШОС, АСЕАН+, БРИКС и т.д. [5, с. 39]. Кроме того, политическое влияние на развитие геополитической картины мира имеет также энергетическое сотрудничество. Особенно продуктивным является российско-китайское сотрудничество в газовой сфере, в частности – контракты между ПАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией [8, с. 16].

В целом можно сказать, что сотрудничество России и Китая в сфере обороны и безопасности представляет собой важный аспект международной динамики в Евразии и за её пределами. Обе страны обладают значительными военными и стратегическими ресурсами, а также влиянием в региональных и мировых делах, что делает их партнерство в этой области ключевым элементом глобальной безопасности.

Российско-китайское сотрудничество в данной области имеет значение не только для развития двусторонних отношений, но и оказывает ощутимое влияние на глобальную и региональную безопасность [3, с. 139]. В текущих условиях глобальной взаимозависимости стран мира такие игроки мировой политической арены, как Россия, Китай, США, Индия и проч. обладают статусом важнейших субъектов международных отношений, которые в силу своих потенциалов (экономических, территориальных, научно-технических, кадровых, интеллектуальных, военных, космических) детерминируют будущие векторы мировой политики [10, с. 565].

Заключение

В заключение отметим следующее. Основой сотрудничества между Россией и Китаем в сфере обороны является стратегическое партнерство, оформленное в виде ряда соглашений, заявлений, деклараций и договоров. Партнерство двух стран основывается на общих интересах в области обеспечения безопасности и стабильности в регионе и за его пределами. Обе страны выражают схожие позиции в отношении ряда международных вопросов, таких как международный терроризм, кибертерро-

ризм, борьба с противодействием глобальным вызовам и следование концепции многополюсной геополитической картины. В рамках сотрудничества обе стороны активно обмениваются опытом и технологиями в области военной промышленности, проводят совместные военные учения и укрепляют взаимодействие в области военно-технического сотрудничества.

Литература

1. Клименко, А.Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности в современных условиях / А.Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – № 25. – С. 51–65.
2. Ли, Янь. Китай и Россия. Сотрудничество в сфере безопасности / Янь Ли // Свободная мысль. – 2022. – № 5 (1695). – С. 91–106.
3. Лукин, А.В. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР / А.В. Лукин, В.Б. Кашин // Сравнительная политика. – 2019. – № 2. – С. 135–151.
4. Полончук, Р.А. Сотрудничество России и Китая в сфере обеспечения обороны и безопасности на современном этапе развития / Р.А. Полончук, Р.А. Явчуновская // ELS. – 2023. – № 5. – С. 69–76.
5. Севальнев, В.В. Китайский вектор в современной внешней политике России: политико-правовой аспект / В.В. Севальнев, Е. В Черепанова // Сравнительная политика. – 2020. – № 1. – С. 32–43.
6. Хижняк, М.В. Информационная безопасность РФ: в поиске новых партнеров / М. В Хижняк // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2 (110). – С. 137–144.
7. Шупин, Я. Российско-китайские отношения на евразийском пространстве: проблемы и перспективы сотрудничества / Ян Шупин // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2023. – № 2. – С. 72–84.
8. Чжан, Т. Российско-китайское сотрудничество в энергетической сфере в XXI веке / Т. Чжан, Р.В. Кашбразиев // Прогрессивная экономика. – 2022. – № 2. – С. 5–22.
9. Чжэн, И. Тенденции сотрудничества Китайской Народной Республики и российской Федерации в сфере военной и ядерной безопасности / И Чжэн // МНИЖ. – 2017. – № 4–2 (58). – С. 139–143.
10. Чумаков, А.Н. Культурные и философские аспекты российско-китайского сотрудничества / А.Н. Чумаков // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – № 5–1. – С. 565–567.
11. Bloomberg: Россия и Китай провели в 2022 году рекордное число совместных учений // ТАСС. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18285307>. – Дата доступа: 05. 03. 2024.

CHINESE-RUSSIAN COOPERATION IN THE FIELD OF INTERNATIONAL SECURITY AND ITS IMPACT ON INTERNATIONAL POLITICS

Liu Jinzhe

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,

The article examines the evolution of Russian-Chinese relations in the field of security. The main areas of cooperation in the field of supplies of weapons, military technologies and security systems are outlined. It is noted that representatives of the power structures of both countries note that in security cooperation, not only the supply of weapons is important, but also the transition to joint military maneuvers. The main stages in the development of relations in the field of joint military exercises are highlighted. The nature of cooperation in the field of cybersecurity has been determined. The influence of partnership relations between Russia and China on the international geopolitical agenda has been determined.

Keywords: China, Russia, security, geopolitics, defense, exercises, strategic partnership.

References

1. Klimenko, A.F. Some issues of the development of the Russian-Chinese partnership in the field of security in modern conditions / A.F. Klimenko // China in world and regional politics. History and modernity. – 2020. – No. 25. – pp. 51–65.
2. Li, Yan. China and Russia. Security cooperation / Yan Li // Free Thought. – 2022. – No. 5 (1695). – pp. 91–106.
3. Lukin, A.V. Russian-Chinese cooperation and security in the Asia-Pacific region / A.V. Lukin, V.B. Kashin // Comparative Politics. – 2019. – No. 2. – pp. 135–151.
4. Polonchuk, R.A. Cooperation between Russia and China in the field of defense and security at the current stage of development / R.A. Polonchuk, R.A. Yavchunovskaya // ELS. – 2023. – No. 5. – P. 69–76.
5. Sevalnev, V.V. The Chinese vector in modern Russian foreign policy: political and legal aspect / V.V. Sevalnev, E.V. Cherepanova // Comparative Politics. – 2020. – No. 1. – P. 32–43.
6. Khizhnyak, M.V. Information security of the Russian Federation: in search of new partners / M. V Khizhnyak // Management consulting. – 2018. – № 2 (110). – pp. 137–144.
7. Shuping, Ya. Russian-Chinese relations in the Eurasian space: problems and prospects for cooperation / Yang Shuping // Bulletin of Moscow University. Episode 27. Global studies and geopolitics. – 2023. – No. 2. – P. 72–84.
8. Zhang, T. Russian-Chinese cooperation in the energy sector in the 21st century / T. Zhang, R.V. Kashbraziev // Progressive Economics. – 2022. – No. 2. – P. 5–22.
9. Zheng, Y. Tendencies of cooperation between the People's Republic of China and the Russian Federation in the field of military and nuclear security / Yi Zheng // MNIZH. – 2017. – No. 4–2 (58). – pp. 139–143.
10. Chumakov, A.N. Cultural and philosophical aspects of Russian-Chinese cooperation / A.N. Chumakov // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2022. – No. 5–1. – P. 565–567.
11. Bloomberg: Russia and China held a record number of joint exercises in 2022 // TASS. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18285307>. – Access date: 05.03.2024.

Сотрудничество Российской Федерации и стран Ближнего Востока в области обеспечения международной безопасности

Сейед Хасан Хашеми Махлабани,
магистрант, РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: Seyedhashemi3636@gmail.com

Вахшите Ахмад,
кандидат политических наук, старший преподаватель,
РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: vakhshitekh-a@rudn.ru

Олимзода Сорбони Шамсиддин,
ассистент кафедры сравнительной политологии,
РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: sorbon.science@mail.ru

В статье рассмотрено понятие международной безопасности. Очерчены ключевые тенденции и закономерности построения современной геополитической картины мира. Сделан вывод о наличии иерархического порядка геополитической системы. Отмечается, что Ближний Восток на современном этапе обладает колоссальным ресурсным и демографическим потенциалом, что, наряду с наращиванием военных мощностей, делает его одним из важнейших действующих игроков в мировом политическом пространстве. Описаны основные направления внешнеполитических усилий России, направленных на обеспечение международной безопасности, а также основные виды мер и формы сотрудничества со странами, входящими в ближневосточный регион. Описаны основные события и параметры сотрудничества между Россией и Сирией, между Россией и Ираном.

Ключевые слова: международная безопасность, Россия, Ближний Восток, Иран, Сирия, терроризм, мультиполярность, геополитика.

По мнению многих экспертов, в будущем одной из ключевых геополитических тенденций станет диверсификация системы международных отношений и усиление мультиполярной парадигмы мироустройства. Несмотря на это, в мире в любом случае будут сохраняться определенные черты иерархичности. Иерархический порядок геополитической системы и условное деление всех стран мира на группы обусловлено естественными – экономическими, производственными, историческими, культурными, территориальными – причинами. Страны априори не могут добиться равенства экономического, военно-технического и социально-демографического потенциал, следовательно, некоторые государства будут сохранять заведомо более сильные позиции, чем другие.

Уже сегодня очертания новой геополитической системы обретают четкость. Глобальная «архитектура» имеет специфическую трехъярусную структуру, где на верхнем ярусе находятся т.н. «великие державы» (США, Китай, Россия), на среднем – государства – региональные лидеры (Германия, Саудовская Аравия, Бразилия и др.), а на нижнем – все остальные [1, с. 15].

Как показывает наблюдение за событиями и тенденциями последних десятилетий, источником и средоточием ключевых проблем и противоречий человечества являются государства, расположенные на нижнем ярусе. Именно в этих странах отчетливо проявляется кумулятивный эффект социально-экономических, демографических и этнополитических противоречий. Для того, чтобы облегчить жизнь населения в этих странах и защитить самих себя, государства объединяются в усилиях по нейтрализации серьезных угроз и рисков международной безопасности. Зачастую государства принимают меры в индивидуальном и одностороннем порядке. Тем не менее, большинство экспертов утверждает, что исключительно объединенные усилия сделают глобальную систему безопасности по-настоящему устойчивой [1, с. 15].

На современном этапе мы наблюдаем кардинальные сдвиги, приводящие к необратимым изменениям в структуре системы международных политических и экономических отношений. Одним из индикаторов новой эпохи выступает возрастание роли стран Ближнего Востока в мировой геополитической системе. Страны Востока на сегодняшний день позиционируют себя по-новому, и зачастую претендуют на региональное или даже мировое лидерство. В целом подобные изменения вполне естественны, ведь западоцентристская парадигма мироустройства уже давно перестала единственно возможной. Наблюдается наращивание экономического и политического веса стран афро-азиатского мира в глобальном пространстве. Что особенно важно, меняется мировоззрение жителей этих стран и риторика политических элит, транслируемая как вовнутрь стран, так и во внешний мир.

Ближний Восток на современном этапе обладает колоссальным ресурсным и демографическим потенциалом, что, наряду с наращиванием военных мощностей, делает его одним из важнейших действующих игроков в мировом политическом пространстве. Некоторые исследователи прогнозируют, что именно в странах Ближ-

него Востока в скором будут формироваться правила и нормы развития мировой экономики и политики. Именно в Азию сдвигается эпицентр индустриального и постиндустриального высокотехнологического роста и геополитических процессов. При этом традиционно принято считать, что развитие азиатского мира в полной мере зависит от динамики развития Индии и Китая, но фактически одной из доминирующих сил может стать и Ближний Восток.

Осознание странами Ближнего Востока собственной военной, ресурсной, экономической мощи естественным образом приводит к росту политических амбиций, к стремлению принимать активное участие в мировых процессах и возможно даже – в «переделе» мира. С учетом вышеописанных условий многие ведущие акторы евроатлантической геополитики стали декларировать курс на повышение уровня собственного участия в ближневосточных делах. Россия также поддерживает данный тренд: к представителям политических элит страны пришло осознание того, что роль стороннего наблюдателя в отношении процессов, происходящих на Ближнем Востоке, будет заведомо проигрышной и приведет к снижению Россией статуса значимого международного игрока.

Россия имеет глубокие исторические традиции политического, культурного, торгового и цивилизационного обмена со странами Ближнего Востока. Страны Востока всегда представляли для нашей страны сферу критически важных национальных интересов. Историки утверждают, что Россия активно взаимодействует со странами Ближнего Востока на протяжении тысячи лет. По завершении консолидации российского государства правители приняли решение расширять его территории на Юг, что естественным образом укрепило отношения страны с Ираном и Османской империей [4, с. 7–8]. В Советское время Россия поддерживала отношения с некоторыми игроками арабского и неарабского мира. Современное возвращение России на Ближний Восток едва ли можно считать логическим продолжением советской политики, но, тем не менее, советский опыт все же оказывает влияние на отношение Москвы к Ближнему Востоку и наоборот – на восприятие России на ближневосточных территориях: «воспоминания о масштабном строительстве предприятий и инфраструктурных объектов, создании рабочих мест, получении образования в СССР еще являются предметом ностальгии бывших советских союзников» [3, с. 72].

На современном этапе фокус внимания во внешней политике России, можно сказать, смещен с ближневосточного региона. Тем не менее, крайне важно при принятии интенсивных мер в иных направлениях внешней политики, сохранить то, что было наработано на Ближнем Востоке за предыдущие десятилетия – «идти в ногу с новейшими процессами и трендами, не надорвавшись при этом на дальних рубежах» [9, с. 5].

Необходимо проводить постоянную работу над совершенствованием, уточнением и модернизацией структурно-функционального рисунка российского присутствия на Ближнем Востоке. При этом одним из ключевых направлений подобных усилий является обеспечение международной безопасности.

Международную безопасность можно определить как состояние, при котором наблюдается отсутствие угроз и рисков нарушения мира и стабильности на международном уровне, а также состояние защищенности интересов государств и других субъектов мирового сообщества от потенциальных и актуальных угроз военного, политического, экономического, экологического и кибернетического характера. Концепция международной безопасности охватывает широкий спектр аспектов,

включая предотвращение конфликтов, урегулирование споров, принятие коллективных мер по обеспечению мира и безопасности, сотрудничество между государствами на основе установленных норм и принципов международного права.

Вопросы внутренней и международной безопасности крайне актуальны для стран Ближнего Востока. Для России уровень политической и военной стабильности стран Ближнего Востока особенно важен – особенно при учете того факта, что этнически, культурно и конфессионально российский Северный Кавказ, республики Южного Кавказа и страны региона Ближнего Востока являются собой относительно общность и взаимосвязаны с друг другом посредством экономики, региональных связей, религиозных групп, через миграционные потоки. Можно сказать, что в определенном плане Кавказ и Ближний Восток выступает единым геополитическим пространством. При этом особенно важно, что для этого пространства на современном этапе характерны высокие темпы эскалации реальных и потенциальных конфликтов территориального, межнационального, конфессионального и иного характера [10, с. 143].

Следует отдельно отметить, что ближневосточный вектор политического, культурного, гуманитарного и военного взаимодействия России со странами Ближнего Востока – Алжиром, Бахрейном, Иорданией, Кувейтом, Ливаном, Марокко, Оманом, Катаром, Саудовской Аравией и ОАЭ – лишен идеологического наполнения и не ставит своей целью на продвижение социальных, политических, религиозных ценностей [8].

Тем не менее, нельзя сказать, что религия и идеология в принципе не играют никакой роли в двустороннем сотрудничестве России с каждой из вышеотмеченных стран. Российские дипломаты стремятся к учету культурно-религиозного фактора в отношениях. В ряде случаев России использует религиозный фактор для дополнительной стимуляции плодотворного сотрудничества. В данном контексте можно отметить практику участия российских мусульман в военных действиях на территории Сирии, миротворческие миссии РПЦ, мусульмано-православный диалог, статус наблюдателя, закрепленный за Россией в Организации исламского сотрудничества.

Тем, не менее, далеко не религия выступает фундаментом, на котором строятся современные политики по обеспечению международной безопасности. То, что объединяет Россию и большинство стран Ближнего Востока – это одинаковые подходы к общенегативной оценке роли стран Запада и США на мировой порядок и стремление к мультиполярной геополитической парадигме [3, с. 72].

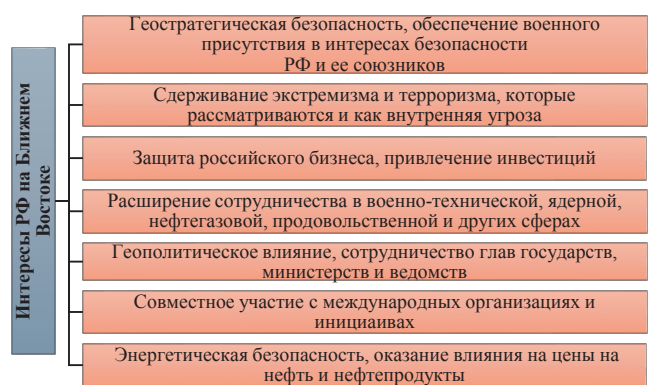

Рис. 1. Ключевые интересы РФ на Ближнем Востоке

Примечание: собственная разработка с использованием материалов [3, с. 72]

Как показывает анализ событий последних лет, ключевой целью России на Ближнем Востоке в контексте политик по обеспечению международной безопасности выступает поддержание стабильности и баланса сил. Данная цель реализуется в следующих направлениях сотрудничества (Рисунок 1):

Во главу угла в отношениях между Ближним Востоком и Россией поставлены такие внешнеполитические ориентиры, как национальная и международная безопасность в условиях новых угроз, постепенное снижение хронической нестабильности в регионе, противодействие внешнему вмешательству в целях смены режимов по политическим мотивам третьих лиц [7], [6]. Особый интерес представляют сирийское и иранское направления ближневосточной внешней политики России – как наиболее значимые, перспективные и плодотворные.

Сирия. Российско-сирийские отношения носят дружественный характер. Отношения между двумя странами постепенно переросли в союзнический статус, что было обусловлено эскалацией с 2011 г. внутреннего конфликта в Сирии. Еще во время правления президента Хафеза Асада был заключен Договор о дружбе и сотрудничестве – рамочный документ, который очертил общие черты международно-правовых обязательств двух стран. В начале 2000-х гг. Россия «ушла» из Ближнего Востока, и российско-сирийские отношения находились на спаде. В ходе визита Б. Асада в Россию в 2005 г. были достигнуты новые договоренности, охватывавшие широкий комплекс вопросов военно-технического и экономического сотрудничества.

Прямое вступление России в конфликт в Сирии было реализовано по инициативе президента Б. Асада и зафиксировано в текстах множества межправительственных соглашений. На данном этапе – в 2010-х гг. – усилия России были направлены на отражение террористической угрозы и восстановление сирийской государственности.

Вхождение российских военных в Сирию в 2015 г. обозначило новый этап в российско-сирийских отношениях. Российское присутствие в Сирии имело отчетливый военно-политический характер и было обусловлено тремя целями: 1) обеспечение примирения между Дамаском и курдами и иными этническими, субэтническими и племенными группами; 2) обеспечение ухода сил США с сирийской территории; 3) ликвидация зон турецкой оккупации на сирийской территории [9, с. 8]. По прошествии 5 лет военная и административная инфраструктура террористических группировок была разрушена, вооруженная оппозиция ослаблена, и сохраняющиеся по сей день очаги сопротивления более не представляют угрозы для режима Б. Асада.

Следует также отметить, что Россия на протяжении последнего десятилетия оказывает поддержку сирийскому народу, организуя поставки зерна, фармацевтической продукции и оборудования. Под руководством российских представителей ведутся работы по восстановлению объектов гражданской инфраструктуры, коммуникаций [7].

На данном этапе можно сказать, что в Сирии, как и в Ираке, борьба с террористическими группами находится на завершающей стадии – более-менее крупные организованные структуры остались лишь в Йемене. Ключевые очаги распространения системного терроризма постепенно уходят с Ближнего Востока в другие регионы – Афганистан и Южную Африку [5, с. 484].

В регионе Южной Африки Россия не проводит мер, направленных на обеспечение международной безопасности: с одной стороны, сегодня этот регион представляет собой потенциальную угрозу безопасности, но с дру-

гой – эти территории достаточно удалены от границ России [9, с. 9]. Кроме того, напряженность в районе Персидского залива и по линии Израиль – Иран также сохраняется, но для России эти тенденции не имеют прямого негативного воздействия.

Иран. Отношения России с Ираном формируются в относительно спокойном русле. Так, правительство Ирана вступило в качестве посредника в переговорах враждующих сторон в армяно-азербайджанском конфликте. Как показывает реальная практика сотрудничества, геополитическая позиция Ирана ближе к Армении, чем к Азербайджану, что объясняется сложными отношениями Армении и Ирана с Турцией.

Иран занимал нейтральную позицию в вопросах чеченской войны и российско-грузинского конфликта 2008 г. Две страны обнаруживают сходство позиций по вопросу западной экспансии. Тем не менее, Россия поддерживает идею о приостановлении иранской ядерной программы и высказалась за введение санкций против Ирана в Совете Безопасности ООН.

На данном этапе отношения России и Ирана находятся на этапе восстановления после кризиса 2010-х гг., обусловленного противоречиями при поставках Россией ЗРК С-300. С 2014–2015 гг. отчетливо прослеживается тенденция к углублению российско-иранского взаимодействия. В 2021 г. новоизбранный президент Ирана И. Раиси включил Россию в приоритетные направления сотрудничества в области поддержания международной безопасности – наряду с Китаем и Индией. Иран, испытывающий давление санкционных ограничений со стороны мирового сообщества, рассматривает Россию как способ продолжения изоляции [3, с. 75].

Иран – крупнейший покупатель российского вооружения. Обе страны, кроме того, выступают арбитрами на межсирийских переговорах, нацеленных на мирное разрешение сирийского вопроса. Иран предоставил России доступ к своей воздушной базе Хамадан для нанесения ударов по террористическим базам, дал возможность запускать крылатые ракеты через свою территорию. Сотрудничество в области обеспечения международной безопасности подкрепляется партнерством во множестве других сфер: строительство, горнодобывающая, легкая, пищевая промышленность, возведение и реконструкция объектов транспортной инфраструктуры.

Анализ событий последнего десятилетия позволяет сделать вывод о том, что сотрудничество с Ираном для России выступает стратегическим направлением [10, с. 149].

Сегодня, как показывают тексты официальных коммуникаций правительственных ведомств двух стран, а также сообщения в массмедиа, странам удастся выстраивать эффективный политический диалог как на уровне президентов, так и на уровне отраслевых министров. Отметим также действующее Соглашение об ирано-российском военном сотрудничестве, подписанное в 2015 г. – согласно его положениям, обе страны намереваются объединить усилия в борьбе с терроризмом, договариваются об обмене военными кадрами, об использовании портов военно-морскими силами. В 2020 г. и в 2021 г. проводятся совместные учения военно-морских сил двух стран [2, с. 66].

Потенциально конфликтной областью сотрудничества выступает каспийская проблема – нечеткость правового статуса Каспийского моря, разграничение дна и недр моря. На сегодняшний день Иран не ратифицировал соответствующую конвенцию от 2018 г. и по-прежнему претендует за значительную часть акватории.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Ближний Восток обладает колоссальным ресурсным и демографическим потенциалом и продолжает наращивать военные мощности, что делает его одним из важнейших действующих игроков в мировой геополитике.
2. На современном этапе фокус внимания во внешней политике России смещен с ближневосточного региона. Тем не менее, крайне важно при принятии интенсивных мер в иных направлениях внешней политики, сохранить то, что было наработано на Ближнем Востоке за предыдущие десятилетия. Необходимо проводить работу над совершенствованием, уточнением и модернизацией структурно-функционального рисунка российского присутствия на Ближнем Востоке.
3. Одним из ключевых направлений подобных усилий является обеспечение международной безопасности. То, что объединяет Россию и большинство стран Ближнего Востока – это одинаковые подходы к пониманию международной безопасности и общенегативная оценка роли стран Запада и США в построении мирового порядка
4. Особый интерес представляют сирийское и иранское направления ближневосточной внешней политики России – как наиболее значимые, перспективные и плодотворные.

Литература

1. Володин, А.Г. Политический терроризм и международная безопасность / А.Г. Володин // Актуальные проблемы Ближнего и Среднего Востока: сборник научных статей / отв. ред. А.М. Мустафабейли – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2017. – 169 с.
2. Воробьев, С.В. Сотрудничество России и Ирана в сфере безопасности: проблемы и перспективы / С.В. Воробьев, Г.Б. Рабочев // Обозреватель – Observer. – 2021. – № 7 (378). – С. 61–69.
3. Звягельская, И.Д. Российская политика на Ближнем Востоке. Перспективы и вызовы / И.Д. Звягельская, А.С. Богачева, А.А. Давыдов, И.Э. Ибрагимов и др. // Свободная мысль. – 2021. – № 6 (1690). – С. 71–86.
4. Россия и страны Востока в постбиполярный период: Учеб. пособие / Под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 368 с.
5. Житенёв, С.Ю. Перспективы сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья / С.Ю. Житенёв, И.Н. Васильева, Т.П. Реброва // Управление наукой и наукометрия. – 2022. – № 4. – С. 483–525.
6. Российско-сирийские отношения // МИД РФ. – 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1704044/. – Дата доступа: 10.02.2024.
7. Россия и Сирия: нюансы союзнических отношений // Российский совет по международным делам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-siriya-nyuansy-soyuznicheskikh-otnosheniy/>. – Дата доступа: 10.02.2024.
8. Суй, Чуань. От «возвращения на Ближний Восток» до «восстановления баланса на Ближнем Востоке» – обзор политики России на Ближнем Востоке / Суй Чуань, С.С. Маккавеева // Казачество. – 2022. – № 60 (3). – С. 45–53.
9. Труевцев, К. Новая стратегия России на Ближнем Востоке: страны и направления / К. Труевцев // До-

клад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2022. – 23 с.

10. Ханалиев, Н.У. Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке / Н.У. Ханалиев // Власть. – 2017. – № 9. – С. 143–152.

COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE MIDDLE EAST IN THE FIELD OF ENSURING INTERNATIONAL SECURITY

Seyed Hassan Hashemi Mahlabani, Vakhshiteh Ahmad, Olimzoda Sorboni Shamsiddin,

RUDN named after Patrice Lumumbi

The article examines the concept of international security. The key trends and patterns in the construction of the modern geopolitical picture of the world are outlined. The conclusion is drawn about the presence of a hierarchical order of the geopolitical system. It is noted that the Middle East at the present stage has enormous resource and demographic potential, which, along with the build-up of military capabilities, makes it one of the most important players in the global political space. The main directions of Russia's foreign policy efforts aimed at ensuring international security are described, as well as the main types of measures and forms of cooperation with countries included in the Middle East region. The main events and parameters of cooperation between Russia and Syria, between Russia and Iran are described.

Keywords: international security, Russia, Middle East, Iran, Syria, terrorism, multipolarity, geopolitics.

References

1. Volodin, A.G. Political terrorism and international security / A.G. Volodin // Current problems of the Near and Middle East: collection of scientific articles / rep. ed. A.M. Mustafabeyli – M.: Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, 2017. – 169 p.
2. Vorobyov, S.V. Cooperation between Russia and Iran in the field of security: problems and prospects / S.V. Vorobyov, G.B. Rabochev // Observer – Observer. – 2021. – No. 7 (378). – P. 61–69.
3. Zvyagelskaya, I.D. Russian politics in the Middle East. Prospects and challenges / I.D. Zvyagelskaya, A.S. Bogacheva, A.A. Davydov, I.E. Ibragimov and others // Free Thought. – 2021. – No. 6 (1690). – P. 71–86.
4. Russia and the countries of the East in the post-bipolar period: Textbook. allowance / Ed. D.V. Streltsova. – M.: ZAO Publishing House “Aspect Press”, 2014. – 368 p.
5. Zhitenev, S. Yu. Prospects for cooperation between Russia and the countries of the Middle East and the Mediterranean / S. Yu. Zhitenev, I.N. Vasilyeva, T.P. Rebrova // Science Management and Scientometrics. – 2022. – No. 4. – P. 483–525.
6. Russian-Syrian relations // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – 2003. [Electronic resource]. – Access mode: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1704044/. – Access date: 02/10/2024.
7. Russia and Syria: nuances of allied relations // Russian Council on International Affairs. [Electronic resource]. – Access mode: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-siriya-nyuansy-soyuznicheskikh-otnosheniy/>. – Access date: 02/10/2024.
8. Xu, Chuan. From “return to the Middle East” to “restoring balance in the Middle East” – a review of Russia's policy in the Middle East / Xu Chuan, S.S. Makkaveeva // Cossacks. – 2022. – No. 60 (3). – P. 45–53.
9. Truevtsev, K. New strategy of Russia in the Middle East: countries and directions / K. Truevtsev // Report of the Valdai International Discussion Club. – M.: Foundation for Development and Support of the International Discussion Club “Valdai”, 2022. – 23 p.
10. Khanaliev, N.U. Priorities of Russian national security in the greater Middle East / N.U. Khanaliev // Power. – 2017. – No. 9. – P. 143–152.